

Влад СТИФИН

**Играл на флейте
гармонист**

Влад Стифин

Играл на флейте гармонист

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70534105

SelfPub; 2024

Аннотация

В книгу петербургского писателя вошли три повести – «полифоническая», «трагическая» и «фантастическая». Каждая из них – своеобразное осмысление автором мира, не похожего ни на какой другой, одна из которых разворачивает перед читателем широкую картину взаимоотношений людей на фоне быстротекущих общественных процессов. Миры автора невероятны и фантастичны, его видение противоречиво и парадоксально, а его произведениям трудно найти аналоги.

Содержание

Предисловие от автора	4
Пришлый	7
Предисловие издателя	7
Глава первая. Осень	9
Глава вторая. Зима	39
Глава третья. Весна	87
Глава четвертая. Лето	122
Глава пятая. Домой	173
Двое на фоне	236
Предисловие редакции	236
Часть 1. Разлука	239
Часть 2. Одиночество	291
Часть 3. Встреча	379
Последний пумпель, или	458
Рецензия вместо предисловия	458
***	462
Эпилог	667

Влад Стифин

Играл на флейте гармонист

Предисловие от автора

Конец лета. Вот-вот наступит осень, сначала яркая, может быть и теплая, постепенно переходящая в слякоть, сумрак и холод. Но сейчас, сегодня пока еще конец лета, когда весна с великими планами на будущее уже давно ушла в историю, когда грандиозные задумки, прожекты, радостные ожидания предстоящих счастливых летних дней уже сбылись или пробежали, промелькнули мимо.

Солнце прогревает перезревшую парковую зелень. В темных аллеях прохладно и чуть сыро после туманной ночи. Но на солнышке, на открытых полянах еще тепло, а в середине дня даже жарко. Утки в прудах дородные, жирные после щедрого лета, наверное, знают, когда им улетать на зимовку, но по их безмятежному поведению понятно, что это время еще далеко. Редкие посетители старинного парка дышат свежим воздухом, отдыхают от городской суеты, можно даже сказать, наслаждаются этим великолепием, созданным природой и человеком. Пейзажный парк с дворцом в центре, на холме красив своим удачным, бережным вторжением архитекторов и садовников в природный беспорядок. Наблю-

дателю, даже далекому от садово-паркового искусства позапрошлого века, это благолепие внушает спокойствие и оптимистичные мысли о существовании где-то, может быть и не здесь, счастья, покоя и свободы. И приходят в голову фантастичные мысли и идеи о добре, о смысле жизни и радостная грустинка витает вокруг: «Мол, я-то здесь жив и могу наслаждаться этим существованием сейчас».

Подбежала ничья собака, черный крупный пес с признаками какой-то породистой родословной. Пес, умный, догадался, что у этих посетителей, наверное, есть еда именно для него, раз они сидят на скамейке и что-то жуют с аппетитным запахом. Пес получил свои бутерброды и удалился, не выразив никакой благодарности за угощение.

– Эка псина, поняла, что у нас больше ничего нет, и ушла промышлять по аллеям дальше, – заметил один из гуляющих.

– Соображает животное. Сейчас-то ему благодать, тепло и подкормиться есть чем, а зима придет, холодно и голодно станет, – продолжил разговор другой.

– Умный пес найдет себе место, где перезимовать, – слышалось в ответ.

Разговор о собаке прекратился, наверное, каждый подумал, что скоро зима и это предосеннее великолепие быстро закончится. Солнечные лучики пробивались через еще плотную летнюю листву, и грусть ожидания холодов развеялась сама собой. Кое-где уже проступили желтенькие пятнышки

отдельных листиков, но это еле уловимое напоминание осени почти не привлекало внимание. Кто-то заметил:

– Три дня до осени осталось.

Его машинально продолжили:

– Уже мелькает желтый лист.

– А что? Может получится стихотворение, – вслух размышлял самый старый из говоривших:

– Три дня до осени осталось,
Уже мелькает желтый лист —
Так лето с нами попрощалось.
Играл на флейте гармонист...

Потом наступила осень, пришла зима, и как-то сами собой написались эти три повести.

Оригинальный текст оказался весьма сложным для корректировки. Автор выражает глубокую благодарность Владимиру Ивановичу Валугеву, любезно согласившемуся выполнить эту сложную работу.

Пришлый

Полифоническая повесть

Нашим внукам посвящается

Предисловие издателя

Современный читатель почти никогда не читает Предисловия, но мы, посоветовавшись с редакционной коллегией, все-таки решились на написание этого краткого, очень краткого предисловия лишь только для того, чтобы случайный читатель заинтересовался этой повестью и не бросил читать ее в самом начале.

Рукопись этой повести мы нашли совершенно случайно в архиве редакции и, судя по входным данным, принесли ее нам более пятидесяти лет тому назад. Сведений об авторе в архиве мы не обнаружили и, понадеявшись на собственное понимание содержания повести, решили изложить в предисловии, весьма сжато, основные идеи публикуемого произведения.

Понятие «Полифоническая повесть», вынесенное в название, с нашей точки зрения, означает многоголосие мнений персонажей повести и разнообразие стилей. Здесь мы

видим и прозу, и стихи, и воспоминания детства главного героя, и его противоречивые сны.

Автор не дал имени главному герою, называя его в повести «Он», и это, как нам показалось, явилось символом того, что любой одаренный от природы незаурядный человек не может найти свое место в обществе, построенном на идеологическом и физическом насилии. В повести в виде снов главного героя приведены размышления о добре и зле, о правде и лжи.

На наш взгляд, пытливому читателю будет интересно проследить за приключениями героя. Кроме того, публикуемая повесть будет интересна и профессиональному историку, изучающему периоды развития и угасания тоталитарных обществ и государств.

Глава первая. Осень

*На золотом крыльце сидели:
Царь, Царевич, Король, Королевич, Сапожник,
Портной.
Кто ты будешь такой?...*

(детская считалочка)

Он родился под шум дождя. Когда это было? Наверное, летом или осенью, но он точно знал, что это было зимой. Зимой в этой местности дожди бывают редко. Откуда он это взял? – «Родился под шум дождя». Кто это ему сказал? Он этого не знал. Он знал только одно, что родился под шум дождя. Что кроется в этом смысле? – Родиться под шум дождя. Спать под шум дождя даже приятно. Сидеть у камина под шум дождя – приятно. И приятно в тепле, в кресле смотреть в окно, а там шумит дождь, а ты читаешь умную книгу или пишешь стихи:

Три дня до осени осталось,
Уже мелькает желтый лист —
Так лето с нами попрощалось.
Играл на флейте гармонист.
А почему не на рояле?
Рояль стоял невдалеке,
Но мы тогда еще не знали —

Играть хотел он налегке.
А тот рояль – он много весит,
Попробуй, потаскай его
По парку и по прочим весям,
Вот в чем его большое зло...

Написав эти строки, он поставил многоточие и подумал:
– Странные стихи, что-то в них есть незаконченное и бессмысленное.

Старичок живенько двигался по тротуару, семена короткими ножками. Казалось, что он торопится куда-то, по шаткости походки и часто моргающим глазам было видно, что он, двигаясь, быстро устает.

Он пристально посмотрел на старичка, на секунду встретившись с ним взглядом, подумал: – Странный старик. Устал, но торопится. Зачем это ему? Какие такие срочные дела у него могли быть? Сиди дома и наслаждайся чем-нибудь.

Старик внезапно остановился, как-то нервно задрожал, руки затряслись, маленькие глазки округлились и уставились на него:

– Что вы себе позволяете, молодой человек? Кто вам это разрешил? Вам это так не пройдет! Я буду жаловаться в

«КБХ»! – Он быстро, быстро выпалил эти слова, еще более и более распалаясь:

– Я ветеран «Второй Главной»... Награжден... Сам «Верховой» мне пожал руку. А вы тут себе такое вытворяете.

Старичок своим визгом стал собирать вокруг себя прохожих, которые, видя его нервное состояние, уже с некоторой враждебностью поглядывали на них обоих.

Он понял, что надо что-то предпринять, чтобы прекратить это, и закрыл глаза, вспомнил Фари, и старичок сразу замолчал, чуть встрепенулся и засеменил дальше по своим делам.

Чтобы снять напряжение от случившегося, он продолжил:

Два дня до осени осталось,
Уже кружился желтый лист.
Сегодня с летом мы прощались,
Играл на флейте гармонист —
Звучал ноктюрн печально, тихо —
Страданиям места не нашлось,
Была б гармонь, тогда он лихо
Меха порвал бы – «вынь да брось»
Зачем нам эти все страдания?
Зима наступит – холода
Подзаморозят все мечтанья,
И подзамерзнет вся вода.

Опять что-то незаконченное, непонятное. Надо бы рас-

сказать об этом Фари, она недавно стала работать в этом «Комитете безопасности хозяйства», которым пугал старик.

Фари чуть рассеянно слушала его:

– Он, наверное, испугался твоего взгляда. Чем-то ты его сильно напугал. Что-то плохое про него сказал.

– Да ничего плохого я ему не говорил.

Убиение кота

Он вспомнил несколько эпизодов своего детства. В доме был длинный коридор с комнатами по обеим сторонам. Пацаны-мальчишки играли в войну. А самое сложное в этой игре – это разделение на «наших» и «не наших». Никто не хотел быть «не нашим». Разными способами проходило деление на «наших» и «не наших». Мальчишки даже применяли считалку:

– Раз, два, три, четыре, пять

«Наших» я иду искать.

Если «наших» не найду,

Я к «не нашим» подойду.

В то время, сразу после «Второй главной войны», все

мальчишки, как правило, играли в войнушки. Бегали друг за другом, выслеживали друг друга с деревянными ружьями, пистолетами, сделанными своими руками из где-то случайно добытыми кусками фанеры. Бегали и изображали стрельбу: трах, трах, та, та, та. Ты убит, нет, ранен.

В доме, во дворе, жил «бабушкин» кот – здоровый котиче с ободранными ушами и коротким хвостом. Хвост и уши кот потерял как-то зимой, отморозив их, сидя всю ночь на дереве, спасаясь от бездомных, голодных собак. После этого случая кот из домашнего превратился в дикого уличного, помоечного. И после какой-то его очередной выходки – кот стащил что-то из съестного, дядя Вася-инвалид убил его на глазах у мальчишек.

Схватил кота за задние лапы и с размаху ударил головой об угол дома. «Бабушкиного» кота было жалко.

А для дяди Васи-инвалида, за его деньги, мальчишки покупали в «керосинке» денатурат. Денатурат был в бутылке со страшной этикеткой, на которой изображался череп и кости и имелась надпись: «Яд». Но дядя Вася его пил. В те времена пили не только денатурат.

Он любил осень. Осенью происходили быстрые изменения. Менялась погода. Надо было собираться в школу. Встречались повзрослевшие дворовые друзья. Дни станови-

лись короче. Менялось все: одежда, небо, даже еда.

Фари тихо сказала:

– Почитай мне что-нибудь про осень. Это у тебя получается печально и грустно.

Она чуть наклонила голову, прикрыла глаза, как будто приготовилась слушать. Но на самом деле ее мысли, наверное, были где-то далеко.

Он монотонно, почти без выражения прочел:

– Полдня до осени осталось,
Уже кружился желтый лист.
Навеки мы с тобой расстались,
Играл на флейте гармонист.
Уже дожди заморосили,
Уже в полях есть урожай,
Хлеба давно уже скосили —
Беги, продукты забирай!
В амбарах и в сараях тоже
Лежит добротная еда.
Она зимой нам всем поможет
Перетерпеть все холода.

– Ты можешь мне сказать, что там у вас такое страшное в «КБХ»?

Она вернулась из своего далека, улыбнулась:

– Ты дурачок, мой мальчик. Ничего у нас страшного нет. А ты здорово научился рифмовать, может быть, станешь поэтом.

Он вспомнил – как он познакомился с Фари. Вообще-то, ее полное имя Фарида, но все называли ее Фари.

Серенький день. Моросило. Редкие прохожие попадались ему навстречу. Он заметил ее еще издалека. Она не очень торопясь шла ему навстречу, не обращая внимания на моросящий дождь. На одно мгновение они встретились глазами.

– Какая красивая женщина? – подумал он.

Она поравнялась с ним, остановилась, взяла его за руку и просто без всяких объяснений пошла рядом. Они о чем-то говорили, она с восторгом – какой он хороший. Он что-то бормотал ей в ответ и читал свои первые неумелые и глупые стихи:

– Тебя я встретил так внезапно,
А мог бы встретить поэтапно —
Сначала со спины,
Пытаясь угадать какие-то черты
По косвенным уликам.
Потом и профиль мог бы быть
И пол-лица и прядь волос,
И можно было бы задать вопрос —
Кто вы? И, наконец, анфас
И прямо все лицо,

Как «тэт-а-тэт» и больше никого —
Одни и целый мир для нас.

Он помнил – она хвалила его первые стихи. Они встречались каждый день. Потом с промежутками в два, три дня. Потом раз в неделю. Теперь они встречались раз в месяц, когда уж совсем соскучились.

Он проснулся очень рано, еще не рассвело. Неспешно собрался в свою контору. Там его уже ждали дела, бумаги, сотрудники-подчиненные. Не глядя никому в глаза, он буркнул несколько раз: «Здрассте, здрассте» и скрылся у себя в кабинете. Работа хоз-руководителя не очень-то его обременяла. По нынешним меркам хозяин-руководитель мог несколько месяцев не появляться у себя на рабочем месте.

Контора его занималась услугами по ликвидации изжоги. Сегодня был третий день, и вечером, по графику, он и его сотрудники приобретали еду в закреплённом месте. Он получил несколько видов еды на целую неделю. Объединенное правительство только недавно, несколько месяцев назад, ввело это новое правило получения еды. Народонаселение уже к этому успело в основном привыкнуть. Жалоб на еду было мало. А если где-то, кто-то и был недоволен, то для этого и существовали конторы разных услуг и профилей. В

особых случаях «КБХ» применял веерные мягкие задержания.

Детская еда

В его школьном детстве с едой было не очень хорошо. После «Второй главной войны» еды на всех не хватало. За едой стояли очереди, а особые товары выдавались по специальным правилам. В школе мальчишки бегали вечно голодные. Среди пацанов процветала поговорка: сорок восемь – про-сим.

Если кто-то ее выкрикивал, то тот, у кого была еда в руках, обязан был с крикнувшим поделиться. Но на случай нежелания делиться существовала поговорка: сорок один – ем один.

Если это кричалось раньше, чем «Сорок восемь...», то уж можно было едой не делиться.

Он хорошо усвоил это правило. И старался либо не держать еду открыто, либо сразу делиться.

Это помогало ему быть нормальным пацаном среди всей ватаги сверстников. Не заводилой, но не последним в делах. Да и делиться надо было честно – большую часть еды отдать, чтобы не считали тебя жмотом. Сначала было и грустно и жалко делиться, но, постепенно привыкнув это делать, стало не так печально. Появилось некоторое чувство собственного достоинства и мужественности, уважения к себе – не обращать внимания на эти «сорок восемь» и не бояться их.

Школьная оценка

Когда он впервые заметил за собой эту странную особенность – передачу своих мыслей другим?

Припомнился тот урок в школе, когда учитель, прочитав по журналу его фамилию, произнес – три. Ему сразу стало нехорошо, обидно, волнения захлестнули. Сначала его бросило в жар, потом накатила такая жалость к себе, что думать о чем-то другом, кроме этой оценки «три», было невозможно. Это была его первая «тройка» на фоне «пятерок» и «четверок». Он считался «твердым хорошистом».

Он долго сверлил глазами, полными тоски, учителя, пока тот продолжал что-то читать по классному журналу. И вот учитель на минуту отвлекся, встретился с ним взглядом, на несколько секунд отвел глаза в сторону и, как-то вздрогнув, как будто что-то вспомнил, произнес: – Прошу прощения, – и, снова назвав его фамилию, выдал из себя: «четыре».

Потом был старичок-ветеран, Фарида – все они реагировали на его мысли. Он уже это понимал, но не знал, что с этим делать?

Она тихо лежала, закрыв глаза. Он догадался, что она не

спит, повернулся к ней и стал сочинять слова, складывать их в строчки, рифмовать про себя. Иногда, машинально, он шептал, подбирая рифму:

А вот и осень наступила,
Уже кружится желтый лист.
Меня ты тихо попросила:
«Сыграй на флейте, гармонист».
А я ответил так печально,
Как будто счастья не видал:
«Играл на арфе изначально,
На флейте – может быть скандал.
Все звуки перевру, испорчу.
Все ноты будут невпопад.
Прохожий скажет – что он корчит?
Не музыкант, а просто гад.
Ему лопату надо в руки,
Пусть яму роет до утра.
И пусть сквозь ямочные муки
Дойдет до самого нутра».

Она продолжала тихо лежать, только маленькая слезинка скатилась по ее щеке. Он шепотом спросил:

– Фари, что с тобой, что-то случилось? – Он помолчал и добавил: – Что-нибудь дома, на родине?

– Там сейчас война, – тихо прошептала она.

И снова наступила тишина. Он знал, что Фари не местная, а откуда она – он толком не знал.

– Надо бы ее об этом расспросить, – подумал он, – и еще надо бы попробовать на ком-то свои способности. – На этом мысли его стали путаться и он задремал.

Зал был полон до отказа – партер, амфитеатр, ярусы и даже галерка. Все курили, почти все, у кого-то дымились папиросы и сигареты, трубки попыхивали терпким сизым дымком. Кое-где виднелись самокрутки и «козьи ножки». Дым стоял сплошной стеной. Партер был виден еле-еле. Галерка определялась только по шуму людей, как единая вибрирующая масса серо-голубых фигур. Президиум на сцене попыхивал в основном дорогими трубками. Оратор на трибуне что-то говорил об истоках «дымизма». Говорил эмоционально, периодически руками акцентировал свои мысли и слова, кидая в зал твердые фразы. Зал реагировал единодушно криками – долой, правильно, у...у, в зависимости от подсказок докладчика.

Он сидел за столом президиума с краю и не курил. Глаза слезились от дыма. В горле першило. Ошарашенно оглядываясь, он пытался вслушиваться в слова докладчика и одновременно читать лозунги, висевшие в зале на серо-голубом фоне: «Дымисты всех стран, объединяйтесь», «Учение дымизма вечно...», «Дымизм ум, честь и совесть нашей эпохи».

Кроме больших растяжек-лозунгов, в зале иногда, видимо, по чьей-то команде, поднимались и опускались небольшие плакаты с лозунгами помельче, которые из-за дыма ему трудно было прочесть.

Оратор под грохот рукоплесканий закончил свою речь. Овации, крики, гул и топот обрушились на сцену, пока он покидал трибуну и легкой походкой двигался в его сторону.

– Готовы, батенька, пора, действуйте решительно, – было видно, что он с удовольствием слушал реакцию зала и, наклоняясь к нему, продолжил, четко выговаривая слова: – Вы у нас, батенька, первый раз, знаете, это сложно в первый раз. Я здесь вам набросал тезисы. Возьмите.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака с десяток листов бумаги, исписанной мелким почерком, и положил их перед ним на стол. На первом листе бегущей строкой было выведено одно слово: «Доклад» и дальше в скобках: «Дымизм и современность».

– Вы у нас, батенька, идете как сочувствующий. Это архиважно. Бывают попутчики. Это уже не хорошо. Он ведь, попутчик-то, шел, шел и свернул в правый, а то и левый уклон. Вот ведь как бывает, вся партия идет твердо правильным курсом, а попутчик то сюда, то туда, а то и вообще. Вы, батенька, меня понимаете? Вы еще у нас не курите, это временно, это пройдет. Я твердо уверен – вы, батенька, наш. Наши у нас дымят. Ненашистов мы выявляем и мягко ликвидируем. Я думаю, с вами у нас ошибки не будет. Мне о вас говорил

наш старейший партиец-ветеран, он у нас с товарищами начинал наше дело. Пора, батенька, пора.

Оратор ладонью, твердо оперся на доклад:

– Вам, батенька, хочу дать несколько советов: во-первых, не читайте доклад как пономарь, отрывайтесь от текста, во-вторых, четко бросайте в массы два, три слова, не больше, наши члены не любят длинноты, в-третьих, кидайте фразы-слова в зал, в разные его места: в галерку, в партер, вправо, влево, в первые ряды – уже туда не забудьте, обязательно, – там у нас сидят ветераны. И последнее – в докладе выделены лозунги, призывы – так вы их резко и громко, желательно с некоторой истеричностью, это архиважно, выкрикивайте в массы. И не забудьте дать время массам отреагировать.

Он поднял его из-за стола и легонько, но настойчиво подтолкнул к трибуне. Зал неистовствовал. Все встали. Президиум, стоя, изо всех сил бил в ладони. Председательствующий тщетно пытался призвать к тишине. Он махал руками, постоянно звонил в колокольчик над головой, звон которого даже ему не был слышен.

Добравшись до трибуны и не зная, что ему делать, он скосил глаза в сторону президиума. Предыдущий оратор, присев у краешка стола, что-то быстро записывал в синюю тетрадь.

– Предводитель или Вождь, – подумал он и полностью повернулся лицом к залу. Перевернул первый лист доклада.

Прочел про себя первую строчку и, вытянув в зал руку, чуть-чуть ее приподняв, развернул ладонь в сторону центральной ложи. Зал неожиданно замер. Шум, гам, аплодисменты, овации резко прекратились. Наступила щемящая тишина. Присутствующие, несколько секунд постояв, стали усаживаться на свои места. Даже клубы дыма замедлили свое движение и начали понемногу рассеиваться. Проступили более отчетливо контуры зрительного зала, лица людей и предметы интерьера.

Когда зал был готов к его речи, он сквозь редкий скрип кресел и глухое кашлянье первых ветеранских рядов произнес, резко выкрикивая слова:

– Наши противники, оппортунисты и ренегаты утверждают: «Нет дыма без огня и нет огня без дыма». Нет, отвечаем мы. Вы не правы. Не понимаете важность текущего момента. Нет! Нам с вами не по пути!

В зале одобрительно загудели. В разных местах партера раздались возгласы: «Да, правильно! Позор оппортунистам!»

Он покосился на президиум – Предводителя не было за столом, он исчез. Ему стало как-то сиротливо одному на трибуне – одному с глазу на глаз с полным залом. С большим волнением он быстро пробежал глазами следующий абзац и четко, акцентируя окончания слов, озвучил текст:

– Мы, товарищи, должны жестко поставить этому заслон. Наш устав говорит следующее: «Осуществление нахождения

дымиста, единолично и (или) более одного, независимо от того с кем и когда осуществляет нахождение дымист, в том числе с членом (членами) других партий, партийных групп и (или) иных общественно-политических объединений, организаций в местах данной и (или) иных местностей во время прохождения закрытых и (или) открытых съездов, съездов, демонстраций и митингов, независимо от их направленности, тематики, вопросов, лозунгов и (или) художественного оформления, запрещается и подвергается общественному закрытому и (или) открытому осуждению и (или) иным мягким ликвидациям».

После этой фразы зал сначала насторожился, потом, видимо, удивился тому, как ему удалось это проговорить, и тут началось. Народ повскакивал с мест. Раздались аплодисменты, крики, гул, топание ног. Зал бесновался.

Он еще несколько раз останавливал беснование зала, уже более уверенно и твердо, выбрасывая вверх и вперед правую руку с открытой ладонью. Доведя доклад до конца, он уже спокойно прошел к своему месту в президиуме. Председатель дал знак рукой кому-то наверху. Зазвучала музыка. Зал запел гимн:

Вставай, дымизмом окрыленный,
Партиец нашеньких основ.

И разум дымом просветленный К великим подвигам
готов.

А если где-то дыма мало,

И чуть забрезжило вдали,
Подбавим в массы мы угара,
Чтобы сбылися все мечты...

Зал пел стоя. В президиуме все открывали рты, видимо, не зная слов. Он тоже не знал слов и активно, пытаясь попасть в незнакомый текст, открывал рот:

Это есть наше право,
Это есть наша мысль.
С дымизмом вокруг людей не мало,
В дымизме наша жизнь!

Она внимательно смотрела на него:

– Ты был у них, дымушников?

– Это был сон, – приоткрыв глаза, ответил он.

– Нет, это не сон, – утвердительно прошептала она. – От тебя пахнет дымом.

– Дым, дымисты, дымизм, – крутилось у него в голове. – Неужели весь этот шум, гам, какая-то чушь и чепуха были наяву?

– Это опять мои странные способности, – подумал он.

– Имей в виду – дымистов не очень-то одобряет объединенное правительство. Они шумят и дымят чересчур мно-

го. Будешь с ними общаться, тоже станешь неодобряемым. И потом, все они мелют какую-то чепуху, а их вождь, по мнению нашей конторы, служит не только дымистам. Все у них вранье и сплошная чушь.

Он слушал ее и понимал:

– Она, конечно, права. Надо бы присмотреться к этому всему балагану. Поймать бы их Предводителя на лжи.

Само собой сложилось:

– Кружилась осень над полями,
Уже листва была желта.
Как описать ее словами?
Ведь в желтизне одна тоска,
А если пару слов найдешь ты,
То все равно одно вранье.
Бывает музыка надежней —
Слова летят как воронье —
Одно цепляется, не лезет,
И ищешь рифму без конца.
И поиск этот просто бесит,
Как черт подводный озера...

Он вспомнил, что в конторе их называли иногда, пренебрежительно – «дымнюками».

– Просто ты не любишь их, – сказал он, – поэтому тебе они не нравятся, кажутся плохими.

– Я люблю только тебя, мой мальчик и еще я люблю. – она

закрыла влажные глаза, – но там сейчас война.

Детское вранье

В детстве среди пацанов процветала шутовская игра в «баламута».

Самое, самое начало осени. Зелень еще яркими пятнами радует глаз, желтизны почти не видно. Только кое-где, на берегах, мелькают бледно-желтые листочки-капельки. В садах бросаются в глаза яркие яблоки, радостно светятся на солнце, переливаясь от ярко-зеленого до ярко-красного цвета.

Утром на рассвете уже прохладно. Бегать в школу в одном пиджаке на рубашку зябко. А днем, когда солнце поднимается высоко, – выходишь из помещения, – жарковато. Веселым гамом ребячье вываливается на улицу. Портфели выставлены в две кучи – вот и ворота. И можно прямо на еще зеленой траве погонять старый, потрепанный кожаный мяч. А можно идти вдоль берега озера и смотреть в воду – как рыба молодь снует туда-сюда, нагуливает жирок. Небо чистое-чистое, настроение – блаженствующее, счастливое. Пацаны взахлеб, перебивая друг друга, рассказывают летние истории: как на рыбалке поймали огромную рыбищу, как грибов собрали немерено – около ста штук белых всего за час, спасли массу народа от пожара. Историй имелось множество – лето было длинное. Кое-кто вдруг расскажет что-

то такое, что явно «тянет» на фантастическое вранье. Он – рассказчик и сам чувствует – что-то не то сказал. И окружающие с улыбкой и нарочито выпученными глазами, хором кричат: «Не может быть, ты баламут». И шутя, не злобно, в ритм стучат по спине баламута, приговаривая:

– Баламут, баламут
Собирайся на суд.
Кто на суд не придет,
Тому хуже попадет.
Выбирай из трех одно:
Дуб, орех или пшено?

«Баламуту» надо было назвать, выбрать одно из трех слов, каждое из которых имело свое продолжение:

– Если выбирался «Дуб», то произносилось: «Тяни нос до губ». И шутливо, легонько, не больно тянули кончик носа вниз.

– Если выбрался «Орех», кричали: «На кого грех?» И «Баламут» указывал – кому следующему подставлять под кулаки свою спину. А когда выбиралось «Пшено», следовала такая кричалка: «дело было решено и поставлена печать, чтобы снова начинать», и все начиналось сначала. Так шутили только с новенькими, да и то только в самом начале ребячьих разговоров.

А праздник начала осени продолжался. Уроков задавали мало. Ответственность за «хвосты» – не выученные, не сде-

ланные задания еще не давила. Все еще было где-то там впереди, далеко, – дожди, слякоть и первые морозы.

А бывало, осень наступала дождями и холодом, но веселость пацанов не уменьшалась, перемещалась под крыши в укромные места, но уже без беготни и футбола.

Он вспоминал, и слова цеплялись друг за друга, складывались в строчки и целые фразы:

– Осень тихо наступила,
Небо в серых облаках.
День и ночь все моросило
И в лесу и на полях.
Люди словно тени бродят,
Лиц не видно. Все серо.
Слухи среди народа ходят —
Мир кончается – темно.
Ни просвета, ни надежды,
Все прогнозы тихо врут,
И осенние одежды
Никого уж не спасут.
Ой! Скорей бы уж морозы —
Заморозят мокроту.
И потянутся обозы
Сквозь заснеженную мглу.
С ними, может быть, мы въедем
В праздник светлый – Новый год.
И кто был все время беден,
Схватит счастья полный рот.

– Но что я могу сделать для нее, – подумал он. – Там сейчас война. Я могу ее остановить? Один? Могу ли я кого-то защитить, спасти, хотя бы кого-то одного? Что я могу? Что я умею?

Он лежал и смотрел в потолок:

– Что-то надо делать, нельзя так лежать. Это не конструктивно. Это бесполезно. Это, в конце концов, тоскливо и грустно – как мокрая осень.

– Все, – сказал он сам себе. – Завтра я займусь делом. Завтра. А что сегодня? Что? – И он снова заснул.

Прямоугольный зал был полон народа. Балкон шумел, набитый до отказа. На сцене расположился президиум из нескольких человек. Председательствующий знаком руки предложил всем встать, и зал запел:

– Слушай, партиец, – гроза загремела
Бояться не надо – бросайся к ней смело!

Гул от единоголосия стоял страшный. Четкие ряды пою-

щих, где-то внизу, выглядели даже несколько угрожающе. Все в синих плащах. На балконе царила та же атмосфера. Прозвучал припев:

– Смело мы в дождь пойдем
Текущим летом.
И зонт с собой возьмем
В движенье этом...

Зал ревел в едином порыве.

Он робко оглядывался, сидя во втором ряду президиума, и читал лозунги на синих растяжках:

– «Дождисты всех стран, соединяйтесь!»

– «Дождизм – ум, честь и совесть нашей эпохи».

Предводитель стоял сзади, положив левую руку ему на плечо. Иногда он наклонялся к нему и быстрым, четким шепотом комментировал события, происходящие в зале:

– Вы, батенька, всматривайтесь и прислушивайтесь. Очень архиважно понять основное в движении масс, тогда линия вам вполне будет ясна. Вот, батенька, видите, какой энтузиазм? Какой порыв? Все в единстве устремлены в соответствии с генеральной линией.

Он слушал зал и Предводителя, поглядывая по сторонам, и только сейчас стал понимать, что это помещение – бассейн без воды. Слушатели сидели рядами на дне. Балкон представлял собой трибуну для зрителей.

Предводитель продолжал шептать ему на ухо:

– Высшее проявление энтузиазма масс – фанатизм. Вам это архиважно понять. Это, батенька, простая и понятная диалектика. Фанатизм легко управляем. Задается линия – ориентир, так сказать, цель. Конечно, она должна быть не очень понятной, но обязательной, архиважно, обязательной для масс и их передового отряда – партии.

Он лихорадочно соображал:

– Этот Предводитель «дождистов» говорит так же, как «дымист».

Мелькнула сумасшедшая мысль:

– Это одно и то же лицо.

Зал закончил петь. Партийцы с шумом рассаживались на свои места. Где-то сверху зашумело – пошел мелкий, прохладный дождь. Партийцы все как один раскрыли синие зонты. Картина стала еще более странной. В этом было что-то и смешное и пугающее – ровные ряды зонтов на дне бассейна.

– Фанатизм масс – вот архинеобходимое нам состояние, – шептал Предводитель. – И вы, батенька, в этом нам должны оказать огромную помощь. Вы, я вижу, немного озадачены, то есть удивлены. Но из этого мы с вами, батенька, не должны делать жупел. Нам это не подходит, нас с вами массы не поймут. Вы видели, как в энтузиазме бегут бизоны? Да и не только они. Вот возьмите – оленей. Они пробегают десятки, сотни километров к цели, которую иногда посторонний наблюдатель и не видит. Он не только не видит цели, он вообще не понимает – зачем этот бег? Кому это нужно? Но мы

с вами, батенька, не сторонние наблюдатели. Мы находимся в гуще, так сказать, внутри процесса. И наша с вами сверхзадача видеть эту цель, а проще, если хотите, твердо знать, что мы ее видим.

Он уже плохо соображал, но шепот продолжался и продолжался, все убыстряя темп.

– Чувствуете вы, наш дорогой товарищ, чувствуете, что силы стихии перерабатываются, преобразуются у вас в энергию, энергию движения. Хочется, чертовски хочется увидеть эту цель, большую, огромную, как счастье, радость миллионов. Миллионы, вы чувствуете, батенька, как бурлит все вокруг, шумит дождь, под ним единение, единый порыв. Ура, товарищи! Ура!

Шепот прекратился. Рука с плеча исчезла. В зале стало зябко. От бассейна повеяло плотной сыростью. Он очень удивился, увидев пустой зал и сам себя, стоящим одиноко у края воды.

– Нет, это точно был сон, – подумал он, – это определенно был сон, не может же все это исчезать и появляться ниоткуда.

Он открыл глаза. Фари что-то колдовала на кухне.

– Доброе утро, проснулся? – сказала она, не оборачиваясь.

– Ты вчера был у этих «зонтиков», пришел весь мокрый до нитки.

– Не «зонтиков», а «дождистов», – ответил он, стараясь быть равнодушным, – похоже, это был все-таки не сон, – прошептал он, рассматривая ее легкие и точные движения. Она готовила ему завтрак.

Гибкая и стройная, Фари бесшумно двигалась по кухонному пространству.

– Фари, ты очень красивая, – сказал он, любуясь ее фигурой, длинными черными прядями волос, правильным восточного типа лицом, особенно большими, немножко грустными глазами.

– С «дождистами» общаться немножко можно, – скромно сказала она, разливая питье в чашки, – их негласно поддерживает правительство.

Отпивая мелкими глотками утреннюю жидкость, он безразлично спросил:

– Зачем? А «дымисты»?

– Точно не знаю, но думаю – и те и другие существуют для равновесия. Правительство у нас мудрое, держит их под контролем. Все равно надо быть внимательным и осторожным. Заметят твои способности, быстренько возьмут в оборот. Будешь на них работать до изнеможения.

– А правительственная партия? Она-то зачем? – спросил он.

– Наверное, для официальных, открытых церемоний, – ответила она. – Ты совсем глупенький, уже большой мальчик, а знаешь так мало. Сидишь там у себя с изжогами и ни-

чем не интересуешься. Надо интересоваться, хотя эта дребедень уже многим надоела.

Он сел в угол вагона городского пумпеля. До конторы езды было не более получаса. Через пару остановок в вагон ввалилась толпа одинаково одетых парней. Ребята, скорее всего, уже чем-то или кем-то до этого «разогретые», продвигались вдоль сидений с пассажирами и хором, ритмично выкрикивали:

– Родина, люби меня,
А не то тебе хана.
Буду всем плевать я в рожу.
Если ты мне не поможешь.

И выкрикивая последнюю строчку, они плевали по сторонам. Прodelав эту «процедуру» несколько раз, они сгрудились в центре вагона, громко разговаривая и смеясь. Пассажиры стали осторожно возмущаться, но в целом общий испуг сковал всех, и ответной активной реакции не последовало. А хулиганы нагтели с каждой минутой. Теперь они заставляли пассажиров разучивать их «стихотворение».

Он сидел, делая вид, что его эта ситуация никак не касается, хотя внутри что-то закипало и приходилось опускать

глаза, не показывать раздражения, дабы еще более не провоцировать парней. Тем более, что многие уже нажали тревожные кнопки. До следующей станции оставалось еще минут десять.

Когда хулиганы стали задирать пожилого мужчину, заставляя его стоя декламировать похабные стихи, он не выдержал, встал и медленно, но уверенно пошел навстречу хохочущей группе. Они все обернулись в его сторону. Их покрасневшиеся, хохочущие лица, обалделые от наглости глаза с удивлением уставились на него.

Через несколько секунд все преобразилось – хулиганы ползали на четвереньках, затирая кто руками, кто платками и шарфами грязь и следы их пребывания в вагоне. Некоторые от испуга начинали выть и плакать. Другие просили прощения у пассажиров. Изумленные, ранее оскорбленные люди начали делиться на обвиняющих и сочувствующих. Понимались голоса, особенно пожилых женщин:

– Что же так? Так же нельзя. Это ведь дети несмышленные.

Вагон остановился. Дежурные задержатели появились в дверях и с большим изумлением наблюдали за происходящим. Старший крикнул:

– Зачем нас вызвали? Здесь, по-моему, нужны «белые халаты».

Он быстро переоформил заявку – появились врачи и санитары, и они уже энергично выводили хулиганов, а некоторых и выносили из вагона. Не дожидаясь окончания это-

го действия, он выскользнул на платформу и через полчаса входил через запасной вход в свой кабинет.

– Неудачное начало дня, – подумал он, располагаясь за рабочим столом.

Обработав несколько документов, он обратил внимание на лист бумаги, отличавшийся от всего остального, чем он до этого занимался. Это был красочный, цветной лист – письмо. Он внимательно прочитал текст:

– «Уважаемый, – дальше следовали его имя и фамилия. – Управление при Комитете безопасности хозяйства имеет честь пригласить Вас для осуществления собеседования, – далее стояло: число, время и адрес. – Просим Вас иметь при себе подлинники документов личного значения, одну смену белья и еду в расчете на десять суток. Не исполнение данной просьбы карается законом», – следовал номер и дата принятия закона и подпись начальника управления.

– Быстро все-таки меня вычислили, – подумал он, – надо что-то предпринять.

Он вызвал секретаршу.

– Все обработанные мною сегодня документы вернуть в «необработанное состояние». На это письмо, – он указал ей на цветной лист, – подготовить такой ответ:

«Не имеется возможности оповестить хозруководителя о Вашей просьбе. Однако, когда он, по плану через полтора месяца прибудет в контору, он будет незамедлительно оповещен о Вашей просьбе. С уважением, и так далее...» – он

закончил эту фразу и добавил, – меня здесь не было. Вы все поняли?

Она кивнула головой.

Глава вторая. Зима

Он шел по мокрому тротуару и размышлял: – В вагоне они начали первыми, то, что он сделал с ними, – это был ответ. Сила на силу. Но что-то его мучило, что? Подсознательно он понимал, что насилие порождает только насилие. Хорошо ли это? И как быть в таких случаях? Отойти в сторону? Быть равнодушным? Быть слабым, трусом? Нет ответа...

А сейчас, прежде всего, надо было исчезнуть. Он раздобыл инструменты – снял браслет с его следящей системой. Браслет был выброшен в водяной поток. Когда браслет засекут, то его скорей всего вынесет в залив, а там, надеялся он, ничего не найдут. Возможно, ему повезет и он будет считаться либо погибшим, либо пропавшим. Все было исполнено быстро – он торопился.

Старый дом стоял тих и угрюм. Жильцов было немного. На окраине молодежи жилось скучновато, поэтому здесь обретались пожилые люди да старики из той эпохи, когда вещи еще были важны. На чердаке, к его великой радости, он нашел почти все, что ему нужно: старую хромую кровать, шкаф без дверей, какую-то мебельную рухлядь и кучу полезных вещей для благоустройства скромного быта. Здесь можно было бы остановиться надолго. Почти все проблемы были решены. За несколько недель он зарос, появилась борода, усы, длинные волосы. Одежда несколько поистрепалась. Он

раздобыл клюку и стал похож на старика. А чтобы не выдавали молодые глаза, он разжился чуть затемненными очками. Единственное о чем он тужил, – это отсутствие возможности общаться с Фари.

В этом году зима наступила рано:

Зима нечаянно пришла,
Когда упал последний лист.
Ты как всегда меня ждала,
Играл на флейте гармонист.
Снег завалил округу всю,
А музыкант стоял в снегу.
Мороз уж щеки прихватил,
А он играл и не тужил.
Хотя совсем заледенел,
Играл и голос флейты пел.
О чем он пел? Никто не знал,
Мороз на улице крепчал.

Он запечатал стихотворение в конверт, на котором написал: «Моей Фари». Потом подумал немного, повертел конверт в руках и сжег его.

Несостоявшаяся драка

Этого пацана не очень-то любили в классе, да и фамилия у него была какая-то колючая и рычащая на букву «Р». И

любил этот «Р» подкладывать ему и его другу, сидящим впереди него за партой, острые кнопки на скамью. Садиться на них, если не заметишь, со всего размаха неприятно и больно. И решили они с другом поколотить этого «Р». На перемене в коридоре как-то начинать драку неудобно, и друзья решили наддать «Р» после уроков по пути домой.

Они плелись за ним по дороге, не решаясь приблизиться. Что-то их сдерживало. Что это было? Страх, робость, неумение драться или маловато нахальства. Наверное, всего понемногу. Они шли за ним и тихо шептались, намечая план действий – то ли подбежать и дать ему пенделя у следующего поворота, то ли крикнуть ему, чтобы он остановился или начать задирать его словами, чтобы появился повод для драки. Так, пытаясь подбодрить друг друга на какие-либо действия, они прошли уже более половины пути домой. Они уже мечтали, чтобы он остановился и напал на них первым, тогда, думали они, уж будет повод надавать ему тумаков. Но этот «Р», так и не оборачиваясь, добрался до своего дома, а они в растерянности остановились, отложив свою затею на будущее.

Потом была учеба. Потом пришла зима. Эта идея «побить его» как-то рассосалась и забылась. И скорее всего, они не умели нападать первыми.

Вокруг происходили какие-то события. Иногда он почи- тывал газеты, брошенные на улицах, иногда видел плаката- ты и рекламу. Наблюдал небольшие демонстрации групп ка- ких-то жителей, требующих реформы выдачи еды и отмены веерных задержаний. Но по мере усиления холодов уличная жизнь затихала, перемещаясь в клубы, рестораны, кафе и прочие заведения, созданные для увеселения граждан. Днем он осторожно передвигался пешком по городу, а в темное время старался быть на чердаке, опасаясь внезапных брас- летных проверок. Однажды, сумрачным вечером он все-та- ки попал под это веерное задержание – когда, как во сне, ви- дишь опасность – вот она рядом, а убежать от нее не можешь, хочешь проснуться, но еще более деревенеешь и со страхом ждешь своей участи.

Дежурные единой цепью с «удержателями» наперевес уже прошли вдоль улицы, оставляя за собой лежащих в разных позах «подвергнутых». Он с силой вжался в тесный стенной проем. Лицо ощутило колючую и холодную поверхность бе- тонной ниши, а спина... А спина, дрожащая от ожидания задержания, чуть выступила наружу. Сзади к нему как при- клеился еще кто-то холодный и такой же дрожащий. Потом этот кто-то обмяк и с тихим стоном отвалился от него. Он еще несколько минут стоял не шевелясь. Постепенно вокруг

все затихло. Он приоткрыл глаза – уже стало совсем темно, улицу освещали тусклые фонари. Рядом с ним лежал незнакомец в странной позе – на животе лицом вниз с распластанными руками и ногами. Он нагнулся к нему и прислушался – незнакомец дышал и пытался что-то шептать, затем он пошевелился, с трудом перевернулся, встал и округлившимися от страха глазами оглядывался по сторонам. Незнакомец увидев его, приложил палец к губам, показывая, что следует молчать, нельзя говорить, по крайней мере, громко. Чуть позже он пришел в себя и тихо-тихо, но торжественно, запел:

– Партия – ты людям с детства нужна.
Партия – тебя взрастила страна,
Верь в меня ты смело,
Что бы я ни делал.
Я всегда с тобой на века...

Он не стал ждать окончания песни незнакомца и, озираясь по сторонам, зашагал к себе.

– Интересно, о чем он пел? О «дымистах» или «дождистах», а может быть, есть еще и правительственная. – так, размышляя о случившемся, он добрался до своего чердака.

Он проснулся от ощущения, что кто-то смотрит на него. Было еще темно, и слабый свет от слухового окна еле-еле освещал его жилье. На тумбе сидел крупный кот и не мигая смотрел на него. Кот хотя и выглядел большим, но по его виду ощущалась безмерная голодность. Тело было худосочное,

шерсть торчала кое-как, уши оборваны, то есть кот был корноухий и в придачу без хвоста. Вылитый «бабушкин кот», которого он помнил с детства. Но тот кот погиб от инвалида, а этот пристально смотрел на него, то ли от того, что не ожидал встретить здесь человека, то ли это место он занимал ранее и с наступлением холодов вернулся к себе. А здесь торчит эта, неизвестная ему, бородатая личность. Они оба поняли, что надо как-то налаживать отношения или разойтись.

«Надо бы накормить голодного», – подумал он, и вытащил из ящика остатки вчерашней еды. Кот осторожно обнюхал предложенное и понемногу, как бы нехотя, не торопясь, стал есть. Из этого следовало, скорее всего, что кот когда-то был аристократом, но по неизвестным обстоятельствам обнищал и теперь бедствует.

Недельки через две кот отъелся, выправился, округлился и стал даже привлекателен, а отсутствие ушей и хвоста придавали ему некоторое сходство с рысью, только серого цвета с темными полосами по бокам. Кот где-то шлялся по ночам и приходил только под утро поесть и полдня отсыпался. Есть он стал много и быстро, уже не стесняясь объедаться от пуза. С едой возникли проблемы – им на двоих уже не хватало, а без браслета получать ее всякий раз было рискованно. Вид его – затрепанного старикашки – каждый раз выручал, по небрежности выдавальщиков проверки и отметки в получении еды не проводились. Он подумал, что надо бы что-то предпринять – хотя бы сделать какую-нибудь имитацию

браслета, вроде муляжа и махать им перед носом выдавальщиков.

По утрам, когда кот наедался и укладывался у него в ногах, они немножко разговаривали, каждый на своем языке и, казалось, даже понимали друг друга. Он читал ему тихо, нараспев стихи, а кот урчал и жмурился, слушая его.

– Уж месяц, как зима пришла,
В лесах не слышен птичий свист.
Кота судьба нам принесла,
Играл на флейте гармонист.
А кот? Что кот? – мурлыкал он,
Ему своя игра нужна.
Быть может, нужен тихий звон,
А может, шорох от мыша.
А может, флейту любит он —
Приятный извлекает звук —
И на кошачий полигон
Он потянулся как-то вдруг.

Он встретил ее случайно на узкой заснеженной улочке. Она энергично шла навстречу по узкой тропинке неочищенного тротуара. Он узнал ее сразу еще издали и хотел было незаметно прошмыгнуть мимо, но глаза их встретились.

Она остановилась, изумленно глядя на него.

– Это ты, мой... – она запнулась на этой фразе, он в этом виде был неузнаваем.

– Да, Фари, это я, – пробурчал он, не зная что дальше делать и говорить.

Наступила пауза, неудобная для обоих, и это длилось почти минуту.

– Ты один? – спросила она.

– Нет, я с... – он вовремя спохватился, про кота он говорить не хотел.

– Да, почти один, – добавил он. – А ты?

– Я тоже почти одна, – как-то чересчур уверенно ответила она. – Где же ты живешь?

– Да так. Там у знакомых, – ответил он.

Она чуть улыбнулась понимая, что он лукавит.

– Тебя искали, – сказала она. – Как долго тебя не было.

– Да и сейчас меня нет, – сказал он, заметив, что она машинально потянулась к тревожной кнопке.

– Не волнуйся, – добавил он. – Вас уже, наверное, всех проверили на детекторе, второй раз проверять вряд ли будут.

Она опустила руки и с грустью внимательно осмотрела его с ног до головы.

– Ты стал совсем другой, – сказала она.

– А ты все такая же красивая, – ответил он.

– Ты сможешь вернуться? – спросила она.

– Это вряд ли, ты же знаешь, из моего состояния вернуть-

ся нельзя, – ответил он.

Они уже так разговаривали несколько минут и, казалось, продолжать это было бессмысленно.

– Если хочешь, я сотру эту встречу из твоей памяти? – спросил он.

– Ты уже научился и это делать? – спросила она.

– Да так уж получилось само собой, – сказал он, – похоже, я и мысли умею читать.

– С такими способностями. С таким даром ты сбежал. Зачем? Почему? – с волнением сказала она. – Зачем?

– Я не хотел работать на вас, – он спохватился и поправился, – работать на них.

– Да, я понимаю, – сказала она.

– Прощай и прости, – сказал он.

– Прощай, – ответила она.

И они продолжили свой путь не оборачиваясь.

– Она стала совсем чужой, – подумал он, – да и я уже не такой как был – специалист по изжогам.

Редкий в это время года солнечный день. Подмораживало. Он бесцельно, как обычно, бродил по улицам и незаметно оказался в центре, где в целях безопасности старался часто не появляться. Здесь жизнь проистекала активнее и быстрее, чем на окраинах.

Какой-то неприятный осадок остался у него после случайной встречи с Фари. Чувство вины не покидало его: – Он ее бросил, убежал, поэтому и виноват.

Но оправдывая себя, он вспомнил ее более-менее спокойное поведение при встрече и говорил сам себе: – Не очень-то она была грустна и жалости, и любви ко мне я не заметил.

Потихоньку день клонился к вечеру. В одном из переулков он услышал дикие крики не человека, скорее всего животного. Это походило на стоны и завывания. Приблизившись, он увидел небольшой фургон с надписью «Зверовоз», а рядом с ним двух серых мужчин, держащих в сетке орущего кота. Сдавленный сеткой кот хрипел и завывал на весь квартал. По ушам-огрызкам, отсутствию хвоста и окраске он узнал в нем своего чердачного «друга».

– Это мой кот, – твердо заявил он ловцам, – куда вы его?

– Известное дело, в зверинец, – спокойно ответили ловцы.

– А потом? – спросил он.

– Потом нам неизвестно, может быть искоренят, а может быть еще что-то, – нехотя ответили ловцы.

– Отдайте его мне, – сказал он.

Ловцы, которым стоны и крики кота порядком надоели, ответили:

– Да забирайте! А документ у вас на него есть?

Он сделал вид, что ищет этот документ в карманах пальто. Но ничего не найдя, ответил:

– Наверное, оставил дома.

– Нет, без бумаги кота отпустить не можем, – ответили ловцы. – Вы же должны знать, что по последнему предписанию управления надо иметь при себе подлинники всех документов личного значения.

Кот затих, как будто понял, что решается его судьба.

Он еще раз порылся в карманах, достал оттуда случайный обрывок обертки от еды:

– Вот это годится? – и протянул бумажку одному из ловцов.

– Это удостоверение на кота, – добавил он и пристально посмотрел на ловцов.

Повертев бумагу в руках, ловцы ответили:

– Эта бумага годится.

Они высвободили кота из пут, а тот, обезумев от страха, кинулся в проулок и исчез в наступающей темноте.

Немного постояв в недоумении, ловцы переглянулись и, не понимая, что они здесь делают, спохватившись, сели в фургон и укатили восвояси.

Он подумал:

– Зачем коту понадобилось забираться почти в центр? Может быть, у него здесь были старые друзья и подруги, а может быть, когда он был аристократом, здесь он обретался, то есть жил в полном достатке и с комфортом.

На следующее утро кот на чердак не явился. Не появился он и через день. Недели две он каждое утро ждал его прихода, но кот не появлялся. Наверное, он снова вернулся к ски-

таниям и голодному существованию. Кота было жалко.

Издевательства над котом

Пацаны привязали доверчивому коту к хвосту пустые консервные банки. Кот сначала флегматично смотрел на это безобразие, но когда стал двигаться, ему это не понравилось. Для пацанов от вялого кота эффекта было мало. Они начали пугать кота для придания ему стимула к бегу. Кот побежал, все загремело. Банки застряли в какой-то расщелине. Взрослые спасли кота. А пацанам было выдано наказание каждому, что полагалось в семье за такие проказы. В дальнейшем такие шутки во дворе находились под запретом. В этой проказе он принимал пассивное участие, но попало за это ему серьезно.

В то утро, выбравшись на воздух, он обнаружил на улице бригаду рабочих, монтирующих на фасаде дома мемориальную гранитную плиту. Из разговоров стало ясно, что торжественное открытие мемориала запланировано на середину дня. Пока он бродил по своим знакомым местам, доска была уже установлена и он застал финал торжественного мероприятия.

На стене дома у входных дверей красовалась плита с барельефом бородатого с усами лица в профиль. Ниже находилась надпись: «В этом доме жил и работал выдающийся музыкант». Далее следовало его имя. Внизу текста крест на крест изображались две флейты. Судя по годам, время проживания и работы выдающегося музыканта было недолгим. И можно было предположить, что маэстро был уникальным человеком, если в неполные сорок лет стал таким знаменитым.

Внизу под плитой прямо на снегу лежало несколько букетиков цветов. Участники мероприятия уже потихоньку расходились. У доски круглый человечек что-то эмоционально объяснял скромно одетой женщине с милостивым лицом.

– Мы обязательно это сделаем. Это наш долг перед маэстро, перед вами. Наш банк, как старейший на этой территории, непременно профинансирует этот центр. Я вас настоятельно прошу подготовить обращение и собрать подписи, – тараторил круглый человечек.

– Да, конечно, мы постараемся. То есть я постараюсь. Мужа многие знали, они подпишутся обязательно, – отвечала милостивая женщина.

– Нет. Всех подписей не надо, пожалуйста, только жильцов вашего дома. Это важно. Центр будет рядом, прямо здесь. Обращение нам поможет все действия согласовать с администрацией, – продолжил круглый человечек.

Он внимательно наблюдал за происходящим и обнару-

жил, что круглый человечек нагло обманывает миловидную женщину, а та, в свою очередь, знает, что ее обманывают. Это открытие поразило его – что-то здесь нечисто. Но что-либо более подробно узнать об этом ему не удалось. Человек быстро попрощался и, ускользая от его взгляда, направился к своему лимузину. А миловидная женщина тихонько прошла мимо него, чуть скосив глаза в его сторону, и в ответ на его молчаливый вопрос-недоумение, как бы здороваясь, кивнула ему головой. Теперь он хоть кого-то знал в этом доме.

Сегодня он проснулся очень поздно – в чердачное окно уже заглянуло зимнее солнце. Сами собой сложились строчки:

– Зима идет, снега белеют,
Морозный воздух свеж и чист.
О лете многие жалеют —
Играл на флейте гармонист.
Теперь в мороз не поиграешь,
Другие нынче времена,
И рукавицы не снимаешь,
И шапка зимняя нужна...
Но прочесть их было некому.

Резкий неприятный запах ударил в нос, да так сильно, что его затошнило. Этот запах ему был знаком – кисловато-резкий от немытого годами тела, нестираного белья и одежды. Это был запах «СС». Так сокращенно в быту называли социальных странников, а точнее бездомных.

В центре города их практически не было, но на окраинах «СС» можно было встретить частенько. Правительство и административные органы ими практически не занимались, видимо, из-за их безобидности с политической точки зрения.

Он огляделся, внизу прямо на теплоизоляции лежало существо в грязной, страшно замусоленной одежде. Прическу, если это можно было назвать прической не стоило и описывать, за отсутствием таковой. Заскорузлые руки с черными от грязи ногтями торчали в разные стороны. Существо похрапывало и чувствовало себя в чердачном тепле очень счастливо. Кроме дикого запаха, он ощутил еще и перегар от приличной порции нулевого тоника. Первая мысль, которая пришла ему в голову, это был вопрос – как «СС» попал сюда? Сам он с большим трудом, путем наблюдений и использования своих способностей, получил коды для открывания входных дверей дома. Скорей всего, «СС» пустила сюда сердобольная старушка, пожалев его из-за сильных холодов, а может что-то еще помогло ему.

Среди горожан существовала поговорка: «Если встретил ты "СС" – убегай из этих мест». За одним потянутся другие.

Стараясь не дышать глубоко, он быстро собрался и выско-чил на воздух. Мороз освежил его, и теперь ему представи-лась возможность поразмышлять о сложившейся ситуации.

Во-первых, он лишился более-менее комфортного жилья, да еще в самый разгар зимы. Во-вторых, почему он не использовал свои способности и тихо, мирно не избавился от пришельца? В-третьих, теперь он сам стал почти «СС», и если что-либо не придумает, в ближайшем будущем может опуститься до уровня настоящего бездомного. Эти три пункта волновали его так сильно, что история, связанная с установкой памятной доски, отошла на второй план.

Покрутившись по родному кварталу и немного промерзнув, он заглянул в местную забегаловку, где за столиками отогревались редкие посетители. В основном здесь попивали тоник от первого до самого слабого номера. Наливали по недельному лимиту, очень строго, и без браслета здесь, как говорили завсегдатаи, – «не катило». Ему захотелось спокойно посидеть и отдышаться, пришлось повнушать, и ему налили полную кружку среднего номера.

– Почему ты не прогнал пришельца? Почему? Слабак. Чего тебе это стоило? Это ты мог сделать легко и просто. – Такие мысли кружились в его голове. – Почему? Ты не хотел насилия? Да, не хотел. Но человек этот никчемный, да и насилие это, можно сказать, слабенькое, слабенькое. Нет, для «СС» это сильное насилие, причем внесистемное, негосударственное. Ниже его на социальной лестнице никого нет. При-

шелец внесистемен. Вот. Вот это и помешало тебе.

День подходил к концу. Рядом за соседним столиком присел старичок. Он сразу узнал его – это был тот старичок-ветеран, награжденный и еще что-то сделавший важное. Ветеран попивал легонькое из последних номеров и смотрел на него, не веря своим глазам, – этот заросший человек, не очень опрятно одетый, был похож на того нахала, которого он встретил в самом конце лета.

Улыбаясь как можно более дружелюбно, он подошел к ветерану.

– Здравствуйте, у вас можно присесть? – сказал он.

Ветеран, еще не веря своим глазам, с недоумением кивнул головой.

– Добрый вечер. Вы, кажется, узнали меня, – сказал он, присаживаясь рядом с ветераном, – помните, летом я был не прав и хочу извиниться за тот случай.

Старичок-ветеран понемногу приходил в себя, изумление его постепенно сменилось на любопытство.

– Я действительно вас сразу-то и не узнал, да и время прошло, уже почти полгода, – сказал старичок.

– Вы так сильно изменились, полагаю, с вами произошло что-то?

– Да, события были такими стремительными, что иногда казалось, что это происходит не со мной, – ответил он и продолжил:

– Бывают в жизни такие обстоятельства, что приходится

выбирать между принципиально разными вариантами. Я выбрал то, что вы сейчас видите.

– И что теперь? – с любопытством продолжил вопрос старичок.

– Теперь, находясь в легкой депрессии, пытаюсь, как видите, снять стресс средним номером, – ответил он.

Старичок тактично кивнул, а он в свою очередь спросил:

– А вы, я смотрю, тоже поднимаете настроение?

– Эх, хе, хе, – крикнул старичок. – Тоже, только врачи обеспокоили меня. Настаивают перейти только на «Вас-сер-дринк», а я, знаете, люблю это дело в пределах нормы, конечно.

– Вы, мне помнится, обладали некоторым даром, способностями. Не они ли вас привели сюда? – спросил старичок.

– В некотором роде да, – утвердительно ответил он.

– А все-таки, я прошу прощения, какова ваша история? Хотя бы вкратце. Если можете, то расскажите, – заинтересовался старичок.

Он, немного разогретый тоником, коротко рассказал о себе, за исключением приглашения из Комитета и перехода на нелегальное положение. А чтобы у старика не было дополнительных вопросов, мотивировал свой отход от дел усталостью и глупостью молодости.

Старик похоже поверил ему, тем более, что он ему немножечко повнушал, а заодно попросил его объяснить свое падение настроения.

– Да это долгая история, – начал старик, – всего и не объяснишь. Как-то гадко и глупо вокруг. Если присмотреться – дурость прет из всех мест, как бы не старался улучшить ситуацию, – продолжил старик:

– Вот возьмите молодежь, воспитание идет по всем направлениям. Ан нет – грубость и неуважение ко всему у них на каждом шагу. Казалось бы, и по партийной линии – и «дымисты» и «дождисты» везде и всюду, а толку почти ноль. Сегодня иду спокойненько с товарищами, делаем встречным пацанам правильные замечания, а они в ответ нам свою «речевку».

– Ветераны, ветераны —
Боевые барабаны.
В вас стучат – кому не лень,
Выбивая дребедень...

– Да такую обидную, что настроение вмиг сразу исчезло. А товарищи всем сердцем болеют за общество. Все для него, и такое получить в ответ.

Старик разволновался, руки его стали подрагивать. Он уже с трудом отпивал мелкими глотками свой тоник:

– И как прикажите в этой ситуации делать добро, приносить счастье? Да и что такое счастье? Вот вы, относительно молодой человек, счастливы? Вы как его понимаете – это счастье?

Он уже было хотел изложить старику свое понимание сча-

стья. Но тот и не требовал ответа и все более волнуясь продолжил:

– Мне мой старый друг говорил: «счастье это свобода, достаток и здоровье». А это опять все сводится к деньгам. Боролись с ними уж много веков и пищу стали раздавать, а нет, без денег никак и счастья никакого нет.

Старик закашлялся и долго не мог остановиться, пока не проглотил пару таблеток.

– А я так думаю, что счастье совсем в другом, – продолжил старик. – Счастье – это осознанная необходимость делать людям добро. Добро надо делать. Вот в чем счастье. И не надо ждать награды. А некоторые еще говорят, что счастье в любви, так то оно и есть – в любви и добре. А без добра счастья нет, а так только одна видимость. Посмотрите-ка на странников – они счастливы? В некотором роде, да. Попивают свой нулевой тоник, сами его делают. Сами и пьют, и тем счастливы. Никому не мешают, друг другу делают добро...

Старику с каждой минутой становилось все хуже и хуже. Руки его дрожали и ослабели настолько, что не могли держать кружку, лицо его побелело, кое-где проступила синева, он говорил все тише и тише:

– А вообще-то все пустое. Все. Не на кого опереться. А вам надо действовать, у вас дар, делайте добро, делайте – это единственное, что имеет смысл.

Ветеран затих. Его голова склонилась на грудь, руки безвольно, как плети, опустились.

Он бросился к нему, чуть тронул за плечо, старик стал крениться на бок. Он поддержал его и машинально нажал кнопку на его браслете.

Врач появился через несколько минут, обследовав старика, он заметил:

– Уже поздно. А кто нас вызвал? – обратился к нему врач. – Вызов сделан после наступления смерти. Вам придется проехать с нами и дать объяснения как свидетелю.

Эта перспектива его совершенно не устраивала.

– Меня здесь и не было, – твердо и четко он произнес эту фразу три раза, глядя врачу прямо в глаза.

Врач вызвал помощников – старика на носилках вынесли наружу. За ними вышел и врач, совершенно забыв о своих вопросах и требованиях.

Зима в права свои вступила.
К ней не готов был нигилист,
Он жил несчастливо, уныло.
Играл на флейте гармонист.
«Не верит он» – толпа кричала —
«Неверный извлекает звук,
Его мы сбросим с пьедестала,
И не проникнет в наш он круг».

Посредине ангара горел большой костер. Дрова, сложенные шалашиком, давали яркие и длинные языки пламени. Вокруг костра на ящиках сидело человек десять странников. Один из них, наверное старший, выделялся тем, что сидел, опираясь на толстую суковатую палку. Яркое пламя неровно освещало грязные одежды сидящих и их давно не мытые лица.

Он тихо подошел ближе и поздоровался. Старший за всех ответил:

– И тебе здравия желаем, – и добавил: – Братия, новоявленный прибыл. Принимайте, братия.

Ему кто-то подал пустой ящик и разместил его поближе к огню.

– Замерз, странник? Давно ли с нами брат? – спросил старший.

– Недавно, вот только сегодня, – ответил он.

– Имеешь к нам требы? – снова спросил старший.

– Да нет, только вот погреться бы, – тихо ответил он.

– Грейся, грейся, брат. У нас тут тебя никто не обидит, – сказал старший. – Братия, причастим новоявленного.

– Да, да, конечно, ты как всегда прав, Предстоятель, – раздалась голоса сидящих.

– Матушка, плесни-ка ему «нулевочки», – обратился старший к существу неопределенного пола и возраста.

Матушка что-то прокряхтела в ответ, в руках у нее появилась помятая кружка и замызганная, стеклянная банка с

непрозрачной жидкостью.

– Полкружечки «нулевочки». – Рука матушки протянула ему кружку.

– Не бойся, брат, выпей, это тебя согреет, – сказал старший.

Он, стараясь не дышать, залпом проглотил содержимое.

– Вот и хорошо, брат, а теперь расскажи нам свою историю, – попросил старший.

Жар от костра и «нулевка» разогрели его, тело расслабилось. В голове исчезло напряжение дня, и он неспешно рассказал, как попал сюда.

– Это ты правильно сделал, что не возгневался на странника, того, который на чердаке. Гнев – это последнее дело. Хотя воздастся ему по делам его, – выслушав его, произнес старший.

– В тебе, брат, смирение уже есть, а вот любви ты еще не обрел, – добавил он.

– Да, да, любви нет, мало любви, – поддержали его остальные.

– Там, в миру, – старший махнул рукой на стены ангара, – мало любви. Чего только там нет. Вот уже и мягкие задержания стали применять, а любви нет. Матушка, ведь нет любви, – он чуть коснулся ее рукой.

Матушка очнулась от полудремы и согласно закивала головой:

– Нету, нету, голубчик ты наш, Предстоятель наш люби-

мый.

Около ее ног расположился незаметно появившийся кот. Его кот, без ушей и хвоста.

– Вот Батюшка – Предстоятель и наш «Кардинал» вернулся. Намаялся бедный по морозам-то бегать.

Он смотрел на кота, и кот заметив его, уставился не мигая прямо ему в глаза, как будто что-то спрашивал, ты ли это, хозяин чердака?

Они довольно долго наблюдали друг за другом, пока глаза их не заморгали, стали закрываться, сон сморил и того и другого. Сквозь сон он услышал.

– А вы, я смотрю, батенька, все сопротивляетесь, что-то ищите, когда уже все было и все будет тоже. Надо, батенька, действовать, действовать надо. Вы уж решитесь, уж право, батенька, пора.

Он стоял на вершине холма, мягкими изгибами спускавшегося вниз к озеру. На берегу, внизу виднелась небольшая деревенька, скорее хутор с несколькими ветхими хатками, покрытыми серо-желтой соломой.

Закатное летнее солнце уже зацепилось за кромку дальнего леса. Он знал, что это – родина его предков.

Высокое теплое небо опускалось к востоку темной тучей полной влаги. Редкие крупные капли дождя уже слегка при-

били пыль на еле проглядывающей сквозь траву тропинке. А вдаль уже ровно шумела стена дождя. Он смотрел и чувствовал себя частичкой всего, что видел. Мысли его витали от горизонта до горизонта. Пролетев на север, он встретил ледяные поля холодных морей, на юг – теплые воды океана.

На востоке, где шумел дождь, можно было затеряться в таежных сопках, на западе раскинулись многочисленные поля, перелески, старинные города и поселки. Поднявшись над землей, он увидел всю планету. Эта грандиозная картина дополнялась далекими звездами, галактиками и необъятной темной бесконечностью.

Солнце покраснело и уже наполовину скрылось за горизонтом. Он смотрел на большие камни, раскидистые кусты и понимал, что здесь когда-то были дома. Остатки яблоневого сада виднелись на пригорке. Когда-то, давным-давно здесь жили люди, может быть его прапрадеды. А до них целые поколения трудились на этой земле, передавали опыт и традиции в будущее. Что он от них получил? Только это – чувство родины. Было немножко грустно и торжественно – он потомок такой длинной цепочки поколений.

Сквозь шум дождя, ему казалось, он слышит звуки музыки. Мягкие, открытые звуки то затихали, то звучали громче, как бы обволакивая все вокруг. За звуками рояля послышалась флейта, к ним присоединилась скрипка. Тихо и задумчиво музыка уводила куда-то вдаль, внезапно возвращаясь, и вновь уплывала за озеро, за хаты за лесом, за самый даль-

ний солнечный лучик.

Стена дождя приблизилась настолько, что прохладная влажная водяная пыль накрыла его. Но опасения вымокнуть до нитки не было. Он знал, что дождь остановится рядом, но его не накроет, пока не зайдет солнце. Хотелось, чтобы оно остановилось или хотя бы замедлило свой уход. Но оно ушло, и тут же дождь, как ни странно, затих, туча слилась с потемневшим небом у горизонта. Наступила чуткая, темная летняя ночь.

Он открыл глаза, пора было идти. Идти не хотелось никуда. Костер почти погас, виднелись остатки серо-красных углей. Стало холодно. Он поежился, огляделся. Вокруг никого не было. Старший и его компания исчезли. Надо было что-то делать, действовать. Находиться в ангаре не было смысла. Оставалось только одно – пойти и выгнать «СС», занявшего его место на чердаке. И он, преодолевая апатию, решился.

Зима снегами все укрыла,
Дорожки чистил активист.
Толпа ворчала и грустила.

Играл на флейте гармонист.
И солнца нет, и дни коротки,
Тоска безмерная вокруг.
Народ тянулся к крепкой водке,
Чтоб скрасить зимний свой досуг.

Боязнь утопленников

В детстве он был счастлив много раз. Одно из счастливейших мгновений почти совпало со страшным случаем возможного собственного утопления.

Лето, жаркий день. Мальчишка и девчонка плещутся у берега озера. Песчаное дно круто уходит в глубину. Незаметно ребята, играя, все дальше отдаляются от берега. И вот под ногами уже нет опоры. Девчонка, хлебнув воды, с испуганными глазами хватается за руки мальчишки, который еще тоже не умеет плавать.

Как они выбрались на берег, они помнили плохо. Помнили только, как сидели на теплом песке, откашливаясь, дрожа от страха и холода, с синими губами. И чуть отдышавшись и согревшись на солнце, почувствовали себя счастливыми, что не утонули.

В озере живописного пригорода большого города за каждый сезон тонуло несколько человек. Толпы отдыхающих в жаркие выходные дни вваливались в озеро, до того с изне-

можением отдохнув на берегу под солнцем с закуской и разнообразными напитками.

Утопленников доставали, они лежали синими на берегу, чуть накрытые какими-то тряпками. Потом их увозили санитары. Мальчишки и девчонки утопленников боялись и с приличного расстояния поглядывали на их голые ноги, торчащие из-под рогожек. Представить себя на месте утопленника было страшно.

Чердак был закрыт на замок. Кодов он не знал, ждать посетителей не хотелось. Медленно спускаясь, на лестнице он увидел на одной из дверей табличку со знакомой фамилией. Он подумал:

– Хорошо бы она открыла дверь.

Дверь неожиданно открылась.

– Я вас жду – Дари, позвольте вас так называть, уж простите меня за такую назойливость и фамильярность, но маэстро тоже звали Дари, а вы чем-то неуловимым так похожи на него, – она отступила от двери, приглашая его войти.

– Дари, – подумал он, – пусть будет Дари. Тем более, что его давно уже не называли по имени.

Квартира маэстро была обставлена старинной мебелью. В шкафах виднелось много книг. Отдельный большой шкаф был отведен для двух десятков флейт.

– Я полагаю, что вам надо привести себя в порядок и отдохнуть, – она показала ему ванную комнату и добавила: – Вашу одежду, с вашего позволения, я заменю, маэстро как раз был ваших пропорций.

Судя по всему, маэстро был выдающимся музыкантом и помимо музыкальной деятельности занимался общественной работой. Одна из комнат квартиры представляла собой большой архив документов, связанных с исполнительской деятельностью самого маэстро, его коллег и историей их творческой работы.

Вдова сразу как-то расположила его к себе, причем особых усилий к этому он не прилагал, и это его несколько удивило. Уютная теплая обстановка вполне его устраивала. Он даже не стремился выходить на улицу. Размышлять на тему – как это все у него удачно складывается – не хотелось.

Миловидная хозяйка ненавязчиво создала ему комфортные условия, не мешала ему целыми днями бездельничать и анализировать прошлые события. Ему беспрепятственно разрешалось пользоваться библиотекой и рыться в архивных документах. Хозяйка с утра уходила, как она говорила – по делам. И он наслаждался одиночеством, книгами и документами.

Отношения с хозяйкой сложились почти доверительные, дружеские. Вечером за ужином она рассказывала ему о жизни с маэстро, о его работе и почти ни о чем его не спрашивала, как-то странно, не проявляя любопытства – кого она

пустила в дом? Он думал, что это результат его воздействия, и не задавал себе лишних вопросов. Он замечал, что с каждым днем все более и более нравится ей. И только предельно вежливые обращения на «вы» не позволяли ей проявить себя слишком откровенно. Так продолжалось несколько недель.

Как-то незаметно для себя он научился детально ориентироваться в документах, и однажды вечером она предложила ему разобрать архив, который представлял собой несистематизированные связки бумаг, сложенные в разных шкафах.

Первая библиотека

Когда он пошел в школу и уже хорошо научился читать, считалось для всех правильным пользоваться какой-либо, помимо школьной, библиотекой. Тот, кто этого не делал, попадал в категорию не очень хороших мальчиков и девочек.

Он записался в ближайшую местную библиотеку. А какую книгу взять в библиотеке, он не знал, спрашивать стеснялся и очень долго, проходя мимо здания библиотеки, корил себя за то, что просто боится туда зайти. Уже потом, будучи постарше, он знал, что ему надо читать. Эти книги ему и покупали. А в эту библиотеку после записи он больше так и не зашел. Эта детская история заложила в нем трепетное отношение к любым библиотекам. И уже будучи взрослым, роюсь в каталогах больших библиотек, он всегда вспоминал эту историю и упрекал себя за свою детскую стеснительность.

Неразобранных архивных связок было не очень много, и начав сверху, уже через несколько дней он понял, что маэстро не очень ладил с административными властями. Не очень-то ладил – это еще мягко сказано, он, разобрав несколько писем и обращений, понял, что в отдельные периоды эти отношения были почти враждебными. Дело доходило до прямых угроз и запугиваний со стороны Комитета безопасности.

Однажды за вечерним чаем он спросил хозяйку:

– Вы знали, что у вашего мужа были проблемы с администрацией?

Она внимательно посмотрела на него, отвела глаза в сторону и тихо спросила:

– Вы, Дари, что-то нашли в документах?

– Да, – ответил он.

– Я полагаю, я уверена, что нам надо объясниться, если вы не возражаете, то я бы хотела, чтобы вы называли меня «Сандра». Так называл меня маэстро. Вы согласны?

– Конечно, да, согласен, – ответил он.

– Итак, – продолжила Сандра, – вы уже знаете, что Комитет постоянно требовал от мужа работать по их программам, а маэстро не считал нужным быть не свободным, подстраиваться под кого-то, тем более, что его мораль принципиально отличалась от их пропаганды и идей. Он вообще не тер-

пел никакого насилия. Его творчество было, как бы вам это сказать, ничем не ограничено. Все только для слушателей, и если слушатель не воспринимал его, он искал новые формы, звуки, чтобы все-таки найти в нем, в слушателе какой-либо отклик. А они, я имею в виду комитет, предлагали ему свой репертуар и пытались использовать его в своих официозах. Я старалась, как могла, ему помочь, поддержать его, – на глазах у нее выступили слезы, – да мои заботы ему не помогли, – она виновато улыбнулась и промокнула пальцами веки.

Несколько минут они сидели молча.

– А что было дальше, Сандра? – спросил он, когда она немного успокоилась.

– А дальше, дальше... он погиб. Как-нибудь я вам об этом расскажу, – она решительно встала. – Спокойной ночи, Дари, – и вышла из столовой.

Несколько дней они почти не общались, только утром и вечером обменивались общими фразами. Все бумаги он почти разобрал, подготовил опись-каталог и теперь в целом картина ему была ясна, кроме одного – что значило в словах Сандры «он погиб»? Из бумаг следовало, что маэстро скоропостижно скончался от сердечного приступа. В старых газетах были описаны его похороны, довольно пышные, с активным участием административных начальников. Почитание маэстро стало традиционным, вот и памятная доска на доме, установку которой он застал, была тому подтверждением.

Зима клонилась к окончанию. Солнце стало появляться

чаще. Он иногда выходил на улицу, бесцельно бродил по знакомым местам, дышал морозным воздухом и все более грустил, как ему казалось, от безделья и отсутствия цели в своем существовании. Сандру он больше ни о чем не спрашивал, она ничего ему больше о маэстро не рассказывала. Их беседы касались в основном погоды, официальных новостей, критики действия властей и поведения отдельных жителей города, которые случайно им встречались. С соседями по дому он почти не виделся, стараясь этих случайных встреч избегать. А она похоже также не очень-то любила с ними общаться.

Зима пережила середину.
Устал на поле хоккеист,
Полярник сел давно на льдину,
Играл на флейте гармонист,
Медведь-затворник повернулся,
И солнце выше поднялось.
Народ тихонечко очнулся,
Гулять он вышел на мороз.
Все узнавать друг друга стали,
Почуя радость впереди.
За зиму чуточку устали
Оставив темень позади.

Сильный мороз

В его детские зимы существовало общественное правило – прекращать занятия в младших классах школы при морозе двадцать пять и ниже градусов. Объявления об отмене занятий делались по радио. Многие мальчишки с нетерпением ждали утром такие объявления, чтобы с радостью схватить санки или лыжи, бежать на заснеженные горки кататься. Через некоторое время, краснощекие, они бежали домой, иногда не замечая обморожений, за которые родители их журили и срочно лечили кто как умел. У него тоже были такие случаи со щеками и кончиком носа. Зимние детские забавы были разнообразны и веселы. Самая, пожалуй, редкая из них – стряхивание инея с деревьев, потому что большой иней был редким явлением. И не каждая зима давала его. Но были такие красочные дни, когда все вокруг было пушистым и белым от снега и инея. На больших деревьях иней особенно было много. Сильно с разбегу ударив ногой, подошвой ботинка, по стволу дерева, особенно березы, можно было вызвать снежную лавину и человек, находившийся под ней, оказывался весь в снегу.

А прыжки в снежный сугроб с крыш сараев доставляли мальчишкам особое удовольствие. Такие прыжки по своим ощущениям напоминали прыжки в воду с обрыва. Да! Еще

немало развлечений имелось длинной зимой. Теперь зимы стали значительно короче и скучнее. Разве что, праздник новогодний рассеивает эту скуку.

– Дари, вы не носите браслет? – заметила она однажды. – Это опасно, как вы не боитесь быть таким смелым?

– Да это у меня получается как-то само собой, я уже давно без него. Уже почти привык, – ответил он, потирая то место на запястье, где должен находиться браслет.

– Если хотите, я дам вам браслет маэстро, правда он не работает. Его мне оставили как память о муже, – сказала она, – его можно использовать как имитатор, и у проверяющих меньше будет вопросов, – добавила она.

– Спасибо, – ответил он, – я так мало сейчас бываю в людных местах, что мне он сейчас не очень-то и нужен. Но все равно, спасибо вам, Сандра, за заботу обо мне. Вы очень добры.

Он знал, что браслет чужого человека, не сданный в соответствующие органы, является одним из тяжких преступлений. Закон в таких случаях предельно строг.

– А вы позволите мне на него посмотреть? – спросил он.

– Да, конечно, – она вышла в другую комнату и быстро вернулась со шкатулкой.

– Он здесь, – она подала ему шкатулку, предварительно

открыв крышку.

По сути своей браслет был сломан, перекушен каким-то инструментом, но, судя по индикатору, еще мог работать некоторое время. Встретив его вопросительный взгляд, она сказала:

– Мне вручили его после гибели маэстро, вот в таком виде.

– Странно, но он еще работает, – сказал он, возвращая шкатулку Сандре.

– Я в этой электронике ничего не смыслю, – сказала она немного смущенно. – Вы, Дари, уже знаете, я всю жизнь занималась только музыкой.

– Да, я понимаю, его снимали, конечно, не при вас, то есть не в вашем присутствии, – сказал он весьма равнодушно.

Эта тема ей была неприятна, и было заметно, что Сандре хотелось поговорить о чем-либо другом.

– Я прошу прощения, – сказал он. – но все таки, что означает ваша фраза: «он погиб»? По документам это был сердечный приступ. Вы, дорогая Сандра, считаете, что ваш муж, – он остановился, подбирая нужные слова, – скончался по другой причине?

– Да, Дари у меня есть веские причины не доверять официальным данным. Во-первых, он никогда не жаловался на сердце, во-вторых, был молод и крепок, ему не было еще и сорока, и в-третьих, в тот трагический вечер, после концерта его вызвали и увезли в департамент наставлений, и больше

я его в живых не видела, – она сильно разволновалась, губы ее дрожали, она еле сдерживала слезы.

Ему очень хотелось чем-нибудь утешить эту симпатичную женщину, и он ничего путного не смог придумать, как сказать:

– Успокойтесь, дорогая Сандра, время все лечит.

Он поцеловал ей руку. Сандра была ему благодарна. В этот вечер они долго не расставались. Обсуждая, что можно предпринять – отомстить? Забыл? Бороться? Как мстить? Как бороться? С кем? Ничего конкретного, кроме фантазий не получалось. И у него, имея такой дар, выходило что-то мелкое, одномоментное и главное – злобное. Получалось только одно – забыть или простить. Но это-то и было самым сложным.

Зимний иней лег на ветки,
Тихо, все кругом бело.
Гармониста ищут детки —
Флейту снегом занесло.
Лиц веселых и улыбок
Уменьшается число
Разгребают снег пушистый,
Руки стынут – ведь мороз.
Здесь и там прошлись – все чисто,

Покраснел уже весь нос.
Вдруг мальчонка неказистый
Скромно дудочку поднял —
Это что ли для флейтиста?
Я ведь первый увидал.
Мне награду нужно срочно,
Я совсем не эгоист.
Пусть хотя бы и заочно.
Мне сыграет гармонист.

А потом Сандра сильно простудилась и долго, недели четыре, болела. Он ухаживал за ней. Приходилось и кормить, и подавать лекарства, встречать и провожать докторов, добывать еду. Пришлось надеть сломанный браслет, кое-как залепив перекушенную часть. При высокой температуре Сандра иногда бредила, что-то бормотала непонятное, то ли о нем, то ли о маэстро, часто повторяя одни и те же слова – «не трогайте его, не трогайте». Дежуря у ее постели, в полудреме ему во сне часто приходил ветеран-старичок со своим извечным вопросом:

– Что такое счастье? Какое оно? Бывает ли счастье без горя? Бывает ли горе без счастья? – И уходил по-старчески кряхтя куда-то далеко, куда ему самому хотелось бежать. Но как бывает во сне, что-то хочется сделать, а не можешь, на-

блюдаешь и не можешь пошевелиться, пока не проснешься.

В тот день зимняя погода преподнесла сюрприз – с утра шел густой, мокрый снег, к обеду превратившийся в мелкий, морозящий дождь. Низкая облачность дождевым туманом окутала все вокруг. Было мрачно и сыро. Серые тени пешеходов монотонно продвигались по тротуарам.

Он, накрывшись капюшоном, торопливо шагал в очередной раз за едой. Привычка остерегаться слежки и опасных случайных встреч выработала в нем правило – оценивать как можно дальше вперед трассу движения и осматриваться каждые пятьдесят метров пути. Казалось, что в такую погоду можно было ослабить бдительность, но он знал, что это ошибка, и продолжал двигаться в привычном ритме.

У самой двери пункта выдачи еды чья-то твердая рука опустилась сзади ему на плечо, и он услышал:

– Прошу предъявить браслет для проверки.

Дверь перед ним открылась, на пороге обозначились двое одинаково одетых, крепких мужчин. Он мгновенно догадался, что сзади и спереди работают опытные профессиональные ребята. Решение необходимо было принимать быстро. Он приподнял левую руку, показывая свой браслет, и одновременно мысли его сконцентрировались только на одном:

– Они не должны меня видеть, меня здесь нет.

Рука на его плече ослабла и исчезла. Он увидел, что эти двое у двери, оглядываясь вокруг, как-то странно ощупывают руками воздух. Плавно, чтобы никого не задеть, он боком приблизился к стене и, прижавшись к ней спиной, стал медленно отодвигаться от задержателей. Старший из них отправил двоих назад в помещение, а тех, что были сзади, направил в разные стороны вдоль тротуара. Сам же по спецфону стал тихо докладывать кому-то о случившемся. Последнее, что он услышал, находясь от старшего уже в метрах пяти, это слово:

– Отбой, – старший вопросительно повторил его дважды.

Завернув за угол, он энергично зашагал к дому и подумал:

– Похоже, еды он сегодня не достанет.

Сандра уже немножко вставала, потихонечку поправлялась. Взволнованно встретив его, она спросила:

– Дари, что-то случилось? Ты так быстро вернулся?

Сегодня она была как-то особенно симпатична. После болезни лицо ее стало еще более утонченным. Только печальные серые глаза говорили о какой-то глубокой грусти, не проходящей уже долгое время.

– Сандра, у меня сегодня пытались проверить браслет. Мне повезло, я вывернулся, – ответил он. – А по сути, была вероятность быть задержанным со всеми последствиями, из этого вытекающими.

Она искренне испугалась.

– Что же теперь? Что же теперь нам делать? – она сказала

«нам», и ему стало ее бесконечно жаль.

– Что делать, что делать... – повторил он, уже зная ответ и, стараясь успокоить ее, равнодушно сообщил:

– Мне придется перебраться на чердак. Находиться у вас очень опасно.

– Очень жаль, что так получилось, – сказала она, – это я во всем виновата и этот дурацкий браслет. Зачем я только оставила его у себя? Теперь и с ним надо придумать, что делать? Они вас, наверное, вычислили по браслету. И все-таки, дорогой

Дари, что вы такое натворили? Почему оказались на чердаке? Вы позволите мне быть такой любопытной? Я раньше никогда, вы знаете, не задавала вам таких вопросов. Да и теперь, вы вправе не отвечать мне, если сочтете не нужным давать мне ответ.

Она села в кресло и покорно стала ждать. Он внимательно смотрел на нее, пытаясь прочесть ее мысли, – она думала только о нем и иногда он слышал один и тот же мотив грустной флейты с фортепиано. Выдержав длинную паузу, он сказал:

– Браслет, как улика, нам не нужен. Но остается одна очень важная и сложная проблема – детектор. Вы, Сандра, знакомы с этой штукой?

– Да, – кивнула она, – я умею его обманывать. Когда погиб маэстро, меня проверяли. Я им вместо мыслей подавала одну из моих любимых мелодий.

– А что вы скажите по поводу браслета? – спросил он.

– Нам надо что-то придумать очень правдоподобное, – ответили она, размышляя вслух. – Потерян, но как? Похитили. Когда? Как? Дари, у вас есть какие-либо идеи?

Идей было маловато.

– Зачем надо было выносить браслет из дома? Для того, чтобы его потерять? Глупо. Зачем он нужен похитителям, если он сломан и чужой? – он задавал себе вопросы и не находил ответы. Дурацкое состояние ощущается, когда задачу надо решить, а решения нет.

– Что обычно делают в таких случаях? Делают вид, что задачи вообще не было. То есть ничего не надо делать. Положить браслет на место в шкатулку, – он восхитился и испугался наглости такого предложения и некоторое время не решался об этом ей сказать.

– Мы положим его обратно в шкатулку, – несколько торжественно объявил он.

– Дари, а что я отвечу им на их назойливые перекрестные вопросы? – изумилась она.

– Ответ может быть только один – браслет в шкатулке, а что там у вас случилось в системе, в этом вашем электричестве я ничего не понимаю, – произнес он твердо и окончательно.

Теперь он, наконец-то, успокоился, удобно расположился в кресле рядом с Сандрой и не спеша рассказал ей свою историю. О своих способностях он говорил вскользь, как бы не

обращая на них внимания, пытаюсь не пугать ее своим даром. В тот же вечер он перебрался на чердак.

Зима была уж на исходе,
Картуз достал свой лицеист,
Цилиндры появились в моде,
Играл на флейте гармонист.
Простить, забыть ему хотелось
Печаль, обиду и судьбу.
Ему, конечно, натерпелось
За всю мелодию свою.
Ругали все кому хотелось,
Потом хвалили, толку что?
Не ценим, что у нас имелось
И плачем, потерявши все.

Он лежал на голом, грязном матрасе, и мысли уже который час не давали ему заснуть:

– Чего или кого он боится? Зачем прячется? Вот уже почти полгода он скитался, нелегал. И что дальше? Превратиться в социального странника? Сдаться комитету? – Ответь

та он не находил. Сомнения, нерешительность не давали ему успокоения. – Не с кем было это обсудить. Все вокруг чужое, опереться не на кого.

Сон свалил его внезапно, тревожный, неглубокий. Шорохи и какие-то звуки до утра не давали ему расслабиться. Чуть забрезжил рассвет. Он открыл глаза. Кардинал сидел напротив и не мигая смотрел на него. Было видно, что он голоден. Впалый живот и ребра, проступающие по бокам, указывали, что он голодает уже несколько дней. Кот несколько раз облизнул свой нос и в ожидании еды продолжал смотреть на него не мигая.

Неожиданно послышались шорохи у двери, кто-то снаружи пытался ее открыть. Послышались голоса:

– Открывайте, проверка департамента, – жесткий мужской голос повторил требование. В дверь стали твердо и ритмично стучать.

Он быстро встал и, еще не зная, как ему действовать, оглядываясь, машинально отходил от двери в дальний угол чердака. Кот, опередив его, прошмыгнул к стене и, как бы приглашая его идти за собой, вертел головой, указывая, куда им надо стремиться. В стене, обшитой грубыми досками, имелась щель и, отжав пару досок, он оказался в узком помещении со старой деревянной лестницей, ведущей вниз. Через минуту они с котом оказались на улице и быстро растворились в сером зимнем утре.

Он шагал по тротуару уже несколько минут. Погони не

было. Кот незаметно исчез. Бесцельно бродить по городу ему не хотелось, он сел в вагон городского пумпеля и решил проехать несколько остановок, спокойно обдумать сложившуюся ситуацию. А ситуация требовала кардинального решения.

Его опять вычислили. Сандра? Это Сандра, подумал он. Но это все потом. Главное, что дальше?

Вагон был почти пустой. Под мягкое покачивание думалось хорошо. Мысли не путались как накануне:

– Что он может? Внушать другим свои мысли, заставлять людей действовать, как он хочет. Он может быть невидимым для других. Он обладает сверхспособностями.

Имея такой дар, он до сих пор прячется и трусит. Стыдно, молодой человек, стыдно, – говорил он сам себе, – я сверхчеловек!

Он вспомнил, что говорил ему ветеран в ту последнюю их встречу:

– Надо сделать добро. Надо делать добро. В этом счастье. Даже когда кажется, что это зло. Иначе его дар никому не нужен, даже для себя он не нужен.

Он встал и решительно двинулся к выходу. Двери вагона открылись, и милая седая старушка вкатила в вагон инвалида на коляске, юношу лет шестнадцати. Он машинально взглянул на мальчика, чуть коснулся его головы и сразу увидел, понял причину его недуга. Старушка испуганно посмотрела на него, когда он ладонями рук пытался что-то сдвинуть вверх головы инвалида. Мальчик-юноша чуть вскрикнул и

осторожно поднялся из коляски. Старушка ойкнула и бросилась к юноше. Они настороженно и удивленно смотрели на него, а он, дождавшись следующей остановки, быстро вышел и не оборачиваясь спустился вниз по лестнице к тротуару одной из центральных улиц города.

Инвалид детства

Во двор, где ватага пацанов играла в свои мальчишеские игры, выходил мальчик постарше ребят года на три-четыре. Он не мог участвовать в их играх из-за болезни. У него был поврежден позвоночник, и все его туловище было зажато в плотный корсет. Он стоял прислонившись к стене дома и наблюдал за играми других. Иногда мальчишки, зная, что он не может бегать и вообще быстро двигаться, задирали его, цапали за одежду, дразнились, увертываясь от его ответных действий. Когда уж очень сильно они его обижали, он с большим трудом неуклюже приседал, поднимал камень и пытался попасть им в обидчика.

Это было давно, в далеком детстве. Он вспомнил, какое злое лицо было у обиженного, а у мальчишек, задиравших его, появлялся страх. Они боялись его камешков. Он тоже его побаивался, хотя сам его никогда не задирали и тайно его жалел. Но мальчишеская стайная солидарность не позволяла ему с ним подружиться.

Номер гостиницы ему понравился, здесь было удобно и уютно. Поселиться здесь ему не стоило большого труда. Его легенда состояла в том, что все, кто его размещал в гостинице, считали его работником аппарата южного города и сообщать о его проживании ввиду его особой миссии никому из органов не должны.

Полдня он смотрел на большой экран и сначала жадно, а потом машинально поглощал свежую информацию о событиях в данной местности. Мелькали лица и слова, слова, слова. Похоже все и вся готовились к каким-то важным выборам. Граждане в залах, студиях, на площадях и улицах слушали ораторов. Несколько раз промелькнул на экране Предводитель. О чем он говорил, ему было не очень понятно. Представители объединенного правительства объясняли суть реформ, которые они проводят и собираются проводить. Незнакомые лица, представляющие какие-то замысловатые объединения, ругали друг друга и все вместе ругали правительство.

Понять, кто прав, было невозможно. Журналисты и политологи так запутанно и неконкретно что-то объясняли, что уже через час он обалдел от всего и тупо смотрел на мелькание картинок, оторваться от которых ему удалось с большим трудом. И все же из любопытства он решил побывать

у «дымистов» и не откладывая это мероприятие вышел из гостиницы.

В центре города, где до этого он бывал редко, кипела жизнь. Граждане двигались по тротуарам плотными встречными потоками. Сплошные ряды магазинов и ресторанов освещались яркими витринами, заманивали к себе клиентов. Публика всюду выглядела респектабельно. А он на фоне этого блеска некстати выделялся своей скромной одеждой. Это его беспокоило. Он подумал:

– Только что сделал доброе дело и тут же обманом поселился в гостинице, а сейчас, скорей всего, опять же обманом постарается переодеться во что-то шикарное, чтобы слиться с толпой. А как же перейти к массовому добру?

Так размышляя, переодевание он оставил на потом после «дымистов», там шикарность была не нужна, он с любопытством кружил по улицам. К «дымистам» он попал только вечером. Собрание уже подходило к концу. Гимн был уже пропет. Председатель, обращаясь в зал, довольно быстро решал какие-то не очень важные оргвопросы.

Глава третья. Весна

– О! Наконец-то, батенька, вы и добрались до нас. Ждем, ждем, а как же без вас. Что-то долгонько, батенька, вы, долгонько. Будем работать. Дело будем делать. Архиважно именно сейчас вам включиться в борьбу. Дел просто громадное число. Выборы, батенька, выборы. Мы тут уже заканчиваем, но это ничего, я вас сейчас выпущу. Вот центральный вопрос, вы его усильте, пожестче, резче, рельефнее. Массы надо зажечь, еще и еще, – он торопливо подталкивал его к трибуне. – Вот вам тезисы, пробежитесь, народ еще не остыл, самое время, – Предводитель сунул ему несколько листов. На первом он прочел крупно напечатанный текст: «Голосуйте за него, принесет он Вам добро».

Зал монотонно гудел после гимна. «Дымисты» уже собирались расходиться. Он встал на трибуну и громко произнес: – Граждане «дымисты», вы думаете, что от вас что-то зависит. Нет, равным счетом ничего. Этот ваш «дымизм» сплошной обман, мираж, пустой звук. Вы – абсолютная пустота.

Зал от неожиданных слов затих. Кое-где слышались отдельные голоса:

– Что он говорит? Кто он такой?

– Вас обманывают эти пустозвоны, – он махнул рукой в сторону президиума и Предводителя, – в сущности «ды-

мизм» вреден всем вам вместе и каждому по отдельности.

– Эко, Батенька, вас занесло, – услышал он сзади, почувствовал резкую боль в шее и провалился в темноту.

Весна спешит, сменяя зиму,
Ведь так задумал «Программист»
И как всегда, неумолимо,
Играл на флейте гармонист.
Пора бы скрипочку освоить,
А он все продолжал дудить.
Просил себя не беспокоить
И скрипкой утром не будить.

Он лежал на чем-то жестком с открытыми глазами и не знал – где он и сколько времени здесь находится. Вокруг стояла крошечная темнота. И чем больше он пытался что-то разглядеть, тем сильнее темнота окутывала его. На ощупь стало ясно, что лежит он на железной кровати, стоящей на бетонном полу. На четвереньках он обследовал пол во всех направлениях. Комната его, скорее камера, была не более де-

сяти квадратных метров со стоящей посередине кроватью. Стены – гладкий бетон без дверей и окон. И никаких признаков внешнего движения и шума. Сколько времени провел он здесь и сколько еще проведет? – Он не знал, и от этого становилось жутковато. Единственное, что могло его успокоить, это внутренняя дисциплина поведения, которую еще надо было выработать.

Сколько раз он прошагал вокруг кровати и вдоль стен? Его счет сбивался уже несколько раз, да еще этот тревожный сон на жестком. Он никак не мог определиться со временем. И только по чувству голода и жажды можно было примерно понять, что в камере он провел уже несколько суток.

Ожидание неизвестности – такая пытка может довести до сумасшествия. И когда он стал забываться, а по сути находился в полубоморочном состоянии, включился свет; ослепил его; твердые сильные руки подхватили его и куда-то понесли.

Его в течение суток приводили в порядок, и в конце концов он предстал перед человеком, сидящим за пустым столом. Простое незапоминающееся лицо с равнодушными глазами и тонкой полоской серых губ внимательно наблюдало за ним.

Сидящий за столом сухо спросил:

– Имя? Фамилия? Год рождения? Специализация? Род занятий?

Он на все вопросы отвечал медленно, то ли от усталости,

то ли от заторможенности после темноты.

– В какой области собираетесь работать? – Этот вопрос привел его в замешательство.

– Я не знаю, – ответил он после некоторого раздумья.

– Мы вам советуем заняться подготовкой суперспециалистов, – голос прозвучал так, как отдают приказы, и после короткой паузы. – У вас есть вопросы, пожелания?

Он молчал.

– Тогда за дело? – Сидящий за столом встал и рукой указал ему на дверь.

Его провезли в закрытой машине двое крепких сопровождающих, и уже через полчаса он оказался перед мужчиной в белом халате, в кабинете, напоминающим скорее медицинское, чем административное помещение.

– Ну-с, батенька, теперь будем работать, – услышал он голос Предводителя.

– Это вы? – изумился он. – Это как же? Дымисты, дождисты, странники? Это все вы?

– Да. Работы много, коллега, – сказал Предводитель. – А теперь поговорим о вашей работе. С вашими обязанностями вы ознакомитесь на рабочем месте. Там же вы узнаете о нашем режиме. На первых порах, на время испытательного срока у вас будет третий допуск. Здесь дисциплина у нас весьма строгая, советую ее соблюдать неукоснительно. Суть вашей работы состоит в следующем, – и он перечислил три позиции: – Проверка на лояльность, обучение приемам воз-

действия, повышение волевой и психической устойчивости претендентов. Необходимые инструкции вы получите позже. У вас будет куратор – ваш прямой начальник. Вопросы есть?

Вопросов у него было много. Он даже не знал с чего начать. И неожиданно для себя спросил:

– А Сандра, кто она?

– Поскольку можно считать, что мы обо всем договорились, я дам такой ответ, – проговорил Предводитель и медленно продолжил: – Это наш спецсотрудник. Я думаю, вам этого будет достаточно.

Предводитель встал, показывая, что беседа окончена.

Весна недавно началась,
И в небе синь вовсю явилась.
Музыка громом прорвалась,
Гармонь как будто простудилась —
Меха рвались, басы гудели,
Как будто зимние метели
Еще не стихли вдалеке.
И дед Мороз, уже усталый,
Являлся ночью налегке.

Он уже целый месяц трудился в Центре подготовки. Работы было немного и ничего сложного. Скорее всего, его на первых порах все проверяли и проверяли. Его куратор – лысый, невзрачный старикашка – каждый день приносил ему в кабинет список претендентов и с интервалом ровно в час заводил ему их по одному на собеседование. Он целый час общался с претендентом, заполнял на него анкету, и так весь рабочий день. Вечером по окончании работы куратор подводил итоги его деятельности. Потом он прогуливался по территории Центра, дышал воздухом, ужинал и ложился спать в своем небольшом номере. Общаться, кроме куратора, практически было не с кем.

Досуг его состоял из чтения специальной литературы для работы с претендентами. Доступ к внешней информации был закрыт. Проникновение за периметр, окружающий Центр, ему было запрещено.

Рифмовать, как это было раньше, ему почти не удавалось. Строчки получались какие-то банальные и серые, поэтому скучные и незапоминающиеся. Ну разве можно считать это достойным:

– Весна пришла и стало не до сна.
Снега подтаяли кругом

И жизнь катилась кувыркком....

Как-то раз он пробовал подойти поближе к периметру, но окрик: «Вы вошли в запретную зону – покиньте ее в течение тридцати секунд», его остановил.

Пробовать, что будет дальше, он не стал. На утро куратор объявил ему выговор. Он учился ничему не удивляться, даже отсутствию браслетов у себя и у всех сотрудников центра, с которыми ему иногда приходилось встречаться. Видимо, система контроля была построена на каких-то иных принципах. Единственным его развлечением были беседы с претендентами, среди которых, как правило, преобладали идиотические экземпляры. По-видимому, до появления в центре их где-то специально отбирали среди массы желающих служить или работать в спецподразделениях. Правда, одно качество у них было на высоте – это здоровье и мускулатура.

Перед ним сидел коротко стриженный розовощекий парень лет двадцати с ослепительной улыбкой и идеально сложенной фигурой.

– Какие последние фильмы вам понравились? – спросил он претендента.

Парень гыкнул и молниеносно выпалил:

– «Злобные бабульки».

– И что же там вам понравилось? – он снова спросил претендента.

– Там так смешно, бабульки всем вредят, подбрасываютдохлых мышей и тараканов. Как бы, у них такая банда. Люди пугаются, – парень взахлеб, гыкая рассказывал содержание фильма, – а еще там есть хохмическая песенка. Ее теперь все поют, – и он запел, не попадая в ноты:

– Мы прекрасные бабульки,
Получайте в дар игрюльки.
Тоник ты налей в стакан —
Там сидит наш таракан...

Он жестом руки остановил певца и пометил в анкете самый низкий уровень интеллекта. И тут ему пришла в голову оригинальная идея – заместить в памяти парня «Злобных бабулек» на «Арсения и Агафью». Этот старый фильм рассказывал о подвиге юноши и девушки, предотвративших катастрофу городского пумпеля еще тогда, когда первые поезда не были так напичканы электроникой.

Претендент затих, насупился и чуть не плача, скорбно произнес:

– Они погибли, они погибли. Почему? Зачем? Они должны были остаться в живых, – и он долго, минут пять, не мог успокоиться.

В анкете претендента он записал: «низкий уровень психологической устойчивости».

Вечером, при подведении итогов, куратор, обсуждая все его оценки претендентов, заметил:

– Вы применили какой-то оригинальный способ оценки интеллекта, не уверен, что ваш метод будет одобрен координатором, – и добавил: – Здесь на вашем месте я бы не стал новаторствовать, достаточно было использовать проверенные тесты.

Куратор нахмурился. Его сморщенное лицо выражало недовольство. Он пристально буравил его глазами. А ему внезапно пришла в голову крамольная мысль – он стал внушать куратору:

– Меня здесь нет, меня здесь нет. – И тут же получил резкий удар в лоб. Это было сделано так быстро и точно, что все мысли в его голове исчезли.

Не теряя сознания, он целую минуту приходил в себя.

Куратор выждал и жестко хриплым голосом объявил:

– О вашем проступке будет доложено Координатору с предложениями о наказании. А сейчас до вынесения решения я отстраняю вас от работы.

Он с испугом смотрел на куратора, ругал себя за идиотскую выходку и машинально про себя рифмовал, то ли чтобы взять себя в руки, то ли чтобы не расстроиться еще больше:

Все случайные дела
Происходят не с добра.
После плотного обеда
Не ходите далеко.

Добежать вам до победы
Будет очень не легко.

Куратор, видимо, прочел его мысли и немного смягчился, лицо его чуть-чуть разгладилось, и он проскрипел:

– По крайней мере, этот случай будет описан в вашем до-
сье.

Уже поздно вечером, лежа в постели, он долго не мог за-
снуть. Он рассуждал:

– Даже имея такие способности ему отсюда не выбраться. Местная система не позволит мне освободиться. Уже то, что я знаю говорит о том, что контроль и охрана здесь на высоте. Слежка везде. Меня, похоже, наблюдают днем и ночью. Надо выработать какую-то линию поведения, дающую хотя бы некоторую надежду, хотя бы в отдаленной перспективе выбраться отсюда. Надо притвориться. Не сильно привлекать к себе внимание, но и не слишком выслуживаться, чтобы не стать подозрительным. А эти все кураторы и координаторы, следящие за мной, читающие мысли, как быть с ними? От них не спрячешься.

Он еще долго размышлял на эту тему и почти засыпая шепотом прочитал себе, а может и пропел известную детскую песенку, которую решил напевать про себя, когда кто-нибудь из этих попытается залезть ему в мозги:

– Приходите к нам, все дети,
Мы дадим вам молока.

Вы счастливей всех на свете —
Так сказала нам страна.
Подрастайте поскорее,
Вам браслетики дадим,
А тому, кто пошустрее,
Партбилетики вручим.

На следующее утро он был вызван к Координатору. Предводитель-координатор сидел и листал какую-то папку с бумагами. Не поднимая головы, он предложил ему сесть на стул по середине комнаты и, выдержав довольно долгую паузу, дружелюбно обратился к нему:

– Что же это вы, батенька, так чудите. Это, голубчик, знаете, тянет на безоговорочное искоренение. Мне вас, батенька, искренне жаль. Работаете вы неплохо. Немножко лишне инициативны, а впрочем, неплохо, неплохо, что же мы с вами будем делать? – он снова углубился в чтение бумаг. – Вот и это еще, – он ткнул пальцем в папку. – Зачем вам, батенька, сдался этот периметр? Ну что вы там искали? Глупость безмерная. – Он еще несколько минут перелистывал бумаги. Вздыхал, кхекал, периодически поднимал голову и внимательно разглядывал его.

– Ну-с, батенька, что прикажите делать? Что молчите? Слышу, слышу какую-то детскую песенку. И это все что вы можете сказать?

Он понимал, что надо как-то ответить. Но как? Чтобы это выглядело убедительно, солидно и, главное, искренне. Все

варианты выглядели либо наивно, либо очень глупо. И он решился ответить:

– Я, конечно, хотел бы освободиться от этого всего. Но если это невозможно, а это действительно невозможно, то я обещаю работать в центре нормально без эксцессов.

Координатор сосредоточился и равнодушно заявил:

– Вам продлевается испытательный срок еще на два месяца и объявляется выговор. Прошу приступить к работе, – и уже не так официально добавил: – используйте только разрешенные методики и тесты, никакой отсебятины. Здесь мы готовим не ученых, которые много думают и мало говорят, и не администраторов и прочих гражданских, которые много говорят и мало делают. Мы готовим воинов. Для нас важно: подчинение командиру, устойчивость к стрессам, преданность руководству.

Уже через несколько минут он снова сидел на своем рабочем месте и задавал простые вопросы:

– Вас обидел начальник. Ваши действия? – Не показали вида, что обиделись; громко возмутились; стали ждать его следующих действий. Прошу выбрать один из вариантов ответа.

Сидящий напротив него очередной претендент, задрал глаза вверх, после небольшой паузы, попросил повторить вопрос.

Он затаился. Работал и работал, без эмоций, монотонно обрабатывал претендентов. Заполнял анкеты. Отчитывался вечером перед старикашкой-куратором. Только там, где-то в подсознании, крутилась одна любопытная мысль – как за всеми этими претендентами, кураторами и такими как он спецами следят?

Браслетов ни у кого нет, а двери открываются только те, которые соответствуют допуску. «Чужие» двери при приближении мигают красным, запрещающим цветом. Расспрашивать об этом кого-нибудь было нельзя. Он экспериментировал – подходил к дверям сбоку, справа, слева, даже пробовал приближаться к ним спиной. Результат был один и тот же – двери срабатывали на любое его приближение и не срабатывали, если были «чужими». Самое простое объяснение: датчики знали каждого индивидуально с любой стороны. Об этом он думал постоянно, но разгадки пока не нашел.

Прошло еще некоторое время, и он стал тосковать, вспоминая свою прежнюю жизнь. И она ему нравилась все больше и больше. Даже скитания без дома были для него более радостными, чем прозябание в этом центре. А опасности нелегального существования уже казались не такими страшными.

Вспомнилась народная поговорка, которая пользовалась

популярностью среди гражданских:

– «Если мягко задержали,
То остался без медали.
Ну, а как искоренят
Будешь жить как психопат».

А весна брала свое. Становились все теплее и теплее. На лесных опушках, видневшихся за периметром, появились проталины. В низинах снег набух, стал темным.

Кое-где образовались большие лужи, и из них под горку потекли ручьи.

Весна. Начало еле видно.
Чуть тронул клавиши солист.
И уходить еще обидно,
Играл на флейте гармонист.
А оркестранты разминались,
Вот-вот ворвется дирижер.
Зал затихал. Зады смеялись

В программке было «До мажор».
И вот как дождь, сначала тихо,
Потом сильнее, сильнее, сильнее.
По залу покатались лихо Все звуки. Стало веселей.

А флейта – что ж? Ее чуть слышно.
Ручьи потоками бегут.
Весна раскрылась пышно, пышно,
И громко слышен каждый звук.

Детское оружие

Впрочем, весной по сравнению с зимними забавами делать особенно было нечего, особенно ранней весной. Лыжи, санки, коньки – все было сложено в чулан до ноября-декабря. Велосипед еще не приведен в рабочее состояние из-за отсутствия сухих дорожек. Приходилось слоняться по еще редким проталинам посреди подсевших сугробов. После длинной зимы, после долгого хождения по снегу, утоптанному, вязкому, по снежной жиже, пройти по твердой, только что оттаявшей земле было приятно и ново, и от этого становилось радостно – конец зиме.

Пацаны в этот период занимались техническим творчеством, а по сути, с точки зрения взрослых, хулиганили. Изготавливались рогатки разных типов. У каждого их было не менее двух. Одна для метания мелких камушков, вторая для стрельбы проволочными пульками. От этой «забавы» страдали уличные лампочки, оконные стекла, стеклянные банки и бутылки и, конечно, вездесущие воробьи. Вторым «техни-

ческим художеством», весьма распространенным, являлось производство «пацанского», то есть примитивного оружия, где основным являлся гладкоствольный пистолет.

Он вспомнил, как одно из неудачных испытаний такого пистолета чуть не закончилось серьезными увечьями – при выстреле разорвало ствол пистолета. Повезло – осколки ствола и пуля никого не задели. Страх и последующая радость, что все обошлось, запомнились надолго.

Ранняя весна быстро проходила, и наступало новое время – время летних игр на свежем воздухе. А тут и учеба подходила к концу. Дел было по горло и в школе, и дома, и во дворе. Близились длинные, предлинные летние каникулы.

Очередной претендент не выглядел физически сильным – тонкая шея, худоба говорили о том, что его скорее можно отнести к интеллигенту, чем к накаченному спортсмену. Светлые волосы и мягкие черты лица производили приятное впечатление умного, думающего молодого человека. Он очень спокойно и уверенно отвечал на все вопросы тестов, как будто уже не первый раз здесь тестировался. Только иногда в редких паузах от интеллигента еле-еле слышалась какая-то песенка, которую он смог различить только после третьего исполнения. Это была очередная киношная белиберда:

– Мы веселые девчушки,
Дарим вам свои игрушки.
Приходите к нам скорей,
Вместе будет веселей...

Ему показалось это подозрительным – спокойно отвечать на вопросы и в то же время блокировать свои мысли этой дурацкой песенкой. Машинально заполняя анкету, он размышлял:

– Зачем претенденту такая маскировка? А может, это и не маскировка? Что вписать в анкету? Сделать вид, что он не заметил эту странность, могут обвинить в невнимательности. Записать эту странность в анкету – испортить жизнь этому парню. А вообще-то это все может оказаться проверкой для него самого. А этот претендент – подставка. – В конце концов, он вписал в анкету «рекомендуется дополнительное собеседование». Вечером, в конце рабочего дня он доложил о своих подозрениях куратору. Старикашка внимательно выслушал его и пробурчал:

– Завтра мы дадим вам ответ.

Засыпая, он вспоминал, как попал в центр.

– Вот вы попробовали делать массовое добро. И что из этого получилось? Ничего хорошего – попали, так сказать,

«добровольно-принудительно» в центр. – Ветеран, попивая тоник, продолжил: – Зачем вы, кажется, не глупый человек, решили перевоспитать целую толпу дымистов? Посчитали себя сверхчеловеком? Это уже было. Были и сверхчеловеки, и боги, кого только не было. Были и чудеса, и заповеди, проповеди, и что в результате?

Он слушал Ветерана и понимал, что это не Ветеран говорит, это говорит он сам себе, а старик только утвердительно кивает головой.

– Вот вы же видите, ничего не изменилось. Человек не меняется, инстинкты остаются. Что правит миром? – страх, один только страх. Нам говорят: «миром правит любовь» – ничего подобного. Любовь – это лишь одна из разновидностей болезни, а страх – это сила, довлеющая над всеми, и только очень редкие люди живут без страха. Да и то, я думаю, что они больные люди.

Ветеран то приближался, то удалялся от него. Иногда ему казалось, что это вовсе и не Ветеран, а кто-то другой. Он понимал, что это сон, только сон. Он устал, хотел проснуться, но старик не уходил:

– Вот вы тоже под страхом ходите. Признайтесь – боитесь? Ведь боитесь? – Ветеран напирал и все более и более волновался.

– Боитесь, – утвердительно произнес он. – Боитесь мягких задержаний, а всего более искоренения. Сотрут половину мозгов. Что останется? Только детские воспоминания.

– Вот смотрите, – старик махнул рукой, – видите, видите, там ваш дом.

Он увидел себя стоящим на вершине холма, мягкими изгибами спускавшегося вниз к озеру. На берегу, внизу, виднелась небольшая деревенька, даже скорее хутор с несколькими ветхими хатками, покрытыми серо-желтой соломой. Закатное летнее солнце уже зацепилось за кромку дальнего леса. В траве веером полулежали – Предводитель, куратор, Фари и Сандра, и все внимательно следили за Ветераном. А Ветеран не унимался:

– Вам надо туда, домой. Там не будет страха, там вас ждут, ждут уже давно. Им, – он указал на полулежащих на траве, – туда не надо. Это не их дом. Они всего лишь шум, шум дождя. Дождь кончится и они как шум исчезнут, а вы останетесь.

А вдали уже ровно шумела стена дождя.

Он открыл глаза. До подъема оставалось, наверное, несколько минут. Уже щелкнуло реле, и спокойный ровный свет понемногу стал заливать весь номер. Наступал новый день в центре. Пора вставать. От ночного длинного сна немного болела голова.

Особой ясности в мыслях не было. Пока он приводил себя в рабочее состояние, рифмы мелькали сами собой:

Весна – банальности кругом —
Не верил в рок свой фаталист,
Закрыли срочно весь дурдом,
Играл на флейте гармонист,
Ручьи бежали снизу вверх,
Деревья сбросили листву,
Медведь продал на рынке мех
И стал молиться на пургу.
Увидев эту кутерьму,
Маэстро палочкой махнул,
Настроил всех он на весну,
Порядок общий он вернул.

Утром на рабочем месте куратор разрешил ему повторное собеседование с вчерашним претендентом. Более того, ему разрешили использовать неформальные приемы, то есть манипулировать сознанием испытуемого.

Претендент сидел напротив и спокойно ждал его вопросов. А он пристально, почти не мигая, смотрел ему в глаза и пытался докопаться до его скрытых тайных мыслей. Дурацкая песенка – «Мы веселые девчушки...» – мешала ему основательно. Пришлось полностью ее стереть вместе с идиотским кинофильмом. Молодой человек очнулся от спокойного ожидания в некотором недоумении. Что-то внутри его насторожило. По его лицу было видно, что он удивленно прислушивался к себе.

А он методично продолжал чистить мозги претендента. За «девчужками» он обнаружил идею во что бы то ни стало попасть в центр, получить доступ к оружию и мстить, мстить, мстить. Он понимал, что пора перейти к мысленной беседе с претендентом. А претендент уже догадался, что защита его разрушена. Спокойствие его покинуло. В его светлых глазах появились злые искорки.

Он мысленно спросил претендента:

– Кому и за что вы хотите мстить?

– Им. За гибель любимого человека, – зло, еле слышно, одними губами ответил претендент.

Со стороны это могло показаться странным, что два человека смотрят в глаза друг другу, и молча жестикулируют, и покачивают головами.

– Вы полагаете, что можете осуществить свой замысел в условиях тотального контроля и слежки? – мысленно спросил он и продолжил: – Даже если вы пройдете отбор и попадете в зону боевых действий, вернуться сюда будет очень сложно. Вы это понимаете?

– Да, я знаю, что сделать это сложно, но у меня есть план, – одними глазами, уже успокоившись, ответил претендент.

– Почему я должен вам верить? Я могу допустить, что вы провокатор и проверяете меня? – спросил он претендента и указательным пальцем сделал несколько круговых движений, намекая на то, что за ними могут следить и подслушивать.

– Потому что я еще на первой беседе понял, что вы их боитесь и не хотите с ними сотрудничать. Вы просто вынуждены это делать до поры до времени, – ответил претендент.

– Вы хотите сказать, что мы вторглись в тайные мысли друг друга и рискуем в равной степени? – спросил он претендента.

– Да, я думаю, что мы рискуем обоюдно. Но я могу ваши риски снизить в обмен на вашу лояльность по отношению ко мне, – ответил претендент.

– Интересно, что же вы можете мне предложить? – спросил он. – Какие гарантии вы можете мне дать?

– Я могу вам сообщить, где у вас, как и у меня, находится датчик контроля, – претендент как бы случайно коснулся правой рукой левого предплечья.

– Избавиться от него без посторонней помощи почти невозможно, – подумал он, делая знак претенденту о том, что он понял его.

– Да, – подтвердил претендент. – Но я думаю, на войне, где люди узнаются быстро, мне удастся найти помощника, чтобы выковырять этот микрочип.

Они расставались почти друзьями, мысленно обнявшись друг с другом. Он извинился перед молодым человеком за то, что стер его защитную песенку, а претендент, улыбнувшись, пропел ему другую:

Мы веселые мальчишки

В одинаковых трусишках.
Приходите к нам, девчонки,
Будет каждой по мальчонку.

Он тоже улыбнулся и подумал:

– Пока будет потребность в кинодребедени, до тех пор у него и у меня будут образцы для защиты своих мыслей.

В анкете претендента он записал: «Обладает высоким интеллектом. Рекомендуется дообучение на командные должности».

Вечером в своем номере он озадачился следующей мыслью: если этот парень раньше его избавится от чиповой опеки, да еще с оружием, то ему здесь придется туго, и остается надеяться, что в зоне боев он может оказаться раньше претендента.

Испытательный срок подходил к концу, и он знал, что ему предстоит еще стажировка на войне.

Она сидела напротив и буквально сверлила его глазами. Куратор хотя и предупредил его утром, что у него будет необычный претендент, в виде исключения это будет девушка, он немного опешил от неожиданности. Девушек он давно уже не видел, тем более, что ее поведение удивило не меньше, чем ее появление. Она сразу представилась:

– Меня зовут Агафья, а как зовут вас?

– Здесь не принято называть друг друга по имени, – ответил он, – и вопросы задавать это моя обязанность. Ваша обязанность отвечать на мои вопросы.

– Как хотите, – фыркнула она и стала вертеть головой, осматривая его скромный кабинет.

– У вас тут как в тюрьме, туда не ходи, сюда не ходи. Как вы тут живете? – протараторила она недовольно.

– Вы находитесь в центре подготовки, – заметил он, стараясь быть равнодушно-вежливым. – Здесь установлены определенные правила. Вас должны были с ними ознакомить.

Несмотря на ее трескотню, он стал задавать вопросы в соответствии с тестами, а она то не отвечала на них, то отвечала невпопад. В основном, когда надо было выбрать вариант ответа, капризничала:

– У вас тут очень мало вариантов, почти нечего выбирать. Я так не могу, мне нужно время для обдумывания. – И, в конце концов, она предлагала вариант ответа, абсолютно не относящийся к вопросу.

– Вы пишете, пишете, а там где у вас был второй вопрос, зачеркните ответ, я передумала. Надо записать... – И она предлагала новый вариант. Уже через полчаса такой работы он утомился сверх меры. Он старался быть спокойным и в моменты ее особенных выходов брал паузы и внимательно разглядывал ее, пытаясь понять – кто она? Почему она так себя ведет? Имечко ей дали Агафья, что означает хорошая,

добрая. Видимо, родители не угадали – какая она вырастет. Хотя внешне она выглядела великолепно, просто красива и так жива по сравнению с некоторыми официальными красавицами под макияжем, что смотреть на нее, не прислушиваясь к ее словам, было приятно.

– Вы любите музыку? – спросила она как бы мимоходом, – особенно когда гармонист играет на флейте?

Он внутренне напрягся, но внешне выглядел спокойным и продолжил записывать ее последний ответ.

– Вам привет от Фари, – сказала она тихо.

Он оторвался от анкеты и вопросительно на нее посмотрел. Она еще раз тихо повторила:

– Вам привет от Фари, она хочет вам помочь выбраться отсюда.

Он насторожился:

– Ведь Фари работает на них. И зачем Фари нужен этот спектакль с этой девицей?

Он посмотрел на часы. Время на претендентку закончилось.

– Ваше время истекло, – настойчиво произнес он.

– Прошу вас прекратить разговоры и покинуть этот кабинет.

Она, не ожидавшая такого ответа, пожала плечами и спросила уже чуть громче:

– Так что мне передать?

– Передайте привет, – ответил он.

В анкете, в резюме, он отметил: «Склонна к провокациям». Вечернее подведение итогов с куратором в этот раз немного затянулось. Куратора заинтересовало его мнение об этой девице. И ему пришлось более подробно пересказать весь ход собеседования. Старикашка остался вполне удовлетворен его сообщением.

А весна подошла к тому моменту, что вот-вот готова была превратиться в лето. За периметром уже всю зеленела трава, на опушках появились первые цветы. Снег еще оставался кое-где в теневых низинах, но эти редкие его остатки были малы и незаметны. Природа готова была встречать лето. Почки на деревьях всю лопались на ярком весеннем солнце, и кое-где виднелись молодые зеленые листочки. Ему нравились эти перемены. Они предвещали перемены и в его жизни – до окончания его работы в центре оставалось три дня. А потом стажировка и в обязанности его войдут новые функции – обучение приемам воздействия, повышение волевой и психической устойчивости, а главное он выйдет из этих стен.

Трагическая любовь

Новенькая девчонка пришла к ним в класс за месяц до начала летних каникул. Банальная история – ее родители поменяли место жительства, и ей пришлось поменять школу. Как только она вошла в класс, классная руководительница

сказала:

– Познакомьтесь – новая ученица. Пришла к нам из другой школы, а зовут ее... – И она назвала ее имя и фамилию, стало ясно, что эта новенькая: во-первых, отличница, а во-вторых, опрятная и симпатичная девчонка.

Все с любопытством смотрели на нее, особенно девчонки, уже заранее ощущая в ней нового лидера, а соответственно и угрозу их сплоченному, сложившемуся сообществу. А мальчишки простодушно осматривали ее из юношеского любопытства, которое имеется у старших школьников к противоположному полу. По стечению обстоятельств ее посадили рядом с ним. И вместо его закадычного друга, с которым они сидели за одной партой с самого начала учебы, появилась девчонка, да еще и новенькая. Поначалу он не знал, как с ней общаться. Опыта такого общения ни у него, ни у кого-то из мальчишек не было. Было простое мирное существование, в отличие от младших классов, где общение мальчишек и девчонок представляло собой скорее борьбу за выживание и свое место в коллективе.

Она сразу, как только выдалась пауза во время урока, тихонько спросила, не глядя в его сторону:

– Как тебя зовут?

Он ответил. И как-то незаметно у них завязалась дружба, но не явная, не напоказ. Иначе мальчишки и девчонки то ли от зависти, то ли от еще детской глупости «заклевали» бы их дурацкими шутками и задирками. Он, по-прежнему, мотал-

ся по двору с пацанами, играл в мальчишеские игры. А с ней обменивался, сидя за партой, незаметными для остальных знаками внимания. Пацаны, заподозрившие, заметившие в нем небольшие изменения, спрашивали:

– Ну, как девчонка?

На что он нарочито равнодушно отвечал:

– Нормально... обыкновенная... подсказывает мне на уроках. Отличница, – говорил он с некоторой иронией.

Как было тогда принято, чуть иронично относиться к отличникам. Их иногда называли «зубрилами».

Она ему все больше и больше нравилась. Они общались за партой, уже не стесняясь остальных. И одноклассники воспринимали их уже как друзей, хотя считалось, что эта дружба между мальчишкой и девчонкой является в некотором роде исключением.

А лето было уже совсем рядом. Стало довольно тепло, солнышко свело на нет последние теньевые остатки снега.

Земля подсохла. На открытых лужайках расцвели сплошным ковром ярко-желтые одуванчики. Она любила одуванчики. Они напоминали ей окончание школы и начало больших каникул.

Он довольно часто провожал ее домой. Они подолгу разговаривали друг с другом. Болтали обо всем подряд, и похоже, у них было много общего в пристрастиях к разным делам.

В школе все шло своим чередом. Сдавались послед-

ние контрольные. Исправлялись последние, нежелательные оценки. Писались последние самостоятельные работы. До каникул оставалось три дня.

В этот раз, провожая ее домой, он взял ее за руку. Она чуть дрогнула от неожиданности, на мгновение даже растерялась, но потом ее слабая ладонь крепко и в то же время ласково обхватила его руку. И так крепко и, как казалось им, очень нежно, рука в руке, они добрались до ее дома.

Дом ее находился довольно далеко от школы. Пока они прошли несколько улиц и перекрестков, уже немного стемнело. Наступил прохладный весенний вечер. Пора было прощаться. Они несколько минут стояли напротив друг друга, не отпуская рук. И он поцеловал ее в губы, скорее прижался губами к ее губам и, испугавшись своего поступка, быстро отстранился от нее. Он с усилием поднял глаза и посмотрел на нее. В ее глазах были слезы.

– Прости меня, – прошептал он.

Она кивнула головой, улыбнулась и прошептала ему:

– Извини, меня так целуют в первый раз.

Он обнял ее и поцеловал как умел, долго, долго.

Домой он мчался как на крыльях. Этой ночью сон долго не приходил к нему. Ночь была так длинна, надо было дожидаться утра, чтобы увидеть ее снова.

Утром, весь в волнении, он вошел в класс и сел за свою парту. Ее место пустовало. Математичка отметила в журнале отсутствующих и начала урок. Минут через пять в дверях

появился взъерошенный пацан из его двора, опоздавший, и как-то подавленно попросил разрешения войти в класс. «Биссектриса», так звали за глаза математичку за ее худобу и длинный рост, скривилась, но разрешила опоздавшему занять свое место. Пацан стал перешептываться с соседями, и скоро весь класс шептался и тихо шумел. До него тоже донесли печальную весть – новенькую сбила машина такси и, кажется, насмерть. Класс гудел уже весь. «Биссектриса» грозно хлопнула линейкой по столу и прошипела: – Прошу тишины. Извольте пройти к доске, – она поводила ручкой по классному журналу и назвала его фамилию.

Он вышел к доске. «Биссектриса» продиктовала ему задачу и произнесла:

– Ну-с, молодой человек, извольте потрудиться.

Задача была не очень сложная, но ошеломляющая новость не давала ему сосредоточиться. В голове мелькали разные мысли: – Нет, не может быть, это вранье, – он вспоминал вчерашний вечер и от этого волновался еще больше.

Через две, три минуты, видя, что у него ничего не получается с решением задачи, «Биссектриса» хмыкнула и жестко заявила: – Вы не готовы, молодой человек. Прошу присесть.

Класс зашумел с некоторым возмущением из солидарности к нему, понимая, что сейчас – момент не для учебы. Математичка грозно оглядела учеников.

Неожиданно дверь в класс открылась и в ней появилась Завуч – старенькая, строгая, но считавшаяся справедливой

учительницей. Класс замер, ожидая официальных новостей. Завуч очень тихо и печально объявила:

– Сегодня утром произошло трагическое событие – погибла ваша ученица, – и она назвала ее имя и фамилию.

Весь класс встал. Математичка тоже встала. Все ученики молчали и смотрели в пол. Завуч добавила:

– Сегодня я отменяю уроки в вашем классе, – и вышла в коридор.

Все стояли, не зная что делать, некоторые девчонки тихо плакали. Он собрал портфель и вышел из класса. По тропинке, через дыру в школьном заборе, он прошел к соседнему скверу, сел на скамейку и тупо, не моргая, уставился на лужайку, усыпанную только что распустившимися желтыми одуванчиками. Слезы лились по его щекам, но он их совсем не чувствовал.

Три дня до лета оставалось.
Весенний день совсем не плох.
В такие дни легко мечталось,
Но случай нес уже подвох.
С утра спешили пешеходы,
В дороге – радостный таксист,
Дымили крупные заводы,
Играл на флейте гармонист.

Вот только тормоз не сработал.
Железка. Что с нее возьмешь?
Ее не трогают заботы —
Живешь ты или вдруг умрешь.

Утром его вызвали к Координатору. Наступил последний день его испытательного срока. И уже через сутки он оказался в зоне боевых действий, ее сокращенно называли «ЗБД».

В бункере, куда привел его дежурный из штаба, находились человек десять военных спецов, сидящих за дощатым столом и уже изрядно, как ему показалось, разгоряченных нулевым тоником. Они угрюмо, ритмично постукивали железными кружками по столу и хриплыми голосами орали песню:

Тихо ты сидишь в окопе,
Подрулил к тебе капрал —
Говорит, что руки в попе
Ты держал, когда стрелял.
Ты ответишь грубо, прямо,
Что стреляешь как и все,
Что тебя родила мама,
А не кто-то в борозде...

Дежурный нашел дневального, нечесаного и помятого спеца с заспанным лицом:

– Вот вам инструктор-стажер, подберите ему место.

– Что ж, местов полно, да два вчерась освободилась. Вчера двух братанов того, «чик-чик», – и он указал на две пустые дощатые койки, – занимайте любую, – пробубнил дневальный.

Он осмотрелся, глаза привыкли к тусклому свету и, как учил его Координатор, поприветствовал присутствующих:

– Слава «ОПРАВУ», – и махнул правой рукой с открытой ладонью.

Орущие песню на несколько секунд прервали свое занятие и, гыкнув, ответили ему на приветствие:

– Служу «ОПРАВУ».

Дежурный спросил у дневального:

– А как у вас тут сегодня?

Дневальный поскрябал ладонью небритую щеку и, кашлянув, пробормотал:

– Сегодня, кажись, этих «чик-чик» буде много. Капрал убег оформлять. Эти гады «черняки» закидали ночью «крокотилов» тьму, вот и будет тыгда много.

За столом продолжили песню:

Если ты сидишь в окопе,
Значит, ты не генерал,
Значит ты в глубокой попе —
Так сказал тебе капрал.

Если ты сидишь в окопе,
А противник замолчал,
Значит, парень вашей роты
Всех гранатой закидал.

Часть поющих, подустав, опустили головы на стол – песня прервалась. Оставшиеся нечеткими взглядами осматривали его:

– А, на новенького, стажер, значит, располагайся салага, отдыхай покуда, – заплетающимися языками они прохрипели и снова продолжали пение:

Если ты сидишь в окопе,
С железякою-ружьей.
Значит, ты еще не в попе,
Значит, ты еще живой...

Дневальный где-то из темного угла достал старый матрац и подушку, кинув их на койку, грустно произнес:

– Устали братки, вот и отдыхают, поют.

Бетонный бункер был мрачен, сырость и плесень облепили все его стены. В углах грудой валялось оружие разных типов. Пахло потом, чем-то кислым, туалетом, и к этому «букету» добавлялся плотный запах «нулевки». Координатор на последнем собеседовании подробно дал ему все необходимые инструкции и наставления. Его последние слова ему запомнились особенно: «Там будет не просто, очень не просто,

и опасно. Попробуйте вжиться в новые условия. Но без этого, без того, что наши старики называли "понюхать пороху", дальнейшего продвижения у вас не будет».

Координатор довольно долго теоретизировал о свободе, но это он не очень запомнил – эйфория перемен его отвлекла.

И вот он здесь: «Надо быть внимательным, осторожным, все замечать, ничему не удивляться и главное приспособляться. Тем более, что торчать ему здесь придется не так долго, всего три месяца.

Глава четвертая. Лето

Душная и влажная атмосфера бункера, однотонный шум вентилятора усилил его сонливость и усталость с дороги. Долгий перелет сначала самолетом, потом «вертушкой» утомил его, да и горная дорога на вездеходе по тридцати с лишним градусной жаре не прибавила бодрости и сил. А в бункере было хотя бы не так жарко. Он лег, не раздеваясь, на койку и стал вспоминать и размышлять над словами координатора:

– «Вы будете воевать на стороне "белых". Белые – это наши. Белый – это цвет правды и справедливости. Объединенное правительство делает там все для наших ребят. Но "ЗБД" не санаторий. Наши враги очень сильны, мы их называем "черными", применяют весьма опасные и коварные боевые средства и вооружения. Правительство, кстати, военные патриотически приветствуют друг друга словами: "Слава ОПРАВУ", то есть Объединенному правительству, поддерживает боевой дух всеми возможными средствами».

Он задремал, и сквозь сон слова координатора лились монотонно не прерываясь:

– «Вы хотите быть свободным. Да... да – именно свободным, так сказать, физически. Но эта свобода не истинная свобода. Истинная, настоящая свобода должна быть в мыслях, в вашей голове. Человек по-настоящему свободен толь-

ко тогда, когда он свободен в своих мыслях».

Оружие песню потихоньку затихли и разошлись по своим койкам. Дневальный с кем-то тихо переругивался по поводу матраса:

– На хрена тебе другой, шо энтот хужее. Бери шо дают. Смотри, братаны ужо дрыхнуть. Завтрева опять пойдешь в окопы, лучше спи, браток.

Координатор продолжил:

– «Вы, наверное, знаете из истории о камерах одиночках. Так вот, там бывали случаи, когда заключенный чувствовал себя свободным, хотя физической свободы у него не было. Мы для вас выбрали другой путь к свободе – путь, который надо пройти, будучи в системе; по всем ступенькам этой системы. Чтобы быть истинно свободным, надо изучить, прожить, если можно так сказать, внутри системы какой бы она ни была. Встать над ней и только, и только тогда истина свободы станет понятна. А вы хотели быть свободным вне системы, так не бывает...»

Он тревожно задремал под шум вентилятора, храп, стоны и кряхтение уснувших братков и проснулся оттого, что кто-то активно тряс его за плечо.

– Вставай, ну вставай же, инструктор, вставай «тощий зад». Капрал тебя требует, – хрипело лицо испуганного дневального.

Он оторвался от койки, повертел, потряс головой и направился за дневальным к выходу из бункера. Снаружи жара уже

спала, хотя камни еще дышали раскаленным воздухом. В тени заходящего солнца, под скалой на корточках сидел грузный «спец» и разглядывал лежащего в неестественной позе бойца в чужой форме.

– Здорово, – прошептал сидящий, – это ты и есть новенький инструктор-стажер?

– Да, – ответил он и понял по знакам отличия и потертой форме, что перед ним Капрал, опытный специалист, навававшийся изрядно.

– Смотри внимательно, – Капрал ткнул пальцем в лежащего, – вроде дышит и смотрит, а ничего не сообщает. Нам велено их всех допрашивать, составлять протокол и отправлять в тыл с охраной. Теперь этим займешься ты, стажер. Мне они – эти «чудики-черняки» надоели вот так, – и он провел ладонью по шее.

– Каждый раз одно и то же «тощий зад», протокол как под копирку: «Ничего не говорит. На вопросы не отвечает». Действуй, стажер, – Капрал резко встал и твердыми шагами двинулся к бункеру.

«Чудик-черняк» лежал на боку с прижатыми к груди коленями и согнутыми в локтях руками. Глаза его внимательно наблюдали за происходящим, а кулаки рук то сжимались, то разжимались.

Он внимательно посмотрел ему в глаза, поймал его немигающие зрачки и мысленно спросил:

– Кто ты?

Ответ, точнее обрывки мыслей, которые он успел прочесть, ошеломили его. Это был ребенок, развитием, пожалуй, примерно с год, еще не умеющий толком говорить. Как он на такой ступени развития мог воевать? Судя по его военной форме, он скорее напоминал младшего офицера, чем рядового бойца. Да и фигура его, и плохо выбритая физиономия говорили, что лет ему не меньше двадцати. Как такое могло быть? Но он вспомнил свои же слова – ничему не удивляться.

Дневальный стоял рядом и щурился от света.

– Вам, инструктор, как изделать? Прислать кого-то или вы тута сами управитесь? – спросил дневальный.

– Да... Я сейчас, быстро составлю бумагу, и можете его забирать, – ответил он.

Вернувшись в бункер, он доложил уже дремавшему Капралу, что все сделал и отправил «черняка» в тыл. Приехала кухня, и братки, позвякивая мисками и кружками, расположились ужинать. Он взял свою порцию и подсел к столу.

– Ну что, стажер, как там на северах? – спросил его один из сидящих, – тут у нас «тощий зад», народ интересуется – нет ли каких изменений в «ОПРАВЕ». А то, у нас, у кого как, контракты кончаются. Не хочется никаких продлений.

Он об изменениях ничего не знал и его больше ни о чем не спрашивали.

Колун замедленного действия

Летние каникулы сначала кажутся такими длинными-преддлинными, что их начало всегда светло и радостно. Конечно, можно вообще ничего не делать. Слоняться по улице, гонять на велике по тихим местам, не думая об уроках, заданиях и контрольных. Ощущение свободы наполняет тебя через край. Радостное длинное безделье как предстоящее счастье, несказанно вдохновляет, и никаких планов – надо отдышаться от затяжной зимы и прохладной весны, а там посмотрим – как провести лето?

Обычно на лето в старших классах его отправляли в молодежный лагерь недельки на три-четыре. Подготовка к этому мероприятию занимала определенное время. Майки, трусы и прочая летняя одежда на всякую погоду набивались в рюкзак и небольшой чемодан, и всегда возникала проблема – места для всего не хватало. Приходилось жертвовать самым необходимым: второй парой резиновых сапог на случай проливных дождей, теплой одеждой на летние холода. Прибыв на место, все вещи разгружались, устанавливались палатки, устраивалась кухня. Почти целый день уходил на обустройство лагеря. Руководили всеми хозяйственными работами школьные учителя. Это, как правило, были учителя физкультуры и труда. Ближе к обеду всю команду прибывших школьников построили на открытой площадке, и

начальник лагеря распределил обязанности на ближайшие несколько дней.

В школьном строю он стоял в первых рядах на правом фланге, то есть был долговязым и худоватым пацаном. И когда возникла необходимость кого-то послать на колку дров для кухни, учитель физкультуры, посмотрев на него с некоторым сомнением, спросил:

– Сколько раз ты можешь выжать пудовую гирию?

Он не знал, сколько раз он может ее поднять, тем более он эту пудовую гирию ни разу не видел и в глаза. Он на заданный вопрос ответил, пожимая плечами:

– Не знаю, сколько раз.

– Будешь у нас колоть дрова, – полуутвердительно сообщил физкультурник и перешел к следующим делам.

Таким образом, он оказался один на один с грудой здоровых чушек – не очень-то коротких бревнышек различных пород деревьев и тяжеленным колуном с металлической ручкой.

Лагерь был относительно большой. Обычно ребят туда прибывало человек по сто. На кухне находилось три котла, которые при приготовлении пищи поедали немало дров.

И вот он приступил к колке дров. Через час махания колуном руки его уже почти не слушались, а главное, пальцы уже не могли крепко держать ручку колуна. А перерыв в процессе колки ему почти не давали. Кухонные работники все время требовали новых и новых порций наколотых дров. Ближе

к вечеру он уже не мог без боли двинуть ни одним из членов своего тела, и дровяной процесс прекратился. Из-за его «немощи» орава голодных ребят могла остаться без горячего ужина.

Видимо, из-за жалоб кухонных работников к нему явился физкультурник и, увидев плачевное состояние процесса приготовления дров, крикнул от досады, схватил колун и активно за несколько минут наколот несколько охапок поленьев. Заканчивая работу уже на глазах прибежавших работников, он заметил шутливо:

– Ты, наверное, колун замедленного действия.

Эта шутка, может с виду и невинная, но все-таки обидная – колун замедленного действия, сокращенно «КЗД» – распространилась по всему лагерю. И к нему с тех пор как прилипла – «КЗД».

– Вот «КЗД» идет... «КЗД», ты сегодня будешь колоть? – такими словами его стали дразнить и задирать. А он делал вид, что не обижается, потому что знал – начнешь обижаться, как-то нервно реагировать, злиться – будут дразнить еще больше. Он даже сам стал посмеиваться над собой:

– «КЗД» прибыл для выполнения задания Родины, – нарочито шутливо представлял он себя.

Так постепенно всем надоело обзывать его «КЗД», как-то незаметно его переделали на «маэстро колун», потом «маэстро», а уже через неделю вернулись к его обычному и привычному прозвищу – «длинный». Так закончилась его «ка-

рьера» кольщика дров.

Он проснулся от толкотни и шума. В бункере братки собрались по тревоге. Капрал рывкнул на него и велел быстро собраться:

– Будешь рядом со мной, стажер, – и всучил ему тяжелый автомат: – Ни шага от меня, а то ты у нас уже третий за полтора месяца.

Выскочив из бункера, братки пригнувшись энергично пробирались по ходам сообщения к основным позициям. В окопе в полный рост он оказался рядом с Капралом и еще одним бойцом, на вид тертым и бывалым. Они учили его военной жизни:

– Ты, стажер, вот что «тощий зад», каску не снимай, из окопа не высовывайся, сиди тихо.

– И вот еще, – добавил капрал, – старайся глаза не закрывать. Увидишь, что рядом упал камень, – замри и жди «фотографа», или еще какие камни появятся – это могут быть «крокодилы».

– Да, оно как рванет, «тощий зад», так и чик-чик может быть, – добавил бывалый.

Капрал, рассматривая в трубу позиции впереди, прошипел:

– Будет греметь, так ты рот открой, а уши зажми. Сегодня

мы в атаку не пойдём. Сегодня что у нас – понедельник. Сегодня «черняки» попрутся, «тощий зад». Так мы им дадим, – и он затих, прильнув к окулярам.

Раннее утро разливалось приятной горной прохладой, солнце еще не появилось из-за гор. Тишина не предвещала грохота и шума. Даже не верилось, что здесь может быть война. Валявшиеся на дне окопа патроны, исковерканное оружие, какие-то железки, банки из-под тоника целенькие и смятые, обрывки бумаг и картона говорили о бурной жизни окопа. Но сейчас было тихо.

Где-то вдалеке еле слышно раздались одиночные выстрелы, что-то бухнуло и прокатилось эхом по ущелью. Какой-то неясный гул медленно, не спеша, нарастал над горами. Из окопа послышалась команда Капрала: «Приготовиться к бою». Над всей местностью почти внезапно раздался оглушительный грохот, ударные волны одна за другой опускались на землю. Он присел, зажал уши и закрыл глаза. Удары один за другим, наслаиваясь друг на друга, вдавили его в дно окопа. Пыль, дым и грохот не давали дышать и смотреть. В голове шумело, стучало в висках. Сколько прошло времени, он определить уже не мог. От грохота наступила глухота. Теперь он ощущал удары всем телом и не мог понять, что происходит, где он и сколько времени находится здесь? Чуть приоткрыв глаза, он увидел перед собой злобное лицо Капрала, который, видимо ругаясь, что-то кричал ему, но что, он понять не мог. Капрал стучал по своей каске, показывая

ему и одновременно спрашивая: «где твоя?». Он ощупал руками дно окопа вокруг себя. Каска лежала рядом. С большим трудом, так как руки его плохо слушались, он нахлобучил каску себе на голову. Лицо Капрала исчезло. Удары стали чуть реже. Мимо него пробирались на четвереньках бойцы, не обращая на него никакого внимания. В воздухе пахло гарью и сильно першило горло. Рядом с ним упал браток без каски. Череп его был смят полностью. Из серо-красного месива, не мигая, на него смотрел один мертвый глаз. Они оба так и замерли друг напротив друга, он от страха, а мертвец уже навсегда.

Удары и грохот прекратились так же неожиданно, как и начались. Со стороны противника слышались крики – то ли «Ура», то ли «А...а», разобрать он не мог, в ушах стоял шум и звон, перепонки еще не восстановились и пощелкивали от любого движения. Из окопа справа и слева слышалась трескотня ручных пулеметов и автоматов. По его оценкам, это продолжалось несколько минут, а потом все затихло.

Солнце поднялось уже высоко. Жара проникла на дно окопа. Труп братка за ноги сволокли куда-то в сторону. Пыль и гарь начала оседать. Капрал вывел его из оцепенения:

– Вставай, стажер. Не ранен? Нет. Контужен? Ты слышишь меня, «тощий зад», а? – он заглянул ему в лицо и, видимо, довольный его видом, добавил: – Тебе работенка, стажер, есть отказник-дезертир. Допроси, в общем, займись де-

лом, «тощий зад».

Когда он добрался до бункера, солнце уже зашло за скалу, день клонился к вечеру. В бункере так же было душно и сыро. В углу на стуле с завязанными за спину руками сидел дезертир. Глаза его бегали от предмета к предмету, и вся его фигура выражала страх перед неизвестностью. Он расположился напротив дезертира и, пытаясь поймать его бегающий взгляд, задал первый вопрос:

– Как вас зовут?

Дезертир никак не реагировал на его вопрос. Он еще несколько раз также безрезультатно повторил вопрос. Сзади послышался голос дневального:

– Он испугался, ведь первый раз. Новенький. Ну шо, дуралей? – обратился дневальный к дезертиру. – Ты шо так испугался? Каску надоть одевать с клапанами. На шо она тебе дадена? Я вот здесь сижу и то ее одеваю, а то у меня уши больные. А без каски можно и чик-чик изделать. Где твоя-то? Чо молчишь?

Дезертир вышел из нервного оцепенения, чуть обмяк и стал потихоньку соображать – что с ним пытаются беседовать.

– Вот, так-то, и ладно. Хорошо, что жив. Судьба сберегла тебя сегодня. Возрадуйся, браток, – суетился дневальный, – надоть его бы развязать, – обратился он к инструктору.

Он в ответ пожал плечами и произнес:

– Вам тут виднее.

Дневальный не спеша распутал дезертира и аккуратно смотал веревку.

– Вот тепереча он и разговаривать может, допрашивай его, инструктур, а я пойду, делов полно, – и дневальный зашаркал куда-то в темный угол бункера.

Он продолжил допрос. Несколько раз сделал попытку прочесть его мысли, но кроме страха перед грохотом он долго ничего обнаружить не мог.

– Откуда это у него? Дикий, животный, панический непреодолимый страх? – размышлял он. – Наверное, надо копать глубже, может это где-то из детства?

Он перебрал почти всю его память. И только в самом раннем детстве нашел причину испуга – сильный взрыв в доме, где жила его семья. Он без размышлений стер этот эпизод из его памяти, а заодно и первое его пребывание в окопе под грохот «хлопушек».

Вот и лето наступило,
В небе кружится бомбист.
На душе совсем паршиво —
Не играет гармонист.
Всюду камни, пыль и грохот,
Братанов подбили враз.
Сбоку слышен нервный хохот —
У соседа выбит глаз.
Страх проник до селезенки,
В голове один лишь звон.

Санитарочка-сестренка
С поля тащит его вон.
Все затихло, вдруг увяло —
Он контужен – тишина,
А капрал глядит устало
Это, братцы, вам – война.

Он вышел из бункера. Вечер сумраком окутал горы. В недалеке, прямо на еще горячих камнях лежало четыре мертвых тела. Братков, видимо, сильно зацепило «хлопушками». У троих полностью были смыты головы, и узнать их было невозможно. А у четвертого была оторвана нижняя часть туловища. Рядом стоял Капрал и заполнял на планшетке какие-то бланки. Метров в двадцати у начала горной узкой дороги стоял грузовик. Когда Капрал закончил свою работу, санитары погрузили тела в машину. Водитель вышел из кабины, забрал бумаги и с некоторым облегчением – закончились его ожидания – выдавил из себя:

– Слава «ОПРАВУ».

– Служим... служим, – равнодушно ответил Капрал. Отвернулся от машины и водителя и, разглядев его в уже наступившем полумраке, произнес:

– А. стажер. С началом тебя. Вот видишь, ребята не сбеглись. Жалко. Трое от «хлопушек», а один по глупости от «крокодила».

Он доложил Капралу о дезертире.

– Хорошо, – устало ответил Капрал, – отдыхай, стажер.

И зашагал по направлению к бункеру.

– Странная война, странная, – подумал он и поплелся по каменистой тропинке вслед за Капралом.

В бункере было довольно тихо, братва, поужинав, дремала на койках. Дезертир после допроса спал лежа на полу, подложив ладони под щеку, и сладко улыбался во сне. У дальней стены, где висели календари с девицами разных видов, дневальный на одном из них тщательно зачеркивал сегодняшний день. И как художник у мольберта, отходил от стены, прищуривался, глядя на результат своей работы. Снова подходил к календарю, поправляя что-то в жирном крестике, который так любовно рисовал уже более минуты. Увидев, что за ним наблюдают, дневальный с удовлетворением сообщил:

– Осталось тридцать три дня, а потом домой. Конец моей контракте. – Он мечтательно закатил глаза и добавил: – Возьму все привилегии. Хатку изделаю. Дедов своих заберу из города и заживу ладно. А шо в городе-то, шум, да все не хорошо, грязно как-то живут и души-то грязные. – Он еще некоторое время бормотал что-то, пока не добрался до своей койки, основательно расположился на ней и затих.

Стажер плюхнулся рядом с ним на свое место, но сон не шел. Он «проигрывал» весь сегодняшний день, прислушивался к шорохам и тихим голосам усталых братков. Где-то у его изголовья шептались двое:

– Жалко того красавчика, как же его хоронить-то будут?
Нижней части вовсе нет.

– Да ничего, руки остались, голова, туловище, а низ... положить чего-нибудь. В форму оденут и будет красавец.

– Как же «крокодила-то» не заметили? «Фотограф», «тощий зад», виноват, не сканировал вовремя.

– А как тут сфотаешь. В окопе под мусором? Пропустил, наверное.

– Так надо было мусор-то убрать.

– А тебе охота-то мусор убирать? Неохота, вот и «фотографу» и Красавчику было неохота.

– Вы, батенька, хотите понять все сразу, и мир и войну. Это архисложная задача. Ведь наш мир, извините за каламбур, еще мира-то и не знал. Войну знал, без войны и жить-то не мог. Воевали все против всех. Вот покопайтесь в истории, да хотя бы нашей местности. С кем только не воевали, а уж друг с другом, ох! Как любили подраться. Голов положили. Кровушки пролили море, океан. И никто, пока еще не мог объяснить – для чего? И зачем? Даже вы с вашими способностями, с вашим даром не сможете, уверяю вас, батенька, остановить даже самую маленькую войну. А впрочем, двоих дерущихся вы остановить можете, и то только насилием или физически, или что-то в мозгах им почистить.

Предводитель исчез, но послышался голос Ветерана:

– Война – это страх. И у каждого этот страх свой личный,

и пока миром правит страх, будет и война. Она этот страх и порождает и уничтожает одновременно, диалектически. Изучайте страх, его природу, и вы, молодой человек, увидите, поймете, что я прав.

Снова появился Предводитель. И они благочинно, с терпением, выслушивая друг друга, продолжили беседу о войне и страхе. А он, наблюдая за ними, никак не мог понять – кто из них мудрее?

Он открыл глаза. В бункере было тихо и сумрачно. Из-под одеяла дневального послышался шепот. Прислушавшись, он понял, что дневальный молится, что-то просит у Бога. Жалуется и одновременно просит прощения.

– Он верит в Бога, – подумал стажер, – а во что еще здесь можно верить? Только в НЕГО.

Так прошло несколько недель. Каждый день была война. Один раз в неделю братки ходили в атаку. Оказалось, что это «занятие» было менее опасным, чем сидение в окопе под «хлопушками». В бронежилетах братки бежали до середины нейтральной полосы. А затем возвращались ползком по команде на исходные позиции. По субботам давали патристическое кино, через раз показывали то «Подвиг Арсения и Агафьи», то «Хлопушку» – о том, как молодой браток-солдат обезвредил пятнадцать «хлопушек» и вывел из бункера

всех бойцов целыми и невредимыми. В фильме о «хлопушках» боец в финале пел под гармошку патриотическую песню о родине. Там были такие слова:

Мне Родина святая
Давала жизнь как мать.
О матери мечтая,
На подвиг шел опять...

Некоторые братки, просмотрев этот фильм уже более трех раз, сами сочинили слова к этой песне, но слова эти считались нехорошими.

Он уже обработал несколько дезертиров, новеньких бойцов.

Технология обработки у него была одна и та же, он стирал из памяти мешающие воевать, как ему представлялось, эпизоды.

Но с одними из дезертиров ему пришлось повозиться. Он, этот дезертир, побежал не от страха, он собирался пробраться домой, чтобы отомстить обидчику его семьи. Стажеру пришлось очень аккуратно внушать ему, что удрать отсюда ему никак не удастся, что нарушив контракт он в конце концов не получит никаких привилегий, и более того, может подвергнуться искоренению, что в этом случае ему уж никак не удастся отомстить. И вроде бы его работа не пропала даром – дезертир затих и мыслей к побегу уже больше не имел.

Случай на кладбище

В детстве он жил с родителями недалеко от старинного кладбища. Ватага пацанов, его соседей, изредка забегали туда, то ли поиграть в прятки, то ли просто от безделья, из интереса. Но все попытки «освоить» кладбище как-то не очень получались, наверное беготня вокруг могильных крестов и надгробий не веселила, а лица, смотревших на них с фотографий умерших людей, заставляли останавливаться. От этого всего было как-то не по себе. Родители, узнав про их попытки слоняться среди кладбищенских могил, эти их занятия не одобряли. А особо «шутливые» взрослые или старшие ребята даже пугали пацанов «страшными» рассказами об оживших покойниках. Но как всегда бывает в таких случаях, то, что пугало, то и не могло не привлекать внимание подростков. Среди них начались разговоры и споры о возможности пройти все кладбище ночью, когда темно, не испугавшись могил и не поверив в эти «страшные» рассказы об оживающих по ночам мертвецах. Разговоры разговаривали, а на спор надо было отвечать делом. И вот однажды самый бесстрашный из мальчишек, кстати не лидер и не заводила, а обыкновенный «тихоня», вызвался вечером, когда уже в конце лета темнело относительно рано, пройти в одиночку все кладбище и тем самым доказать, во-первых, что он смелый, то есть повисить свой статус среди пацанов, а во-

вторых, что ожившие по ночам мертвяки – это все сказки и вранье.

Кладбище было большое, со старинной церковью на вершине холма. Среди могил встречались старые со склепами и каменными статуями. И, конечно, в темноте это все представляло таинственный жутковатый вид. Поздние захоронения так уплотнили могилы, что тропинки и дорожки были довольно узкие, а в некоторых местах их переплетение напоминало лабиринты. Там-то и днем можно было заблудиться, не то что ночью в темноте. Для достоверности исполнения спора часть пацанов с «тихоней» пошла вокруг кладбища на другой его конец, а другая часть осталась в предполагаемом месте выхода «тихони». Отправив смельчака в его смелый путь, сопровождающие бегом вокруг кладбища присоединились к группе ожидающих его выхода.

Через некоторое время, когда по расчетам ожидающих «тихоня» должен был появиться, его было не слышно и не видно. Терпеливо выждав еще некоторое время, мальчишки забеспокоились – отправляться на поиски «смельчака» никому не хотелось. Разбежаться по домам означало предательство по отношению к товарищу. Да и если что-то с ним случилось, серьезных разборок с родителями не избежать. Мрачное ожидание длилось довольно долго. И, наконец-то, «смельчак» появился, растерянный, как-то поникший и главное без чувства гордости и радости победителя спора. Мальчишки, увидев эту странность, не очень-то ак-

тивно его расспрашивали об этом «подвиге». И так, как-то вяло и почти молча разошлись по домам.

С тех пор во дворе и в школе «тихоня» стал еще тише и незаметнее. Его постоянная задумчивость была замечена всеми, и ребятами и учителями. А уже через пару недель «тихоню» родители забрали из школы – он чем-то заболел и долго лечился в специальной больнице. Мальчишки после этого случая старались на кладбище не ходить и там не играть, и споры о кладбищенских покойниках потихоньку прекратились.

А он еще долго помнил какой-то задавленный страх в глазах «тихони», когда мельком, изредка встречался с ним взглядом в школе или во дворе.

Раненый «черняк» лежал в тени почти без памяти. Левая рука его отсутствовала вместе с предплечьем, видимо, оторванная взрывом. Это ранение можно было считать смертельным, времени прошло много, «черняк» потерял изрядно крови и от этого находился в забытьи. Он склонился над раненым для формального допроса и сразу узнал «черняка». Это был тот интеллигентный молодой человек со светлыми волосами и мягкими чертами лица, с которым у него состоялась доверительная беседа в центре подготовки. Правда, сейчас он был в чужой форме, весь помятый, в грязи и пыли.

Промелькнули чередой мысли:

– Здесь что-то не то. Это не он. Не может этого быть. Это наверное двойник.

Он просто из формальности, машинально задал ему вопрос:

– Кто ты?

«Черняк» чуть приоткрыл глаза и мысленно назвал себя.

– Это был тот самый интеллигент, и имя совпало, – подумал он и постарался прочесть мысли раненого.

– Проклятые «беляки» изранили, и вот уже и датчика контроля нет, а что толку, я ранен, я ранен – не могу двигаться, не могу... – мысли «черняка» путались, затухали, становились нечеткими.

Он пощупал пульс «черняка», пульса не было. Еще несколько минут он читал отрывки его мыслей: какие-то лица, местности, и последнее, что он успел прочесть у почти мертвого – лицо улыбающейся женщины, целующей «черняка» в лоб. Потом был свет в течение нескольких минут, потухающий и превращающийся в полную темноту. Раненый «черняк» был мертв.

Он оформил протокол, сделав в соответствующих графах прочерки на заданные вопросы. Мертвое тело братки отнесли к машине. Работа его на сегодня была закончена, но не закончены были размышления о случившемся. Вопросов было хоть отбавляй, а ответы, а ответы были весьма странные. Если рассуждать логически, то этого «черняка» вообще быть

не должно. Но он был, и были его мысли. Он гнал от себя самую крамольную мысль: «черняк» воевал против своих, а точнее свои воевали против своих. Если это так, если это правда, тогда одним разом объяснялась вся эта странная война – и отсутствие уже довольно долго военных успехов, и странные, никчемные атаки по расписанию, а главное пленные, ничего не соображающие, со стертой до детства памятью. Но ведь кто-то эту странную войну должен был организовать, вести, да так, чтобы все выглядело весьма натурально, и мысли участвующих в войне должны быть натуральными, правильными и патриотичными.

Вот для чего нужны были вживленные датчики – для правильных мыслей, а в чрезвычайных случаях для стирания памяти. У раненого «черняка» датчика уже не было и память осталась.

Сзади слышались шаги, братки возвращались от машины:

– Отнесли мы его, бедолагу. С таким ранением – как он дополз до наших окопов? Наверное, ничего уже не соображал. Начальство передаст его своим – «чернякам». Нам говорили, что в таких случаях мы обмениваемся убитыми, – и они поплелись отдыхать к бункеру.

Он еще некоторое время стоял, ошарашенный только что сделанным своим открытием, стоял и думал, что остался один на один со своим датчиком – чипом, зашитым где-то в левом предплечье. И как от него избавиться он пока не знал

и ничего придумать по этому поводу не мог.

Оставалось ждать случая, ждать и ждать. Ведь не может быть, чтобы ему не повезло. Шел второй месяц его пребывания на войне.

Когда он спустился в бункер, праздник был в полном разгаре. Провожали домой дневального. Стол был плотно уставлен банками и кружками с тоником, миски с едой между пустыми и частично наполненными кружками выглядели даже как-то не очень уместно. Дневальный, уже изрядно навеселе, шатался вокруг стола, дружески похлопывал братков по плечам и спинам, радостно повторяя:

– Конец моей контракте, конец, – при этом он заглядывал в лица сидящих и пытался каждого поцеловать.

Нетрезвые голоса давали ему советы:

– Береги привилегии, не транжирь все сразу. Будешь умным, лет десять можешь ничего не делать.

– А как же, так и буде, только хатку-домик излажу. Стариков заберу. Завтра уже дома, – дневальный размечтался и нараспев произнес: – буду петь, песню душа просит, жалко гармонии нету, – и запел неожиданно чистым голосом:

– Темны тучи, небо черно.

Ветер воет, дождь идет.

Жито сбросит в землю зерна,

А душа-то не поет...

Братки затихли, прислушиваясь и пытаясь подпевать по-

вторые последних двух строчек:

– Жито сбросит в землю зерна,
А душа-то не поет...

А дневальный выводил уже следующие куплеты:

– Как вернусь я в хату ридну,
Как не встречу никого.
Почему я не погибнул
На войне там далеко?

Песня заполнила весь мрачный бункер. Те братки, кто не подтягивал последние строчки, грустно и хмуро покачивались в такт песни. А дневальный не останавливаясь пел и пел:

Нетуть жинки, нетуть детки,
И для чего я живу?
Как зверушка, сидя в клетке,
Почему я не помру?

Всеобщая грусть-тоска опустилась на братков. Даже веселящий тоник уже никто не отхлебывал. А голос дневального звучал все более надрывно:

– Только ветер подпевает,
Только вьется воронье.
Счастье в жизни не бывает,

А любовь одно вранье.

Песня кончилась. Наступила тишина. Несколько минут никто ничего не мог сказать. Каждый думал о чем-то своем, и все вместе, похоже, думали о войне, о дневальном – «дембеле». Понемногу братки отходили от глубокой грусти, и кто-то не очень уверенно и громко произнес:

– Ну ты браток, такую грусть «тощий зад» напустил, аж мураши по спине до сих пор бегают. Ребята, ну-ка рваните нашу окопную, для радости, – и под ритмичный стук кружки прокричал куплет:

– Если ты сидишь в окопе
С оторванной ногой,
Значит ты в глубокой попе,
Но пока еще живой.

Но никто окопную песню не подхватил, и снова наступила тишина. Прервал это оцепенение голос Капрала:

– Ну все, хорош гулять, завтра у нас атака по графику.

Братки потихоньку начали расходиться.

– С завтрашнего дня дневальным у нас будет... – Капрал указал на громилу с круглым, улыбающимся лицом, – помните, у нас традиция – дневалить тому, у кого «дембель» в скорости.

Новый дневальный вытянулся и гаркнул:

– Слава «ОПРАВУ».

– Служим, служим. – нестройными голосами братки ото-

звались на приветствие. Через полчаса уже почти все посапывали в койках, и только «дембель» еще долго с удовольствием что-то зачеркивал в своем календаре.

Где-то сбоку двое шептались, и до него иногда доходили отдельные фразы:

– А «дембель»-то еще не спит, радуется.

– Ага, завтра с утра в машину и домой и никаких тебе атак и «хлопушек».

– Да, домой. К своим.

– Да не к своим, а старикам.

– Да я и говорю – к своим, к старикам.

«Дембель», наконец-то, прошаркал к своей койке и долго устраивался, вздыхая и кряхтя, на ночлег. Шепот продолжился:

– А где свои? И где чужие? Кто это может сказать?

– Дома должны быть все свои, а не дома чужие.

– Там все чужие, свои здесь, а там, кроме близких, все чужие. Да и близкие сразу нас там не поймут.

– Да, там все чужое. Кому мы там нужны, да еще с привилегиями? Придется приспособливаться, вживаться.

– То-то и оно. Здесь мы все свои, а там. – на этой фразе он задремал и шепота уже не слышал.

Ветеран как-то не уверенно и заикаясь шептал:

– А там, а там... а там все вранье, все вранье, – и указал худым пальцем в темный угол, где сидел на стуле Предводитель и грел руки над догорающим костром.

Рядом хлопотала матушка с банкой «нулевки» и чем-то недовольная ворчала:

– Предстоятель наш любезный, обманывать-то нехорошо будет. Нехорошо, батюшка. Нехорошо.

– А как же, матушка-то, быть? Неправда правду держит, подпирает ее. Да и правда у каждого своя.

– Как разобрать где она, эта правда-то?

– У вас там правды не найти. Врете. Ни шагу без вранья не можете сделать, – прошептал Ветеран и погладил рукой грудь у сердца.

– Вранье и наверху там, – ветеран рукой указал куда-то вверх, – и здесь среди, так сказать, народа.

– А вот, батенька, возьмите эту неправду, то есть, как вы выражаетесь, вранье и разложите ее, проанализируйте ее составляющие. Вот возьмите, батенька, врачебную неправду. Больной, скажем неизлечимый, а ему говорят: «Надо надеяться, будем бороться». Вселяют, так сказать, оптимизм. И правильно вселяют. Бывают же чудесные случаи.

– А-а-а, вы хотите сказать, что вранье во благо – полезное вранье, – прошипел Ветеран.

– Да, именно это я и хотел сказать, – ответил Предводитель. – Но не только. А возьмите-ка неправду во зло или попростому «по злобе». Для одной стороны это зло, а для дру-

гой это благо. Это смотря с какой стороны смотреть. А уж на войне всегда сплошной обман противников.

– Но ваше правительство и все политики заврались уж чересчур, – стараясь подавить внезапный кашель, прохрипел Ветеран. – А с этой Вашей войной среди своих – просто махровое вранье, – продолжил он, глотая таблетки.

– А вы, батенька, как же хотели, без пропаганды никак нельзя. Надо же поднимать патриотический дух, должны быть примеры, примеры героизма, без них общество тускнеет, вырождается, теряет ориентиры. Нет, батенька, правда и неправда – это две стороны медали, а медаль это развивающееся общество, если хотите – государственность. – Предводитель отпил прямо из банки несколько глотков «нулевки», и матушка с банкой куда-то удалилась в темноту.

– Вот вы тут спорите – где правда, а где кривда, а я вам вот что скажу, – неожиданно прозвучал голос «дембеля».

– Нам, простоте от народа, все равно какая она, ваша правда, нас дергать не след так часто. То одно скажут, то другое. А ты сиди и соображай где чего. И зачем нам эти перемены? Нам надоть, чтобы привилегии не менялись, а тыгда мы уж сами разберемся что к чему.

Ему показалось, что он проснулся под шум дождя. Шум вентилятора заглушал шепот нового и старого дневального.

Он прислушался, «дембель» передавал дела, свое хозяйство новому дневальному.

Активность возвращалась в тело постепенно, даже рифмы как-то сами собой сложились неожиданно быстро:

Лето было на середине,
Появился желтый лист.
В музыкальном магазине
Флейту тронул гармонист.
То ль гармошка надоела,
То ли флейта позвала,
От мехов рука немела
И игра совсем не шла.
Так бывает в жизни часто —
Алогичности кругом
Нам не нравятся ненастья,
Но от них дороже дом.

— А энто кухня, — «дембель» погромел мисками и кружками, — еду как привозят, ты уж знаешь, а там матрасы да все для спанья. Ты энто все береги, а то разберут, не найдешь, «тощий зад», потом ничего. Капрал не любит непорядок. Он у нас мужик строгий, но справедливый, заботливый, «тощий зад». Ты его уважай, — продолжал свои советы «дембель».

Время было ранее, еще не рассвело, братки тихо посапывали. В предрассветной тишине он посмотрел на часы — до подъема оставался еще целый час.

– А куда это наш Капрал отлучается иногда по ночам? – спросил новый дневальный.

– А у него, кажись, здесь жена вроде, в госпитале работает, вот он и бегаёт к ней, – ответил «дембель», – говорят, ему из-за этого чой-то орден задержали. То ли за отлучки, то ли жена из местных.

– А орден-то за что? – снова спросил дневальный.

– Да вроде «за рвение, третьей степени», – последовал ответ.

– А здесь вот «тощий зад», для мытья, для бани, ну ты знаешь – баня приезжает раз в неделю, – продолжил «дембель».

– Ты эта, придут соседи из чужой роты меняться, так не торопись. Не дешеви. За матрас бери десять мисок, а за миску – пять кружек. Торгуйся, им надоть, пушай соображают. Но и не крохоборничай, жмотов у нас не уважают, – «дембель» бережно выровнял ряды мисок и продолжил «передать дела»:

– А вот ишо, инструктора блюда, он ведь сверху послан, вон как мысли читает, как книжки, отгадывает все враз. Братки его прозвали «Фокус», да и Капрал его любит.

Братки потихоньку просыпались, среди них началось ленивое движение и шорохи.

– Ну, кажись все, «тощий зад», – дембель закончил передачу дел, – будем прощаться, – и он по очереди подходил к браткам, пожимал руку, с некоторыми обнимался.

Видно было, что ему очень грустно и тяжело. Когда он подошел к инструктору, глаза его слезились:

– Ну, прощай, инструктор, удачи тебе.

– И вам удачи и счастья со стариками, – сказал он в ответ.

«Дембель» как-то странно и виновато улыбнулся и тихо ответил:

– А нету никаких стариков, один я, совсем один...

– А тогда зачем вы.? – изумленно спросил он «дембеля».

– А это так – мечта, без нее как же, без мечты-то? – «Дембель» поднял с пола свой мешок и вышел из бункера в наступающий рассвет.

Пожар на лесном болоте

В те времена, когда он в детстве обретался в летних детских, да и в юношеских лагерях, бывали лесные пожары. Особенно они свирепствовали в хвойных лесах в период жаркого и сухого лета. От чего эти пожары возникали, точно неизвестно. Поговаривали, от незатушенных костров, брошенных окурков и спичек, а то и от вредителей, специально поджигающих леса. В те годы очень много народа курило всякий табачный хлам, и это занятие, курение, так широко было распространено, что некоторое время даже считалось модным. Дошло до того, что школьники средних классов частенько курили, кто что достанет.

Правда, для совсем уж юных курение считалось непри-

личным, и за это взрослые их ругали и наказывали бывало весьма серьезно. Главным воспитательным инструментом того времени являлся ремень. Для мальчиков суровый из свиной кожи, шириной эдак в сантиметра три, а для девочек помягче, скорее яловый или хромовый и шириной гораздо меньше. В образцовых семьях этот инструмент висел не на самом виду, но так, чтобы подрастающее поколение могло видеть сей предмет как можно чаще для постоянного понимания неизбежности наказания за неблаговидный проступок.

В те далекие годы леса оберегали от пожаров путем прокапывания борозд и устройства просек для предотвращения распространения огня, а также вывешивания плакатов с просьбами: «Берегите лес», на которых рисовались условные елки и пожирающие их языки пламени. А из этих условных елок выбегали в страхе олени, лоси и другая лесная живность. Эти картинки не очень-то действовали на поджигателей, видимо, все эти плохие ребята и взрослые: разжигатели костров, курильщики и просто вредители, воспитывались в необразцовых семьях, а некоторые из них, может быть, были сиротами, потерявшими родителей после последней войны. Этих плохих сирот иногда называли трудновоспитуемыми, потому что они трудно воспитывались тогдашним еще слабо развитым обществом.

Нынче этот процесс весьма цивилизован, а леса напичканы сенсорами, так что отдельные редкие нарушители пожар-

ной безопасности быстро обнаруживаются и подвергаются в зависимости от тяжести проступка легким задержаниям или глубоким искоренениям.

Тушением пожаров занимались лесники, то есть работники, блюдущие за лесом. Но их было мало. К тушению особо больших пожаров привлекали разного рода административных людей и население, когда огонь подбирался на особенно близкое расстояние к жилым постройкам. А чем тушили? Смех и грех, забивали кромку огня березовыми вениками, потому что средств пожаротушения было маловато. Видимо, тогда считалось, что огонь в конце концов сам потихоньку затихнет и погаснет. Тем более, что дожди в этой местности были частыми. А жаркие, сухие лета были редкими. В то лето горело изрядно. Их лагерь поднимали на тушение довольно часто, правда только одних мальчишек.

Машина промчала их сначала по шоссе несколько десятков километров, потом по лесной, грунтовой дороге еще полчаса, и вся тушительная бригада во главе со школьным учителем оказалась на лесной поляне, одним краем примыкавшей к большому лесному болоту, поросшему тонкими сосенками. Болото дымилось вовсю, кое-где был виден огонь, но благодаря тому, что было безветрие, сильного огня не было. Дымище сизым, плотным покрывалом накрыло и лес и болото. Видимость была слабоватая, уже метрах в ста что-либо разглядеть было трудно. Послеобеденное солнце еле пробивалось сквозь пелену дыма. Першило в горле и немного сле-

зились глаза.

Бригада пацанов приступила к тушению. Наломали веников и хлестали ими по кромке огня, добиваясь его полного погашения. Машина ушла в лагерь за следующей партией юных пожарников. Появившийся мрачный и черный от копоти лесник в фирменной одежде выдал краткие устные инструкции по пожаротушению и удалился на другой участок леса. Через пару часов тушительщики почернели от гари и весьма утомились. От огня было жарко, и результаты тушения не радовали. Там, где казалось, все было потушено – снова появлялся огонь. Беготня от одного места к другому выматывала. Прошло еще несколько часов борьбы с пожаром. Бригада уже на несколько километров удалилась от места высадки из машины. Солнце садилось, его слабо пробивающийся сквозь дым диск завис над горизонтом. Бригада в результате коллективных обсуждений сообразила, что пора выходить к месту сбора, а ориентиры в дымном лесу были потеряны. Решение – куда идти? – принималось коллегиально и поэтому четкого направления движения обнаружено не было. Бригада хором на счет: «три, четыре», крикнула несколько раз: «АУ... АУ». Прислушались. Где-то за болотом отозвались: «АУ... АУ». Двинулись в ту сторону по болотным кочкам, обходя наиболее опасные, мокрые места. Минут через тридцать, выйдя на это «ауканье», выяснили, что это была не их компания. Чужие ребята из другого лагеря встретили их, но помочь ничем не могли. Их место распо-

ложения находилось очень далеко от лагеря заблудившихся. Наступило неприятное прозрение – они заблудились вместе с учителем, тоже городским жителем, совершенно не соображающим, что делать в таких случаях в лесу поздним вечером. Стали хором соображать: что делать? Куда двинуться? Пока еще совсем не стемнело, по старым следам по болоту двинулись назад. Через те же полчаса «пожарники» оказались на том же месте, на опушке леса, откуда час назад пошли на «ауканье». И здесь всем, наконец-то, повезло – буквально в десятке метров нашлась та лесная дорога, по которой их привезли на пожар. Хмурой радости от этого события не было предела, молчаливое, угрюмое ликование проступало даже через сильный голод и жажду, даже через обиду за то, что их самоотверженных тушителей лесного пожара бросили в темном лесу.

– Как они могли так с нами поступить, – раздались стройные голоса мальчишек, – нас бросили голодных. Это нечестно, не по-товарищески.

Делать нечего, Двинулись, уже в полной темноте, гуськом по грунтовой дороге, почти на ощупь, к шоссе.

Мрачная и уже не ликующая колонна бурчала негромко, скорее для поддержания ослабевшего духа:

– Вот вернемся, им стыдно будет, что так с нами поступили.

Но каждый из бурчащих понимал, что до возвращения еще очень далеко, и неизвестно, в ту ли сторону они идут

в темноте, и что их искать, конечно, будут, но только когда найдут? Скоро ли? Может, к утру? Итак, полумолчаливая, процессия добралась до шоссе. Стало ясно, что направление они выбрали правильное, но впереди были еще десятки километров пути – это обстоятельство совсем не радовало. Ночное шоссе тихо пустовало. В полной темноте ярко сияли звезды. Свет, доходивший от них, слабо освещал путников, в среднем темпе шагающих по обочине. Встреча со вселенной погасила все разговоры и ворчания. Молчаливая колонна ребят уже прошла не один километр, когда вдали показались огни приближающейся машины.

– За нами или просто встречная? – у всех промелькнул один и тот же вопрос. Огни становились все ближе и ближе. Встречная машина к всеобщему облегчению оказалась своей. Довольные тем, что за ними пришла машина, и одновременно недовольные своей усталостью, пережитыми волнениями, бригада взгромоздилась в кузов и все, наконец-то, тронулись домой в лагерь, к теплу, воде, еде и всем тем первоочередным удовольствиям, без которых никакие пожары никогда не потушишь.

Трясаясь в кузове, пацаны оправились от всех волнений, стали активно, наперебой предлагать способы хотя бы мелкой мести всем тем, кто, по их мнению, их почти бросил в лесу. Наиболее интересной оказалась идея кого-нибудь из ребят вынести из машины в виде раненого на пожаре. Этим «раненым» был назначен самый щуплый и поэтому самый

легкий, удобный для носки пацан. В лагере их ждали, машину окружили мальчишки и девчонки. «Пожарники» молча спустились на землю, открыли задний борт и на руках вытащили «раненого», подняли его на плечи и молча, не спеша понесли к палаткам.

– Что с ним? Что случилось? – раздалась обеспокоенные голоса встречавших.

– Деревом зашибло. Головой повредился, – как можно более мрачно ответили несущие.

– Его к врачу, в больницу надо, – наперебой заголосили девчонки, – срочно!

– Лесной пожарник сказал, что ничего страшного, к утру отойдет, у них таких случаев штук несколько за сезон случается, – уже не очень мрачно ответили несущие.

«Раненый» наверху то ли от этого диалога, то ли кто-то из несущих его пощекотал немного, видимо, стал давиться от смеха, еле сдерживаясь. Сверху послышалось невнятное «хрюканье».

– А чего это он у вас там хрюкает? – спросили встречающие.

– А это у них, стукнутых, бывает от удара, это нам пожарник объяснил. Если к утру хрюкать не перестанет, то придется вести в больницу, – ответили не очень уверенно несущие.

– А еще он сказал, пожарник этот, что если сильно будет хрюкать, его надо в землю зарыть, чтобы огонь и дым из него вышел, – несущие уже сами еле-еле сдерживали хохот.

Перспектива зарывания в землю «раненого» насторожила, и хрюкать он перестал. Кто-то из встречающих, не поверив в это наглое вранье, заметил:

– Врете вы все. Как это зарыть в землю? Ерунда какая-то. Чушь!

Но нашлось и другое мнение: одна «отличница», волнуясь, сказала:

– А я слышала, что их ударенных молнией зарывают, чтобы электричество все вышло.

Завязался спор – надо зарывать или нет? Кто-то спросил:

– А чего это вы там в лесу не зарыли, чтобы срочно вылечить?

– А как же в лесу-то зароешь, уже темно, потом попробуй найди его, он же не гриб какой-то, – ответила бригада несущих.

Сверху послышалось:

– Не надо меня зарывать, отпустите, я уже не хрюкаю.

– Вот видите, мы же говорили, что отойдет, вот уже и говорить стал нормально, – ответили снизу, – сейчас уложим в постель, будем наблюдать часик, если не хрюкнет, значит выздоровел окончательно.

– Отпустите, ребята хватит шутить, я есть хочу и пить, – «раненый» стал сильно ерзать и брыкаться.

Несущие с волнением заметили – что-то у него все-таки с головой:

– Все есть и пить хотят, но не брыкаются, терпят, а этот

ударенный вон как забрыкался.

Толпа встречающих все увеличивалась. На шум подошли ребята из всех палаток. Уже снаружи толпы было совсем не понятно, что там внутри происходит. Подошли старшие – учителя и, пробравшись в середину, быстро навели порядок. «Раненый» был отпущен, стало как-то и не смешно. Встречавшие поняли, что все это был розыгрыш, и тихо разошлись. А бригада «пожарников» быстро помылась и подалась на кухню, аппетит у всех был зверский.

Сегодня утром он уговорил капрала пустить его в атаку. По инструкции стажер в атаку не ходит, но поскольку прямого запрета не было, а «уговорить» капрала ему не стоило труда, то у него по плану получился особенный день – первая атака, эта дурацкая атака по графику. Конечно, он волновался. Незнание всегда волнует, а тут все-таки война, стреляют, но побывать на войне и не ходить в атаку ему казалось как-то не совсем по-мужски, и перед братками не хотелось выглядеть «лялечкой», трусишкой.

Рассвет уже занялся вовсю, верхушки скал, видные из окопа, окрасились в ярко-оранжевый цвет. Братки готовились к атаке.

По традиции, то есть по правилам, атака начиналась после обстрела позиций «хлопушками» и «крокодилами». Все,

ходившие в атаку не в первый раз, без напутствий и лишних разговоров уже были готовы к ней. Единственным новичком сегодня был он. Капрал тщательно его проинструктировал, лично экипировал всеми средствами защиты.

И вот началось. Гул и грохот, к которому он еще никак не мог привыкнуть, снова, как всегда, вдавили его в дно окопа. В этом гуле исчезали все обыденные мысли, словно мощный стотысячный оркестр рождал какофонию незнакомых звуков. Канонада закончилась. Братки по команде бросились на бруствер. Он чуть зазевался и в шеренге наступающих бежал немного сзади. По бокам он расслышал крики «Ура» и сам заорал что есть силы. Бег братков скорее напоминал что-то среднее между быстрым шагом и медленным бегом – средства защиты были весьма тяжелые, не позволяли быстро двигаться. Со стороны противника началась беспорядочная стрельба. Братки остановились и залегли, и он с размаху плюхнулся на пригорке. Потом был сильный удар по голове, он потерял сознание и только как сквозь сон почувствовал, что его тащат за ноги, опускают в окоп и снова уже за руки и за ноги несут куда-то.

– Эй, стажер, очнись, да очнись же, «тощий зад», – скорее прочел он мысли капрала, чем услышал его голос.

– Контузило его, вон как шлем помяло, – чей-то голос донесся сбоку, – эти гады «черняки» «тощий зад», похоже, из «пчелки» саданули.

– Да бросьте... из «пчелки», запрещена ведь. Уж год как

конвенцию подписали, – возразил капрал.

– Подписать-то подписали, а инструктора из нее точно шибанули, – утвердительно произнес кто-то из братков.

Он открыл глаза. Братки обступили его, лежащего на койке в бункере, уже освобожденного от всей экипировки. Капрал склонился над ним и внимательно осматривал всего с ног до головы.

– Очнулся «тощий зад», – обрадовано произнес капрал, – как ты, стажер? Слышишь меня?

Он хотел сказать, что все в порядке, но не все буквы сложились в слова и получилось какое-то дребезжащее мычание.

– Точно контузило, – констатировал капрал, – будем в госпиталь отправлять, – а сам подумал: – Ну, теперь влепят мне за стажера, в отпуск не пустят, а то и привилегии какой-нибудь лишат.

– Не бойтесь, капрал, все будет в порядке, – попытался он ответить капралу, но опять получилось что-то не очень внятное, но он эту мысль твердо довел до капрала, и тот не очень уверенно ответил:

– Да... может быть, может быть.

Уже смеркалось, когда его погрузили в машину. Капрал лично проконтролировал его отъезд, пожал руку и сказал на прощание:

– Лечись, стажер, выздоравливай, хороший ты парень, да только тихий.

Машина, дребезжа по каменной горной дороге, уже почти в ночь добралась до госпиталя. Его на носилках доставили в помещение. Переодели во все госпитальное и уложили в палате, где лежало человек десять таких же как он раненых. Из разных мест доносились кряхтение, храпы и стоны. Заснуть было сложно. У него сильно болела голова, шум в ушах не давал расслабиться. Он долго лежал с открытыми глазами, и ему казалось, что он уже давно, давно здесь лежит, ничего не слышащий, не видящий и не чувствующий.

Они оба сидели на дне окопа прямо на серых камнях и, похоже, беседовали уже не один час.

– Вот вы, батенька, говорите: «надо делать добро». Я не возражаю. Но если будет вокруг нас одно добро, как мы узнаем, что это – добро? С чем сравнить? Может, есть эталон или эталоны добра? Так укажите, научите, так сказать, просветите нас злых, делающих зло и добро одновременно. Я, отнюдь, не против добра, я только хочу сказать: «не бывает добра без зла, не бывает. Ибо сказано: "не делай добра, не получишь зла"».

Ветеран, видимо устав от витиеватой логики Предводителя и глядя куда-то в сторону, прошептал:

– О! Велико ваше заблуждение. Не ведаете главного. Добро изначально заложено во всем, это потом оно может пре-

вернуться в зло, если пустить все на самотек, так сказать, по инерции. Эдак можно перейти ту грань, за которой к добру возврата нет. А посему надо быть ежеминутно, ежесекундно настороже. – Ветеран в конце повысил голос и закашлялся, достал коробочку с таблетками и одну из них положил себе на язык:

– Я вот, по молодости, дуралей был страшный, веселостью буйной отличался. Сколько всего натворил, не пересказать, а как почую, что дальше нельзя, дальше зло черное, так отступал и тем спасался от гадости разной. На то и запреты еще, их «табу» называют. Без них уж давно бы скатились в яму помойную.

– Э, батенька, это вы такую мысль заложили, что не все позволено, что во имя какой-либо великой цели делается, что-то и переступить нельзя, – Предводитель примерил каску, снял ее и указательным пальцем поковырял облупившуюся краску.

– Эдак мы с вами истину не найдем, – продолжил он, – эдак каждый будет стоять на своем до бесконечности. А как же тогда с вашей диалектикой? Где одно вытекает из другого, дополняет друг друга, развиваясь. Вот, батенька, возьмем мысленный эксперимент проведем. На прямой линии с одной стороны расположим абсолютное, чистое добро, а на другом конце – абсолютное, самое что ни на есть, самое зло. Что мы с вами, батенька, имеем? А имеем, так сказать, шкалу – на концах по сто процентов зла или добра, по середи-

не смесь из половины добра и половины зла, ну и так далее. Вот так, батенька, и с человеком, намешано в нем и того и другого, а чего-то абсолютного нет и никогда не было. И в среднем в нас того и другого колеблется около середины.

Они на минуту затихли, прислушиваясь к чему-то.

– Видать, «хлопушки» летят, – сказал Предводитель.

– Да, пожалуй, нам пора, – поднимаясь, ответил ему Ветеран.

Он открыл глаза. Большие женские глаза смотрели прямо на него. Белая шапочка прикрывала густые черные волосы. Красивые, немного пухлые, чувствительные губы что-то говорили, и по губам он понял:

– Ну-с, как наши дела? Что нас беспокоит?

Сзади за докториной стояли еще несколько человек в белых халатах. И один из них, заглядывая в папку, что-то тихо говорил докторине. Пощупав его пульс, она со своей бригадой двинулась дальше между койками. За окнами занимался рассвет. Первый его рассвет с контузией.

Дня через два шум в ушах и головные боли почти прошли. Осталось восстановить слух, да и речь его была еще не отчетливая. Он уже вставал и гулял по территории госпиталя. Между процедурами от безделья деваться было некуда. Он сидел на садовую скамейку под тенью громадного южного

дерева и размышлял о своем житье-бытье.

Она ему понравилась сразу. Вид ее чем-то напоминал ему Фари, такая же смуглая кожа, черные брови и глубокие черные глаза. При каждом ее появлении у его койки во время утренних обходов они успевали переброситься несколькими мысленными фразами. Он мысленно спрашивал ее: «Как дела? Хорошо ли она отдохнула сегодня ночью?» А она, немного смутившись и отбросив этот официальный докторский тон, так же мысленно отвечала ему, что вчера она долго не могла уснуть, вечером в госпитале было много работы, и потом она думала о нем, о его способности читать мысли и передавать свои. Он видел, он чувствовал, что ей он не безразличен, и ему очень хотелось сблизиться с ней, но тревожные воспоминания и его уже привычная настороженность оставливали его. Он размышлял:

– «Может быть, она такая же, как Сандра? В принципе да, ответ был утвердительным. Но ведь Сандра была специально приставлена к нему и разрабатывала, как говорится, только его по индивидуальному заданию. А эта докторина здесь работает давно, похоже, она из местных, а он уже знал, что местные недолюбливают центр из-за древних конфликтов. Если докторина и является агентом, то работает не только и не столько по нему. Вывод напрашивался только один – надо получить о ней как можно больше информации. А самое главное это то, что она врач и ради этого стоит рисковать, потому что только такой специалист сможет избавить его от

микрочипа-датчика. И тогда он будет свободен».

Наступил вечер, прохлада опустилась в госпитальный садик. Южные звезды сияли. Воздух, этот целебный воздух, лечил гораздо лучше, чем нахождение в душноватых помещениях госпиталя, где пахло незнакомыми, резкими запахами лекарств, дезинфекцией, ранеными и больными.

Сюда привозили братков со всей зоны боевых действий белой армии, а персонал госпиталя, как обычно, состоял в основном из местных. У них у всех в отличие от братков имелись браслеты. Отсутствие браслетов у воюющих вызывало некоторое раздражение и отчуждение у медперсонала по отношению к военным. Но к нему она относилась как не странно не настороженно, а весьма дружелюбно. Даже можно было сказать – с некоторой симпатией. Он был не такой как все – молчалив, но не угрюм, умница, но не кичился этим. Причем его скромность, граничащая с некоторой застенчивостью, как-то располагала к нему собеседника и ее в том числе.

Она остановилась возле него и тихо спросила:

– Опять вы здесь? Не спится? В палате душно, я уже начальству много раз говорила – нужны кондиционеры или хотя бы вентиляторы. Все обещают.

Он медленно, растягивая слова и стараясь выговаривать все буквы, тихо, почти шепотом ответил:

– Да... никак не уснуть. Такая красивая ночь. Вы опять никуда не спешите? Почему?

– Мне некуда спешить. Живу одна. Никто меня не ждет, – ответила она грустно.

Он подвинулся к краю скамейки:

– Тогда посидим вдвоем, если вы не против.

Она села рядом. Без белого халата и шапочки она выглядела еще привлекательнее, только усталые глаза говорили о ее уже совсем не девчоночьем возрасте.

– О чем же мы будем с вами говорить? – спросила она вполне официально и стараясь быть равнодушной.

– Не знаю, – ответил он, – может быть о звездах. Смотрите, какая красота.

Они оба посмотрели вверх, в эту бездну и, как обычно в таких случаях, ощутили себя маленькими песчинками в этом огромном непостижимом пространстве. Минуты две они сидели молча, физически ощущая присутствие друг друга, боясь нарушить то первое волнительное ощущение, когда не безразличный тебе человек сидит так близко рядом с тобой.

– Вы любите стихи? – спросил он ее.

Она не сразу ответила, повернулась к нему лицом и сказала:

– Я не очень-то в них разбираюсь. Да и на родном моем языке не так их и много. Воспитывалась я в здешних суровых местах, где стихи не были на первом месте.

– Мы сможем быть друзьями? – спросил он снова.

– Друзьями? – удивилась она. – Зачем друзьями? Мы та-

кие разные, так далеки друг от друга. Хорошими знакомыми – да. А друзьями? Я не знаю. Получится ли это у нас?

– Вы думаете, мы не сможем найти общих интересных тем для общения? – он с каждой фразой говорил все лучше и лучше. Речь восстанавливалась неожиданно быстро.

– Общие темы... у меня почти всегда одна тема – медицина. Училась я там далеко на севере, а потом вот направили сюда. А вы? Я очень мало вас знаю, – она осторожно посмотрела на него, и было видно, что сейчас она просто любопытная молодая женщина.

– Вот и попался ты, умник, – подумал он, – придется искренне о себе что-то сказать, иначе разговор прервется.

И он, стараясь не утомить ее подробностями, рассказал почти все о себе. Единственное, о чем он умолчал, – это его желание избавиться от микросхемы и стать абсолютно свободным. Она слушала молча, не перебивала его, и даже, казалось, иногда плохо его слушала, думая о чем-то своем. Время летело быстро, уже было далеко за полночь. Тишина обволакивала все вокруг. Ночные бабочки и цикады затихли. Он замолчал и несколько минут она ни о чем его не спрашивала. Он случайно коснулся ее руки, и ее рука осталась на месте. Она, как бы очнувшись, сказала: – Вы удивительный человек. Простите, но мне пора. Уже поздно, а у меня завтра ранний обход.

Они оба встали со скамьи. Она как-то нерешительно пожала его руку, а он неожиданно поцеловал ее в щеку. Она

вздрыгнула, то ли от ночной прохлады, то ли от поцелуя, внимательно посмотрела ему в глаза, грустно улыбнулась, вздохнула и сказала: — До завтра.

На следующее утро она чуточку дольше задержалась у его кровати и дала указания помощнику с папкой:

— Дня через два можно будет выписать инструктора.

При этом она открыто и весьма дружелюбно ему улыбнулась. Следующий день прошел как обычно: процедуры, прогулки, отдых. Он активно пытался говорить вслух, и это выглядело со стороны весьма странно. Молодой мужчина ходит по кругу и что-то медленно бормочет себе под нос.

Наступил вечер, и он снова оказался на знакомой скамейке. В этот раз он ждал ее дольше, чем в прошлую их встречу.

— Добрый вечер, — она поздоровалась и присела на скамейку рядом с ним. — Вы хотели в прошлый раз прочесть мне стихи? Я готова их послушать, если у вас есть желание их читать. Он медленно нараспев, прочитал:

— Война осталась без побед —
Печально протрубил горнист.
Повсюду реквиема след —
Играл на флейте гармонист.
Тот звук все чувства разорвал —
Кому нужна была война?
Никто к войне не призывал.
Она сама как будто шла.
И жертвы множились сторон,

Герои появлялись вновь.
И даже женский тихий стон
Не смог остановить их кровь.

Она прижалась к нему. Становилось прохладно – конец лета, и ночи зябкие предвещали окончание жары.

– Да, война без побед, – вздохнула она, – эта долгая война оставила меня одну, почти одну.

Он обнял ее за плечи, и они долго сидели не разговаривая. Забрел рассвет. Они уже знали друг о друге почти все. И самое главное, она знала, что им надо делать.

Госпиталь еще спал, в лаборатории она хирургическим щупом быстро вытащила ЧИП и аккуратно положила его на марлевый тампон.

– Вот и все, – сказала она, указывая на эту удивительную вещь.

На марле тускло поблескивал маленький, не более миллиметра шарик.

– Ты его выбросишь? – шепотом спросила она.

– Нет, – возразил он, – его нельзя выбросить просто так, иначе меня сразу начнут искать.

Она крепко прижалась к нему, обняла и уткнулась лицом ему в плечо:

– Ты должен стереть себя в моей памяти.

– Да, – ответил он.

– Мы больше никогда, никогда не увидимся? – ее голос

дрожал, и он чувствовал, что она еле сдерживает слезы.

– Я не знаю, я не уверен, – прошептал он ей в ухо.

Пора было прощаться. Он поцеловал ее в губы, развернул к себе спиной и аккуратно почистил ее память, чуть подтолкнул ее в спину, и она, как бы очнувшись, решительно зашагала к своему кабинету. А он, прилепив ЧИП пластырем у себя подмышкой, ушел к себе в палату.

Утреннее солнце осветило госпиталь яркими, чистыми лучами. Наступил последний день лета.

Глава пятая. Домой

На утреннем обходе она как всегда была деловита, строга. Мельком взглянув на него, она сказала:

– Сегодня вас выписываем.

Помощник сделал какую-то пометку в папке. А он еле успел прочесть ее мысли:

– Странный инструктор, ну очень молчаливый. Кто-то мне говорил, что он какой-то феномен. Кто же это мне говорил?

С этой мыслью она подошла к следующему раненому.

В канцелярии ему, уже переодетому в форму, пухлая девица заполнила бланк и поставила печать.

– Инструктор, – обратилась она к нему, – если хотите, то во дворе стоит попутка на ваш участок.

Он кивнул головой. Девушка позвала водителя:

– Шустрик, нечего здесь толкаться, я все равно освобожусь только вечером. Забери-ка вот инструктора.

Шустрик, молодой парень, нехотя оглядел его, почесал от досады затылок и ответил:

– Ну ж пойдёмте, Инструктор, ехать так ехать.

И уже через полчаса машина прошла перевал, и впереди справа на крутом горном повороте открылось ущелье и цепь дальних гор. Он попросил Шустрика остановить машину на обочине. Справа повеяло холодом глубокой пропасти, слева

нависла отвесная скала.

Место как нельзя лучше подходило для исполнения его замысла. Он вышел из машины и приказал Шустрику сделать тоже самое. Отлепил чип и положил его на сидение. Вывернув в право руль, они вдвоем с водителем столкнули машину в пропасть. Через несколько секунд до них дошел глухой звук взрыва. Шустрик с удивленными, широко раскрытыми глазами смотрел на него, ничего не соображая.

– Через полчаса, не раньше, здесь будут спасатели и аварийщики, – сказал он.

Он поставил Шустрика перед собой и довольно быстро «сменил ему картинку» на случайную катастрофу, при которой инструктор не успел выпрыгнуть из кабины машины, падающей в пропасть. Оставив Шустрика в растерянности сидеть на краю обрыва, он быстро зашагал вперед по дороге и через некоторое время свернул на горную тропу, ведущую через перевал на север.

Наконец-то он свободен. Свобода – это чувство переполняло его. Трудности, которые ожидали его впереди, были еще далеки, и он не думал о них. Это утро казалось ему самым счастливым в его жизни.

Солнце уже поднялось к зениту. Его мучила жажда. Не подготовленный, случайный побег теперь казался ему не таким удачным, как в самом начале. Горная тропа скорее напоминала звериную тропку, и идти по ней было сложно. Ориентировался он только по солнцу, и хотя направление он в це-

лом выдерживал верное, но повороты, спуски и подъемы его в конец измучили, нужен был отдых. А здесь среди сплошных камней даже в тени было весьма не уютно и жарко. Только к вечеру ему удалось увидеть внизу горную долину и какое-то селение. Куда он двинулся уже изрядно усталый и вымотанный.

Древний старик сидел неподвижно на каменной террасе. Красный диск заходящего солнца освещал лицо старика. Кажалось, он сидит здесь так давно, что уже и непонятно, жив он или уже давно умер. Высохшее, морщинистое лицо старика никак не отреагировало на его появление и попытку поздороваться, низко поклонившись сидящему. Возле старика, в его ногах лежала старуха, как-то странно вытянув левую ногу и руку. Она чуть-чуть шевелилась, открывая и закрывая глаза и рот, словно пытаясь позвать кого-то.

Он обошел все селение – не более десятка каменных домов с плоскими крышами и кроме этих старика со старухой более никого не обнаружил. Он еще раз поздоровался со стариком, но снова никакой реакции не последовало. Попытки прочесть мысли старика тоже ни к чему не привели. Единственное, что он обнаружил у него, это довольно яркую картинку – трех мужчин, сидевших на траве, где средний из них был уже довольно пожилым с седой бородой, а сидящие по

бокам – молодые парни-близнецы. Он подошел к старику поближе и понял – старик плохо слышит и видит. Он осмелился и тронул старика за плечо. Старик повернул в его сторону голову и на непонятном языке что-то коротко произнес. Он смог понять незнакомые слова, читая мысли старика:

– Кто здесь? Кто ты?... Что ты хочешь?

– Я могу вам чем-то помочь? – спросил он старика.

– Нам не нужна помощь, – ответил старик.

Вечер погрузился в темноту. Долгожданная прохлада опустилась с гор. Он не знал, что ему делать. Хотелось пить и есть. Хотелось просто лечь где попало и уснуть до утра. Он присел на корточки у старухи. Провел ладонью вдоль ее тела, остановив руку над головой. Он слышал об этой болезни. Найдя больное место, он попытался восстановить кровоток. Через час его манипуляций старуха понемногу успокоилась, напряжение и беспокойство ее спало. Непонятное бормотание прекратилось. Старуха что-то тихо сказала старику, и он ответил ей:

– Пусть идет своей дорогой.

Усталость окончательно свалила его, едва спустившись с террасы, он плюхнулся на кучу соломы и моментально уснул.

На госпитальной койке сидели двое – Предводитель и Ветеран.

– Вот до чего дожили, – ворчал Ветеран, – уже на одну кровать кладут двоих раненых. Неужели нельзя планировать войну, планировать поступление раненых?

– Ну уж, батенька, это вы уж слишком. Хотите вычеркнуть из жизни случайные события. Это уж никак нельзя. Как же без случайностей? Это ж, батенька, нонсенс.

– А как же на моей войне? Наши начальники планировали боевые безвозвратные потери. Без этого показателя ни одна операция не планировалась. Как же? Как же вы сможете составить план боевых действий без потерь? Такого на войне не бывает, – возмутился Ветеран.

– А вот так, – ответил Предводитель, – у нас война не такая как ваши. У нас не ради победы все происходит. Помните, как этот юноша-инструктор сказал: «Война осталась без побед», а ведь верно сказано прямо в точку: «без побед».

Да и ваши войны, батенька, если внимательно посмотреть исторические данные, развернуть их, так сказать, во времени, то может оказаться то, что раньше считали победой, сейчас уже можно считать поражением.

– Я понял, куда вы клоните, – прошипел сердито Ветеран. – Это ваша теория исторической относительности всем мозги запутала. А я вам твердо скажу – без побед нет смысла в войне. А возьмите героев, скажите и героев не было?

– Герои-то были, да и легенд о героях было достаточно, – ехидно заметил Предводитель. – Я вам вот, к примеру, ска-

жу: помните Шустрика, вот вам и герой.

– Этот шофер герой? Не смешите меня, старика. Это ж простой армейский болван-бабник, – Ветеран аж поперхнулся от возмущения, – машину в пропасть, армейское имущество загубил, а вы говорите герой?

– А вы, батенька, не кипятитесь, давайте разберемся спокойно. Представим объективно как было дело: «Навстречу по узкой горной дороге шла машина в госпиталь с ранеными. Ну скажем, к примеру человек эдак под десяток, плюс водитель. А навстречу Шустрик. В машине он и стажер. Справа обрыв, слева скала. Куда деваться Шустрику? Он героически, рискуя жизнью, жертвуя стажером, бросает свою машину в пропасть, спасая встречную с десятком братков, плюс водитель. Каково? Разве не герой?»

– Что вы мне тут загибаете? Не было встречной машины. Не было. Вы же это знаете лучше меня, – злобно прохрипел Ветеран.

– Ну и кто об этом знает? Я знаю, вы знаете, Шустрик знает. Итого три человека. А если мы дадим описание этого подвига в средства массовой информации. Да еще снимем, талантливо снимем фильм об этом. Наградим Шустрика чем-нибудь, чтобы гордился собой. Так и тьма народа будет знать этот героический поступок Шустрика. Художников привлечем – пусть картину напишут, нарисуют, так сказать, на холсте. И не одну. Конкурс какой-нибудь организуем среди творческих людей. Вот вам, батенька, и подвиг.

Ветеран затих и только тяжело дыша глотал таблетки.

– Да, вы мастера коверкать историю, – тихо и грустно сказал он после продолжительной паузы, – ну а те, кто погиб на фронте, те же герои без всяких ваших художественных штук.

– Да, батенька, я согласен – герои. А вот присмотреться к этому, я все никак не могу взять в толк ваших понятий. Погиб боец – пишут: «пал смертью храбрых», а умер в госпитале или уже дома – пишут: «умер от ран». Как-то не одинаково героически звучит. А если написать: «умер от ран смертью храбрых», то получается смешно.

– Для меня звучит одинаково, а вы как хотите трактуйте, только помните, история не прощает забвения, – уже успокоившись пробурчал Ветеран, – надо нам уж как-то размещаться на этой койке. А то скоро обход.

– Да уж пора, – ответил Предводитель, – давайте ляжем валетом – головами в разные стороны.

– Валетом, так валетом, – сказал Ветеран, располагаясь головой на подушке.

– А вы, Батенька, я вижу, права свои знаете. Ветеранам у нас почет и привилегии. А нам администраторам одни проблемы остаются «спать без подушки», – недовольно пробасил Предводитель.

– Да молчите вы, администратор, – ответил старик, – вот, кажется, уже докторина идет. Выпишет нам за шум по успокоительной клизме, сразу утихните.

– Как это успокоительной? – прошептал Предводитель, – вы хотели сказать очистительной?

– Нет, именно, успокоительной, – хихикнув ответил Ветеран. – После нее все мысли уходят, остается одна мысль «успокоительная» – куда-бы все это деть?

Вот и докторина идет. Да... хороша. У нас в третьей роте была санитарочка, я вам скажу, ох, хороша! – Ветеран мечтательно потянулся.

Он проснулся. Не открывая глаз, обдумал сон, и серьезный и смешной. Почему-то ему не снились ни Фари, ни Сандра, ни докторина, а только эти два «мудреца».

– Странно, – подумал он и открыл глаза.

Солнце поднялось уже высоко, освещая почти весь двор и дальнюю каменную стену, закрывающую ему вид на горы и долину. У изголовья он обнаружил глиняный кувшин и миску с полукруглым, светло-желтого цвета предметом. Он осторожно взял его в руки. Кисловатый запах подсказал ему, что это похоже на вторую еду, только более твердую. Он осторожно откусил небольшой кусочек, прожевал и проглотил. Еда ему понравилась, тем более что он уже почти сутки ничего не ел. В кувшине оказалась свежая холодная вода. Он с жадностью набросился на еду, запивая ее большими глотками воды из кувшина.

Старик по-прежнему неподвижно сидел на террасе и смотрел куда-то вдаль. Старуха, видимо, была внутри дома. Он поклонился, поблагодарил старика и через обветшалые ворота вышел на узкую улочку между домами. Почувствовав прилив сил, не оглядываясь, он зашагал вниз в сторону долины, видневшейся вдалеке между гор. Идти было легко и просто. Каменная дорога зигзагами шла вниз. Было еще не жарко, горный воздух с ночи еще не прогрелся. Ему было радостно – впереди был дом и свобода. А какой дом? И какая свобода? И что он там на севере будет делать? Над этим он не задумывался, а точнее, прогонял эти мысли подальше от себя.

Примерно часа через четыре интенсивной ходьбы он подумал о ночлеге. Опять спать под открытым небом не хотелось, и где здесь заночевать среди камней, непонятно. И вот за очередным поворотом дороги показались несколько каменных строений, притулившихся на склоне холма. Но даже издали было видно, что вся эта деревушка, а точнее, хутор давно заброшен. Почти все крыши домов провалились. Деревянные детали обветшали. Каменные стены в некоторых местах были разрушены временем. Эта общая картина запустения энтузиазма заночевать здесь не вызывала. Он осторожно, уже не так уверенно, спустился к хутору и более получаса бродил среди руин, осматриваясь и пытаясь выбрать более менее подходящее место для ночлега. Он заглядывал в открытые, разрушенные двери домов и нигде жителей не об-

наружил. Увиденное действовало на него угнетающе. А день приближался к вечеру. Солнце садилось, и только последние его лучи освещали местность. За каменной стеной, окружающей хутор, он наткнулся на небольшое местное кладбище. На могильных плитах были выбиты на неизвестном ему языке надписи. Часть могил выглядела довольно странно. Создавалось впечатление, что покойников забыли захоронить или хоронили как-то не до конца – чуть набросав камни поверх покойного, даже не готовя могилы.

Смеркалось. Пора было где-то устраиваться на ночлег. В одном из домов, на вид наиболее сохранившемся, он решил скоротать эту ночь. Расположившись прямо на полу, он задремал. Прохлада, проникающая в дом через разбитые окна, на давала ему расслабиться. Спал он тревожно, часто ворочаясь, съезжившись и стараясь прижать колени к животу, чтобы как-то согреться. На востоке встала молодая луна и осветила комнату, остатки старой, почти разрушенной мебели, лохмотья одежды, оставленные в шкафах без дверок, кучу каких-то кухонных, хозяйственных предметов, брошенных в пыльных углах.

Дневальный показался в проеме двери. Его силуэт он сразу узнал. Даже не узнал, а почувствовал – это дневальный, одетый по всей форме, с вещмешком за спиной. Лица дне-

вального он не видел – лунный свет светил ему в спину.

– А, это вы, инструктор, значит отдохнуть решили. Это правильно, дорога дальняя, отдохайте... – дневальный как-то неуверенно вошел в комнату, оглядываясь по сторонам. – А вы это того, не боитесь этих, которые лежат. Я их с детства боюсь. Вы бы меня просветили, инструктор, страхоту из меня вынули б, а то я от них дрожу и изделать ничего не могу.

Дневальный направил дрожащий указательный палец правой руки в темный угол, где в хламье что-то шевелилось.

Он внимательно присмотрелся и увидел в углу, куда указывал дневальный, два скелета в лохмотьях истлевшей одежды. Скелеты, обнявшие друг друга, неестественно развернули черепа в его сторону и, казалось, смотрели на него черными, пустыми глазницами.

– Вон, видите, шевелятся, – прошептал дневальный, весь дрожа от страха, – они наверное умерли последними. Обнялись. Так и лежат тут без похорон. Тут весь хутор такой, мертвый весь. Когда они попали в эту «забодайку» – зону боевых действий, молодежь кто куды разбежалась, а кого может быть искоренили или мягко задержали. А энти старики помирали, брошенные здесь, потихоньку один за другим. Да я вижу, вы, инструктор, спите, а я мешаю вам.

Дневальный повернулся к нему спиной и медленно на цыпочках подошел к скелетам и что-то стал им шептать:

– Зачем? Вы. Зачем? Я ведь у вас один остался. Вот получил привилегии, а зачем мне они без вас? Вот и пошел, и

машина сбила, и нету меня сейчас, и стану такой же как вы, а инструктор он ведь живой, он смерти боится, а вы и я уже не боимся. Мы уже не живые.

Дневальный снова повернулся и тихо, почти как бы плывя в воздухе, приблизился к нему, встал перед ним на колени и заглянул ему в лицо. Черные, пустые глазницы светло-серого черепа смотрели прямо ему в глаза.

Он очнулся от дремоты. Луна освещала комнату. Все тело сильно замерзло, и он еще долго не мог оправиться от сна. Лежать здесь уже не было никакого смысла. Этот мертвый хутор совсем ему не нравился. Пришлось встать, размять онемевшие от холода ноги и, стараясь не смотреть по углам, выйти наружу. Дорога хорошо освещалась лунным светом и он энергично двинулся вниз. Стараясь согреться быстрой ходьбой. Ритм шагов настроил его на рифмы.

Помирать? Кому охота?
Так подумал комформист.
«Долго жить – одна забота»,
Пел веселый гармонист.
А когда покой поймает,
Оркестранты марш сыграют.
Флейта грустно прозвучит
И тихонько замолчит.

Кто тебя здесь похоронит?
Если был последним ты.
Кто тебя потом догонит?
Это все конец игры.
Что потом? Никто не знает —
Странный путник впереди,
Но дорога эта манит,
Все оставив позади.

Только через несколько суток он выбрался в долину. Наконец-то кончились камни. Грунтовка шла вдоль полей, перелесков, пересекая вброд небольшие речки с чистой, холодной водой. Еды не было почти никакой.

Наблюдая за птицами, он пытался есть какие-то ягоды и орехи, которые иногда попадались ему по дороге. Неожиданно за небольшой рощицей показался домик крытый деревянными досками с каменной трубой, палисадником, полным высокими желтыми цветами. Через двор виднелся старый сарай, из которого доносилось кудахтанье кур и голоса еще каких-то животных. На крыльце дома сидели две одинаково одетых старушки. Подойдя поближе, он подробнее разглядел этих двух хозяек. Старушки оказались близнецами, абсолютно похожими друг на друга.

– Смотри-ка, дорогая, – юноша, да весь усталый, – сказала

одна из старушек.

– Да, дорогая, изможденный. А почему ты думаешь, что это юноша? Борода. Лохматый весь, – ответила другая.

– А ты посмотри, дорогая, какие молодые у него глаза, – сказала первая. – Глаза как у нашего Душика. Ты его еще помнишь?

– Может быть, это у него такие глаза от голода? А может, он бандит какой-нибудь, хулиган из гор. Помнишь, нам рассказывали, когда началась война, оттуда из гор шли хулиганы один за другим.

– Нет, я думаю, он идет с войны, видишь форма на нем, только вся уж сильно поношенная и грязноватая. А хулиганы все, почти все, были в гражданском.

– А Душика, мы тогда с тобой зря обманывали, хороший был мальчик, – мечтательно сказала первая старушка, – ходили на свидания меняя друг друга, а он, бедный, думал, что это одна и та же девица.

– Могли бы и ребятенков завести, сейчас бы бегали здесь веселенькие, на него похожие.

– Ну, дорогая, это ты не права, сейчас им бы было уже не меньше пятидесяти. Да их могли бы взять на войну, или родились бы какие-нибудь инвалидистые. Вот как наш Блаженка. И не бегали бы уже веселенькие.

– Да, дорогая, что ж мечтать-то, как получилось, так и получилось. А кто же первый ему, Душику, отказал в свидании, ты или я? Я что-то уже запаматовала.

– Конечно, ты, дорогая. Я-то помню – бывало, обнимет, так сердечко и замирает и бьется.

– Так не только сердечко, вся, бывало, задрожешь от счастья.

– Да что уж вспоминать, сгинул куда-то наш Душик, пропал. Сейчас поди и не узнать его. Да и жив ли?

Он стоял перед ними и не смел прервать этот разговор.

– Да, что же это мы такие с тобой невежливые, юноша стоит, усталый, голодный, а мы тут все о своем да о своем, – сказала первая старушка.

– Здравствуйте, юноша, – сказала вторая, – вам, наверное, хочется отдохнуть?

Он тихо и вежливо поздоровался со старушками и выдал из себя:

– Пожалуйста, пить.

– Сейчас, сейчас, – старушки хором ответили ему, засуетились и пригласили его в дом. И уже через час он, отмытый, в чистой гражданской одежде, сидел за столом.

На столе находилось множество баночек, тарелочек, кружечек, и все было наполнено незнакомой ему едой. Здесь, похоже, была и первая и вторая и третья еда. Он не знал, как это есть. С чего начать? И от смущения боялся что-либо трогать на этом столе.

Старушки явно с интересом и удовольствием разглядывали его.

– Берите вот это, попробуйте, – они наперебой пододвигали ему разные чашечки, приговаривая: – Там у вас на войне, да и в городе тоже, такой еды нет. А у нас тут все свое, все местное, чистое, очень полезное и без этой вашей химической технологии.

Он сначала осторожно попробовал из разной посуды этой новой еды, а распробовав, ел и ел с голодухи, не останавливаясь.

– Вот молодец, юноша, вот молодец, – нахваливали его старушки. – Не то что наш Блаженка. Поклюет две, три ложечки и все. Говорит что сыт. Вот от этого и худой, и больной.

Насытившись и выпив несколько чашек душистого, терпкого напитка, совсем не похожего на тоники больших номеров, он окончательно расслабился и внимательно осмотрел комнату, в которой его принимали старушки. Уют и покой веяли от всей обстановки. В центре комнаты топилась большая белая печь. Сухое тепло от нее располагало к спокойствию и отдыху. Старые фотографии на стенах говорили о том, что уже несколько поколений прожили в этом доме и старушки, доживая свой век, здесь были последними жильцами.

– Рассказывайте, юноша, пожалуйста. Рассказывайте нам о себе. Мы очень любим рассказы, – затараторили старушки, перебивая друг друга. – Мы видим, что вы, юноша, натерпелись от скитаний и приключений. Нам интересно – что и

как с вами приключилось? Наш-то Блаженка что-то запропастился там в городе, уже больше месяца у нас не появлялся.

Он не спеша, в общих чертах рассказал о себе, не раскрывая, как ему казалось, своих способностей и целей. Получился простой, обыкновенный и даже скучный рассказ о молодом человеке, заблудившемся в горах во время войны. Но даже это скучное повествование очень заинтересовало старушек, и они несколько раз переспрашивали его, желая знать мелкие подробности его скитаний. Видя, что он уже почти засыпает от своей монотонной речи, старушки отвели его во вторую половину комнаты и уложили в постель. Только-только его голова ощутила мягкую подушку, он тут же уснул.

Они сидели и рассуждали о смерти.

– Вы, батенька, боитесь смерти? Должны бояться. Вы ее видели на войне очень близко, – Предводитель, прищуриваясь, смотрел куда-то вдаль за цепочку гор, освещенную заходящим солнцем.

– Все боятся смерти. Только одни это тщательно скрывают, маскируются, так сказать, храбрыми. А другие не очень-то и скрывают этот страх, но стараются не думать об этом. А я что? Я уже умер. Чего мне бояться, – ответил Ветеран. – Я даже толком не знаю, умер я или нет, так внезапно после

приступа.

– Как, батенька, вы не знаете, что умерли? – удивился Предводитель. – Вы действительно умерли.

– Умер-то я умер, но когда человек не готов к смерти, то странные вещи могут получиться, – пробурчал Ветеран.

– Э... батенька, что-то вы чересчур мудрое изрекли. Все гораздо проще, я бы сказал физиологичнее. Сначала сердце останавливается. Потом мозг перестает работать и все, принимайте покойничка.

– Да, как прагматик вы правы, – ответил Ветеран. – Но подумайте сами – умираем мы не сразу, а по частям. А это значит, что точку где-то надо ставить. Сейчас эта точка стоит там, где поставили ее вы, то есть, даже не вы, а ваши ученые мужи-врачи. А кто знает, что будет в будущем, в далеком? Где поставят эту точку, точку смерти наши далекие потомки?

Предводитель закрыл глаза. Он обдумывал эту новую для него мысль: «Где кончается жизнь? А может быть этот старик прав. Что мы знаем о смерти? Да ровным счетом очень мало. Изучали, изучали, дошли до глубокой заморозки и тихо врем себе, что эти замороженные ледышки не умерли. Кто это может подтвердить? Ждем результатов, а скорее всего чуда».

– Что-то вы притихли? Помирать что ли собрались? – съехидничал Ветеран.

– Что вы, батенька, это я вашу мысль, так сказать, осмыс-

ливаю. И вот что я вам скажу: страх смерти довлеет над всеми. И этот страх естественный, я бы сказал, не очень-то и постыдный, управляет нами. Ох! Как управляет!

– Управляет-то управляет, а вот у нас во время той войны со страхом боролись очень эффективно. Выпивали норму и в атаку, вперед. Страх исчезал. А что сейчас? Пьете какую-то дрянь – нулевку и прочую номерную дребедень. Да и не из-за страха, а так от безделья. Позор, да и только. – Ветеран горестно махнул рукой.

– Зря это вы, батенька, ругаете наши напитки. Я полагаю, что регламентация улучшает управляемость общества. Иначе начнется хаос – кто во что горазд. Сами же и будете страдать от этого хаоса.

– Мне то что, меня уже нет, – заметил Ветеран. – А вот вы от этой одинаковости можете развалиться. Когда все вокруг одинаковое, особенно выпивка и развлечение, то есть зрелища – общество быстро хиреет.

– У нас в обществе есть страх, и он удобно управляет этим обществом, – ответил Предводитель.

Неожиданно появились новые, тихие голоса, почти шепот:

– Надо бы оставить его у нас, – заметила одна из старушек, – бедный юноша, натерпелся.

– Да, надо оставить, – согласилась вторая.

– Но он может не захотеть, – продолжила первая.

– Да мы же на что, – ответила вторая.

– Да, да, ты как всегда права, дорогая, – подхватила первая, – вот проснется, мы ему чайку третьего, нашего – все свои приключения забудет и останется у нас навсегда. А вот и наш Блаженка идет.

Он сквозь сон слышал этот разговор и сначала не мог понять – что это было? А когда проснулся окончательно, еще некоторое время лежал с закрытыми глазами и прислушивался к тому, что происходит в доме.

– Блаженка, ты был у управляющего? Нам уже год назад обещали эти чудные браслетики с кнопочками.

Звонкий, молодой голос с выражением продекламировал:

– Мои милые бабушки!
Здрате, мои дорогие!
Как вы тут без меня жили?
Не тужили? Не тужили.
Поскитался я все лето.
Ох! Денежки все шальные.
Там во городе не малом,
Там меня так не любили.
Разговоры. Разговоры.
А делов совсем немного.
Обещали очень скоро,
Что дадут вот-вот и строго.
Но бежали дни и ночи.
Что сказать-то вам? Короче,
Ничевошеньки не дали.
Но отбросили все печали.

Ну их там всех не разумных...

– Тише, тише, Блаженка, у нас гость отдыхает, вчера пришел. Похож на беженца, а по рассказу – так выходит дезертир, – прошептала одна из старушек.

– А зачем нам дезертир? —

шепотом спросил Блаженка, —

– Нет для них у нас квартир.
Дезертира надо сдать,
Пусть уходит воевать.
С ним хлопот не оберемся,
Лучше с ним мы разминемся.

Он открыл глаза. В окно падал яркий солнечный свет. И судя по тому, что солнцем освещалась дальняя стена комнаты, было ранее утро. За занавешенной дверью слышался шорох и шепот:

– Мы хотели бы его оставить себе. Ты, Блаженка, был бы ему младшим братом. Он, судя по виду и рассказу, хороший человек, добрый, но только потерянный какой-то. Не знает, куда и где ему применить себя, свой талант.

– А, что за талант у него?
Он по хозяйству что-то может?
Что за тоска его так гложет?

Что надо с фронта убежать,
Бродить и что-нибудь искать.

– Он умеет читать мысли, внушать чего-нибудь людям.

– Ну это не велик талант.
Сейчас таких «читателей» премного,
Как будто кто-то высадил десант,
А вот с поэтами пока что так убого.

– Знаем, знаем, ты у нас один такой рифмователь, но ведь ты же его еще не видел, не поговорил с ним, а уже так враждебен. Это, Блаженка, нехорошо.

– Ну хорошо, я посмотрю,
Поговорю, но точно знаю,
Что если вы уже решили,
Уже ему немало чаю
Испить уж дали,
То теперь ему закрыта эта дверь.

– Пока что третьего чаю мы ему еще не давали. Пожалуй, на завтрак и дадим. А от первого чая он так разговорился, очень откровенный юноша...

Шепот затих. Только иногда слышны были какие-то скрипы и шорохи. День для него начинался очень тревожный.

– Что он вчера рассказал им? – вспоминал он. – Почему они про него уже почти все знают? Надо быть осторожным

сегодня утром. Очень осторожным.

Зеленка для брата

Утро было морозное и какое-то сырое, промозглое. Его послали в аптеку за «зеленкой» для младшего брата. Тот болел уже несколько дней. На коже по всему телу высыпали прыщики и очень чесались. Брат плакал, ныл, плохо спал и не давал в доме никому хорошенько отдохнуть. Вся семья по очереди кто как мог развлекала его. Отвлекали от почесывания.

В аптеке покупателей было немного – эпидемию гриппа в этом году ждали в конце зимы. А сейчас еще не закончился декабрь. Младший брат заболел как-то неожиданно. Пришел из школы первоклашка, что-то ему все не нравилось, пропал аппетит. К вечеру появилась температура, а утром на коже образовались красные чесучие прыщики, которые после активного поскрабывания превращались в расчесанные ранки. В те времена «зеленка» – зеленая жидкость использовалась для обеззараживания любых не очень больших ранок. От этого обеззараживания малые ребятишки часто ходили в многочисленных зеленых пятнах на разных частях тела.

Он заплатил в кассу за два флакона «зеленки», подошел к продавщице в отдел с чеком и получил в руки две небольшие баночки, закупоренные резиновыми пробками. Положив баночки в карман пальто, он вышел из аптеки и направился

к трамвайной остановке. В те времена трамвайные вагоны сильно отличались от современного городского пумпеля. В пумпеле пассажирам, смотрящим в окно, казалось, что городской пейзаж плывет за окном, а сам вагон стоит на месте, настолько плавным и бесшумным было движение. А трамвай, в котором ехал он, дребезжал, гудел, качался, стучал колесами на стыках рельсов так сильно, что иногда казалось, что вот-вот это все железное сооружение развалится прямо на дороге. В вагоне пассажиров было немного, кто-то сидел съжившись на холодных сиденьях. Кто-то стоял, не желая сидеть в этом холоде. Окна практически все заиндевели, кроме лобового стекла водителя.

Он стоял посередине вагона, держась одной рукой за поручень, а второй придерживал в кармане две купленные баночки «зеленки» для того, чтобы они не колотились друг о друга и стояли там в кармане вертикально, дабы случайно не пролиться. Так он проехал пару остановок, меняя руки. Почему-то от спешки он забыл дома рукавички. Рука, державшаяся за поручень, быстро мерзла – менять руки приходилось довольно часто. Уже в середине пути он обратил внимание на то, что некоторые пассажиры, а это были в основном пожилые старушки и несколько взрослых мужчин, стали как-то внимательно его рассматривать, как будто он представлял собой нечто особенное, удивительное и редковиденное. Их взгляды его беспокоили, и он, стараясь избежать такого непонятного к себе внимания, ни на кого не смотрел и

пристально рассматривал внутривагонное оборудование.

Добравшись домой он достал из кармана «зеленку» и только сейчас обнаружил, что баночки протекли и его пальцы окрашены этой жидкостью. Аккуратно выставив баночки на салфетку, чтобы не измазать зеленкой стол, он посмотрелся в зеркало. Лицо его представляло весьма смешное зрелище: под носом наподобие маленьких усиков сияло зеленое пятно, на лбу блестели зеленые разводы, представляющие собой некую абстракцию загадочной конфигурации, а под левым глазом красовался зеленый синяк.

Видимо, испачканными зеленкой пальцами он, трогая лицо, нанес себе этот веселенький раскрас. Домашние, увидев его лицо, сначала удивились этой картинке, потом улыбнулись и отправили его мыться. А брат был немедленно замазан зеленкой в соответствии с появившимися прыщами и имеющимися ранками.

Тщательно мыля лицо и пытаясь смыть зеленку, он долго размышлял над тем, почему никто из пассажиров не обратил его внимание на перепачканное лицо. А вывод прост:

– Зачем смущать мальчишку? Может быть, так были замазаны его больные места на лице. Да и замечания пассажиров результата положительного не дали бы, а только смутили его еще больше – в трамвае эту «художественную» окраску смыть было нельзя.

Дверь приоткрылась, и из-за занавески высунулась голова молодого человека. Ярко-рыжие пряди вьющихся волос обрамляли худое, тонкое лицо, покрытое несметным количеством веснушек. Молодой человек, увидев, что он не спит, тихо, но четко сказал ему:

– Здравствуйте, странник дорогой,
Вы стремитесь домой?
Вам пора уже вставать,
Будут завтрак вам давать.

После этих слов голова исчезла, и он остался опять один. Он быстро встал, оделся и в нерешительности остановился перед дверью: что ему делать? Тихо выйти из дома и бежать отсюда без оглядки. Поздороваться, объяснить причину необходимости его внезапного ухода и быстро без завтрака уйти. Сесть за стол, позавтракать, но без чая, и потом тихо и незаметно уйти.

Все эти варианты казались ему какими-то невежливыми, неблагодарными за предоставленный ему кров и отдых. А включить его способности, что-либо им внушить или стать невидимыми ему не хотелось, тем более, что старушки оказались совсем не простые и похоже, сами умеют владеть во-

лей чужих людей. И он решил действовать по обстановке.

Старушки суетились вокруг круглого стола, расставляя посуду с разной едой. Блаженка стоял у печи и что-то длинной кочергой разгребал в топке.

Он сразу заметил на середине стола большую округлую емкость, из-под крышки которой клубился пар.

Мелькнула мысль:

– Неужели все будут пить этот чай, а может быть, ему нальют чего-нибудь другого?

– Доброе утро, – сказал он как можно более дружелюбно и непринужденно.

– Доброе утро, – старушки наперебой ответили ему. – Хорошо ли спалось, наш милый гость?

– Да, великолепно. Спасибо вам за прекрасный отдых, – скромно улыбаясь ответил он.

Блаженка оставил кочергу в покое и обернулся к нему:

– Вот вы какой:

Большой и добрый,

Наш гость, наверное, удобный

И для беседы и застолья.

Пойду, достану из подполья

Ему я вкусностей скорей,

Чтоб завтрак был наш веселей.

Блаженка, поймав его взгляд, кивком головы и глазами, стараясь, чтобы старушки не заметили это, позвал его за со-

бой.

– Я могу вам помочь? – сказал он, обратившись к Блаженке.

– Помощь очень мне нужна,
От нее полно добра.
Всем нам надо помогать,
Чтоб подполье посещать.

Блаженка, сильно прихрамывая, двинулся в сторону выхода. Они вышли во двор, обогнули дом, и Блаженка приоткрыл низкую дверь, приглашая его в подвал. На ощупь они друг за другом спустились по лестнице вниз. Блаженка чиркнул спичкой и зажег свечу. Мерцающий огонь осветил небольшой погреб, сплошь заставленный банками и коробками на стеллажах вдоль стен. У дальней стены стояло несколько закрытых крышками бочек. Блаженка, усевшись на одной из них, спросил:

– Почему вы бежите от войны? – Он чуть задумался и исправил свой вопрос: – Точнее, не от войны. Вопрос в другом – почему вы стали дезертиром? Это весьма опасно. Я вижу, у вас нет браслета. А там, куда вы, видимо, стремитесь, вас очень быстро вычислят и сдадут в органы. Там на севере все друг на друга доносят и очень быстро это делают при помощи кнопок на браслетах.

Блаженка затих и внимательно смотрел на него, ожидая ответа.

– Я не могу терпеть насилия, а война это насилие, – ответил он коротко, четко разделяя слова.

– Насилие, – задумчиво повторил Блаженка. – Но люди воюют все время, и есть и были такие обстоятельства, когда это не насилие, а защита от врага коварного. Защита от насильника.

– Эта война бессмысленная, и попал я туда в результате насилия, – ответил он.

Блаженка осмотрел полки погреба и заметил:

– Все имеет свой смысл, даже бессмыслица. А вам есть куда идти и у вас есть дом?

– Там, куда мне надо вернуться, и есть мой дом. Я только не уверен, мой ли это дом, – сказал он. – Да и что такое дом? Это где ты жил или собираешься жить?

– Если у вас нет такой уверенности в своем доме, там, далеко на севере, то может быть останетесь у нас, среди милых бабушек. Здесь у нас тихо, вдали от этой суеты. И браслетов у нас нет. И насилия почти тоже.

– Насилие и у вас есть, – заметил он. – Ваши старушки, похоже, манипулируют сознанием. Разве вы не знаете об этом?

– Знаю, и даже больше чем мне надо знать, – грустно ответил Блаженка. – Но вы-то читаете мысли, могли бы понять бабушек. Они это делают любя, по-доброму.

– Да, я мельком уже заметил, что ваша судьба здесь сложилась, я бы сказал, трагично, не по-доброму. Ваши любимые старушки вас покалечили в детстве, чтобы оставить у

себя, – и это у вас называется добротой? – он даже несколько грубо произнес эту фразу.

– Да, да... Вы правы, конечно правы, – спокойно отреагировал Блаженка. – Но как знать, что тогда считалось добром и злом, когда бинтовали мне ногу. Может быть, в перспективе это и было добро. Тогда была такая суматоха, драка между всеми и против всех. Кем бы я был и где бы, не оставшись у бабушек в виде больного. Кто это может сказать?

– Вы все-таки хотите уйти туда к себе на север? – добавил Блаженка. – Там, я знаю, все не так.

– У меня там хоть что-то есть. А здесь я совсем чужой. Да и что мне здесь делать? Помогать вам по хозяйству? Я к этому совсем не приспособлен, – ответил он.

Блаженка осмотрел банки, стоящие на полках, выбрал две и, задув свечу, направился к выходу. Когда они оба оказались во дворе на ярком солнце, Блаженка протянул одну из банок ему:

– Вот возьмите, в дороге это поможет вам избавиться от голода. За калиткой идет тропинка, по ней вы к вечеру доберетесь до большой грунтовой дороги. А там редко, но все-таки ходят машины до нашего ближайшего городка. Это километров сто.

Блаженка протянул ему правую руку, и он ответил ему рукопожатием, которое вот уже несколько лет по гигиеническим соображениям было отменено постановлением «ОПРАВА».

Блаженка тихо произнес:

– Прощайте, добрый дезертир.
Вам пожелать хочу удачи
Там, где устроен странный мир,
Где все не так, где все иначе,
Там и война, как не война,
Любовь и верность ненадолго,
А дружба вовсе не нужна
И от поэтов нет там толка.

Когда машина остановилась на площади, он аккуратно стер себя из памяти шофера, который всю дорогу удивлялся странностям случайного пассажира – не разговаривает, внимательно следит за дорогой, не отвечает на простые вопросы.

Небольшой провинциальный городок был тих и невзрачен. По середине площади находился памятник Арсению и Агафье.

На бетонном основании стояли две обнаженные фигуры, держащие на вытянутых руках непропорционально уменьшенный вагон городского пумпеля. Некоторые места девушки и юноши были начищены до блеска. Видимо, местная молодежь имела здесь свои традиции. Площадь окружали дома различных стилей высотой от двух до четырех этажей.

На одном из свежеевыкрашенных зданий висело огромное, на два этажа табло, видимо, уже несколько лет мигавшее лозунгом: «Вперед навстречу». Буквы зажигались вразнобой, и прочесть эти два слова удавалось не сразу. Внизу под табло дергалась бегущая строка с местными новостями, прерываемыми температурой и давлением в различных шкалах.

Он огляделся, нужно было найти вокзал междугороднего пумпеля. Все здания на площади на вокзал явно не походили. Пришлось несколькими кругами побродить по городу, прежде чем он нашел этот вокзал, напоминавший скорее кинотеатр с колоннами, который он однажды видел на старой фотографии. Вокзал был практически пуст, не считая двух «СС», не спеша перебирающихся от одной урны к другой. Билетная касса была закрыта. Расписание висело в виде табло над кассой и мигало весьма беспорядочно. Разобрать что-либо на нем было невозможно. Рядом с кассой стоял обшарпанный терминал с темным экраном, на котором сиротой прилепилась записка: «Не работает».

Он уже более суток не спал, и где-то надо было хотя бы чуть-чуть отдохнуть. Можно, конечно, устроиться на вокзале на одной из грязных скамеек среди «СС».

– Эта крайность от него не уйдет, – подумал он и все-таки решил найти кого-либо и расспросить о расписании движения пумпеля и возможности где-то спокойно скоротать время. Пока он соображал как ему поступить, «СС» куда-то исчезли. И в небольшом зале он остался один. Снаружи начал-

ся осенний унылый дождь. Такие дожди, дожди, с мелкими монотонными каплями, могли идти сутками. Оглядев через открытую дверь мокрую улицу перед вокзалом, он передумал искать кого-то.

Оставалось лечь на скамейку и попытаться отдохнуть здесь.

Он очнулся от прикосновения твердой руки, которая активно трясла его за плечо:

– Вставайте, вам здесь нельзя, – хриплый шепот раздался над его ухом.

Над ним возвышался один из двух «СС», которого он видел в зале вокзала. Испуганное лицо «СС» выражало крайнее нетерпение и озабоченность:

– Вам здесь нельзя, дружище, вставайте быстрее, – возбужденно повторил «СС».

Обращение «дружище» вселяло некоторый оптимизм в происходящее событие, и он поднялся, сел на скамью, освобождаясь от короткого, но глубокого сна.

– Пойдемте, пойдемте, вы же тоже «дези», то есть, извините, дезертир. Вас же могут здесь «вычислить», – снова поторопил его «СС».

– Откуда вы взяли, что я дезертир? – спросил он, поднимаясь со скамьи.

– О! Дружище! Это же очень просто, – увлекая его за собой, «СС» продолжал шептать ему прямо в ухо: – Вы не местный, это факт. Город у нас маленький, вы, дружище, уже

более полудня болтаетесь по центру, и вас уже определили как чужака.

– Да. Я приезжий, – ответил он тихо. – Я с севера по своим делам.

– Дружище, бросьте. Это даже не смешно. Не бойтесь, я вас не сдам. Я же тоже «дези».

Они уже вышли из вокзала и двигались по темным, сырым улочкам в неизвестном ему направлении. «СС» шел чуть сзади и направлял его легким подталкиванием руки. Он резко остановился и твердо заявил:

– А почему я должен вам верить?

«СС» наткнулся на него и от неожиданности не сразу ответил:

– А... действительно, я вам ничего не предъявил доказательного, кроме болтовни. Извините, дружище, я был не прав.

Свет дальнего фонаря слабо освещал две их темные фигуры. Дождь почти перестал, но мокрый, холодный туман пронизывал все тело, и ему хотелось скорее закончить эту странную ночную беседу.

– Или вы предъявляете доказательства. Или мы немедленно расстаемся, – раздраженно предложил он.

– Нам надо подойти к фонарю, здесь мало света для доказательств, – ответил «СС».

Он, пожав плечами, зашагал к фонарю, остановился под ним и обернулся в сторону «СС». «СС», запыхавшись, до-

гнал его, стянул с себя мокрую куртку, свитер и показал левое плечо. Старая, рваная рана была хорошо видна в голубом свете. Она располагалась как раз в том месте, где обычно должен был находиться «ЧИП».

– Это меня так «крокодил», – прохрипел «СС» и добавил: – Сбежал я прямо из госпиталя, не долечившись. Добрался до этих мест, и все равно меня здесь вычислили. Хотели судить и вернуть. Но тогда, лет пять назад было, как вы знаете, время «слабины». Я снова сбежал из зала суда. Прибился к странникам и теперь вот так и обретаюсь.

«СС» напялил на себя старый потертый свитер, втиснулся в мокрую куртку и прошептал:

– Ну что? Пойдемте, что ли, а то смерзнем здесь в мокроте.

Помещение, куда «СС» привел его, представляло собой небольшой подвал старого дома. На низком потолке горела одна лампа, освещавшая довольно уютное жилье. По стенам размещались три железные кровати, две из которых были заправлены по-армейски, а одна, видимо, ничейная имела всего лишь старый, но не грязный полосатый матрас.

В углу подвала, справа при входе, имелась, отгороженная ширмой из парусины, камора, то ли кухня, то ли раздевалка. Посреди этого жилья стоял круглый деревянный стол, старенький, судя по обшарпанным ножкам, но вполне еще крепкий на вид. На столе в «художественном» беспорядке расположились разного вида тарелки, чашки и кружки. В одной

из кружек торчали ложки и вилки. В общем виде помещение скорее напоминало армейский бункер, чем ночлежку странников. В одном из дальних углов размещалось некогда богатое, ампирное кресло, но уже весьма потрепанное, вероятно неизвестным домашним животным старых хозяев. В кресле отдыхал худенький, весь седой старик с маленькими колкими глазами и остреньким носом. За столом на стуле сидела еще не старая, миловидная женщина и что-то зашивала на куртке, держа в руке иголку с ниткой. «Дези», поздоровавшись, подтолкнул его к столу, ближе к свету, и объявил:

– Вот, господа, прошу знакомиться. Тоже «Дези», он побудет у нас немножко, ему некуда идти.

Присутствующие внимательно оглядели его с ног до головы. Первым заговорил старичок:

– Зачем нам второй «Дези»? Один уже есть. Мы его знаем, а новенький – он чужой. Его надо сдать. Может, и привилегии какие-нибудь получим за него. Время «слабины» кончилось, сейчас у нас «усиление». Вот вы газет не читаете, и вообще к информации относитесь невнимательно, а последнее постановление «ОПРАВА», – он поднял указательный палец правой руки вверх, – звучит очень предупреждающе: «не проходите мимо – сигнализируйте». – Старик даже привстал с кресла, произнося последнюю фразу.

– Деда, ты бы сидел и не прыгал, сам то был когда-то отсигнализован, – тихо заметила женщина, – тебе, деда, уж хватит сигналить, тебе теперь нужен почет, уважение и спо-

койствие, – добавила она.

– Он у нас побудет до завтрашнего пумпеля, и я думаю, нам не стоит его сдавать, – произнес «Дези».

– Да это я просто так сказал, – подхихикивая, произнес старик. – Пусть побудет, раз ты его привел. Только как мы его называть-то будем – «дези два», что ли? Первый-то ты.

– А зачем называть, если завтра уйдет человек, – заметила женщина. – Мы же люди вежливые, можно на «вы».

– Вы так вы, – согласился старик, – меня, когда выселяли, тоже на вы называли. Вежливые все такие, а как выселили, вообще перестали называть, то «мы заняты», то «нет приема», то «здесь нельзя», а где можно, никто не говорит.

– Сегодня, дружище, вы поспите здесь, – странник указал ему на пустую кровать, – а завтра мы постараемся вас отправить, если ваши планы не изменились.

Он ответил, что его планы не изменились и что он благодарен за ночлег. Женщина отложила свое «рукоделие» и заметила:

– У него нет браслета, ему в пумпель не попасть. Разве что, опять мне рискнуть и провести его.

– Да, Шурок. Ты у нас палочка-выручалочка. Мы-то с Дедой безбраслетники, ничем ему помочь не можем, – произнес странник, – на тебя одна наша надежда.

– Я сам справлюсь, – твердо сказал он, присаживаясь на матрас свободной кровати. – Я могу быть незаметным.

– Э... э, дружище, вы чуть отстали от нововведений. Те-

перь в пумпель без браслета не попасть. Автомат не пустит. Это сделали прошлым летом для учета привилегий. Шурок вас проведет, а сама выйдет. Получится, что один человек вошел, один и вышел. Только вам придется не на глазах у остальных, прижавшись друг к другу, пройти в вагон. А уж на выходе, там у себя, мы вам помочь ничем не сможем, там будете действовать самостоятельно.

– Это все сделано по просьбе трудящихся, – заметил старик. – Правильно сделано, а то раньше ездили, как хотели, а привилегии не учитывались, будь ты кто. А теперь все четко, все правильно, лишнее у народа не возьмешь, что ему положено отдай, – с пафосом заявил старик.

– Вот тебе, деда, все и отдали, – сказала грустно Шурок, – вот и трон у тебя за заслуги есть.

– Я не за себя говорю, – обиделся старик, – я за трудящихся говорю, вся забота о них.

В помещении наступила тишина. После «речи» старика никто не хотел говорить. Все было ясно, и спорить было не о чем. Ему очень хотелось есть и спать. Тепло разморило его, голова то и дело клонилась вниз, и он изо всех сил старался не упасть.

– О... о, пора отдыхать, – заметил странник и, обратившись к женщине, спросил:

– Ты завтра утром зайдешь к нам?

– Да, конечно, куда ж я денусь, отдыхайте, – она отнесла куртку за ширму и тихо вышла, плотно прикрыв за собой

дверь.

Он снял с себя верхнюю влажную одежду и улегся на матрас, блаженно вытянув ноги. Щелкнул выключатель, в подвале стало темно, только от узкого маленького окошка проникал снаружи рассеянный свет ближайшего уличного фонаря.

– Хорошая, добрая женщина, – прошептал старик, – любит она тебя, Дешишка, вот и ходит, и заботится. Тебе бы с ней надо быть, а ты тут в подвале суетишься.

– А я что ей могу дать? – прохрипел странник, – скрывающегося дезертира, которого только в этом захолустье и терпят?

– Все равно, что ни говори, а люди хорошие должны быть вместе, – произнес старик утвердительно, – а как это сделать многие не знают или не решаются, условностей боятся, традиции мешают и еще что-то. Не знаю что.

Он уже совсем засыпал – сон победил голод, когда услышал последние слова старика:

– Всю жизнь чего-то ждут, терпят. Зачем? Ради чего.

Голодные пирожки

В ту осень вначале погода выдалась редкостно чудесная. Денечки стояли солнечные. Листва еще держалась на ветках. Желтизна на некоторых деревьях и кустах уже проявилась, и лес от этого казался еще более красивым, чем знойным

летом.

Их с дружкой отрядили часовыми на лесной дороге. Это была такая молодежная, школьная игра в войнушку, понарошке. Все одеты были в форму защитного цвета и рубашки, и брюки. Пилотки у «красных» – естественно красного цвета, у «синих» – синего. Обычно игра проводилась всей школой на природе в начале учебы, а точнее в самом начале осени.

Ему с другом поручалось следить за дорогой, чтобы противник в пилотках другого цвета не мог незамеченным проникнуть на чужую территорию. Игра началась рано, почти как первый урок в школе. Автобусами ребят и взрослых вывезли за город к лесу, часов в девять утра.

Уже прошло примерно два часа, как они наблюдали за дорогой, стало немножко скучно и чего-нибудь захотелось поест. Но пост покидать без приказа было строго запрещено. И вот на дороге появилась грузовая машина, а в кузове полно народа – загородных жителей, в основном женщин, видимо, везли куда-то на работу. Водитель, увидев «часовых», остановил машину:

– Пацаны, что вы здесь делаете?

«Часовые», сурово насупив брови, наперебой изложили свою «миссию» здесь в лесу.

– Да, да, понятно, понятно, – прервал их водитель и продолжил вопрос: – А сколько же вам тут стоять?

– А мы точно не знаем, «командирование» наше где-то

там на опушке осталось, наверное, пока «война» не кончится, – ответили «часовые».

Водитель утвердительно кивнул головой, завел двигатель и прежде чем тронуть машину дальше, высунулся из кабины и крикнул сидящим в кузове:

– Девчата! Есть чем подкормить «солдат»? Сголодались поди «часовые»-то.

– Да, конечно, есть, родной. Сейчас бросим, – послышалось в ответ из кузова.

Машина тихонько тронулась, а из кузова высунулись две упитанные женщины с бумажными кулками. Смеясь, они протянули вниз свои кульки:

– Ловите, «защитники», ловите.

«Защитники», несколько растерявшись от неожиданного подарка, как-то неловко приняли кульки, не удержав их как следует в руках – половина содержимого вывалилась на дорогу. Когда машина скрылась за поворотом, «часовые» подвели итоги «операции» по приему подарка из машины.

Из десяти домашних пирожков четыре остались в кулках, то есть по два пирожка каждому. Еще два пирожка упали в траву у дороги. Остальные четыре свалились весьма неудачно – прямо на обочину, на пыльную землю и выглядели крайне неаппетитно.

Четыре «кулечных» пирожка были съедены немедленно и без раздумий. Четыре неаппетитных были сдвинуты осенними ботинками в траву у дороги, дабы не нарушали лесную

красоту, а те два, что упали в траву, остались на своем месте.

Время близилось к обеду, солнце поднялось высоко, утренняя осенняя прохлада сменилась приятным дневным теплом. На лесной дороге ровным счетом ничего не происходило. Ни машин, ни людей, ни противника в пилотках другого цвета не появлялось. «Часовые», изрядно набродившись возле поста, стали поглядывать на оставшиеся пирожки, тихо лежащие в траве и ждущие своего часа.

Наконец, созрело солидарное, то есть совместное решение – посмотреть внимательно на те два пирожка, которые первоначально упали в траву. Вероятнее всего, в такой осенней, чистой траве они хорошо сохранились. Пирожки выглядели неплохо, к ним почти ничего не прилипло, только несколько сухих былинки, которые легко удалялись путем обдувания или легкого движения пальцев. Эти «травяные» пирожки после легкой обработки были съедены с большим удовольствием. «Часовые», довольные своим решением и съеденными пирожками, повеселели, служить стало как-то легче и приятнее.

Прошло еще несколько часов, тоскливость в поведении «часовых» проявилась с новой силой. Фантастические предположения об окончании игры и забывчивости ее организаторов, можно сказать, витали в воздухе. А главный враг «защитников» – голод – предлагал самые экстремальные способы поведения, вплоть до покидания ответственного поста, а соответственно грубого нарушения дисциплины. Взоры из-

мученных сомнениями «часовых» обратились к оставшимся четырем «пыльным» пирожкам. Пирожки требовали серьезного и глубокого анализа и изучения.

Во-первых, бока их все были в пыли и подавлены ботинками. Во-вторых, к ним прилипло многовато мелких песчинок и сухой травы. Все это мешало приятию быстрого и однозначного решения. Требовались значительные размышления, чем в полевых, то есть в лесных условиях, очистить пирожки до съедобного состояния?

У нормальных солдат для таких случаев имелось серьезное оружие – ножи, а у «часовых» в карманах, кроме странных ребячьих железок, не было ничего серьезного.

– Вот проблема-то, – думали про себя «часовые» и лихорадочно искали выход из сложившейся ситуации. Поступило предложение – выесть внутренность пирожка, не трогая загрязненной поверхности. Предложение совместными усилиями было отвергнуто. Внутри было повидло, и выесть его из пирожков было крайне неудобно. Обтирание поверхности пирожков было крайне неудобно. Обтирание поверхности пирожков платками, похоже, тоже не давало хороших результатов, да и сама процедура была явно не эстетична. Обмывание пирожков в воде за неимением ближайших водоемов исключалось. Обстановка накалилась до предела. Пирожки лежали в траве, солнце клонилось к вечеру. Гениальное решение, как всегда, пришло внезапно: обломать подходящую деревянную веточку и используя ее как скребок, мед-

ленно, но верно удалять ненужное с поверхности пирожка, потом его съесть и приступать к очистке следующего. Так и сделали. Последние пирожки очищались гораздо быстрее первых, то ли от приобретенного опыта очистки, то ли от пренебрежения к некоторым деталям загрязнений. Вся процедура очищения и поедания заняла не более пятнадцати минут. Тут и соратники «часовых» появились, сняли их с поста. А на поляне у автобусов всех накормили и напоили вкусным чаем. Игра в войну закончилась ничьей. Главное, день на воздухе проведен был с пользой для здоровья. Никто не заблудился и не заболел. А «часовые» усвоили урок – голод сильная вещь, сильнее санитарно-гигиенической пропаганды. Да и леса у нас были когда-то стерильные, не то что нынешние.

– Вы, батенька, полагаете, что он зря не остался у бабушек? – прошептал Предводитель, стараясь никого не разбудить.

– Да, я так думаю, – ответил Ветеран. – Да и рассудите сами – свежий воздух, прекрасная еда. Никто тебе ничего не указывает. У них, вы заметили, нет ни браслетов, ни «ЧИ-Пов». Свобода... да и местность, похоже, весьма симпатичная. Не то, что этот город со своей суетой.

– Вы, наверное, правы. Зачем ему этот город? Я современ-

ную молодежь все более и более перестаю понимать, – снова прошептал Предводитель. – Вот возьмите его – нашего стажера, мог бы сделать прекрасную карьеру. Уже почти не стажер, а настоящий инструктор. А дальше – служи да служи, так можно и до члена правительства дойти. Ан нет, подавай ему что-то другое.

– Да, да им что-то другое надо, – прошептал Ветеран.

– Им хочется полного отсутствия долженствований, так в жизни не бывает. Наш-то герой это, похоже, понимает – иногда полезные, добрые вещи делает, а иногда поступает зло, равнодушно.

– Что-то я особого добра в нем не заметил, – продолжил Предводитель, – двух симпатичных женщин, которые похоже его любили, бросил, можно даже сказать, предал.

– Трех, – поправил Ветеран. – Вы забыли: Фари, Сандра и Докторина.

– Нет. Нет, батенька, – двух. Сандра – это наш агент.

– Тогда двух, – тихо согласился Ветеран и добавил: – А добрые дела у него тоже из двух состоят: старуху на ноги поднял, там, в горном селении, да мальчика в вагоне. Вот и все добро.

– Невеселая у нас получается арифметика – «два-два» – ничья, можно сказать, – сделал вывод Предводитель.

– Да, ничья, и похоже, вялая какая-то, ну уж точно не боевая, – прошептал Ветеран. – А что это мы шепчемся, коллега? – Ветеран завертел головой, – ведь нет же никого.

– Как нет, как нет, – зашипел на него Предводитель. – Вот же он спит в вагоне.

– А, вижу, вижу, простите, заговорился, – тихо произнес Ветеран. – Видно, снится ему что-то. Мы, наверное, и снимся, а может, стихи сочиняет. Я, знаете, в молодости стихи во сне сочинял. Да так ловко и складно получалось, а проснешься, ни черта не помнишь. Вроде бы тема осталась, а рифмы в голове ни одной. Вот, например, как это:

Поезд мчит домой на север,
А в вагоне гармонист.
Он во что-то еще верил —
Флейту вез с собой артист.
Там в далеких, синих далях
Думал – музыка нужна.
Он не знал судьбу в деталях,
Думал – ласкова она.
А она на самом деле
Не заботится о нас
И тихонько, еле-еле
Нас подталкивает в грязь.
Дождь за окнами вагона
Пошумел и перестал.
Промелькнули все перроны,
Час свидания настал...

– Я думаю, что прибьется он к социальным странникам. Там у них свободы пруд пруди. Да еще и «карьеру» у них

сделает – знахарем или гуру каким-нибудь станет, – после некоторой паузы произнес Предводитель.

– Может быть, может быть, – громко произнес Ветеран. – Да ему пора бы и проснуться, проверки могут появиться, уже почти полсуток в дороге.

– Прошу предъявить, – жесткий голос разбудил его. Двое в одинаковых штатских костюмах стояли рядом и пристально смотрели на него.

– Вот мой браслет, – он показал им пустое запястье.

– Мы должны его проверить, прошу набрать код, – потребовал старший.

Он срочно стер себя у них в памяти и заставил пройти дальше мимо якобы пустого места.

– Они забыли третье мое доброе дело, – подумал он грустно. – Ведь было же третье... – и снова задремал.

За окном вагона надвигалась осень с опавшей листвой, серожелтой травой на лугах, нередкими дождями и ярко-синим небом, иногда проглядывающим сквозь темно-серые облака.

Город встретил его предзимней суетой. Граждане, вернувшиеся после летних отпусков, наводнили городское пространство, и народу везде было многовато. Передвигаться среди этого движения вначале было непривычно и неудобно.

Перед дверью квартиры, где они жили с Фари, он остановился в некоторой нерешительности и, немного отдышавшись, нажал на кнопку звонка. Никто не отозвался. Он повторил попытку несколько раз. Результат не изменился. Создалось впечатление, что в квартире никого нет. Соседняя дверь приоткрылась, и в просвете образовалась лохматая голова мальчика лет семи.

– Дядя, там никого нет, – задорно произнесла лохматая голова, и два любопытных глаза уставились на него.

– А где же хозяйка? – спросил он мальчишку.

Не высовываясь дальше из проема двери, голова четко ответила:

– Ее подвергли.

– А там жил еще и дядя? – спросил он снова.

– И дядю подвергли. Бабушка сказала, что они вредители, вот их и подвергли, – ответила голова.

– И давно их подвергли? – спросил он машинально.

– Уже только лето началось, их и подвергли. Я не боялся. Это бабушка ругает вредителей. А я смелый. Я не боюсь.

– Спасибо тебе, – он спустился вниз и вышел на воздух.

– Что значит – подвергли? – подумал он. – А то и значит – ее либо ликвидировали, либо поступили так же, как с ним. В любом случае Фари ему не найти. Против всей системы у него оружия нет.

Прошло уже полдня, как он находился в городе, а задача – где ему пристроиться на ночь – еще не была решена. По-

крутившись по центру, он сменил одежду, утепившись по погоде, перекусил у пункта раздачи и к вечеру оказался рядом с домом Сандры, точнее рядом с большой стройкой на месте, где он когда-то скрывался на чердаке.

Стройка гудела и издавала металлические звуки – двигались краны, машины с материалами въезжали на стройплощадку, закрытую высоким забором. Судя по надписи на щите – строился, возводился офис крупного банка. У водителя остановившейся машины он спросил:

– А раньше здесь был старинный дом, куда все делось?

– Жильцов расселили, кого куда, а дом снесли, – ответил водитель, осматривая колеса.

– А была же памятная доска музыканта, он жил здесь? – как бы размышляя, спросил он снова.

– Да, чего-то такое было. В начале стройки даже демонстрация была из жителей, но потом вроде разобрались. Не жил тут никто известный, да и жильцы подписали какую-то бумагу, – ответил водитель. – Да вы и сами знаете – большие деньги и привилегии делают чудеса. Советую на кладбище побывать – там в нынешнее время старушки все расскажут.

Водитель привычно постучал ботинком по задним скатам и исчез в кабине самосвала. Вечерело, идти на кладбище было поздно, и ночевать где-то надо. Эту ночь он скоротал на лестнице одного из жилых домов. Приспособливаться в гостинице в первую ночь после возвращения он не захотел.

– Коллега, а зачем же вы Фари-то подвергли? – укоризненно спросил Ветеран. – Девушка-то, вроде хорошая и работала у вас в органах.

– Да, подвергли, – утвердительно ответил Предводитель. – Чистка рядов, батенька, полезная вещь. Авторитетно могу вам заявить – связи у нее были не качественные: этот сожигатель ее – феномен, да и южное ее родство вызывали подозрения.

– Какие-то вы нечеловечные, – проворчал Ветеран. – Можно было бы и мягче поступить.

– Мягче, батенька, никак нельзя. Время сейчас не «слабины», а «усиления». Да вы не жалейте всех, на всех жалости не хватит. Жалейте только себя, тогда жизнь для вас будет счастливая.

– Себя мне уже поздно жалеть. Вы, коллега, опять забыли, что меня уже нет. А кто мертвых жалеет? – с грустью произнес Ветеран.

– Вот и опять вы, батенька, не правы. У нас мертвых-то и принято жалеть больше, чем живых, да и то если, конечно, на то есть соответствующее указание, – возразил Предводитель. – Да и хватит нам с вами спорить. В споре мы истину с вами не родим. Только запутаемся.

Они оба замолчали и долго сидели на каменной лестнице,

прислушиваясь к его тревожному дыханию. – Ему завтра на кладбище идти, надо выспаться, а спать здесь на бетонной площадке так не удобно, – заметил Ветеран.

– Ничего, батенька, я в молодости черти как и где спал, на голой земле приходилось. Лихая, можно сказать молодость была в органах, – мечтательно произнес Предводитель.

Проснулся он рано. Утро выдалось зябкое и мокрое и началось красным рассветом. Такие осенние дни бывали редки, когда уже не горячее солнце ярко освещало мокрый от ночного дождя город. Кладбище находилось в пригороде, кладбищенская контора располагалась в его старой части. Снаружи, на деревянных лавочках сидели и беседовали три ладненькие старушки:

– Много народу сегодня хоронят, – услышал он голос одной из них.

– Много-то, ой много, и вчерась, да уж поди всю осень, кажинный день. Один за одним, – продолжила другая.

– Куда смотрит наше правительство? – проворчала третья.

– А при чем здесь правительство? Покойники у него не спрашивают – когда умирать? – продолжила первая.

– А кто ж тогда виноват? – спросила вторая.

– Природа такая. Раз родился, так и должен и помереть, – ответила третья.

– Да, когда старый-то, это – понятно, а вот когда молодых хоронят это – не хорошо, – заметила первая.

– А молодежь помирает много от глупостей, – сказала вто-

рая.

– Не ворчите на молодежь, она у нас замечательная молодежь, умная, – возразила третья.

– Да, конечно. Я вот с этими кнопками на браслете путаюсь и боюсь их нажимать, – поддержала ее первая. – А внук в этих штуках электрических разбирается быстренько.

– Мы с вами уже «отстой», – продолжила вторая. – Это мне так мои молодые говорят: «Какой же ты бабуля "отстой" у нас, никак не можешь запомнить где и чего нажимать». Так и говорят.

– Зато мы мудрые, то есть я хотела сказать, что опыта у нас много, – сказала третья.

– Да, мудрые-то мы мудрые, да только кому нужна эта наша мудрость? – грустно размышляла первая.

Наступила пауза. Он стоял поодаль и то ли от стеснения, то ли хотел услышать продолжения разговора, не приближался к старушкам и не о чем их не спрашивал.

– А вот и молодежь пожаловала, стоит стесняется, что ли? – тихо произнесла первая.

– Да, наверное, стесняется, – он, видать, нездешний, и какой-то непутевый, – заметила вторая. – Ночь плохо провел, помятый весь. Хочет что-то спросить и не решается, – продолжила третья.

– А что у нас-то спрашивать? Только, что: где, кто захоронен? – прошептала первая.

– Может, он из этих – социальных странников? – спросила

вторая. – Может, он просто голоднющий?

– Эти, как их сейчас называют «СС», – не стеснючие. А этот на интеллигента похож, – ответила третья.

– Вот такие, как он, могут подвиги совершать. Видите, глаза какие – ясные и простые, – продолжила первая, – он, наверное, добро хочет делать, да по молодости не знает – как и где?

– Добро изделает обязательно, по всему видно через зло и добро то будет делать, – заметила вторая.

– Что ж он стоит то? Надо его позвать, – тихо предложила третья.

Старушки замолчали. Он поздоровался, извинился за беспокойство и спросил:

– Скажите, пожалуйста, как мне найти место захоронения маэстро? – и он назвал имя.

И уже через минуту они вдвоем с одной из бабулек медленно пробирались по узким дорожкам среди кладбищенских памятников. К могиле маэстро они добрались минут через тридцать. На вертикальном камне он неожиданно для себя увидел надписи: «Дарий и Александра».

– А что? Он здесь похоронен с супругой? – после некоторой паузы спросил он у старушки.

– Да, с женой, – ответила она, – они и погибли вместе, и схоронили их в одной могиле.

– А как это произошло? – спросил он снова.

– А, извините, вы кто им будете? – в ответ спросила она.

– Я, – он немного замешкался с ответом, – я их знакомый, помогал им разбирать архив в их квартире, – и он назвал адрес снесенного дома.

– А, знакомый значит, помощник, – протянула она не очень доверчиво. – У них много было знакомых помощников. Когда хоронили, все кладбище было заполнено знакомыми и друзьями. Ученики играли все время музыку – нюктюрн. Все плакали. Люди они были хорошие. А маэстро, говорят, был еще и диссидент. Не очень любил правительство. Да и оно его тоже. А погибли они в машине, перевернулись на дороге.

Старушка замолчала и долго смотрела на надгробный камень.

– А квартиры в этом доме у них не было, там кто-то из очень дальних родственников жил. Там, говорят, и временный архив ихний разместили и хотели музей издать. Да только потом все отменили – органам это не понравилось.

– Ну, я пойду, – сказала она, вздохнув, и, опершись на деревянную палку, кряхтя, не разгибая спины, побрела назад.

Он догнал ее, провел ладонью по спине вдоль позвоночника. Старушка обернулась и, печально улыбнувшись, сказала:

– Да не суетись ты, милоч, уже не сможешь, спина-то у меня старая, древняя совсем. Спасибо, милоч. Прощай же, прощай, голубчик, – и она потихоньку зашаркала к своим подружкам.

Он вернулся к памятнику и на плоском камне, лежащем на могиле, прочел:

Здесь лежит маэстро – гений,
И не может быть двух мнений.
Проходи, не стой прохожий
На него ты не похожий.
Впрочем, кто вас разберет?
Пока кто-то не умрет.

День клонился к вечеру. Солнце еще чуть-чуть грело, но свежий ветер и ярко-голубое небо предвещали зябкий вечер и холодную ночь. Посередине ангара, к которому он добрался к вечеру, также горел большой костер.

Дрова, сложенные шалашиком, давали яркие и длинные языки пламени. Вокруг костра на ящиках расположилось человек двадцать странников. Пока на него не обращали внимания, он подумал, прислонившись к стене:

– Их стало больше.

Предстоятель, как и прежде, сидел опираясь на толстую суковатую палку и был занят тем, что тихо, почти шепотом беседовал с матушкой.

– Матушка, некоторые братья недовольны нашим руководством. Надо их вразумить. Ты скажи им, что сначала мы

лишим их «нулевки», и ежели будут упорствовать, можем и подвергнуть. – Предстоятель уже несколько раз, как казалось, мельком взглянул на него, но каких-либо действий не предпринимал.

– Да, да, – утвердительно кивнула головой Матушка, – Голубчик ты наш, Предстоятель наш любимый. Все исполню в точности, не сомневайся.

Он оторвался от стены и сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее пошел прямо на Предстоятеля, на ходу ловя его взгляд и читая его мысли:

– Стажер? Похоже, стажер. По отчетам погиб. Не может быть? Может, может, стажер-то у нас был феноменом. Срочно ликвидировать. Срочно вызвать группу, – и Предстоятель нажал кнопку браслета.

Приближаясь к Предстоятелю, он прямо на ходу начал стирать его память, с каждым шагом все глубже и глубже. Глаза Предстоятеля – удивленные, злые, недоуменные, иногда веселые, следовали за его прошлой памятью, пока она была еще не стерта.

– Дяденька, что вы ко мне пристали, – слезливо произнес Предстоятель, – у меня завтра контрольная по математике, – и он всхлипнул, утирая нос рукавом.

Железная дверь ангара распахнулась, и с порога раздался громкий окрик:

– Помещение окружено. Всем оставаться на своих местах, проверка браслетов.

Первым на приказ отреагировал Кардинал, до того тихо дремавший у костра. Несколькими прыжками кот забрался по пустым картонным ящикам в углу ангара на самый верх к вентиляционному отверстию. Остановился там и, сверкнув в сумраке глазами, уставился на него, как бы приглашая следовать за ним. Картон проминался под ногами, ящики плющились, и достать вытянутыми руками до спасительного отверстия он, как ни старался, не мог.

В ангар врывалась команда задержателей и довольно быстро занимала все свободное пространство. Двое странников, находившихся ближе всех к нему и видя его бедственное положение, опережая задержателей, подняли его на руках. Он дотянулся до выхода, изо всех сил, вслед за котом протиснулся в трубу. Через несколько секунд он с Кардиналом вывалился в соседнее помещение, сплошь заполненное каким-то сыпучим материалом. Прodelав несколько таких переходов по трубам, они оказались снаружи промзоны в ближайших окрестностях города. Похоже, погони не было, и, отдышавшись, он быстро зашагал за котом, который всем своим видом показывал, что надо идти дальше и дальше.

Он и кот стояли на вершине холма, мягкими изгибами спускавшегося вниз к озеру. На берегу, внизу виднелась небольшая деревенька, даже скорее хутор с несколькими ветхими хатками, покрытыми серо-желтой соломой. Закатное осеннее солнце уже зацепилось за кромку дальнего леса. Он знал, что это – родина его предков. Высокое холодное

небо опускалось к востоку темной тучей полной влаги. Редкие, крупные капли дождя падали на уже промокшую, еле проглядывающую сквозь пожухлую осеннюю траву тропинку. Кот, осторожно ступая сквозь траву, двинулся по тропинке вниз к озеру, к хаткам, в окнах которых уже виднелся слабый свет. Стена дождя приблизилась настолько, что холодная водяная пыль накрыла их. Но опасения вымокнуть до нитки не было. Да и кот так уверенно шел не оглядываясь, что казалось, путь этот ему знаком с самого рождения.

Когда ярко-красное солнце почти скрылось за горизонтом, они добрались до первой хатки, и он осторожно постучал в дверь.

Дверь распахнулась, и глубокий дед с веселыми голубыми глазами пригласил их в дом:

– Наконец-то. Наконец-то, – произнес он несколько раз, – вот старуха не дождалась. Ай как ждала, как ждала, – запричитал дед, пропуская их внутрь.

– А-а, и Китя, и Китя вернулся, – увидев Кардинала обрадовался дед.

– Ой! Сколько лет, сколько лет, – продолжил он, указывая, где в доме они могут расположиться.

– Сейчас, сейчас, – суетился дед, – вы же голоднющие, поди, сейчас перекусим, а потом и баня, а потом отдыхать. – Дед накрывал на стол, доставая из большой печи незнакомую ему посуду с неизвестной едой.

Вкуснейший запах заполнил комнату с небольшими

окошками, занавешенными узорчатыми шторами. Бревенчатые стены до синевы были зачищены многими поколениями хозяев. Между окон в деревянных простых рамах размещались черно-белые старинные фотографии. Несколько маленьких фотографий помещались в пространстве большой рамы и представляли собой калейдоскоп лиц разных времен и поколений. Он осторожно разглядывал старые фото. Незнакомые лица, знакомые пейзажи и помещения мелькали перед глазами. Случайно он увидел себя лет шести-семи мальчика, сидящего верхом на деревянной лошадке на колесах на фоне нарисованной пальмы. Почему он узнал себя, ведь прошло столько лет? Дать ответ он не мог. Просто он увидел мальчика и сразу узнал себя.

Коту была налита белая жидкость в миску, которую он с жадностью вылакал за минуту. Дед подсовывал им все новые и новые блюда и тараторил непрерывно:

– Сейчас музыку наладим, повеселю вас, могу и на дуде, да на ней не споешь – рот занят. А когда нет слов – на ней хорошо, душевно получается, – и дед показал на комод, где сверху лежала флейта.

– Я вам на гармонике сыграю, кушайте, кушайте, сынки, – и он, сев на лавку у стены, растянул меха древней гармони.

– Сначала веселую, – и дед запел, чуть хрипловато, но чисто выводя слова:

– Я и шел, и шел, и шел,

И спросил у Лекаря —
Где милашку мне найти?
Он сказал – у Пекаря.
Словно булочка она,
А вкусна до ужаса.
У меня пошла слюна,
Не хватило мужества...

Дед, довольный своей шуткой, продолжил перебирая ба-
сы:

– Не хватает лета мне
В этой Северной стране.
На Юга податься надо —
Говорят, что там тепло.
Только с энтим голым задом
Не уехать далеко.

Дед разгорячился от игры, закашлялся и, переведя дух,
выдал следующий куплет:

– Ух! Гармошка разыгралась,
Спать пора уже давно.
И милашка разметалась,
Ей давно не все равно.

Он отложил гармонь:

– Эх, вижу я, дремлете вы, с дороги устали. У нас в роду

все выносливые были, видать много вам досталось в дороге. Мне еще дед мой говаривал: «Мы не такие, как все, мы и внушать можем и читать чужих. Про нас говорят, что мы пришлые, то бишь пришли откуда-то».

Он оторвался от очередной тарелки и, прислонившись к стене, закрыл глаза. Слова деда были уже где-то далеко, далеко, их накрыла блаженная мысль:

– Он, наконец-то, дома. Он дома. Никуда не надо бежать, ни с кем бороться. Здесь его дом и здесь его дед. И Кардинал.

Кот его здесь. Вот его третье доброе дело – спасенный кот. Так что, «три-два» в его пользу.

Где-то издалека донеслась тихая, душевная песня деда:

– Как напал коварный враг
На родиму сторону.
Дом чужой ему не дорог,
Всех пожег он в ту войну.
Как собрались наши братья
Вражью силу одолеть.
Супротив евоной рати
Песней душеньку согреть...

Дед пел тихо. Солнце зашло. В сумерках горела лампа на столе и тускло освещала хату. Здесь не было браслетов, странников, Предводителей и Предстоятелей. Здесь был покой. За окном шумел дождь, но где-то в глубине тревога оставалась, пока где-то там, вдалеке, был суетный город и

война, и где он, как казалось, оставил все зло.

А «душевная» песня продолжалась:

– Врог песню ту услышал,
Взор затмился у него.
Вмиг все войско стало тише
И от песни полегло.
С тех времен слагают думы
О родимой стороне,
Чтобы снова враг безумный
Вспомнил, как полег в войне.

А старик все пел и пел:

Часто в жизни так бывает
Дом родимый далеко.
И дорогу забывают,
И живется нелегко.

Ему опять приснились спорящие Предводитель и Ветеран:

– Если люди до сих пор не научились отличать добро от зла, то как вы можете научить этому Кардинала? – возмутился Ветеран.

– Э... э, батенька, это сейчас у нас делается очень просто. Современные модели детекторов не только чистят мозги, но и вкладывают новые менталитеты. А уж вашему Кардиналу вставить всего два слова, это для них просто пустяк.

Сквозь сон ему слышалась флейта и голос старика:

– Если буря где-то зреет,
Если друг твой промолчит,
Дом родной тебя согреет,
От ненастья защитит.

– Мне нужно вернуться, – подумал он, – отдохнуть немно-
го и вернуться. Ведь там остались все они.

ВЕДЬ ТАМ ОСТАЛОСЬ ЕЩЕ ТАК МНОГО ЗЛА.

27 октября 2012 года – 09 августа 2013 года

Двое на фоне

Трагическая повесть

Посвящается моей любимой АП

Предисловие редакции

Рукопись этой повести нам в редакцию совсем недавно передала пожилая женщина, которая исполнила, как она выразилась, «завет своей бабушки». С ее слов завет заключался в том, чтобы публикация этой повести осуществилась после кончины бабушки по истечении десяти лет. Сотрудники редакции безусловно заинтересовались этим обстоятельством и с любопытством расспросили женщину о подробностях появления рукописи.

Оказалось, что автором повести был известный ученый, лауреат нескольких международных премий, и скорее всего события, описанные в ней, являются в некотором роде частью его автобиографии, изложенной в виде литературного произведения. Бабушка этой женщины когда-то, давным-давно, в молодости, работала сиделкой в хосписе и получила рукопись непосредственно от автора с просьбой: «когда-нибудь потом» опубликовать ее и при необходимости се-

рзезно отредактировать текст, изменив в нем имена, названия учреждений, смягчить, так сказать, некоторые жесткие обстоятельства, описанные в рукописи.

Воспользовавшись этим разрешением автора и дабы не шокировать нашего неизвестного читателя жестокими подробностями того изменчивого времени, когда свобода и либеральные ценности в обществе часто менялись на жесткость и запреты, редакция изменила все имена персонажей повести, сгладила некоторые понятия и определения, изменила виды деятельности главных героев. Как это ни будет казаться странным, но самым сложным оказалось выбрать название. Автор на титульном листе обозначил несколько вариантов названий своего повествования. Это выглядело в такой последовательности: «Он и она», «Они», «Двое», «Двое на фоне жизни» и последнее – «Двое на фоне...». Ни одно из названий не было перечеркнуто, и редакция оказалась в сложном положении решения проблемы выбора. Мнения, как всегда, разделились, – наиболее предпочтительным выглядели: «Двое» и «Двое на фоне...». В результате долгих обсуждений решили назвать повесть «Двое на фоне» – без многоточия, так как, на наш взгляд, эта история любви двух незаурядных людей всегда происходила на каком-либо фоне.

По нашему мнению, повесть будет интересна широкому кругу читателей, как по возрастным категориям, так и по роду занятий, а также эта история может быть полезна обществоведам, изучающим взаимоотношения общества и лич-

ности в период перемен, произошедших в те далекие от нас годы.

В сущности перед читателем разворачивается широкая картина взаимоотношений людей на фоне быстро текущих общественных процессов. И главным в этих отношениях можно назвать любовные перипетии героев. Повесть можно охарактеризовать как любовный роман, но без счастливого конца. Автор, с несколько скрытым оптимизмом, как бы откладывает этот благополучный исход на будущее к новому поколению, заставляя читателя мысленно продолжить повествование к счастливому завершению.

Часть 1. Разлука

*Две лошадки запряженные
Были чересчур влюбленные,
А когда их распрягли,
Стало им не до любви.
(забытая пословица)*

Все что угодно, но только не самолет, – в страхе повторяла она мужу на его очередное предложение провести отпуск на дальних островах в теплом море.

Венера Петровна, довольно молодая и красивая женщина, после учебы уже несколько лет работала в Институте защиты насекомых старшим администратором одноногих. Там она была на хорошем счету. Руководство относило ее к группе «подающих надежду». Года два тому назад ей с группой коллег чуть было не присудили премию «Тараклона» за выведение популяции мелкозернистых одноножек.

Но то ли в их группе не было родственников членов комиссии, то ли одноножки не имели практического применения, премию ей не дали. Но она с коллегами из-за этого не очень-то и расстроилась. Было решено продолжить работу с одноножками и придать им в перспективе какую-либо полезную функцию.

Вышла замуж она рано, еще во время учебы. Он учился

на смежном факультете и считался самым умным и красивым. Все факультетские девицы просто липли к нему, а она на спор с подружками женила его на себе. Брак с ее стороны получился вроде бы и не по любви, однако мужа своего она уважала, а особенно ей нравилось, когда в каком-либо общественном месте присутствующие заглядывались на красивую пару.

Сегодня вечером Аполлон Иванович вернулся из института поздно и не в духе. У них там из лаборатории удрала какая-то вредная каракатица. Аполлон Иванович за ужином никак не мог успокоиться и несколько раз возмущенно повторял:

– Какая безответственность, махровое разгильдяйство! Оставить открытой клетку с экспериментальным образцом без контроля. Форменное безобразие, форменное.

Она налила ему уже третью чашку чая с запахом морской ромашки.

– Может быть, она к утру вернется, – предположила она, не смея препятствовать его неумемному поглощению жидкости.

– Понимаешь, дорогая, ей пересадили два гена. Теперь она должна уничтожать не только себе подобных, но и виды других классификаций, – и, уже немного успокоившись, он ответил: – А что теперь? Весь эксперимент насмарку. Правда, ловчих мы вызвали. Ночью обрабатывают весь институт, но шансов мало, обнаружили пропажу только вечером. Если

она освободилась утром, то представляю куда она могла отбежать к вечеру.

– А для людей она не опасна? – спросила она, убирая посуду со стола.

– А черт их разберет, этих генетиков. Зимой выпустили леталку одноглазую, так она прокусила ногу директору. Еле спасли.

– Кого спасли? – рассеянно переспросила она.

– Конечно, ногу директора, – усмехнувшись, ответил он. – Он ведь у нас «первая категория».

В институт «Уничтожения насекомых», сокращенно «УНИЧНАС», Аполлон Иванович пришел работать относительно недавно, но с учетом его прошлых заслуг его приняли на должность «экселенса третьей категории». Он уже в молодости был человеком незаурядных способностей. Еще будучи студентом увлекся разработкой теории взаимодействия и замещения видов летучих прыгальщиков и получил за эту работу по тем временам огромную денежную премию «Маниплюс». На старшем курсе он внезапно, в течение одного дня, влюбился в студентку смежного факультета и сразу же женился на ней. Он обожал свою супругу первые два года, потом привык, и эта привычка переросла в приятное сосуществование. Работа поглощала его всего. Институтские дамы считали его «сухарем», хотя и очень симпатичным. Лаборатория, которую он возглавлял, пользовалась в институте дурной славой. Молодые генетики выращивали там всякую

насекомоядную дурь, которая иногда вела себя непредсказуемо. Комиссии из Департамента по развитию насекомых не вылезали из института, расследуя разные случаи исчезновения, проникновения и летальных исходов. Местное население, проживающее рядом, недолюбливало институтских, считая их вредителями. Лет пять тому назад, когда на население напали огнемётки живородящие, Правительству пришлось вмешаться и запретить пересаживать более двух геннов.

Венера Петровна и Аполлон Иванович еще некоторое время обсуждали институтскую пропажу. Потом он как-то безразлично предложил ей идти спать, а сам удалился в свой кабинет дописывать свою старую статью «Орнитологические связи летающих прыгальщиков». А она, уже засыпая, вспомнила, что завтра утром в институте открывает очередной семинар по мелкозернистым. Сон пришел сразу, но какой-то тревожный, беспокойный, с частыми пробуждениями и сновидениями. Не все сны она запомнила, и только последние два оказались такими яркими и страшными, что она каждый раз просыпалась от собственного стога. Она открыла глаза, Аполлон Иванович сладко спал. Ему, наверное, тоже что-то снилось, но хорошее и приятное, он чуть улыбался и причмокивал пухловатыми губами. Она, разглядывая его лицо, подумала:

– А ведь он почти абсолютно равнодушен ко мне.

Она подула ему в лицо:

– Пора вставать.

Лицо супруга поморщилось, он, часто моргая, открыл глаза и недовольно проворчал:

– А, это ты, дорогая, а я уж подумал, что ее поймали.

Он сладко потянулся и повернулся на другой бок.

Когда она входила в здание института, уже чувствовалось, что что-то произошло. В коридорах небольшие группы сотрудников взволнованно обсуждали какое-то событие и, завидя ее, осторожно замолкали, делая вид, что все хорошо и прекрасно. Войдя в лабораторию, она застала удручающую картину. Все сотрудники как в стоп-кадре застыли в различных позах. На их лицах читались эмоции от удивления до страха, общее настроение подавленности и уныния висело в лаборатории плотно и незыблемо. В помещении произошел разгром. Практически вся популяция одноножек погибла. Их безголовые трупы, хаотично разбросанные по всему полу, вызывали страшное удивление – кто этот погром мог учинить?

К обеду выяснилось, что одноножки погибли путем отгрызания их голов в течение весьма непродолжительного времени. Компетентная комиссия, срочно образованная приказом директора, к вечеру составила надлежащие документы, из которых следовало, что нападение неизвестного

существа произошло внезапно. Убиение популяции осуществилось в течение десяти, максимум тридцати секунд. Головы всех экспериментальных экземпляров исчезли в неизвестном направлении. Двое из пяти членов комиссии составили свое дополнение к акту, как особое мнение. Они предположили, что убиение популяции произошло путем диверсии одного из государств, которое до сих пор не ратифицировало Конвенцию «О защите прав насекомых». Когда к концу рабочего дня весь погром был заактирован, трупки одноножек аккуратно заскладировали. Сотрудников опросили под протоколы и отпустили по домам. И только сейчас ей припомнился этот страшный утренний сон, как огромная с виду гусеница, жадно озираясь по сторонам, весьма быстро отгрызает головы ее любимых одноножек.

– Сон в руку, – подумала она, собираясь домой.

Аполлон Иванович в этот раз неожиданно очень внимательно выслушал ее сбивчивый рассказ о происшествии в институте. В конце он произнес странную фразу:

– Не может быть, не может быть...

– Что не может быть? – удивленно спросила она.

– Да нет, дорогая, я все понял. Глубоко сочувствую вашим проблемам. Что же вы теперь намерены предпринять?

– Пока не знаю. Завтра будем решать. Сегодня я очень устала и хочу пораньше лечь спать, – ответила она.

А Аполлон Иванович задумался. Он анализировал сложившуюся ситуацию. Сегодня в институте у него тоже ра-

ботала комиссия. Расследовался случай исчезновения экспериментального генномодифицированного экземпляра. В результате расследования выяснилось, что в клетке имелось отверстие, образованное путем обкусывания металла каким-либо режущим инструментом. Тотальный поиск экземпляра в помещениях института положительных результатов не дал. На основании вышеизложенного, комиссия сделала предположение, что существо преодолело все охранные зоны и выбралось за пределы института.

После рассказа жены Аполлон Иванович совсем загрустил. Институт Венеры Петровны находился от «УНИЧНА-Са» на расстоянии не более пяти километров, и эта тварь могла туда добраться за пару часов. Если подтвердятся его подозрения, то в этот раз все руководство института сменят обязательно, а он как руководитель проекта может загреметь года на два на принудительное перевоспитание. Пока что эти два случая в разных институтах никак не связывали, но когда бумаги попадут наверх, органы смогут обнаружить подозрительное совпадение.

В очередной выходной погода выдалась прекрасная. В такие последние дни лета население старалось выбраться на природу подышать чистым предосенним воздухом. Погреться в лучах уже не жаркого солнца, с легкой грустью понимая, что месяца через полтора придет слякоть и промозглый ветер резко сократит прогулки на свежем воздухе.

В этот раз Аполлон Иванович с супругой прогуливался в

ближайшем пригородном парке. Их беседа на отвлеченные темы как-то не клеилась. Все разговоры неизменно возвращались к происшествиям в институтах. В конце аллеи на лужайке играла ребятня лет шести-семи. Родители сидели рядом на складных стульчиках и созерцали чудесный пейзаж немного заброшенной части парка. В некошеной траве жужжали пчелы, собирая последний нектар с запоздалых цветов. Неожиданный визг мальчика разорвал идеалистическую картину. Родители бросились к кричащему, один из родителей пытался что-то растоптать в густой траве. Кричащего мальчика подняли на руки, его правая кисть руки висела на лоскутке кожи, кровь обильно текла из ужасной раны. Аполлон Иванович с супругой буквально через несколько секунд бросился на помощь, еще не понимая, что в таком случае может сделать. Кто-то вызвал скорую, кто-то неумело пытался перевязать кровоточащую рану. Пока отправляли раненого, Аполлон Иванович успел осмотреть место происшествия и расспросить одного из родителей, что он пытался растоптать в траве? По сбивчивому истеричному рассказу можно было понять только одно: какая-то «зараза», увертываясь, быстро уползла в густую траву.

Уже вечером за ужином Аполлон Иванович признался Венере Петровне, что имеет большое подозрение по поводу исчезнувшей у них вредной «каракатицы», предположив, что она погубила популяцию одноножек и, возможно, оторвала кисть ребенку. Этой ночью они оба долго разговаривали и не

могли уснуть, понимая, что следующая неделя для них обоих будет весьма трудной. Их ожидания оправдались сполна. В понедельник в институтах появились представители Надзорного комитета. Все исследовательские работы были приостановлены. Директоров институтов допросили с применением психологических аппаратов. Аполлон Иванович после допросов был снабжен контрольной серьгой, которая означала, что он является подозреваемым по статье «разгильдяйство исследовательское», а Венера Петровна была вызвана в комитет для дачи показаний вследствие потакания разгильдяйству исследовательскому. Вечером у супругов настроения не было вообще, а заодно и погода испортилась – небо помрачнело, моросил мелкий, назойливый дождь. Вороны тихо сидели и мокли, не обращая внимания на уборщиков бытового мусора.

Супруги молча сидели в столовой и, конечно, вспомнили, что всего неделю тому назад Верховный Председатель в очередном обращении к народу клеймил разгильдяйство и безответственность. В конце обращения он предложил образовать общественную колонну по борьбе с этим возмутительным явлением. Появился новый звонкий лозунг: «Ударим по разгильдяйству». Уже на следующий день после обращения, стихийно, под руководством Надзорного комитета на местах образовались ячейки организации с коротким названием «УДАРАЗ», и «ударазцы» приступили к активному выявлению разгильдяев, где только удавалось их найти и вы-

явить. Аполлон Иванович уже почти неделю был активным институтским «ударазцем». В сложившейся ситуации это обстоятельство его удручало чрезвычайно.

События развивались стремительно. По результатам исследования комитет решил, а точнее, как положено по инструкции, предложил составу смежного суда отправить директоров институтов на пенсию досрочно, без сохранения содержания. Сотрудники обоих институтов посчитали, что директорам сильно повезло – по составу проступка они могли получить наказание гораздо серьезнее. А вот Аполлону Ивановичу пришлось два года перевоспитываться в зоне исследовательских разгильдяев. Венере же Петровне, как жене перевоспитуемого, определили проживание на периферии в качестве завхоза на ферме разведения узкокрылых. В итоге комиссия комитета посчитала признать работу институтов положительной и путем их объединения создать «Центр противодействия и развития насекомых» с сокращенным названием «ЦЕНТРОПРОПРАЗ». Сотрудники результатом реорганизации остались довольны. По крайней мере, теперь уход с работы на местном жаргоне «слинять», можно было объяснить встречными местными командировками.

Зима в этом году выдалась какая-то невнятная, то выпадет снег, то растает. Народнонаселение устало переодеваться

с осени в зиму и наоборот. В дальних поселках и небольших городах произошли некоторые волнения с демонстрациями и лозунгами «Даешь зимнюю погоду». Правительство едва успевало направлять в отдаленные районы разъяснительные бригады, и только к концу декабря, в канун текущего года, ударил мороз. Волноваться народу стало холодновато, и недовольства как-то исчезли сами собой.

Аполлон Иванович на зоне перевоспитания, сокращенно «ЗП», находился уже почти четыре месяца. Он отпустил бороду и усы и выглядел не так элегантно, как в институте. Со-перевоспитуемые называли его «Тараканом», с явным намеком на его институтскую деятельность и отпущенные на зоне усы. Его сотоварищи по спальному помещению практически все имели характерные имена, как правило, каким-то образом связанные с их деятельностью до попадания на зону. Здесь сосуществовали несколько «Кварков» различных цветов, химических элементов, были и экзотические «Кварзары», и множество «Кластеров». Встречались и более приземленные имена от «Банщиков» с «Буфетчиками» до «Боссов» с «Референтами». При необходимости, чтобы отличаться друг от друга, к именам прибавляли дробные числа, где числитель означал отличие имени одного от другого, а знаменатель количество ходок в зону, по гражданским понятиям – количество решений суда. Руководство «ЗП» снисходительно относилось к этой системе наименований, имея свою нумерацию перевоспитуемых.

Сегодня с утра Аполлон Иванович с «Кварком сто, дробь два» осваивал новую лазерную пилу на выделенной делянке. Старые модели, весьма тяжелые да еще с пятидесятикилограммовыми экранами, руководство «ЗП» постепенно заменяло на более современные. Они оба неспешно выбрали средних размеров ствол, выставили визиры установки. «Кварк», недолго покряхтев, закрепил экран и таблички, предупреждающие об опасности. Оставалось нажать кнопку. В этот морозный, тихий день по делянке шлындал, как всегда без дела, «Референт тридцать три, дробь один», за которым закрепилось неприятнейшее свойство – «шуршать» руководству «ЗП» на перевоспитуемых. Это, так сказать, «шуршание», как правило, приводило перевоспитуемых к серьезным неприятностям. Заслышав мурлыканье «Референта» где-то впереди за стволом, Аполлон Иванович нажал кнопку. Луч лазера с шипением секунд за десять сделал косо́й разрез на стволе. Высокая ель с шумом рухнула на ближайший подлесок. Когда легкая снежная пыль рассеялась, Аполлон Иванович с напарником увидели невдалеке от рухнувшего ствола ошеломленного «Референта». Картина представилась удивительная. «Референт» стоял без движения с широко открытым ртом и выпученными глазами. Верхняя часть форменной шапки отсутствовала. На макушке, где должна была находиться шевелюра, виднелась обожженная, еще дымящаяся кожа. Все трое несколько секунд стояли в неподвижности от неожиданности увиденного.

Дикий рев «Референта» огласил выделенную делянку. Его столбняк прошел и моментально превратился в беспорядочную беготню с нечеловеческими стонами вокруг стволов отдельных деревьев. Испытателям новой установки необходимо было что-то предпринять. Поймать «Референта» удалось довольно быстро по причине того, что беготня его приобрела системный характер. Он нарезал восьмерки одну за другой вокруг всего лишь двух стволов. А вот прекратить дикий рев удалось не сразу и только после того, как макушка бегуна была присыпана свежесвыпавшим снегом. С большим трудом, уже тихо стонавший и обезумевший более от страха, чем от боли, «Референт» был доставлен к медику «ЗП».

Это происшествие руководство «ЗП» расследовало по методу скоростного реагирования. Действия Аполлона Ивановича оценили в месячное его пребывание в отдельной спальне с пониженным комфортом до второго уровня. «Кварку» предписали безобеденное существование в течение недели. После этого случая соперевоспитуемые дали Аполлону Ивановичу имя «Лазер один, дробь один», а к «Референту» прилепилось несколько обидное имя «Головешка».

До помещения Аполлона Ивановича в отдельную спальню комнату он один раз в месяц получал письма от Венеры Петровны, в которых она описывала свою периферийную жизнь. Уже со второго послания в ее словах появилась нежная тоска по их совместной жизни до разлуки, и пока что

редкие слова любви приятно удивляли Аполлона Ивановича. По истечении месяца Аполлона Ивановича переместили в отдельное спальное помещение с еще более пониженным комфортом до третьего уровня. Причиной тому послужила банальная ситуация – его интеллигентская бытовая рассеянность. На призыв воспитателя сообщить о его пребывании на месте фразой: «номер такой-то внемлет» он отреагировал словами: «Лазер на месте», что являлось грубейшим нарушением «Инструкции о порядочности». Это обстоятельство кого угодно могло повергнуть в унылое состояние, но только не Аполлона Ивановича. Его уже некоторое пребывание в «ЗП» привило ему привычку – ничему не удивляться, ничего не просить и верить всему сразу и навсегда, тем более, что второй и третий уровень комфортности отличались весьма незначительно, уменьшенными размерами спальни и туалетного удобства. Единственное, что серьезно, но только первые несколько дней беспокоило Аполлона Ивановича, – это отсутствие выключателя, пришлось привыкать к постоянному яркому освещению спальни. Кормили его неплохо, так что воспитательный процесс продолжался.

В последнем письме Венера Петровна обстоятельно описала свою хозяйственную обязанность на ферме. Затем несколько ласковых, интимных строчек значительно повысили его настроение, в конце письма она сделала небольшую приписку, рассказывающую о делах института:

«Вредную каракатицу изловили еще в начале зимы у стен

института. История ее поимки оказалась весьма забавной. Ее обнаружила бригада ремонтников, срочно вызванная для починки правительственной связи. Каракатица лежала малоактивная и худосочная у люка с перегрызанным кабелем. Институтские без особых проблем поместили ее в пуленепробиваемый террариум. Институту после этого случая выделили большие деньги на продолжение работ с каракатицей. Ею заинтересовалось оборонное ведомство, работы засекретили. Травмированного мальчика восстановили, кисть удачно прижилась. Этот случай вошел в список уникальной хирургии. Так что дела за пределами «ЗП» проистекали можно сказать счастливо».

Венера Петровна, отработав на ферме уже несколько месяцев, окончательно привыкла к своему новому состоянию. Работы на ферме было не много. Директор, довольно старый мужчина, сразу при появлении на ферме Венеры Петровны начал оказывать ей знаки внимания вне пределов своих обязанностей. Ее это не удивило. В ближайших окрестностях фермы, в радиусе пятидесяти километров, не наблюдалось ни жилья, ни людей, а на ферме работало всего лишь четыре сотрудника: сам директор, Венера Петровна, насекомовод – молодой человек неприятной наружности и счетовод – весьма упитанная женщина неопределенного возраста. Ди-

ректор каждое утро, как бы невзначай, доставлял на рабочий стол Венеры Петровны маленький букетик ярко-синих цветов с ближайшего экспериментального поля куржи, на котором испытывали эффективность новых популяций узкокрылых. Это букетное внимание продолжалось около месяца, затем директор перешел к более решительным действиям. Его ежевечерние беседы на темы, не связанные с разведением узкокрылых, сильно утомляли и беспокоили Венеру Петровну, но как вежливый, интеллигентный человек, понимающий административную субординацию, она не смела отказать директору в этом удовольствии.

В последнем письме от Аполлона Ивановича Венера Петровна, наконец-то, обнаружила слова нежности и любви. Аполлон Иванович в начале письма описал, видимо, очень подробно свое перевоспитание, и скорее всего до таких мелочей, что зональная цензура, с целью смягчения общественных нравов, вымарала более половины текста. Из оставшегося было понятно, что погода в «ЗП» хорошая и бытовые условия соответствуют степени перевоспитания.

Весна в текущем году наступила рано. На ферме еще не успели активизировать осенние закладки узкокрылых, а на полях уже появились первоцветы. Директор всю зиму страдал без цветов и взамен букетов досаждал Венере Петровне вечерними беседами обстоятельно. Однажды вечером он, возбуждённый своим рассказом о героической молодости, как бы машинально дотронулся до ее руки, резко прервал

свое повествование, обнял ее и, наклонясь, попытался поцеловать ее в губы. Венера Петровна, несколько убаюканная приключениями молодости директора, никак не ожидала от него такого пассажа. Мокрыми губами он зажал ей рот, прижав одной рукой ее голову к своей. Его другая рука активно подглаживала ее по спине, готовая разодрать ее тонкую кофточку. Венера Петровна, ошеломленная такой вероломностью директора, изо всех сил, опираясь на ручки кресла, встала. Ей удалось освободиться от неожиданных объятий. Директор, тяжело дыша, жадно смотрел на нее, и ей казалось, что он вот-вот снова бросится на нее. Отступая от насильника к двери кабинета, Венера Петровна тихо, но довольно внятно произнесла:

– Вы сильно больны, у вас горькая слюна.

Эта фраза удивила директора. Он затих и, как бы прислушиваясь к себе, уже садясь в свое кресло, пробурчал:

– Вы будете моей или органы еще более серьезно займутся вами. Подумайте об этом.

Она ничего не ответила ему и торопливо вышла в коридор. Венеру Петровну всю трясло от нервного перевозбуждения. Она прекрасно понимала, что значили слова директора. Запершись в своей комнате, она всю ночь не сомкнула глаз. Следующее утро не предвещало ничего хорошего. Директор сидел в кабинете до самого вечера, ни с кем не общался, а Венера Петровна, почти больная, машинально выполняла свою работу. За день они втроем: насекомовод, учетчи-

да и она подготовили все ячейки узкокрылых к разлету, так что ферма была полностью готова к началу весенних работ.

Сослуживцы любили и уважали Венеру Петровну и уже давно подозревали, что ее отношения с директором добром не кончатся. А сегодняшний ее печальный и усталый вид вызывал у них глубокую жалость, но зная вредный, а иногда и подлый характер директора, помочь ей ничем не могли. Молодой человек – насекомовод сочувствовал ей особенно, она как женщина ему очень нравилась. Он днем, проходя мимо, тихо посоветовал ей: «Бежать вам надо, бежать». А она грустно посмотрела на него и только покачала головой. Уже поздно вечером она, тихо пробираясь к себе, столкнулась с директором, который, стараясь быть как можно более ласковым, почти шепотом спросил ее:

– Вы решились?..

Она испуганно ответила:

– Нет, никогда.

Директор прошипел в ответ:

– Пеняйте теперь на себя.

С каждым днем становилось все теплее. Некоторые дни напоминали жаркое в этих местах лето. Узкокрылые трудились весь световой день, и только когда солнце касалось кромки дальнего горизонта, возвращались с полей в свои ячейки. Комиссия из трех человек появилась на ферме ровно через неделю после приставаний директора. Были опрошены все сотрудники по поводу злонамеренной задержки

подготовки к весеннему сезону. По показаниям директора, завхоз фермы – Венера Петровна – вовремя не обеспечила хозяйство препаратами по активизации узкокрылых, что естественно привело к неготовности насекомых к опылению. В результате расследования комиссия Надзорного комитета рекомендовала смежному суду направить Венеру Петровну в «ЗП» женского типа сроком на три года.

В текущем году Аполлон Иванович переход природы к весне практически не наблюдал. Из-за его невнимательного отношения к инструкциям в «ЗП» к нему постоянно применяли все новые и новые воспитательные меры. В итоге он до самого лета провоспитывался в одиночных спальнях различной комфортности. Однообразное, но добротное питание незначительно повредило его пищеварительную систему, а глаза от чуть ярковатого света слезились. Медик, осмотревший Аполлона Ивановича, заключил, что его недомогания проистекают в пределах нормы для «ЗП». При отсутствии внешних помех Аполлон Иванович за это время сумел завершить первый том своей книги о прыгальщиках, над которой он начал работать еще до перевоспитания. Некоторое неудобство создавало то обстоятельство, что почти все пятьсот страниц текста ему приходилось удерживать в памяти, но постоянная тренировка позволила ему это сделать.

А вот инструкции, действующие в «ЗП», запомнить никому не удавалось – они менялись каждый день и зачитывались перевоспитуемым всего лишь один раз в месяц. В конце последнего индивидуального срока перевоспитания медик «ЗП» исключительно в гуманных целях перевел Аполлона Ивановича в госпиталь, который руководством «ЗП» считался излишней структурой, но вследствие действия Международной конвенции о здоровье существовал уже несколько лет.

В женской «ЗП» ее встретил сильный холодный ливень, весьма характерный для этих мест, где Правительство размещало зоны перевоспитания различных типов и категорий комфортности. Зима здесь уже закончилась, а лето никак не приходило. Влажные, холодные массы воздуха волнами надвигались от океана на дремучую, лесистую местность. Венеру Петровну разместили в громадной спальне человек на сто, на верхней кровати. Воспитанницы с первых дней называли ее «Стрекозой», наверное из-за ее профессии и хорошо сохранившейся фигуры. В основном воспитанницы трудились на делянках, но Венеру Петровну руководство «ЗП» назначило на бытовой склад, видимо как бывшего завхоза. Старые по срокам воспитания женщины за это ее не очень-то полюбили, считая, что она незаслуженно получила эту

работу на складе. Группа особо закоренелых воспитуемых женщин, частично участвующих в воспитательном процессе, предложила Венере Петровне свободный, добровольный выбор – либо она отказывается от работы на складе и переходит на делянку, либо она может получить дополнительный срок воспитания. Это предложение ее, конечно, расстроило, и она довольно быстро согласилась на деляночный вариант. Работа на делянке была хотя и весьма интенсивной, к вечеру руки и ноги поначалу отказывались повиноваться, но и очень интересной. Стволы валили новыми лазерными аппаратами. Сучья обрабатывали небольшими ручниками. В хорошую погоду, когда светило солнце, работа на свежем воздухе приносила даже некоторое удовольствие. Но вот чуть потеплело, стало досажать комарье да мошка. С этим неудобством боролись примитивно просто – на лицо и руки наносился защитный слой местного изобретения. Лето пролетело быстро. В этих краях его обычно хватало всего месяца на два. Как правило, летом случались уходы воспитанниц из «ЗП». По статистике процент уходов был незначителен и руководство не беспокоило, но этим летом уходов стало многовато. Ходили слухи, что это связано с повышенной солнечной активностью, но особо знающие воспитанницы поговаривали, что это результат действия враждебных разведок. А еще шептались по закоулкам, что условия комфортности в «ЗП» стали известны различным организациям гуманного типа. Часть общественности требовала мягких мер воспи-

тания, а Правительство некоторое время оставалось в нерешительности в связи с летними отпусками. Вообще-то знающие люди кулуарно обсуждали эти «ЗП», и в узких кругах было известно, что в Правительстве уже несколько лет конкурируют две тенденции, гуманитарная и дисциплинарная. Эти два направления обсуждались очень часто на закрытых правительственных совещаниях, то есть при закрытых дверях. Скучная информация как-то просочилась в общество. В нынешнее время гуманитарии разактивничались особенно, да и общественные организации, чутко реагирующие на настроение во властных кругах, не сидели сложа руки. Гуманными идеями пропитался весь интеллигентский бомонд, естественно, только в пределах действующего законодательства. Ряд воспитанниц почувствовали, что в обществе идет брожение и, поддавшись каким-то индивидуальным порывам, уходили из «ЗП» в неизвестную опасность. Как правило, уходы в этих дремучих местах заканчивались трагедийно.

Последнее письмо от Аполлона Ивановича она получила еще в начале лета, когда работала на ферме, и оно ее очень опечалило. Он писал, что находится в госпитале по причине незначительного недомогания глаз и желудка, и местная медицина восхищает его своей эффективностью. Письмо было короткое, всего пол-листочка убористого текста. В конце в «PS» значилось: «люблю, скучаю, жду момента». Венера Петровна, понимая, что по гуманным соображениям цензу-

ры Аполлон Иванович не может реально описать свое состояние, но это последнее «жду момента» ее очень насторожило. Что это означало? – она понять до конца не могла, но что-то тревожное в этих двух словах явно почувствовалось.

Аполлон Иванович старательно лечился в госпитале среди совоспитуемых с разными недугами. Правда, здесь иногда попадались и не очень больные экземпляры. Эти воспитуемые, особенно обладающие театральным даром, «играли» свои недомогания очень правдиво, и медик, ввиду незначительной технической оснащенности госпиталя, обнаружить подделку никак не мог. Ближе к осени Аполлон Иванович получил долгожданное письмо от Венеры Петровны. Уже по виду конверта он понял, что произошло ужасное событие – она попала в «ЗП». Письмо оказалось большим, в нем подробно описывались ее, так сказать, приключения. Зная, что ей не все можно описать, Венера Петровна прибегла к иносказательному стилю. В начале письма находились такие слова: «за некоторые мои недостатки, а именно, женскую непокладистость характера, мне прямо с фермы пришлось пропутешествовать на перевоспитание в течение трех лет». Но не все подробности ей удалось передать. Цензура вымарала значительную часть текста, и все-таки один из вопросов цензура пропустила. В тексте это выглядело так: «Люби-

мый, я тоже жду момента, когда мы увидимся. Этот момент – что означает для тебя?» Аполлон Иванович долго размышлял – что же ответить Венере Петровне и как ответить? Он сам еще очень смутно представлял себе, как и когда это момент наступит. Уйти из «ЗП» возможно, но незнакомая система защиты перевоспитуемых является серьезным препятствием и дремучесть этой местности с отсутствием дорог и жилья на сотни, а может быть и на тысячи километров вокруг, представляет большую опасность для решившихся уйти. В зоне бывали случаи ухода, но дальнейшая судьба ушедших была неизвестна. После таких размышлений Аполлону Ивановичу захотелось с кем-то поделиться своими мыслями, но здесь в госпитале сразу найти собеседника для доверительного разговора было не просто, пожалуй, только санитар «Кварк», его старый знакомый, подходил для этой роли. Кварк в госпитале появился недавно, и у Аполлона Ивановича с ним, как-то само собой, сложились товарищеские отношения. Они сразу вспомнили случай с «Головешкой», который, как рассказал Кварк, в конце концов случайно умер от переутомления. Вечером «Головешка» еще с кем-то весело общался на тему о достоинствах и недостатках руководства «ЗП», а утром его нашли в своей кровати абсолютно неживым. Аполлон Иванович и Кварк старались не привлекать к себе внимание и общались как бы случайно при помощи коротких фраз, перемешанных с обычными для госпиталя диалогами о еде, погоде, клизмах и таблетках. Ока-

залось, что Кварк, бывший профессор-физик, попал сюда после неудачного эксперимента на демореакторе. Комиссия посчитала, что его расчеты были неверны, хотя на самом деле техник перед запуском не проверил один из клапанов, но техник оказался каким-то дальним родственником одного из членов комиссии, и расследование закончилось для профессора неблагоприятно. Профессор полагал, что уходить надо ранней осенью, когда отсутствие кровососов и наличие, так сказать, даров леса могут благоприятствовать длительному выживанию в дикой природе.

Преодоление системы защиты для профессора вообще не представляло проблемы – над принципами ее построения он трудился еще в молодости, когда работал над первой своей диссертацией. Но одна мысль их обоих тревожила весьма существенно, они каждый раз задавали себе один и тот же вопрос: «А что дальше? Плутать по дебрям бесконечно нельзя».

В письме Венере Петровне Аполлон Иванович так сформулировал свой ответ:

– Этот момент иногда приходит ко мне во сне, где я целую и обнимаю тебя, моя дорогая. Бывает проснешься рано, рано, осень только чуть-чуть тронула зелень леса, полно ягод и грибов, еще довольно тепло, и можно долго гулять, и гулять свободно, никого не встретив на много километров, и думаешь, как я люблю тебя, вот и момент пришел.

Лето заканчивалось. Осенние краски сначала едва заметно, потом с каждым днем все ярче подсвечивали роскошную летнюю зелень. И еще они с профессором думали о том, стоит ли уходить, когда осталось не так уж много времени перевоспитываться. С окончанием лета заканчивались летние отпуска. Правительство активизировалось, решения по просьбе трудящихся принимались быстро. С целью успокоения либерального движения Постановлением трёхкратно увеличивались сроки перевоспитания по ряду проступков с прибавлением к ранее принятому решению. В либеральные общества Правительство направило комиссии Надзорного комитета, которые обнаружили серьезные недостатки в их работе, в связи с чем общества прекратили свою деятельность.

Аполлон Иванович, несколько грустный, сидел, ожидая санитаря, на старой клеенке, на жесткой скамейке в процедурной. Сегодня наступил последний день его пребывания в госпитале. Обстоятельства вчерашнего дня произвели на него удручающее впечатление. Объявление о решении Правительства несколько взбудоражили перевоспитуемых. Некоторый ропот и шум в их рядах незамедлительно был пресечен рядом комбинированных мер. Примерно каждый пятый был направлен на незначительный, не более трех месяцев, срок в индивидуальное спальное помещение, чело-

век по десять в каждое, как тогда говаривали: «Чтобы не ску-чали».

Санитар Кварк грустно поприветствовал Аполлона Ивановича. У профессора настроение тоже было не ахти какое, его срок перевоспитания вчера вечером увеличился до восьми лет. Это уже выглядело с учетом возраста профессора даже несколько угрожающе. Они минуты две, три молча сидели рядом на жесткой скамье, понимая, что к решению об уходе их подталкивают сами внешние обстоятельства и только банальная, бытовая боязнь неизвестности охлаждает их порыв. Профессор в последний раз совершил процедуру промывания Аполлону Ивановичу и, когда он удобно разместился для завершения процесса, они шепотом не спеша обменялись мнениями о сложившейся ситуации. В итоге обмена мнениями они решились все-таки уйти, даже с риском для жизни. Дальнейшее перевоспитание настолько им показалось утомительным, что риски пропасть в дремучести леса уже казались не такими страшными. Решимость уйти ближайшей ночью восторжествовала.

Полная луна удачно светила им в затылок. Редкая в это время года ночная тишина и успокаивала и в то же время вносила некоторую тревогу. Лесные шорохи поначалу их пугали, заставляя прислушиваться к каждому звуку. И только отойдя от «ЗП» на несколько километров, они постепенно начали избавляться от нервного напряжения, которое несколько сковывало их движение в самом начале. «Воздух

свободы опьянял и будоражил воображение» – эта банальная фраза уже несколько раз приходила в голову Аполлону Ивановичу. Пробраться по лесной чаще оказалось не так уж сложно – главное, надо двигаться не спеша, заранее намечая направление. Еще до ухода они решили двигаться поперек течения рек и ни в коем случае не спускаться вниз, ввиду опасности выйти к жилью. Там, по всей видимости, их могли перехватить зэпэшные ищейки. К утру, когда солнце осветило верхушки деревьев, они от усталости упали на землю и мертвецки уснули, забыв обо всем на свете. Им повезло, погони не было. Когда профессор открыл глаза, солнце уже находилось в зените.

Аполлон Иванович очнулся ото сна вслед за ним. Перекусив тем, что профессор достал в госпитале, они двинулись дальше.

Вечерело, когда они устроились на ночлег под пологом могучей ели. Стал накрапывать мелкий дождь. Укрывшись лоскутом одеяла, беглецы погрузились в приятные воспоминания о прошлом, но вскоре разговор вернулся к реалиям их текущего положения. За ночь и полдня они прошли не более пятидесяти километров. Еды оставалось, и то при жесткой экономии, дня на два. В пути им встречались обширные ягодные места, да и грибов попадалось немало. Профессор в молодости обожал грибочество и уверял, что на ягодах и грибах они могут продержаться довольно долго. Холодные ночи их не очень-то пугали. Запасливый санитар прихватил с

собой несколько коробков спичек, а также умыкнул зажигалку медика, изготовленную и подаренную этому спецу старыми перевоспитуемыми за некоторые услуги по их госпитальному содержанию. Вода имелась в изобилии. Мелкие ручьи и речушки, которые они благополучно преодолевали, пока что подтверждали то, что их идея двигаться не так, как могли от них ожидать преследователи, воплощалась в реальность. Но как знать, что их ждет впереди, и если попадетя крупная водная преграда, готовы ли будут они ее преодолеть? Этот вопрос пока оставался без ответа. А конечная цель их путешествия была так далека и неопределенна, что в первые дни они старались о ней не думать.

С началом осени условия работы на делянке значительно улучшились, ночные первые заморозки уничтожили подавляющее число назойливых насекомых. Работа пошла веселее. В отдельные не дождливые дни Венера Петровна с напарницей под псевдонимом «Казна» даже перевыполняла нормативы по перевоспитанию. «Казну» в «ЗП» называли Казной за некорректное «умыкание», как говаривали воспитанницы, финансовых средств от социальных объектов. Говорили даже, что ее высокий покровитель не смог отбить ее от комитетских ввиду весьма приличных сумм, которые растворились в неизвестности. Казна представляла собой склад-

ную даму средних лет с живым и веселым характером. Руководство «ЗП» относилось к ней лояльно, позволяя ей некоторые вольности. Казна обреталась в отдельной спальне повышенной комфортности и ожидала перевода с делянки на кухню. Свое пребывание в «ЗП» Казна рассматривала как мимолетное временное неудобство. Венеру Петровну она за-уважала сразу за ее ученость и, как она говорила, ладный вид. Срок перевоспитания у Казны был менее года, да и это время она считала огромным для себя, потому что ей уже сообщили, что по ходатайству Министерства этот срок могут сократить вдвое. Казна жалела Венеру Петровну и подбрасывала ей вкусности, получаемые в посылках из Министерства. Венере Петровне очень повезло, Постановление Правительства о борьбе с либеральным попустительством ее по сроку перевоспитания не затронуло, но она обеспокоилась за Аполлона Ивановича. По ее расчетам, его срок становился чрезмерно большим. Это так подорвало ее моральный дух, что печать великой скорби уже не сходила с ее лица.

Дни мелькали серо и незаметно. Венера Петровна перестала обращать внимание на свою внешность и как-то сразу состарилась, сгорбилась. Уже несколько дней она плохо ела и спала. Казна как могла подбадривала ее, но все ее попытки были тщетны. Писем от Аполлона Ивановича Венера Петровна давно не получала, и это еще более усугубляло ее состояние. Листья с деревьев почти облетели, уже несколько морозных ночей покрыли реки и озера пока что тонким,

хрупким льдом. Уже солнце к обеду не очень высоко поднялось над горизонтом. Птицы с гомоном в тихие дни пролетали куда-то далеко, и она, провожая их сухими печальными глазами, почти что бредила, улетаая в мыслях туда за стаями, где может быть, так же страдал ее любимый. Казна, видимо, по согласованию с руководством «ЗП» переселила Венеру Петровну к себе и, пытаясь хоть чуть-чуть поправить ее состояние, добилась перевода Венеры Петровны к себе на кухню. Работа на кухне для обеих не представляла никаких трудностей. Они только номинально числились посудомойками, практически весь процесс мойки осуществлялся двумя молоденькими воспитанницами и одной машиной. Постепенно в тепле и достатке Венера Петровна стала поправляться, а Казна продолжала ее опекать.

В один из морозных дней беглецы вышли к реке. Стремнина из-за быстрого течения еще не успела покрыться льдом, хотя весь берег и с той, и с другой стороны имел на первый взгляд довольно прочное ледяное покрытие. Они находились в движении уже более двух недель. Скучное подножное питание серьезно уменьшило скорость преодоления лесных просторов. Одежда немного поистрепалась, а вот обувь требовала постоянного внимания. Приходилось ремонтировать ее изощренными способами с применением кусков ткани от

одежды и каких-либо гибких веток, коры и жгутов, изготовленных из травы. Они обросли, лица осунулись, усталость чувствовалась во всем, даже в общении. Разговоры стали редки. Несложные вопросы и ответы превратились в норму общения. Чаще обычного приходила одна и та же мысль – лечь и больше не вставать, заснуть и не проснуться.

Река была красива своим простором и могучим поворотом вокруг гранитной скалы и, несмотря на смертельную усталость, они довольно долго любовались этим неожиданно открывшимся пространством нетронутой природы. Профессор первым прервал их молчаливое созерцание. Было решено продвинуться вверх по реке в поисках возможного перехода ее по льду. Переход обнаружился довольно быстро, за поворотом река разливалась, и середина ее была покрыта льдом. Осторожно при помощи длинных жердей, изготовленных из молодых тонких сосен, они благополучно перебрались на другой берег. Отдышавшись, беглецы заметно улучшили свое настроение – они преодолели весьма успешно первое серьезное препятствие на своем пути. Теперь им речные преграды не будут казаться такими непреодолимыми, но новое испытание ждет их еще впереди – холод. Пока что в эту пору морозы беспокоили их только ночью, когда, греясь у костра, части тела, не обогреваемые теплом огня, подмерзали основательно. Днем мороз ослабевал, и в движении холод почти не чувствовался.

После небольшого привала и поедания вчерашних запа-

сов сырых грибов и ягод путники двинулись дальше. С тех пор как они покинули «ЗП», выдерживая выбранное направление, по оценкам профессора, они прошли двести пятьдесят, триста километров, достаточное расстояние для того, чтобы серьезно задуматься над целью своего похода – обустроиться в дебрях и жить отшельниками или двигаться дальше, полностью вверившись случайностям судьбы. Наверное, каждый из них думал об этом, но обсуждать эту тему им почему-то не хотелось.

Километра через два Аполлон Иванович остолбенел от увиденного – в низине, метрах в пятидесяти от него, среди камней, штук пять серых собак возились вокруг разодранной туши какого-то большого животного. «Волки», – прошептал внезапно остановившийся профессор. Волки заметили их и прекратили свое пиршество. Вожак, самый крупный из них, оскалится и не двигаясь смотрел в сторону пришельцев. Это противостояние длилось минуты три, а затем профессор, видимо, не выдержав напряжения, сделал шаг навстречу вожаку. Подражая профессору, Аполлон Иванович сделал то же самое. Вожак перестал скалиться, но с места не сдвинулся. Его застывшая фигура говорила о готовности совершить любые действия в защиту добытой еды и стаи. Профессор и Аполлон Иванович инстинктивно понимали, что слабость волка в их терпении и мужестве, и еще они понимали, что малейшее появление страха будет их поражением. Они синхронно сделали еще один шаг в сторону стаи.

Волки не уходили, по их напряженным позам было ясно – шансы обеих сторон пока что равны. Люди, не отворачивая лиц и стараясь не моргать, одновременно сделали два шага навстречу волкам, простояв несколько секунд, еще два шага и застыли, ожидая реакции вожака. Вожак как-то неопределенно переступил передними лапами. Уши его чуть шелохнулись, отвлекаясь на какие-то шорохи со стороны стаи. Люди сделали еще три шага навстречу вожаку и опять застыли на полминуты. Профессор шепотом предложил при следующих шагах поднять правую руку вверх для усиления эффекта устрашения и силы. Вожак на это новое движение неожиданно ответил отказом от борьбы. Он отвернулся от людей и, еще грозно оскаливаясь, как бы нехотя, повел стаю в глубину леса. Люди победили. Победили, может быть еще и потому, что волк впервые увидел существо на двух ногах, да и не сильно были голодны эти волки, в отличии от людей. Свершилось чудо – у беглецов оказалась добротная еда на несколько дней, а может быть и недель вперед. Они кухонным ножом разделали тушу. Наелись до отвала сырого мяса, часть еды заготовили впрок, но как ни старались, все съестное взять с собой не смогли, слишком тяжелым оказался груз.

Осень заканчивалась морозами и свежавыпавшим снегом.

Снег за ночь накрыл все вокруг. Свежая белизна неожиданно радовала глаз. Лес преобразился из серо-зеленого, темного и невзрачного в ярко-белые кружева, пронизанные желтыми, сверкающими лучами низкого солнца.

У Венеры Петровны благодаря покровительству Казны появился шанс на пересмотр ее проступка, да еще до нее дошли слухи, что директор фермы, то ли раскаялся, то ли умом тронулся, объявив в письменном заявлении о ее невинности. Теперь Венера Петровна вся в ожидании положительного поворота в своей судьбе писала радостные письма Аполлону Ивановичу и через свою покровительницу отправляла их открытой почтой минуя цензуру. Ответных писем не последовало.

Ближе к Новому году к руководству «ЗП» поступила депеша, означавшая, что воспитанницы (в депеше указывались фамилии и имена Казны и Венеры Петровны) подлежат освобождению от дальнейшего перевоспитания в связи с пересмотром их проступков. Обе бывшие воспитуемые возвращались в родные места в комфортабельной машине, которую высокий покровитель прислал за Казной.

Жилье, когда в нем не живут более года, стареет и хиреет, как человек без общения в одиночестве. Пыль покрывшая все предметы, придавала квартире некую нереальность. Случайно брошенная или забытая книга на краешке стола как будто говорила – «кто-то здесь был давно, и теперь только одни воспоминания остались среди старых вещей». Она

подошла к зеркалу. Сквозь пыльное стекло на нее смотрела женщина с большими печальными глазами, скромно и даже как-то неопратно причесанная, в старой, уже, наверное, не модной одежде. Она написала на пыльном стекле: «Апо+Веня», – так они называли друг друга, как только поженились, и долго внимательно рассматривала себя – новые морщинки у краешков глаз, грубая, уставшая кожа на лице и шее. Она встрепенулась, махнула пальцами по надписи и взялась за наведение порядка в доме: «Когда он вернется, все должно быть так, как будто он и не уходил».

Второй день шел густой снег, лес завалило основательно. Продвигаться вперед стало почти невозможно. За целый час борьбы с еще небольшими, не выше колена сугробами, они выдохлись окончательно. Самодельные валенки из шкуры, отбитой у стаи, ремонтировать приходилось раза два в день. Скорость передвижения путников упала до пяти, шести километров. На очередном привале профессор упал в снег, закрыл глаза и тихо прошептал: «Коллега, идите один». «Он опередил меня на несколько минут», – с горечью подумал Аполлон Иванович и упал рядом с профессором. Так безмолвно они пролежали, наверное, не более получаса. Первым очнулся Аполлон Иванович, стиснув зубы, он поднялся, утоптал снег вокруг места, где они лежали. Сегодня он

решил устроить выходной. Пока еще было светло, он натаскал еловых веток, устроив им обоим лежбище. Нужен был костер – тепло придаст им силы. Сухих веток на дереве, возле которого они остановились, почти не было. Аполлон Иванович, преодолевая усталость, направился к низким, полужасохшим сосенкам метрах в двадцати от места их остановки. Верхушка одной из сосенок была явно срезана каким-то острым предметом. Был ли это нож или топор? – определить было сложно, но то, что срез, судя по его цвету, явно был сделан недавно, бросалось в глаза.

Аполлон Иванович от изумления долго не мог оторвать глаз от среза и лихорадочно соображал: «Кто мог его здесь оставить?» Наконец он пришел в себя и решил внимательно осмотреть весь участок леса вокруг этих сосенок. Сил оставалось мало, и эту затею он отложил на более поздний срок. С большим трудом он развел костер, влажные ветки плохо разгорались. Пару толстых сучьев ему удалось обломать от ближайшей сосны, что более-менее гарантировало живучесть костра. Аполлон Иванович немножко отогрел скрюченные от мороза пальцы рук, растолкал замерзающего профессора, придвинул его поближе к огню и прошептал ему прямо в ухо: «Я нашел срез». Профессор на мгновение очнулся и спросил, еле выталкивая звуки из промерзших губ: «Какой срез?» – и снова закрыл глаза. Через час, когда от тепла ярких языков пламени лицо профессора чуть-чуть отогрелось, он снова открыл глаза и прохрипел: «Коллега,

какой срез? Какой срез?» – и снова погрузился в обморочное состояние. Разгоревшись, костер поглощал ветки и сучья довольно быстро. Аполлон Иванович, почти не отдыхая, подтаскивал к огню все новые и новые порции дров. Смеркалось. Предстояло пережить первую многоснежную ночь. Костер растопил снег и Аполлон Иванович передвинул профессора на проталину, а сам, расположившись с другой стороны, задремал. Очнулся он от того, что почувствовал, кто-то смотрит на него. Костер почти потух, небольшая кучка красноватых углей слабо мерцала в темноте. На фоне звездного неба он увидел, точнее угадал, человека в меховом капюшоне, склонившегося над ним. Лица незнакомца в темноте было не разобрать. Заметна была только черная борода и усы.

– Вы живы? – спросила борода.

– Нас двое, – ответил Аполлон Иванович и сделал слабую попытку встать. Последнее, что он увидел и почувствовал, – это покачивание звездного неба и тихий хруст снега.

Ответ из Управления воспитательных мер пришел недели через три после обращения. Из официальной бумаги следовало, что Аполлон Иванович числится как убывший в неизвестном направлении. Венера Петровна сразу поняла – Аполлон Иванович из «ЗП» ушел, и скорее всего сейчас под-

вергает себя серьезной опасности пропасть без вести. – Что в таком случае остается ей делать? Ждать, ждать и ждать, надеяться и снова ждать. – Конечно, у ее Аполлона был кое-какой опыт общения с природой, еще будучи студентом он не раз бывал в экспедициях по дремучим местам, но сейчас зима, мороз, снег. Только при одной мысли, что ее любимый человек сейчас где-то лежит весь заиндевелый в глухомани, где бродят дикие животные, все тело ее содрогнулось, слезы сами собой текли по щекам, руки судорожно цеплялись за случайно попавшие на глаза предметы. Это состояние в конце концов переходило в тупое уныние и апатию. Она целыми днями могла не выходить на улицу и лежа на диване смотреть в потолок. Иногда, раз в неделю, по старой дружбе к ней навещалась Казна, теперь уже весьма уважаемая дама, да и звали ее теперь Элеонора. Она снова, как и прежде в «ЗП», помогала Венере Петровне, устроила ее в институт, только не на ту прежнюю должность, а простым младшим лаборантом. Сама Элеонора снова трудилась на достойном ее месте, только в другом министерстве. В институте Венера Петровна сразу включилась в работу по своей теме: «мелкозернистые». В лаборатории ее приняли настороженно – старые друзья сторонились, новых она сама не хотела заводить. Работа несколько отвлекала ее от горестных мыслей об Аполлоне Ивановиче. Она старалась как можно дольше засиживаться в лаборатории – дом ей казался пустым и мрачным без хозяина. Выходные для нее были просто мучительными.

Посещать городские общественные места одной ей не хотелось, а слоняться по квартире, натыкаясь на вещи ее Аполлона, уже не было сил.

Город готовился к праздникам, появились гирлянды из разноцветных лампочек, всюду, где позволяло место, устанавливались красочные елки. Готовились к народным гуляниям на площадях, в садах и парках. В этот раз Правительство выдвинуло новый, неожиданный для населения, лозунг: «Гуляйте, меры не знайте». Поговаривали, что после гуманных мер по перевоспитанию и прекращению деятельности либеральных обществ среди правительственных кругов стала нарастать тенденция к умиротворению. Горячие головы поговаривали даже об амнистии. На праздник Элеонора пригласила Венеру Петровну в небольшую компанию, как она выразилась, «особо дружных лиц». Венера Петровна поначалу отказывалась от приглашения, но после долгих и убедительных уговоров согласилась.

Аполлон Иванович очнулся и сначала смутно, а потом все более явственно разглядел потолок, сложенный из бревен, бревенчатые стены, увешанные разными предметами, каменную печь, от которой исходило такое приятное тепло, по которому так соскучилось все его тело до самых отдаленных его частей. Все помещение было площадью не более

десяти метров. Крохотное оконце еле пропускало дневной свет.

– Проснулись, – услышал он откуда-то сзади, – вот и хорошо, вот и хорошо, – басовитый тон и как-то странно выговариваемые слова сначала не понимались им как обращение непосредственно в его адрес, и он никак не мог понять, откуда исходят эти звуки.

– А где профессор? – спросил он хрипло, еще не зная, к кому обращается.

– А...а, второй... – голос как-то осекся и после паузы он услышал:

– Замерз.

Аполлон Иванович закрыл глаза, он вспомнил, что благодаря Кварку ему удалось уйти из зоны и судьба оставила его в живых.

– Где замерз? – не сразу спросил он.

– Он старый, болел, наверное. Рядом с вами и замерз, – услышал он в ответ.

Аполлон Иванович снова задремал и проснулся уже когда неизвестный сидел на лежаке рядом с ним, с кружкой, и басовито приговаривал:

– Надо это выпить, надо выпить. Это вас поднимет. Обязательно, – и, приподняв голову Аполлона Ивановича, поднес кружку к его губам.

Жидкость горьковатая, чуть с кислинкой, провалилась в пустой желудок, и внутри постепенно потеплело. Теперь, при

свете догорающих углей в печи, он разглядел незнакомца. Темная лохматая борода и усы скрывали еще не старое, но в морщинках лицо с ясными серыми глазами. Глаза незнакомца Аполлону Ивановичу понравились. Они выражали какое-то доброе участие и внушали ему спокойствие и уверенность, что самое страшное испытание позади.

– Кто вы? – спросил он.

– Я такой как вы. Вам не надо много говорить. Поправляйтесь, – ответил незнакомец, укрыл Аполлона Ивановича какой-то шкурой и вышел наружу.

Аполлон Иванович задремал, мысли его путались:

– Профессор погиб. Незнакомец такой, как я. Я где-то лежу. Я жив. Где Венера Петровна? Что она знает обо мне? Кто я? Я еще Лазер или уже нет?

Сон, крепкий сон одолел его, и он впервые за эти месяцы уснул без нервного напряжения и постоянной настороженности. Сколько он проспал, определить он не мог. В конце прорвался луч солнца и осветил крохотное жильё лесного человека. Все говорило о том, что здесь уже несколько лет обретается в трудах и заботах отшельник со своим укладом и распорядком.

Через два дня Аполлон Иванович начал понемногу вставать с постели. Ему повезло, он поморозил, и то не сильно, только пальцы ног и нос. Все это пока что болело, но примочки и какие-то неизвестные ему мази понемногу лечили его раны. Хозяин избушки поведал ему свою историю, как

давно, лет десять тому назад, он тоже ушел из зоны один. Долго плутал по дебрям, наткнулся на заброшенную охотниками избушку и зазимовал в этом месте. Да так и остался жить отшельником. Вне зоны у него ничего и никого не было. Да и куда здесь идти – на многие километры сплошные леса. Здешнюю жизнь он кое-как обустроил и ни о чём не жалеет.

Аполлон Иванович слушал его и одновременно грустил и радовался. Не наткнись он на отшельника, пропал бы бесследно, а с другой стороны, провести остаток дней своих здесь его никак не радовало. Отшельник имел имя, да почти забыл его. В зоне его звали «Ботаник». Так они и договорились называть друг друга – Лазер и Ботаник. Аполлон Иванович иногда называл Ботаника чуть покороче – Ботя, и Боте это нравилось. Ботя утром сообщил Аполлону Ивановичу, что сегодня вечером у них будет праздник – Новый год. Вечером в избушке появилась маленькая елка, украшенная шишками сосны и ели. На грубом из полубревен столе возлежала праздничная еда: жареные грибы, немного вяленой рыбы и сушеных ягод. Этот Новый год Аполлон Иванович снова встретил без шампанского.

Уютный зал со столом на шесть персон и роскошной елью в углу располагал к спокойному, неспешному празднику без

суеты и лишнего шума. Гости почти все прибыли одновременно: Венера Петровна с Элеонорой, супружеская пара, уже оба в годах, и молодой человек, идеально одетый, со светскими манерами. Он появился позже всех, высокий, с тонкими чертами лица, лет под пятьдесят. Мягким, бархатным взглядом он окинул присутствующих и подошел к Элеоноре. Целуя ей ручку, спокойно, чуть растягивая слова, произнес:

– Лапочка ты наша. Ты нынче очень хороша.

– А это наша очаровательная отшельница, – он приблизился и элегантно приложился к руке Венеры Петровны.

Нежно обнявшись, с троекратными поцелуями с супружеской парой, он по-простому и как-то даже сухо пожал руку молодому человеку.

– Что ж, друзья, прошу к столу. У нас море дел, надо подытожить прошлое, коротенько, осталось всего-то полчаса.

Радушно улыбаясь, он, как хозяин, жестом пригласил гостей, заняв место в центре стола. Молодой человек помог дамам и оказался рядом с Венерой Петровной.

– Предлагаю первый тост за процветание нашей родины, за нас с вами, – произнес элегантный хозяин.

Молодой человек наполнил бокалы. Все встали – праздник начался.

Если сказать, что стол был шикарным, то этого определения явно было недостаточно. В наличии имелись такие яства, которые Венера Петровна видела и пробовала впервые

и о которых ранее даже никогда не слышала. В течение получаса прозвучали тосты и здравицы за Правительство, которое трудится на благо, за ветеранов, опыт передающих, за молодежь, надежду нашу, и, конечно, за присутствующих дам. Ровно в полночь выпили по бокалу шампанского за текущее счастье в текущем году. Затем начались танцы. Венера Петровна по очереди танцевала со всеми мужчинами. Молодой человек оказался референтом хозяина. Супружеская пара его родителями, а Элеонора, Эля – так хозяин ее называл, являлась подопечной дамой его сердца. Танцуя с Венерой Петровной, он ненавязчиво завел разговор о ее работе, о ее приятной внешности и, так болтая на фоне взаимных комплиментов, как-то незаметно они перешли на «ты». Он попросил разрешения называть ее «Веня» – это ее взволновало и поразило, так называл ее Аполлон Иванович, но уже через минуту, улыбаясь, они называли друг друга «Веня» и «Саша», его звали Александр Александрович. Праздник продолжался далеко за полночь. Расходились немного усталые, но веселые и довольные приятным общением. Прощаясь, все троекратно расцеловались, даже молодой человек позволил себе расслабиться и поцеловал ее в щеку. Александр Александрович, провожая Элю и Венеру Петровну, после поцелуев предложил им почаще его навещать:

– А что, милые дамы? Приезжайте-ка ко мне, одинокому, за город. Да вот, в ближайший выходной. Буду очень рад. Отдохнем как следует.

Провожая Венеру Петровну, Элеонора как-то жестко сказала:

– Имей в виду, Стрекоза, Сан Саныч мой и больше ничей.

– Надо его похоронить, – сказал Аполлон Иванович когда праздничный ужин подходил к концу. Ботя кивнул головой:

– Я накрыл его ветками. Сейчас зима. Весной, что останется, похороним.

Аполлон Иванович понимал, что сейчас в мерзлой земле, покрытой сугробами, как следует похоронить профессора не получится.

– Надо бы его вещи забрать. Может, когда-нибудь передам их родственникам, – как бы размышляя, произнёс Аполлон Иванович.

– Уже забрал, – ответил Ботя и, порывшись в ящике, выложил на стол старые часы с треснувшим стеклом и алюминиевую ложку с процарапанными буквами «ВВ». Аполлон Иванович печально заметил:

– Знал, что звали его Виктор, знаю, где он жил до зоны, а вот отчество и фамилию так как-то и не узнал. И что осталось от человека, всего лишь две буквы «ВВ».

– От нас от всех мало что останется, когда все исчезнет, – мрачно подтвердил Ботя. – Давайте спать. Завтра много дел. Дрова... Да силки надо проверить, пока снегом совсем не

занесло.

Дни шли своей чередой в заботах и трудах. Теперь их было двое, и необходимость в еде возросла, а запасы с осени не прибавлялись. Они пытались ловить рыбу подо льдом – улов был невелик. В силки живность попадала редко. Так что пришлось перейти на режим жесткой экономии, чтобы дотянуть до весны.

Все чаще и чаще Аполлон Иванович задавал себе вопрос: «Что дальше? Как быть? Уйти по весне в неизвестность. Жить здесь и ожидать, когда какой-либо зверолов забредет в эти места. Пока здесь существовал Ботя, еще никто сюда не забредал. Видимо, место это такое уж дикое и дремучее, что никакие люди сюда не могут добраться».

Первый месяц текущего года пролетел незаметно. День постепенно прибавлялся, а с ним и настроение отшельников улучшалось. Зимняя угрюмость потихоньку растворялась, как снег на макушках высоких елей. По вечерам они философствовали по поводу нынешнего устройства общества. Его изъяны и недостатки казались им устранимыми. Для этого требовалось всего лишь наличие умного Правительства или Правителя. Единственное, что ставило их в тупик, – как создать умное Правительство? Кто это будет делать? И откуда взять этого кого-то?

Иногда, вспоминая Венеру Петровну, Аполлон Иванович становился совсем ничего не видящим и ничего не слышащим. Мысли его витали там где-то далеко от этих мест. Ботя

понимал его и старался в эти моменты его ничем не отвлекать.

Венера Петровна запомнила слова Элеоноры и старалась избегать встреч с Сан Санычем. Он уже раза два приглашал их с Элей в разные заманчивые места, но каждый раз Венера Петровна находила причины отказаться от этих предложений.

А в городе кипела жизнь. Либерально настроенные круги, почувствовав некоторое потепление после морозного месяца, решительно продвигали идею переориентации всего общества на манер других стран. Заморские гости разных мастей зачастили в город. Откуда-то из небытия появились газеты и журналы либерального толка. Население бросилось жадно читать новости, ранее для него неизвестные. Телевидение позволило себе критиковать Правительство, в связи с чем, под чутким руководством Надзорного комитета ряд каналов поменяли своих руководителей. Дошло до того, что Центральная газета «Свет» поменяла свое название на «Свет истины».

В институте у Венеры Петровны все складывалось, можно сказать, удачно. Третья популяция мелкозернистых подавала надежды на великолепный результат по части очищения сточных вод. Руководство института ее всячески поощряло,

но как бывшую воспитанницу повышать в должности опасалось. Сегодня все институтские ожидали приезда кого-то из Правительства. Помещения приводились в порядок, стены коридоров были вычищены до блеска, начальство ждали к обеду, но правительственная машина остановилась у подъезда уже ближе к вечеру. Сотрудников предупредили – к окнам не липнуть, по коридорам не слоняться, находиться на рабочих местах и трудиться не покладая рук. Высокое начальство встречено было у подъезда институтским руководством и препровождено в кабинет директора. Примерно через час правительственный чиновник неожиданно предложил пройтись по лабораториям, посмотреть, так сказать, своими глазами, как трудится научная элита общества. Директор и все его замы со вспотевшими от волнения ладонями кинулись сопровождать члена Правительства, который бодро зашагал по коридорам, читая на ходу названия подразделений и научных лабораторий. Пройдя несколько табличек и получив от директора и замов краткие пояснения, он остановился у двери, где работала Венера Петровна.

Дверь распахнулась, он решительно вошел внутрь, за ним последовало все институтское руководство. Она сидела за столом и готовила месячную докладную записку о ходе эксперимента. Он поздоровался со всеми сотрудниками за руку и подошел к ней. От неожиданности, еще не очень понимая, что Сан Саныч делает здесь в окружении ее начальников, она протянула ему руку. Директор представил ее и тихонько на

уху Сан Санычу рассказал об ее успехах в выведении мелкозернистых. Сан Саныч что-то тихо его спросил. Директор замаялся и не сразу ответил: «...была на перевоспитании».

– Да, да, – закивал Сан Саныч, – но это мы с вами отдельно обговорим. – Он пожелал всем успешной работы и покинул лабораторию.

Минул еще один месяц. Впереди ожидалась весна с ее переменами и приходом всего лучшего, что не могло произойти темной и холодной зимой. В лесу стало теплее и как-то уютнее. Аполлон Иванович за зиму многому научился полезному для одинокой жизни в экстремальных условиях. Ботя в один из вечеров рассказал ему, что как-то года два тому назад, далеко на юге, видел след от самолета. Значит, в той стороне должна быть цивилизация. Но полной уверенности в этом у него нет, так как самолет шел на большой высоте и откуда вылетел и куда удалился, неизвестно, так что идти просто на юг наобум не стоило. Ботя сочувствовал Аполлону Ивановичу, но считал, что уходить ему нельзя. Положение Аполлона Ивановича являлось безнадежным, и это факт довлел над ним ужасно. Свобода от всех и от всего по сути являлась новым перевоспитанием для новой жизни – жизни без людей. Слабая надежда на разрешение этой безнадеги у него теплилась где-то внутри глубоко, и он до поры до

времени таил ее про себя: «Можно попробовать сплавиться вниз по реке, до которой добраться возможно, до той реки, которую они с профессором преодолели еще в прошлом году». И всё же Аполлон Иванович решился и завел разговор с Ботей о реке, но Ботя отнекивался, ссылаясь на то, что там в низовьях их никто не ждет, а точнее ждет «ЗП», от которой они ушли не для того, чтобы снова в нее вернуться.

А весна наступала. Появились первые проталины. В лесу запахло свежей хвоей и прелыми листьями. В один из солнечных дней они решили пойти к профессору и похоронить его. Пройдя километров пять, Ботя по знакам на деревьях вышел к низким сосенкам мелколесья, где зимой его срез обнаружил Аполлон Иванович. У старого кострища лежали останки человека без верхней одежды с босыми обглоданными ступнями. Руки профессора, отделенные от туловища, были объедены до костей. Отдельные кости туловища, ног и рук валялись вперемешку со старыми еловыми ветками.

– Уже потрудились, – злобно прохрипел Ботя, – хорошо, что не все растащили.

Они осторожно собрали останки и попробовали старым охотничьим ножом выкопать небольшую ямку. Заглубиться удалось сантиметров на пятнадцать, дальше земля вперемешку с камнями не поддавалась – мерзлый грунт еще не оттаял.

– Что будем делать? – очистив нож от земли, спросил Ботя. – Копать дальше или...

Аполлон Иванович задумался: «Откопать глубокую могилу они не смогут, да и нож, такую ценную вещь для них, могут загубить».

– Ботя, а мы можем его где-то сохранить, а потом, когда прогреется земля, захоронить?

– Можем, только в доме не хотелось бы. Это будет как-то нехорошо, – ответил Ботя. – Может, где-то на крыше или на дереве повесить пока, временно.

Они поместили останки профессора в старый потрепанный вещмешок. Мешок оказался маловат, и голову, обгрызенную до костей, Аполлону Ивановичу пришлось нести в руках.

– А почему он весь почти голый? – спросил Аполлон Иванович. – Ни куртки, ни шапки, ничего не осталось.

– А зачем они ему? – вопросом на вопрос ответил Ботя и угрюмо продолжил, неспешно шагая с мешком за спиной:

– Они нам нужнее, чем вашему другу.

– Да, он прав, – подумал Аполлон Иванович, – там, – он мельком взглянул на седую прядь волос профессора, – будет ничего не нужно.

Профессора разместили, подвесив на ветке дерева, рядом с избушкой, так что каждое утро, выходя наружу, можно было увидеть старый мешок и голову, точнее череп «ВВ».

Часть 2. Одиночество

Через неделю после посещения Сан Санычем института Венеру Петровну восстановили в должности старшего администратора одноногих, и ей, конечно, было ясно, что Сан Саныч пытается активно влиять на ее судьбу.

Однажды в почтовом ящике она обнаружила письмо. Это обстоятельство ее удивило. Она давно не получала писем от кого-либо, за исключением ответа на ее запрос об Аполлоне Ивановиче. Судя по виду конверта, письмо не являлось официальным и не из «ЗП». Сердце ее екнуло, может быть это ее Апо. Дрожащими от нетерпения руками она разорвала конверт. На листе бумаги имелся печатный текст: «Дорогая Венья, заранее прошу прощения за мою назойливость, но я не могу Вам не написать это послание. Я знаю, что Вы избегаете встреч со мной. Наша общая знакомая уверяет меня, что это результат Вашей большой любви к А. И. У меня есть более менее подробная информация о нем. Не сочтите за шантаж и провокацию, но я могу предложить Вам встречу. Начиная с сегодняшнего вечера моя машина будет ждать Вас рядом с Вашим домом с семи до восьми вечера. Так будет происходить три дня. Если Вы не захотите встретиться в эти три дня, то обещаю Вам что более никак и никогда Вас не потревожу. Ваш А. А.»

До семи часов оставалось полчаса. У нее было много вре-

мени для размышлений. Что он мог сообщить ей кроме этого: «убывший в неизвестном направлении».

– Он явно знает что-то еще, а интересуется его только одно – моя личность, – подумала она и решила сегодня на встречу не ходить.

Воспоминания навалились на нее, как снежный ком, одни события цеплялись за другие, она сидя в кресле, то улыбалась, то грустила, иногда слезы сами собой текли по ее щекам. Было очень и очень жаль себя и, конечно, жаль тех первых лет, молодых лет ее жизни, проведенных с Апо.

– Где он сейчас? Жив ли? Прошло столько времени, – вспоминала она, и память ее незаметно по чуть-чуть возвращалась к «АА» и его интригующему письму.

Письмо лежало на столе. До семи часов оставалось пять минут.

– Нет, надо узнать, что с Апо? – решила она и вышла из дома.

– Не волнуйтесь, Венера Петровна, я не причиню ни вам, ни Аполлону Ивановичу никакого вреда, – он официально начал беседу, когда они уютно разместились в больших креслах на веранде загородного дома Сан Саныча.

Она несколько напряженно ждала продолжения и, опустив глаза, невольно, машинально теребила жемчужные бусы у себя на шее.

– Может быть, хотите что-либо выпить, – предложил Сан Саныч.

– Пожалуй, воды, – тихо произнесла Венера Петровна.

Сан Саныч поднялся из кресла, удалился куда-то внутрь дома, и через минуту на маленьком столе появились стаканы и два фужера, бутылка минеральной воды и красного вина.

– Ваш муж, Аполлон Иванович, ушел из зоны перевоспитания еще в самом начале осени, и не один, – продолжил Сан Саныч. – С ним был некто профессор-физик, старше его на пятнадцать лет. Скорее всего, их уход был спровоцирован, на мой взгляд, чрезмерно жестким Постановлением о борьбе с либерализмом.

Сан Саныч сделал паузу и продолжил:

– Администрация зоны провела расследование этого случая, конечно, формально и поверхностно, и ничего нового к тому, что я сказал, не выявила.

Сан Саныч отпил немного воды, пристально посмотрел на Венеру Петровну и уже не так строго официально сказал:

– Вы, Венера Петровна, может быть, хотите выслушать, так сказать, вероятные версии того, что могло произойти далее после ухода из зоны. Я беседовал со знающими людьми и могу вам передать их мнение.

Венера Петровна, опустив голову, молчала, она еще не знала, чего хочет – циничной без прикрас правды или утешений, а может быть какой-нибудь хотя бы маленькой, пусть почти невероятной, но надежды.

За окном стемнело, в саду зажглись фонари. Сан Саныч и Венера Петровна уже несколько минут сидели на темной

веранде, немного освещаемой уличными фонарями. Венера Петровна молчала, она подозревала, что Сан Саныч может донести до нее мнение «знающего человека», которое окажется трагичным. Сан Саныч не торопил ее. Он налил в бокалы вина и чуть-чуть пригубил свой. Венера Петровна еле слышно и несколько хрипло ответила:

– Я хочу услышать все до конца.

Она сделала глоток вина, немного поперхнулась, и глаза ее снова, уже второй раз за этот вечер, наполнились слезами. Сан Саныч, стараясь быть как можно более мягче и участливее, кратко изложил мнение «знающих людей». Это выглядело просто и жестоко: «Если не произошло чудо, а там, в этих местах, где находился Аполлон Иванович, подобных чудес до сих пор не наблюдалось, то вероятность того, что Аполлон мертв, довольно высока».

Она закрыла лицо руками и несколько минут никак не реагировала на сказанное.

– Я распоряжусь, чтобы вас отвезли домой, – после некоторой паузы произнес Сан Саныч.

– С вами все в порядке? – спросил он.

– Да, я в порядке, – отстраняя руки от лица и стараясь быть как можно спокойней, ответила Венера Петровна.

– Мы можем построить плот? – спросил Аполлон Ивано-

вич.

– А зачем нам плот? – ответил Ботя, хотя прекрасно все понял.

– Уважаемый, дорогой Ботя, я все-таки хочу уйти, – Аполлон Иванович задумался, пытаюсь найти сильные аргументы для своего желания, и, не найдя ничего лучшего, произнес:

– Не приспособлен я к такой жизни, не мое все это, – он указал рукой на лес и поляну, на которой они с утра собирали сохранившиеся с осени ягоды.

– А для жизни в «ЗП» вы приспособлены, – ехидно спросил Ботя, – там у вас было все свое?

– Там все было временное, а здесь пахнет постоянством, – ответил Аполлон Иванович, – вон и кладбище уже образовалось из одного профессора.

– Это у вас, уважаемый Аполлон Иванович, весенняя депрессия, обострение ностальгии. Немного потерпите, привыкните, и все станет своим, – проворчал Ботя, – а плот, что ж, можно и плот сделать, он от вас никуда не уйдет.

– Вам хорошо, – не успокаивался Аполлон Иванович, – вы один, а у меня жена любимая осталась там. Как она там без меня? Ничего обо мне не знает, не ведает. Какого же ей?

– Я когда-то был не один, да здесь с годами остался совсем один. Наверное, дали бы свободу там среди людей, затосковал бы по дебрям своим, – грустно пробурчал Ботя.

Они набрали уже целую котомку темно-красной ягоды и пора было двигаться к дому, когда обнаружили заточен-

ную с одной стороны и очищенную от коры, довольно длинную, метра два, палку. Она явно напоминала острогу, которую здесь кто-то оставил сезона два, три тому назад. Ботя от изумления долго не мог ничего сказать, так и стоял с открытым ртом, в упор рассматривая эту диковинную для этих мест вещь.

– Если это не дело рук человека, то провалиться мне на этом самом месте, – прервав оцепенение, выдавил из себя Ботя.

– Здесь близко река, кто-то оттуда шел, – добавил Ботя, – судя по заточке, орудие серьезное и рыбу острожить можно им свободно.

– Вот, вот я же говорил – нужен плот, – возбужденно произнес Аполлон Иванович.

– Это скорей всего рыбак-охотник, одиночка. Шел по берегу реки, и что-то здесь с ним произошло – оставил, обронил такое орудие? – предположил Ботя.

– Надо срочно обследовать берег, – в нетерпении предложил Аполлон Иванович.

– Сегодня нам не успеть, уже поздно. Может быть, завтра, – ответил Ботя и двинулся к избушке. Аполлон Иванович нехотя побрел вслед за ним.

Солнце уже клонилось к закату, а шагать им до дома оставалось еще километров пять. В избушку они ввалились, уже когда первые звезды замерцали на вечернем небосклоне. За ужином Аполлон Иванович снова завел разговор о реке и

постройке плота.

– А как его можно сделать без гвоздей и без веревок? – упрямо поинтересовался он у Боти.

Ботя понял, что пока он не объяснит Аполлону Ивановичу технологию сооружения плота, он от него не отстанет.

– Будем вязать самодельными веревками – жгутами из ивовых веток, – ответил Ботя не очень уверенно, и Аполлон Иванович понял, что сейчас настаивать на немедленном построении плота не имеет смысла.

Эту ночь Аполлон Иванович спал плохо – он все время думал о реке, об охотнике, потерявшем острогу, и о постройке плота. Если все получится, то куда его может вынести река? Наверное, к каким-нибудь людям. И может быть, они его сразу не сдадут органам, может быть в этих глухих местах и органов то никаких нет. Ботя уже давно посапывал в углу на своей лежанке, а Аполлону Ивановичу очень хотелось поделиться с ним своими мыслями, но он ждал наступления рассвета, еще одного нового дня без Венеры Петровны.

К реке, к тому месту, где они нашли острогу, Ботя и Аполлон Иванович отправились только на третий день. Хозяйственные работы отнимали массу времени и сил. Весь день ранней весны уходил на добывание пропитания, заготовку дров и мелкий ремонт их примитивного скарба и одежды. Профессора они никак не могли похоронить – большого тепла еще не было, земля не оттаяла, да и к присутствию на их глазах останков «ВВ» они попривыкли.

Обследование берега реки ничего не дало. Река как река. Размеренное течение в этом широком месте внушало спокойствие и надежность тому предприятию, к которому так стремился Аполлон Иванович. Ботя по обрывистым берегам деловито искал материал для плота. Бревен, то есть стволов деревьев, принесенных течением реки, было предостаточно. Можно было выбрать материал для плота, но работа предстояла весьма тяжелая и долгая, и поэтому Ботя пока что не стремился ее начинать без серьезной подготовки, да к тому же он явно был против затеи Аполлона Ивановича.

Идея выбраться из этой глуши, справляясь по реке, так захватила Аполлона Ивановича, что он теперь плохо спал, постоянно бурчал Боте о постройке плота, и снился ему один и тот же детский сон: «Как он стоит на двух бревнах, а они расходятся на воде и ему их никак не удержать».

Детство свое Аполлон Иванович провел на реке в небольшом городке. Матери своей он не помнил. Его воспитывал отец да старая бабка – мать матери. Летом, когда по реке справляли кругляк, мальчишки забавлялись тем, что бегали с шестами по бревнам. Взрослые всячески запрещали эти занятия, но запреты мало влияли на мальчишек. Городок жил не тужил своей провинциальной обыденностью. Основное население его состояло из сплавщиков, нескольких бригад лесорубов, немногочисленных градоначальников и прочих людишек, обеспечивающих более менее спокойную жизнь всем остальным. Времена в те годы нельзя сказать, что были

угрюмыми, но как-то веселости, особо среди взрослого населения, явно было недостаточно.

Лица на улицах встречались слабо улыбочивые, в основном озабоченные чем-то не понятным с точки зрения градоначальства. Эта не мотивированная унылость препятствовала развитию города, так сказать, движению научно-технического прогресса. Особо страдало от этого городское руководство, все силы кладущее на алтарь просвещения и градостроительного прогресса.

Для поднятия настроения и энтузиазма градоначальство продвигало новации на разных поприщах, особо любило оно аудионаправление – в городе сочинялись и исполнялись гимны на основные случаи общественного блага. Во всех гимнах обязательно встречались слова патриотического содержания:

– Чуден город наш родной —
Расцветает весь весной.
За него мы жизнь дадим,
Но врагу не отдадим!

Аполлон Иванович по молодости, занимаясь каким-нибудь полезным делом, часто мурлыкал себе под нос эти слова. Народнонаселение обязывалось гимновать по разным, соответствующим городскому регламенту, случаям. Другие возбуждающие на энтузиазм действия градоначальства не так сильно веселили горожан, как гимны. Поквартальный пе-

ревод стрелок часов и обязательная форма одежды для отдельных слоев населения как-то незаметно стали повсеместно привычными, а вот гимнование уж чересчур тревожило обывателей, кроме одного – автора текстов и музыки. Автор расцветал от постоянных все новых и новых заказов градоначальников. Уже был построен, точнее возведен домище, можно сказать дворец, конечно, по меркам данной местности. Высокий забор скрывал провинциальные роскошества внутреннего двора. Горожане даже с некоторой торжественной опаской поглядывали на это место. Но, как часто бывает в обыденности, случился пожар – все великолепие сгорело вместе с хозяином. Пожарная комиссия, разбираясь в причинах сжигания постройки, в акте указала: «возгорание произошло от неосторожного обращения». Часть членов комиссии настаивала приписать слова: «... обращения с огнем», но руководство понимало с кем неосторожно обращался хозяин, и в заключении слова: «с огнем» были вычеркнуты.

Таким образом, Аполлон Иванович уже в отрочестве остался почти круглым сиротой и без жилья. Бабка взяла его к себе и воспитывала на каких-то уж совсем древних традициях, поэтому в школе его считали не таким, как все, но уважали за ум и красоту. Еще во время учебы он увлекся насекомыми и состоял в кружке юных энтомологов.

Жизнь проистекала своим чередом. Градоначальство после пожара упразднило ряд гимнов, оставив только вечерний и утренний, – население постепенно успокоилось, тем более,

что наступила весна и сплавщики отправились на свое сезонное занятие. Горожане в соответствии с регламентом недели зеленое, за исключением особо оговоренных жизненных случаев, – к ним в этом сезоне отнесли: дни рождения, свадьбы и похороны.

Аполлон Иванович в школе был не просто отличником, а как его называли – феноменом. Он мог знать предмет «назубок», но увлечение энтомологией частенько оставляло его с плохими оценками по не очень интересным, с его точки зрения, некоторым предметам. Особенных дружков у него не было, кроме пай-мальчика из семьи одного из градоначальников. Этот «паинька» и выглядел благодаря строгому семейному воспитанию уже в этом возрасте очень солидно и элегантно. Звали его «Сансан» из-за имени и отчества – Александр Александрович.

Друзья, оторвавшись от дома и школьных занятий, часами пропадали то на реке, то бродили, как казалось окружающим, бесцельно по городку.

В городе по весне, когда уходил зимний снег, исчезали большие и грязные сугробы, объявлялся всеобщий народный праздник – великое очищение от грязи и мусора. Все горожане от мала до велика, за исключением, конечно, дежурных наблюдателей, мели, мыли, чистили и выскребали места, которые определялись градоначальством для проведения праздника. Играла бравая музыка, мелькали радостные лица – в этот день разрешалось слоняться в неформальной

одежде и прямо на праздничных местах принимать пищу и некоторые напитки, которые в обычные дни принимались по особому регламенту. В этот раз праздник неожиданно совпал с хорошей погодой, светило какое-то необыкновенно яркое солнце, к полудню разогревшее городок и его обитателей. Уже набухли и кое-где лопнули почки на деревьях, уже первые насекомые очнулись от зимней спячки – появились первые бабочки и мухи. Друзья с великим удовольствием забрались в недавно опустевший дом и с любопытством осматривали брошенные, пустые комнаты, оставленную за ненадобностью старую мебель и какие-то случайные вещи. Здесь все было интересно и некоторым образом таинственно, ведь тут жили неизвестные им люди и жили, наверное, долго. Старый диван с уже почти насквозь протертой кожей, обшарпанные стулья и совсем сошедший лак с когда-то ампиричного круглого стола говорили о том, что быт здесь наблюдался довольно долго. Мальчишкам казалось, несмотря на то, что вокруг были в беспорядке брошены ненужные вещи, вот приоткроется одна из дверей и в комнатах появятся хозяева и удивленно и строго спросят: «Что вы здесь делаете?» Осторожно обходя опустевшую квартиру и стараясь ничего не трогать, ребята обнаружили в дальней комнате, в углу среди обрывков старых газет, небрежно брошенную шкатулку со сломанной крышкой и вырванным механизмом замка. Шкатулка была пуста. «Сансан» поднял ее с пола, потряс над письменным столом и, к их удивлению, из шкатулки на

стол упали две монеты и, как им показалось, весьма старинные. На одной стороне у монет имелась надпись на каком-то незнакомом им языке, а на другой – что-то вроде герба. Монеты выглядели любопытно и таинственно. Назначение их было непонятно, и что с ними можно было сделать, не ясно. Ребята долго разглядывали их, держа на ладонях. Поразмыслив над неожиданной находкой, они почти одновременно пришли к выводу – монеты никому не показывать, мало ли что? Постараться самим понять – что это за монеты. Хранить их каждую у себя тайно и, поскольку монеты им достались таким чудесным образом, пусть дружба их будет длиться очень долго и чтобы с ними не случилось, они будут помогать друг другу в невзгодах обязательно. С тех пор монеты стали их тайным талисманом.

А время летело быстро для взрослых и долго, насыщенное событиями, для молодых. По окончании школы Аполлон Иванович по настоянию бабки уехал в центр поступать в институт, а «Сансана» семья определила в управленческий колледж, выбрав ему карьеру администратора.

Сегодня Аполлон Иванович всю ночь провел почти что без сна. Ботя наконец-то объявил, что завтра они начнут сооружать плот. Уже две недели, как пришло настоящее тепло. Днем было почти лето, и лишь по ночам, ближе к утру, ста-

новилося весьма прохладно. В лесу все проснулось после зимы – пели птицы, активно зацвели лесные ягодники. Молодая листва радовала глаз и сулила счастливое и ласковое лето. Кровососы из-за ночной прохлады пока что не беспокоили. В общем настроение у Аполлона Ивановича наблюдалось приподнятое. Он энергично помогал Боте по хозяйству, исполнял безропотно любую работу и, главное, не ворчал по вечерам на судьбу и прочие якобы независимые от него обстоятельства, портившие жизнь ему, Боте и всей окружающей среде. Он всю ночь вспоминал прожитое, детство, свой захудалый городок, бывшего закадычного друга «Сансана». Где он теперь, Аполлон Иванович не знал. Они сначала переписывались друг с другом, а уже через год письма стали редкими. Он слышал, что «Сансан» после учебы попал в какое-то министерство, стал важной персоной, и общение с ним прекратилось вовсе. От тех лет дружбы осталась только та монета, которую они нашли в заброшенном доме.

Вчера вечером наконец-то был захоронен профессор. Аполлон Иванович вместе с Ботей соорудили над могилой каменную горку с толстой сухой палкой, на которой после некоторых раздумий Ботя вырезал две буквы «ВВ».

«Кто и когда узнает, что здесь лежат останки профессора-физика? – подумал Аполлон Иванович, – и кто и когда узнает, что жил здесь когда-то он с Ботей...»

С утра они заготовили на берегу реки длинные ивовые ветки и замочили их в воде. Ботя оказался практичным и

умелым строителем плота, как будто всю жизнь только тем и занимался, что строил плоты без пилы, топора и гвоздей. На всю работу по изготовлению плота у них ушел почти месяц – большую часть времени заняли длинные переходы к реке и обратно. Постоянно ночевать у реки в шалаше не было смысла из-за потребности добывать что-то съестное, а все запасы еды оставались в избушке.

«Торжественный» спуск плота состоялся, когда птицы прекратили пение, усевшись в гнездах. Плот держал одного человека сносно, но под двумя сильно подтапливался, чем расстроил Аполлона Ивановича, тайно мечтавшего уплыть от этих дебрей вдвоем с Ботей. А Ботя в период сооружения плота был весьма угрюм и в разговоры об отплытии старался не вступать – наверное, понимал, что три больших ствола их двоих не выдержат, а вязать больше из-за уменьшения надежности не стоит.

Большая вода ушла, река вернулась в свое русло, и похоже, день отплытия мог быть назначен в ближайшее время. Аполлон Иванович и Ботя понимали, что расставание будет нелегким – они опять останутся одни и скорей всего друг друга более никогда не увидят. Это их угнетало даже больше, чем предстоящие трудности и невзгоды одиночества. Ботя выделил Аполлону Ивановичу немного еды из их скудного запаса, устроил ему на плоту из коряги что-то вроде сидения и после коротких объятий оттолкнул плот с Аполлоном Ивановичем от берега. Плот медленно отошел от каменной

косы и, потихоньку набирая ход, удалялся от оставшегося на берегу Боти. Они долго смотрели друг на друга, пока плот, уже будучи на середине реки, не скрылся за ее поворотом.

Венера Петровна после встречи с Сан Санычем затихла, потухла, как бы сказали окружающие. Она машинально ходила в институт, машинально что-то делала по хозяйству. Сослуживцы первыми забили тревогу из-за безразличия к работе, появившееся у Венеры Петровны. Ряд экспериментов был остановлен. Уже и руководство института обсуждало состояние Венеры Петровны, уже появились слухи о ее каком-то нервном заболевании, уже обсуждались предложения перевести ее на менее ответственную должность. Директор, помня об ее высоком покровителе, долго, более месяца, не предпринимал никаких действий. Однако надо было что-то делать, и руководство решилось обратиться в Министерство с просьбой разобраться в работе лаборатории, которой руководила Венера Петровна. Комиссия Министерства однозначно сделала вывод о несоответствии Венеры Петровны занимаемой должности. На основании акта проверки ее перевели на должность простого лаборанта, что ее несколько не возмутило и никоим образом не обеспокоило. Недели через три после этого случая Венера Петровна вообще перестала ходить в институт. Она целыми днями лежала на дива-

не, и ее пустые глаза, обращенные в потолок, казалось, ничего не видят, всего лишь изображают бодрствование. Она вспоминала свою молодость и всю прожитую жизнь, и ей уже ничего не было нужно, кроме этих грез наяву.

**

Родилась Венера Петровна в большом городе в семье интеллигентных ученых, занимающихся в те времена еще новой наукой – генетикой. С детства ее окружали талантливые люди, одержимые какой-то великой идеей – осчастливить своими открытиями все человечество. Научное руководство к этим новым веяньям среди ученой молодежи относилось снисходительно – не очень-то поощряя их занятия, но и не мешая молодежи экспериментировать. А среди старейшин научных кругов эти молодежные веянья вообще не замечались. В те времена в науке превалировали идеологически выверенные направления. Правительственная идеология разрабатывалась и повсеместно внедрялась опытными администраторами, знающими запросы трудящихся масс до самых мелочей и, как тогда говорилось во всеуслышание, до самых мелких винтиков. Венера Петровна как-то сразу правильно чувствовала эти идеологические установки. Уже в школе она была передовой заводилой во всех делах, одобренных руководством. В этих делах ее постоянно окружали друзья и подруги, и чем старше она становилась, тем больше

друзей и знакомых крутилось вокруг нее. Мероприятия по повышению активности молодежи, изучению теоретических основ, развитию выверенных направлений занимали все ее свободное время. Родители иногда как-то настороженно относились к ее активности в общественных делах, но, полагая, что девочка должна гармонично развиваться, не вмешивались в ее молодую жизнь. Уже в старших классах она считалась признанным лидером, и без нее не обходилось ни одно общественное движение и действие не только в школе, а даже в целом микрорайоне, где она проживала с родителями. Мальчики и юноши ее не интересовали, за исключением их участия в общественных делах.

Тем временем идеология постепенно совершенствовалась. Официально считалось, что многообразие полезно, но только в ограниченном виде. Старейшины в руководстве стали настороженно относиться к новациям и уже не считали множественность идей и мнений благом для общества. В связи с этим принимались решения, правильно ориентирующие различные общественные круги в своих направлениях развития и совершенствования. Молодежь сориентировали на исправление искривлений в науке, и молодежь правильно поняла свои задачи. Скоропостижно организовывались летучие отряды «Идущих первыми». В быту их сокращенно обзывали «Идперами». Венера Петровна как обычно оказалась в первых рядах. «Идперы» выявляли искривления, и искривленцы оперативно выселялись на определенные Прави-

тельством километры. В те далекие времена зоны перевоспитания еще не пользовались такой популярностью у органов, как сейчас. «Идперы» маршировали и распевали свою патриотическую песню:

– Позвала нас всех страна,
Наша сила ей нужна.
Жизнь свою мы ей дадим,
Никого не пощадим!

Отряды множились. Движение нарастало. Появились первые значительные результаты. Искривленцы выселялись уже не поодиночке, а целыми антиправительственными группами. Всюду, куда только не пытался обыватель скрыться от «Идперов», они появлялись неотвратно и внезапно и, как правило, для выполнения плана выявления искривленцев задерживались и выселялись не прямые искривленцы, а потенциальные, готовые когда-нибудь искривиться в будущем. Месяцев через пять от начала борьбы с искривленцами в высших кругах озаботились резким падением численности населения в местах действия «Идперов». Правительству пришлось принять отдельное Постановление – «О неправильном перебдении на местах». Часть «Идперов» была преобразована в движение «Неперебденцев», и через некоторое время «Неперебденцы» уравнивали «Идперов», и общество на время успокоилось.

Родители Венеры Петровны попали под первую волну

движения «Идперов» и оказались в глухой деревушке за границами города километров в ста от него, но им повезло, и через полгода «Неперобденцы» изменили их статус. Родители возвратились, но не к себе домой, а в небольшой городишко на какой-то комбинат по переработке сельхозпродуктов. Негласно считалось, что бывший искривленец в потенции всегда может неожиданно для общества искривиться.

У Венеры Петровны в связи с «приключениями» родителей возникли некоторые трудности, но руководство движением, учитывая ее активность и безупречное служение, никаких особых мер по отношению к ней не приняло, так только небольшой пустячный акт ей все-таки пришлось испытать – учеба в престижных вузах ей не позволялась. На первом курсе зоологического факультета она как-то незаметно для себя увлеклась, как шутили тогда студенты, тараканами. В те годы энтомологи весьма почитались в обществе, хотя всеобщее увлечение насекомыми Правительством не одобрялось, но молодежь каким-то внутренним чувством угадывала, что за энтомологами есть будущее и их влияние на общество и на природу вещей, на философское понимание всеобщего смысла со временем будет расти и расти. Постепенно это увлечение насекомыми сошло на нет, в обществе появились новые тенденции, но Венера Петровна энтомологии уже не изменила.

Отношения с родителями как-то сами собой наладились. Они стали общаться чаще, Венера Петровна почти все кани-

кулы проводила у родителей в их небольшом городке. Особенно беззаботными оказывались жаркие, тихие дни середины лета, когда можно было неподвижно лежать на чистой песчаной отмели на берегу маленькой речки, и казалось, что лежишь в одиночестве на всем белом свете и нет вокруг никаких забот и тревог, и так может длиться долго-долго, целую вечность.

Венера Петровна уже третий день не покидала свою квартиру. Она несколько раз слышала звонки телефона, кто-то раза два не очень настойчиво стучал во входную дверь – она никак не реагировала, продолжая лежать неподвижно с открытыми глазами, уже не понимая, не чувствуя ни времени, ни тела, ни где она и что с ней происходит. Ее Апо, любимый Апо лежал рядом и обнимал и целовал ее нежно-нежно, как тогда, в первый раз, в густой траве в каком-то глухом уголке парка, куда они забрались после занятий. Солнце начала лета уже клонилось к закату. Было тепло и сухо, жужжали пузатые шмели, бабочки трепетали разноцветными крыльями на фоне синего неба, и вокруг было безмерное счастье.

– Ну что, Стрекоза, что ты, голубушка, расхандрилась не на шутку? – прямо на нее смотрели испуганные, тревожные глаза Элеоноры. – Вот и Сан Саныч, занятый человек, забеспокоился, – нет нигде нашей красавицы. Фу ты, как у тебя

тут темно и грустно!

Элеонора открыла шторы и, не умолкая тараторить что-то из городских новостей, обошла все комнаты и решительно присела рядом с Венерой Петровной:

– Чем болеем? Не встаем, ничего не узнаем, не едим, не пьем, не дышим, ничегошеньки не слышим, – уже весело, с улыбкой, она легонько тормошила Венеру Петровну.

Венера Петровна, еще не очень соображая, что происходит, чуть-чуть улыбнулась и, пытаясь что-то сказать, закашлялась и снова притихла.

– Будем поправляться, подруга, будем вставать, – энергично заключила Элеонора и вышла из спальни.

Врач, осмотревший Венеру Петровну, объявил, что физически она здорова, только ослабла из-за голодания, а вот с точки зрения поведения, то есть психики, требуется некоторое медицинское, специальное вмешательство, лучше всего стационар.

Лес то подступал к самому обрезу воды, то удалялся, обнажая каменистые отмели и берега реки. Судя по направлению движения, река стремилась куда-то на север. Дни стояли неплохие. Днем весьма серьезно пригревало, и Аполлон Иванович блаженствовал под лучами весеннего солнца, а вот ночи холодили изрядно, не давая расслабиться и как-либо

согреться. Плот плавно двигался по течению уже несколько дней, и движение это было весьма удачным, Аполлон Иванович еще ни разу не воспользовался шестом, чтобы что-то поправить в своем плаванье. Как ни старался Аполлон Иванович экономить еду, но запасы сухих грибов, ягод и рыбы таяли стремительно. Уже через неделю от них оставались горсточки, которые надо было растянуть на неопределенный срок. В реке была рыба, Аполлон Иванович видел ее, но поймать или добыть ее деревянной острогой, которую ему изложил Ботя, с плота не удавалось. Ночью Аполлон Иванович спать не мог – холодно, да и свалиться в воду можно было запросто, днем он пытался дремать, сидя на коряге, но это получалось не очень хорошо, и постоянное недосыпание и скудная еда изнуряли его изрядно. Каждое утро с восходом солнца к нему приходила одна и та же мысль – надо пристать к берегу и отдохнуть, но, работая шестом как веслом, с середины реки отойти от течения к берегу уже который день никак не удавалось. Оставалось надеяться на какой-либо случай в повороте реки, когда плот сам направится к берегу.

Сегодня после полудня небо нахмурилось, теплый дневной ветерок как-то внезапно сменился на порывистый, холодный. Пошел сначала мелкий, а потом и сильный дождь. Ветер сдувал Аполлона Ивановича с плота, пришлось крепко, изо всех сил, уцепиться за корягу, укрепленную между бревен, да и то все время приходилось беспокоиться – удержится ли она на плоту? После нескольких часов борьбы с

ветром и дождем руки Аполлона Ивановича задеревенели и держали промерзшее тело на пределе всех физических сил. Плот несло по течению, и никак не удавалось ему хотя бы по счастливой случайности зацепиться где-нибудь за береговые камни.

– Он не жить, – первый голос произнес эти три слова не совсем уверенно.

– Он глаза смотреть, – второй голос с сомнением отреагировал на первый.

Они склонились над ним, внимательно осматривая чужого человека.

– Он дышать, тихо дышать, – первый потрогал его лоб.

– Да, тихо дышать, – подтвердил второй.

Они освободили его от веток и мусора, нанесенных рекой.

– Надо ходить домой, – первый стоял над ним, еще не зная как поступить.

– Надо он носить домой, – предложил второй и добавил: – Старый знать как делать.

Они положили тело на наспех сооруженные из жердей носилки и двинулись вдоль берега притихшей реки.

Деревня представляла собой с десяток конических шалашей, сооруженных из жердей, накрытых сверху шкурами различных животных. На первый взгляд деревня была пуста,

но при внимательном рассмотрении кое-где виднелся слабый дымок, струйками поднимавшийся над домами.

Он почти не ощущал внешний мир. Промерзшее тело ни на что не реагировало. Он не различал предметы, глаза реагировали только на свет, предметы вокруг расплывались, голоса говоривших он слышал, но о чем они говорят, не понимал.

– Он чужой, пусть быть плавать, – сказал не очень старый мужчина в кожаном балахоне.

– Пусть лежать там, – он недовольно добавил к своей первой фразе.

– Надо думать, – прервал его седой старик и повторил свою фразу несколько раз.

В доме остался он один, лежащий безжизненно на мягких шкурах, и седой старик у очага в центре. Старик вышел наружу и вскоре вернулся с девушкой-подростком.

– Надо греть. Он надо греть, – указывая на него, сказал старик.

Девушка раздела его догола, скинула с себя балахон и послушно юркнула к нему под мягкую большую шкуру.

– Вот уже греть давно. Вот уже стоять, ходить. Пусть идти. Он чужой, – голос настойчиво и отрывисто повторял одни и те же слова. – Ты хочешь он остаться? Зачем нам он? Вот

жена уже есть. Ты отдавать Лу. Она и он уже вместе. Зачем? – голос, не зная что сказать дальше, закашлялся и затих.

Старик не отвечал и продолжал сидеть неподвижно у огня.

– Он знать себя нет. Как идти? Пусть быть гость сейчас. Потом думать. Потом, – после долгого раздумья ответил старик.

Он слушал этот разговор и ничего не понимал. Он не знал этих слов. Он не знал кто он. Он пытался что-то сказать, мычал, хрипел, язык не слушался его. Утром он выходил наружу и долго сидел у входа, смотрел на реку, на лес и большое синее небо. Смотрел, как движутся по нему облака. Проснувшиеся рано дети окружали его и с криками – «Чу» – дергали его за бороду, быстро отпрыгивая в сторону. Взхлеб смеялись, когда он в ответ что-то мычал и корчил рожи. Потом выходила Лу. Она расчесывала ему длинные волосы и говорила разные слова, а он внимательно слушал ее, пытаясь их повторить. Деревня постепенно оживала, из домов выходили женщины и старухи. Они поглядывали на него и Лу, шептались о чем-то, чистили домашнюю утварь и покрикивали на особо непослушных ребятишек. Мужчин в это время в деревне оставалось мало. В основном все взрослое население уходило на промысел рыбы и прочего съестного, что можно было добыть в воде и на земле. Он и Лу уже с месяц как жили в отдельном доме, который им по решению старика соорудили деревенские.

– Ты красивый, – сказала Лу, разглаживая его волосы. – Вот светлый такой. У них нет такой волос, – она указала рукой в сторону деревенских домов.

– Они тебя не любить, я любить и Старый. Ты слышать, Чу? – она заглянула ему в глаза, и он только сейчас понял, что зовут его Чу.

– Чу, – ответил он, и она с изумлением смотрела на него и радовалась его первому осмысленному слову.

– Чу хорошо, Чу хорошо говорить, – обрадованно затараторила она.

– Чу хорошо говорить, – с трудом, очень медленно повторил он.

– Отдыхать, не говорить, отдыхать, – она боялась, что он снова замычит от неумения воспроизвести некоторые звуки.

От волнения он хотел встать, она удержала его. Он улыбался и пытался что-то делать губами. Она закрыла ему рот ладонью:

– Молчать Чу, молчать. Ты говорить потом. Потом.

Она успокаивала его, обняла за плечи и тихо радовалась вместе с ним.

– Надо есть, – сказала она, когда он успокоился.

– Надо есть, – повторил он медленно, может быть еще не до конца понимая смысл этих слов.

Она вынесла из дома еду, и они вместе, громко чмокая, ели из одного лукошка вареную рыбу.

– Он опять есть. Пусть ловить сам. Зачем есть? Пусть ло-

вить сам, – недовольно ворчал подошедший к ним не очень старый мужчина.

– Ты, Но, опять ворчать. Старый говорить, он потом ловить. Потом. Сейчас он говорить – Чу. Он может говорить – Чу, – ответила Лу и спрятала лукошко с остатками рыбы за спиной.

– Все говорить – Старый знать. Старый знать. Ты жить с ним. Я один жить. Старый знать... – и Но нехотя зашагал к реке.

– Он звать Но? – стараясь как можно четче выговаривать звуки, сказал он.

– Да, он Но, – подтвердила Лу, улыбаясь и радуясь его словам.

Солнце уже поднялось высоко над лесом, когда мужчины стали возвращаться в деревню с утренней добычей. Но крутился вокруг них и восторженно чмокал, разглядывая корзины, полные рыбы.

– Чу, идти чистить. Идти чистить, – некоторые из мужчин, смеясь, звали его с собой.

– Чу чистить. Чу чистить, – отзывался он на каждый голос, поражая вернувшихся своими с трудом произносимыми словами. Сегодня после обеда он работал вместе со всеми на разделке рыбы и, кажется, уже многое понимал из разговоров деревенских.

Пришло время, и в лесу появились ягоды и первые грибы. Вся деревня от мала до велика занималась заготовками. Ему

с Лу поручили обработку ягод и грибов. Все приносимое из леса необходимо было почистить и высушить на солнце, защищая запасы от неожиданных летних дождей. К концу дня у него от работы ныла спина, болели ноги, а пальцы рук огрубели так, что кончики их почти ничего не чувствовали, но он был очень доволен собой – его в деревне теперь ценили как полезного жителя.

– Чу, ты уставать? – спросила она, повернувшись к нему.

Он ничего не ответил, он думал сквозь дрему о себе:

«Кто я? Я Чу. Раньше я быть кто? Я другой? Лу помнить все. Помнить все давно. Я помнить только Чу. Почему?»

– Чу, ты спать? – она тронула его за плечо.

– Нет я не спать, – не сразу ответил он.

– Но опять говорить: «Меня отдавать ему». Лу не хотеть. Старый не хотеть. Старый говорить: «Весной не быть детей, тогда отдавать», – она ждала ответа.

– Детей, – повторил он, – что это детей?

– Что это детей? – она на секунду задумалась и затараторила:

– Это у всех есть. В деревне. Они утром дергать тебя, Чу. Ты видеть их в деревне. Они маленькие. Потом растут. Потом большие. У них есть мужчина отец и женщина мать. Мы с тобой есть, детей нет...

Он внимательно слушал ее и вспомнил незнакомые слова, удивился, откуда они, эти слова, взялись и тихо нараспев прошептал их:

– Но врагу не отдадим...

Она притихла, соображая, что это было, сначала испуганно отодвинулась от него, потом через минуту снова прижалась и замерла не двигаясь.

Внизу шумела река. Ночной ветерок шуршал листьями деревьев. Где-то слышались незнакомые шорохи. Кто-то в соседнем доме что-то бормотал, слов было не разобрать. Он вспомнил свой город детства, и кто-то чужой шептал ему в ухо какие-то слова. Он поворачивался и шептал эти слова соседу, потом все смеялись. Сон пришел незаметно. На следующее утро они проснулись одновременно. Она открыла глаза и обрадовалась – он смотрел на нее.

– Чу, ты ночью говорить новые слова. Ты помнишь их? – прошептала она, приглаживая его волосы.

Он помнил эти слова, но что они означают пока для него оставалось непонятным.

– Ты можешь их повторять? – тихо спросила она.

Он повторил:

– Но врагу не отдадим.

– Что значит – врагу? – спросила она.

– Я не знаю, – ответил он, – это быть в моем детстве. Давно. Я не помнить.

Первые желтые листочки появились на деревьях. Утренники стали прохладными, и густой туман все чаще поднимался от реки. Лес преображался с каждым днем. Вот уже яркие желтые пятна то тут, то там проступали сквозь хвою.

Рыбаки, пользуясь погожими деньками, от рассвета до глубоких сумерек добывали рыбу. Ее сушили уже не на таком жарком солнце, как летом, подвяливали на кострах и распределяли по домам на зимнее хранение. У Лу и Чу под самым куполом висело рыбы уже немало, но старик подгонял и подгонял мужчин, обещая тяжелую, холодную зиму. В один из дней, вечером, мужчины возвратились угрюмыми – одного из них они несли на руках, и он почти не подавал признаков жизни. Вся деревня собралась вокруг несчастного. Старик осмотрел раненого и спросил:

– Как это?

Несколько голосов наперебой стали сбивчиво объяснять случившееся. Старик жестом прервал их и снова спросил:

– Как это?

Один из старших объяснил, что раненый очень молодой. Первый год пошел за рыбой. Упал головой на камень и что они ничего не могли сделать.

– Он может умирать, – сказал старик. – Его надо положить дома. Пусть женщины смотреть.

Старик, сгорбившись и опираясь на суковатую палку, пошел прочь от толпы. Ночью молодой рыбак умер, деревня с утра не работала – похороны растянулись до заката солнца.

Он впервые наблюдал это печальное действие. Били бубны, двигались в ритме мужчины вокруг бездыханного тела. Женщины в такт им напевали какую-то грустную песню. Старик сидел рядом с умершим и что-то шептал ему. Затем,

ближе к вечеру, тело поместили в тесную корзину, и двое молодых подвесили ее на высоком дереве недалеко от деревни. На этом все кончилось. Население разбрелось по своим домам.

Чу долго стоял под деревом и смотрел на корзину. Он почувствовал, что где-то уже видел подобное – корзину с мертвецом и торчащей головой-черепом. Лу терпеливо стояла рядом и, стараясь не мешать ему, прошептала:

– Он уже там далеко. Где уже все кто нет.

«Это был профессор» – он вспомнил. Он вспомнил, как останки профессора висели на дереве, пока его не похоронили.

– Профессор, – повторил он вслух, чем снова озадачил Лу.

– Что ты сказать? – спросила она настороженно.

– Я уже видеть это, – ответил он не очень уверенно.

– Когда видеть? Давно? Там, где ты раньше жить? – спросила она и внимательно посмотрела ему в глаза.

– Да, там давно. Где жить, – ответил он и поплелся к дому. Уже совсем стемнело.

Ветер сорвал последние листья. Лес утончился, виделось дальше и прозрачнее. По утрам у берега в тихой воде за ночь появлялся тонкий лед. Окрестности готовились к зиме. Рыба ушла в глубокие ямы, и доставать ее стало труднее. Заготовки лесной еды подходили к концу, и старик на завтра объявил праздник – праздник Осени. Лу с вечера приготовила себе и ему светлые балахоны. Свой она украсила ветка-

ми с красными ягодами, его одежду – речными ракушками. Утром вся деревня собралась на площади у большого костра, и праздник начался. В середине дня, когда веселье было в самом разгаре, Чу потерял ее. Лу исчезла. Он бродил между танцующими, поющими и прыгающими и нигде ее не находил и только на самом конце деревни, за последним строем в траве, он обнаружил двух отчаянно борющихся друг с другом деревенских. Но хрипел, извивался и, зажав рот Лу, пытался прижать ее к земле. Лу вырывалась изо всех сил, но похоже, силы были неравны. Чу остолбенел от неожиданности, он не знал что делать. Несколько секунд он стоял, внутри у него все клокотало и ревело. Оцепенение прошло, он бросился сверху на Но, вцепился руками в его шею и с силой сжал пальцы. От внезапного нападения сзади Но как-то затих. Лу отбросила его и вывалилась из-под двух мужчин в сторону. Чу отскочил вслед за ней. Они оба стояли рядом и, еще не переведя дух, с испугом и ненавистью смотрели на Но, лежащего в траве на боку. Лицо его было разодрано, кое-где сочилась кровь. Отдышавшись, Лу вытерла рот рукой и, оправляя балахон, смачно выругалась:

– Ууу, кривой глаз, – и плюнула в сторону Но. Чу, в ожидании враждебных действий со стороны Но, сжал кулаки и, широко расставив ноги, настороженно следил за движениями Но, который сначала сел, потом не торопясь поднялся и, криво улыбаясь, прошипел:

– Мы еще встретимся потом.

С минуту они смотрели не мигая друг на друга, и Чу, понимая, что поединок не закончен, медленно растягивая звуки, произнес само собой всплывшие в памяти слова:

– Своолаачь тыы поогаанаая.

Но оторопел от незнакомых слов и того, как они были произнесены. Он не знал, как реагировать на это, глаза его расширились, что-то сковало его решительность и наглость. Он сделал шаг назад и, боясь подставить спину, стал пятиться, всюю показывая свой испуг. Когда Но исчез, Лу прижалась к Чу и спросила:

– Что это быть?

Он, подумав, ответил:

– Помнишь слово «врагу», я говорил его, помнишь?

Она кивнула головой.

– Но наш враг. Он нам не друг. Поняла?

Она снова кивнула головой. Они спустились к реке, долго сидели и молча смотрели на текущую воду. Река неспешно несла ее куда-то далеко на север, может быть к морю или океану. Вечернее солнце отражалось в темной воде. Было мирно и тихо. Наверху в деревне продолжался праздник. Приглушенные звуки бубнов доносили сюда древние ритмы рыбаков и охотников.

Он обнимал ее и тихонько гладил ее черные как смоль волосы, пытаясь вспомнить, что было с ним до деревни и откуда берутся у него эти слова:

– Чуден город наш родной – расцветает весь весной.

– За него мы жизнь дадим, но врагу не отдадим!

Он тихо пропел эти строчки, вспомнил отца, пожар и свою первую любовь к учительнице музыки. Она иногда заходила к отцу, и они втроем пили чай. Отец показывал им свои новые стихи, а они должны были слушать и хвалить их. Ему не хотелось хвалить стихи, но он это делал, чтобы не сердить отца и чтобы она была довольна его поступками. У нее тоже были, как и у Лу, черные волосы, и красавица в городе она была известная. После пожара они встречаться стали реже и только в школе, когда она проходила по коридору мимо него в свой класс. Она улыбалась ему, подбадривала, иногда коротко спрашивала, как ему живется с бабкой. Уроки она вела в других классах, так что лицезреть ее ему удавалось только при этих случайных встречах. Взрослые поговаривали, что у нее с отцом что-то было. Эти слухи его сильно огорчали, ревновал он ее очень, даже после похорон отца. Потом она куда-то исчезла, ушла из школы. В городе почти никто не знал, куда пропала учительница, и только его друг «Сан-сан» как-то совершенно случайно заметил:

– Папа говорил кому-то, что «Скрипка», – так звали ее в школе, – вышла за хозяина.

Лу притихла совсем. Она боялась пошевелинуться и даже старалась медленнее и как можно реже дышать. Он развернул ее лицо к себе, посмотрел ей в глаза и нежно поцеловал в губы.

– Это почему так? – прошептала она.

В деревне не принято было целовать в губы.

– У нас там, где я был раньше, так делают, когда любят, – ответил он.

– Я любить тебя, – сказала она.

– У нас говорят: «люблю» – это когда сейчас. «Любила» – это когда быть раньше. И «буду любить» – это когда быть потом, – он удивился этой своей странной фразе, но исправлять ничего не стал.

Ночью ему приснился странный сон:

Лу принесла ему знакомую монету с надписью: «Честь и достоинство» на каком-то неизвестном ему языке. И почему-то Лу он называл не Лу, а Веня, обнимал и целовал ее. Они долго были вместе и были счастливы друг от друга.

Утром Лу проснулась раньше него и сказала:

– Ты любила меня ночью. Я знать у нас быть, когда потом, дети.

С утра выпал первый снег. Река еще не встала, и темная вода на фоне белых берегов выглядела странно и неуместно. К полудню снег растаял, но ребятня успела в него поиграть и несколько часов лепила из него разные фигуры. Потом ломала их и восстанавливала снова.

Но был отправлен на несколько дней на дальний участок реки с молодым напарником для разведки новых рыбных мест. Вся деревня уже знала о вчерашнем происшествии. Кто-то видел их потасовку на краю деревни и, по-видимому, старик уже с утра принял меры для разрешения конфликта.

Он сидел напротив старика, и языки пламени костра играли на их лицах. Старик долго, очень долго смотрел ему в глаза, ни о чём не спрашивая. Скорей всего, он пытался без какой-либо помощи понять, что он за человек? Откуда пришел и что от него можно ожидать? Его странности старику уже давно были известны, с того самого момента, когда двое молодых принесли его весной в деревню. Все обсуждали этого нового, чужого человека. Обсуждали и решения старика – оставить его в деревне, отдать ему Лу и учить местным законам. Не все этим были довольны, но все подчинялись, потому что он, старик, главный и мудрый. Все знали – старик может предвидеть и влиять на людей, и если кто-то, может быть, не очень его уважал, то уж побаивались его все.

– Кто ты? – спросил старик, глядя ему в глаза.

– Чу, – ответил он не раздумывая.

– Чу это сейчас. А раньше? Кто ты быть раньше? – снова спросил старик.

– Раньше я помнить нет, – ответил он с некоторой неуверенностью.

– Ты знать новые слова, – продолжил старик, то ли размышляя, то ли спрашивая. – Что такое «профессор»? Ты это говорить, когда умирать молодой.

– Профессор, – повторил он, пытаясь вспомнить, откуда это слово появилось у него в голове.

Старик пристально смотрел на него и терпеливо ждал ответа. А он неожиданно вспомнил, вспомнил эти две буквы,

вырезанные на дереве, «ВВ».

– Профессор это умный, – ответил он, не зная, что прибавить к этому определению.

– Тогда все старые – профессор, – заключил старик. – Они все умные.

– Да, все умные, – согласился он.

Память просыпалась понемногу. Он вспомнил и Ботю, и избушку, в которой они с ним зимовали. Вспомнил и прозвище свое школьное «Кузнечик».

– Я кузнечик. Я до Чу был кузнечик.

Старик повторил это прозвище, пытаясь понять, что это значит.

– Я энтомолог, – он вспомнил свою профессию, и от волнения голос его осип: – Это наука о насекомых, я их изучал.

Старик жестом остановил его воспоминания.

– Для чего энтомолог? – старик медленно повторил несколько раз это незнакомое слово. – Зачем это? Зачем ты жить?

– Чтобы жить сейчас, – ответил он и добавил: – чтобы жить потом.

– Чтобы жить потом, – повторил старик и после некоторого раздумья произнес:

– Ты теперь быть быстро вспоминать. Ходить вспоминать, – он жестом показал, что беседа их закончена.

Через несколько дней мороз укрепился – река застыла. Снег припорошил сухую осеннюю траву. В лесу ярко про-

явились следы разного зверья. Деревенские дела перешли к заготовке дров, зимней охоте и сохранению тепла в домах. Дальние рыбаки еще не возвратились. Река у деревни закрылась плотным льдом, и ближняя рыбалка сошла на нет.

Он с каждым днем припоминал все больше и больше эпизодов из своей бывшей жизни. Эти кусочки складывались в длинные истории, от которых он становился задумчивее и угрюмее. События в деревне его занимали все меньше и меньше. Лу первая заметила эти перемены и настороженно, подолгу ожидала от него ответы на свои вопросы. А он отмалчивался и вспоминал:

«Свою бабушку он хоронил летом, когда уже учился на старшем курсе института. Она умерла у него на руках, когда он на недельку в каникулы приехал погостить в свой родной город. Она последние дни уже плохо ходила, жаловалась на сердце, на одышку, и как-то утром он нашел ее почти без сознания в своей постели. Приехавший доктор констатировал острую сердечную недостаточность и даже не смог сделать инъекцию в вену. Хоронили ее на третий день. Собрались старые друзья бабушки, вспоминали ее и свою молодость. Говорили речи и рассказывали интересные истории из ее героической жизни, которые он никогда не знал. Бабушка почти ничего об этом ему не рассказывала. Ее было очень жалко. А еще ему было очень жаль, что всего этого интересного о бабушке при ее жизни он не знал и теперь она ему уже ничего не расскажет».

Дни становились все короче и короче. Снег и ветер образовали сугробы и торосы на реке. Дальние рыбаки возвратились в деревню. Но обморозил ступни и сильно болел, почти не выходил из дома. Старик дал ему в жены бывшую жену молодого рыбака, погибшего летом. Деревня не очень хорошо приняла это решение. Но до появления чужого хотел себе в жены Лу, но слова старика воспринимались как закон.

Лу теперь не боялась выходить из дома одна, она перестала бояться Но, тем более, что он болел и его жена лечила его всеми средствами, которые имелись в деревне. За снежную ночь дома заносило иногда под самую макушку. Деревенские выбирались из них по норам, прорытым в снегу. Постороннему человеку со стороны деревенская местность представлялась ровными остроконечными холмиками, торчащими из белых снегов, и глубокими тропками, соединявшими эти холмики между собой. Жизнь в деревне как будто замерла до самой весны.

Чу, закутанный в шкуры, молча сидел у огня и часами смотрел, как языки пламени пожирают дрова. Лу суетилась возле очага, подбрасывала в огонь сучья, два раза в день кормила Чу сушеной рыбой, поила его заварными травами, раз в день выходила из дома за новыми сучьями для костра, складывая их недалеко от огня для просушки. Спали они долго, часто просыпались от холода и снова раздували огонь, греясь от него и друг от друга. Он уже больше не целовал Лу, он вспоминал всю свою прошлую жизнь со всеми ее подроб-

ностями. Он уже сравнивал Лу и Веню, сравнивал свои чувства, которые испытывал, будучи близким с ними, и все более и более замыкался в себе, жалел себя, Лу и скучал, скучал по тому времени, когда они с Венерой Петровной жили вместе уютно и дружно в большом городе. Скучал по своей работе, по занятиям в институте и никак не мог объяснить себе цель своего существования здесь, среди, может быть, и симпатичных, простых людей, но чужих ему, среди чужой для него жизни.

Лу прильнула к нему и прошептала на ухо:

– Почему ты молчать, не говорить? Я плохо делать?

Она никак не могла понять причину его нового поведения.

– Ты не любишь меня. Я быть плохая?

Он молчал. Он понимал, что надо ей ответить, но что сказать этой молодой женщине? Как объяснить – кто он? Как попал сюда? Что такое «ЗП» и зачем там в лесу люди пилят дрова? И он продолжал молчать, только изредка, когда она, грустно вздохнув, замирала возле него, обнимал и согревал ее, немного озябшую после восстановления почти потухшего огня. Она с благодарностью еще ближе прижималась к нему уже ощутимо заметным животиком.

Самую длинную ночь деревня пережила без проблем. Только Но совсем не поправлялся. Он лежал в доме на шкурах и тихо стонал. Как сказал старик: «Ноги его совсем умирать». Чу и Лу жалели Но. Все жалели его, но сделать ничего

не могли. Уже старик сам несколько раз лечил его – все бесполезно, Но не становилось лучше. Ожидали самого худшего – смерти. Зимние умирания похоронами не заканчивались, покойников оставляли замерзать в снегу недалеко от дома, и ритуал прощания с ними откладывался до весны.

Венеру Петровну поместили в специализированную клинику и по ходатайству Сан Саныча отвели ей комфортабельную палату с почти домашней обстановкой. Единственное, что не соответствовало домашнему уюту, это решетки на окнах, которые, если привыкнуть, со временем становились малозаметными. Но Венера Петровна всей этой заботы о себе практически не замечала. Болезнь ее прогрессировала, она похудела настолько, что Элеонора, посещавшая ее два раза в неделю, уже совсем не узнавала в этой худой, сморщенной старушке прежнюю свою подругу, которую когда-то называли стрекозой. Обеспокоенный состоянием Венеры Петровны ее лечащий врач был вынужден перевести ее на искусственное питание. Самостоятельно она уже более двух недель ничего не ела и находилась в абсолютной прострации, без реакции на что-либо происходящее вокруг. Она тихо лежала неподвижно на кровати, глаза ее были открыты и, видимо, уже ничего не замечая, смотрели, не мигая, в потолок. Иногда, крайне редко, можно было застать на ее губах что-то по-

добное улыбке – она грезила наяву и что там внутри ее происходило, никому не дано было знать.

«Она лежала на теплом искрящемся песке, на берегу реки. Светило нежаркое солнце. Справа от нее метров в десяти сидел и смотрел на тихое течение воды ее Апо. Она пыталась крикнуть ему, но слова никак не получались. Она открывала рот, но звуки не возникали. Она махала ему рукой, то есть хотела махнуть, но тяжелые кисти рук никак не удавалось оторвать от песка. Она повернула голову влево – вдали в изящном костюме стоял и улыбался Сан Саныч. Он что-то тихо говорил ей, делал знаки рукой, чтобы она подошла поближе. Она хотела встать, но ноги остались неподвижны, как будто прилипли к твердому песку, который почему-то скорее походил на застывший цемент. Она повернулась в сторону Апо и обнаружила множество незнакомых одинаково одетых мужчин. Апо среди них она никак не могла найти».

Слезы появились в глазах, она закрыла их, и кто-то теплой рукой погладил ее лоб.

– Надо жить, надо, дорогуша, – ее доктор, довольно пожилой и видавший виды мужчина, взял ее за запястье и, слушая пульс, продолжал тихонько говорить с ней.

– Ваш Аполлон Иванович будет всегда с вами. Память о нем ваша, и никто ее не отнимет у вас, и с этим надо жить. Жить чтобы жить.

«Она открыла глаза. Ее Апо лежал рядом с ней, загорелый, красивый и, повернувшись к ней лицом, любовался ею.

Она видела, что ему нравится ее тело, молодое, гладкое, готовое прижаться к нему и любить его долго, долго».

– Вы, дорогуша, красивая женщина. Вам надо любоваться собой. Вами должны любоваться красивые мужчины. Это интересно. Это будет интересно еще долго. Отбросим уныние, будем жить сейчас, сегодня и каждый день. У вас завтра будут интересные гости. Надо привести себя в порядок. Надо быть красивой. Вы слышите меня, дорогуша?

«Она обняла его и поцеловала в губы. Апо крепко прижал ее к себе и что-то ласковое шептал ей прямо в ухо. Она была счастлива. Солнце играло множеством зайчиков на тихой воде.

Это лето, их первое совместное лето, запомнилось ей радостью и любовью».

– Вы, дорогуша, сейчас немного попробуете вкусненького. Потом мы будем умываться, причёсываться и готовиться к приему гостей. Я вам сейчас пришлю нашу лучшую сестру – мою помощницу. Вы можете поболтать с ней, приятно провести время.

Она впервые за время пребывания в клинике попыталась рассмотреть своего доктора.

– Вот, дорогуша, вы просто молодец. Вижу, вижу, хотите встретить гостей в форме. Вы слышите меня?

Она одними глазами показала, что слышит его.

На следующий день Элеонора обрадовалась ее почти бодрому взгляду. Перемены были налицо – Венера Петров-

на сидела в подушках, и глаза ее выражали, может быть, еще чуть усталое, но уже явное любопытство. Она еле слышно спросила:

– А где гости? Мне доктор обещал интересных гостей.

Элеонора догадалась, что речь идет не только о ней, и бодро ответила:

– Сан Саныч действительно собирался приехать, но срочные и очень важные дела нарушили его планы.

Венера Петровна понимающе кивнула головой. Элеонора продолжила разговор:

– Голубушка, ты должна его простить. У них там сейчас такая кутерьма, суматоха и нервное противостояние. По мне известным сведениям, там, – она показала пальцем на потолок, – готовится то ли амнистия, то ли реабилитация. Правительство, как говорит наш Сан Саныч, не может определиться с печкой, от которой надо танцевать. По мне, так никакой разницы нет – отпустят тебя так или эдак – всё равно свобода.

– Да, да, – тихо прошептала Венера Петровна, – вот и Апо выпустят?

Элеонора не ожидала такого вопроса. Сначала она с удивлением посмотрела на Венеру, а потом, немного смутившись и не зная как реагировать, спокойно, как бы мимоходом ответила:

– Голубушка, теперь у нас будет много времени обсудить это. Мы все обговорим не спеша, потом.

– Да, потом, – согласилась Венера Петровна.

Элеонора встала, поправила ей подушки, обняла ее и постаралась сменить тему:

– А у вас в институте твои таракашки стали что-то делать полезное. Все тебя ждут не дождутся, передают тебе приветы.

– Одноножки, – поправила ее Венера. Она немного задумалась и добавила: – Они там все молодцы, не бросают тему. Хорошие ребята.

– Доктор говорит, что ты идешь на поправку. Через недельку с тобой можно будет прогуливаться в садике. Уж там-то, на воздухе, мы наболтаемся вволю, – Элеонора подошла к окну. – Здесь у вас садик тихий, уютный, только стены страшноватые что-то напоминают.

За окном светило солнце. Бурное начало весны предвещало наступление теплого лета. Картинка в окне уже начала радовать Венеру Петровну, хотя черные квадраты решетки постоянно напоминали ей о болезни. Она начала вставать и тихонько передвигаться по палате. Сон более-менее восстановился. Днем она бодрствовала, а ночью спала, и сны ее стали спокойнее – ее Апо снился ей уже не каждую ночь. Сегодня под утро приснилось что-то легкое, почти веселое – где Апо соревновался с кузнечиком по прыжкам в длину. Ей не удалось дождаться финала соревнования – ее разбудили утренними лекарствами. На обходе она попросила доктора дать ей зеркало.

– Да-с, да-с, дорогуша, обязательно будет зеркало. Я распорядюсь, дней через пять, семь.

Она считала дни, теперь они стали длинными, тянучими. Ей разрешили выходить из палаты и немного гулять в садике.

Клиника представляла собой четырехэтажное здание из красного кирпича. Весьма скромное архитектурное убранство скорее напоминало какое-то казенное строение, чем лечебное заведение. Старая кирпичная кладка указывала на древность всего сооружения, а решетки на окнах явно намекали на внутренний тюремный порядок. Старинный тенистый садик с большими деревьями подчеркивал некоторую мрачноватость и строгость всего места. Простые деревянные скамейки всегда пустовали. Редкие пациенты появлялись и исчезали среди густых кустов и могучих стволов деревьев. Весь садик и здание клиники окружала высокая бетонная стена с давно облупившейся желтой краской.

Прогулки Венеры Петровны в сопровождении молоденькой медсестры были непродолжительными. Уже в первую прогулку она обратила внимание на странного старика, ритмично шагающего по дорожке и что-то бормочущего себе под нос. Случайно встретившись с ним глазами, она почувствовала какую-то глубину в его взгляде и пронзительность, которые отталкивали и притягивали одновременно.

– Кто это? – поинтересовалась она у сопровождающей, когда старик удалился куда-то в угол садика.

– Что вы спросили? – не сразу на ее вопрос отреагировала сестра.

– Кто это? Что за странный больной? – снова спросила Венера, взглядом указывая в сторону удалившегося старика.

– Это наш странник. Очень давний пациент. Он здесь уже давно. Странный человек. Угадывает мысли. Вообще-то он не опасный. Нам, младшему персоналу, не разрешается с ним общаться. А почему? Не знаю, – ответила сестра.

– А мне с ним можно общаться? – спросила Венера.

– Я не знаю. Надо спросить доктора. Нам пора в палату, – она, подхватив под руку Венеру Петровну, повернула на дорожку, ведущую ко входу в здание клиники.

Зеркало ей принесли, как и обещал доктор, через неделю. Небольшое, настольное. Еще не старая, но уже заметно поседевшая, с морщинками в уголках глаз, на нее смотрела женщина с большими, немного грустными глазами.

– Вот ты какая стала, Венера Петровна. Ты стала совсем другой, – она долго рассматривала себя в зеркале, пытаясь поймать тот прежний, задорный взгляд Вени, который когда-то, давным-давно, встречал ее по утрам.

– Пожалуй, Аполлон Иванович удивится увидев тебя, а может быть и не сразу узнает, – добавила она шепотом.

– А может быть он уже никогда не увидит меня, – в голове мелькнула пронзительная мысль, которую она несколько дней тщетно пыталась прогнать от себя.

Вчера Элеонора объявила ей, что принято Постановление

об амнистии и статья Аполлона Ивановича попадает туда, и только неизвестность его положения не дает особых оснований к благоприятному исходу. Конечно, можно надеяться, но сколько времени можно надеяться, это никому не дано познать. А потом Венере приснился сон, который растревожил ее основательно: «Она снова лежала на искрящемся песке. Светило не жаркое солнце. Тихая вода в реке сверкала множеством зайчиков. По правую сторону невядалеке от нее лежал ее Аполлон – тихий, недвижимый и весь как будто не живой. Она пыталась встать, но ноги ее не повиновались. По левую сторону стоял изящно одетый Сан Саныч и жестами рук звал ее к себе, а она волновалась и не знала что делать» – и проснулась от этого волнения очень рано еще до рассвета.

Эля обещала, что Сан Саныч непременно навестит ее в следующие выходные. Она ожидала эту встречу с большим волнением. Как она будет выглядеть, опрятна ли ее больничная одежда, прическа и все, все, что беспокоит женщину в ожидании встречи с мужчиной, который, как она знала, к ней неравнодушен. Элеонора успокаивала ее и обещала ей привести себя в красивое состояние.

– Наведем красоту, – уверенно говорили она.

Это утро получилось какое-то необыкновенное – зацвела сирень. Они расположились на скамье в тени большого дерева. Солнечные пятна падали ей на лицо и она жмурилась и как-то виновато улыбалась скорее от смущения, чем от ярких лучей весеннего солнца. Сан Саныч как всегда был «в

форме». Элегантный костюм, яркая белая сорочка с бархатным галстуком подчеркивали его статусность и принадлежность к высшим кругам общества. Он вежливо, но в то же время весьма властно отправил сопровождающую медсестру назад в клинику, и они с Венерой Петровной остались наедине. Легкий полуденный ветерок иногда доносил до них тонкий аромат цветущих кустов сирени. Вся обстановка располагала к легкой, непринужденной беседе, но Венера Петровна, давно не общавшаяся с гражданскими мужчинами, да еще такого вида, как Сан Саныч, как-то зажалась, опустила глаза и только мельком изредка поглядывала на него, стараясь не встречаться с ним взглядом. Сан Саныч, понимая ее некоторую скованность и смущение, начал беседу о погоде, о весне, о настроениях в обществе. Немного рассказал ей о последних событиях в театральном мире и литературных кругах. Его глубокий, внимательный взгляд иногда пытался встретиться с ее взглядом, но она всегда успевала отвести свои глаза в сторону. Так они беседовали уже более получаса, и Сан Саныч наконец-то спросил ее о самочувствии, да так, как бы извиняясь, что не сделал этого ранее. Она ответила, что чувствует себя хорошо и считает, что через несколько дней ее отпустят домой.

– Да, да, – подтвердил он, – я беседовал с вашим лечащим врачом, он доволен вашим состоянием.

Она только сейчас обратила внимание на то, что Сан Саныч еще ни разу не назвал ее по имени, и это для нее бы-

ло несколько странным. Такое официальное обращение на «вы» как-то не соответствовало их давнему знакомству. Она подумала: «Я совсем стала ему не интересна, и он только по старой памяти зашел меня навестить из чувства, так сказать, долга без каких-либо человеческих симпатий». Это огорчило ее. Она как-то неожиданно для себя повернулась к нему и внимательно посмотрела ему в глаза. Их взгляды встретились, теперь немного смутился Сан Саныч, увидев в ее глазах и грусть, и обиду, и еще что-то, что обычно тревожит мужчину во взгляде не безразличной ему женщины. Он подавил в себе это мимолетное смущение и, стараясь быть очень корректным, спросил ее:

– Вы по-прежнему ждете его?

Она поняла, о ком он спрашивает и, немного обдумав свой ответ, сказала:

– Я и сама уже не понимаю, жду или не жду.

Она как-то намеренно не назвала имя Аполлона Ивановича и впервые за эти месяцы почувствовала, что может говорить и думать о своем Апо без тех трепетных эмоций, которые так долго ее мучили даже во сне.

– Дорогая Веня, – он отошел от официального тона, – я давно хотел спросить вас, но в суматохе не мог, скорее не обращал на это должного внимания. Не видели ли вы в своем доме у Аполлона Ивановича, а может быть он вам об этом когда-нибудь говорил, – о медали, вещи, похожей на медаль или старинную монету, с надписью на древнем языке, в пе-

реводе означающей: «Честь и достоинство»?

– Мне об этом ничего не известно, – ответила она, – может быть, в его архиве, в какой-либо коробке на полках, к которым мне запрещалось прикасаться.

Его вопрос ее несколько удивил и озадачил.

– Что бы это могло значить? – подумала она. – Надо спросить Сан Саныча.

Но что-то ее насторожило, и она решила пока не спрашивать его об этом.

Мимо них, бормоча себе под нос плохо различимые слова, прошагал странный старик. Сан Саныч, удовлетворенный ее ответом, спросил:

– А как вам здесь, в смысле комфорта, да и окружение не беспокоит ли?

– Все хорошо, – ответила она. – Даже интересно. Есть свои загадки и тайны, как вот этот пациент, – и указала в сторону удаляющегося старика.

– Да, я знаю, что здесь могут встречаться весьма странные больные.

Разговор как-то сам собой затих. Они посидели еще несколько минут. Стало понятно, что пора прощаться. Он проводил ее до дверей клиники. Как-то изящно поцеловал в щеку, чуть приобнял, в нерешительности посмотрел ей в глаза и тихо, еле слышно сказал:

– Веня, я весь в вашем распоряжении.

На следующий день ее посетила Элеонора.

– Ну как наш красавец? Как он тебя нашел? Не зря мы трудились? – она закидала Венеру вопросами, едва войдя в палату.

– А ты что-то сегодня грустишь, – не дожидаясь ответа продолжила Элеонора. – Он что не сделал тебе комплимент, не оценил, не похвалил министерский денди?

– Он спросил меня о какой-то медали, – ответила Венера.

– Да! – изумленно воскликнула Элеонора, – решился-таки спросить. Это старая история. Мне он давно рассказал, как только познакомился с тобой, но велел об этом с тобой не говорить. Он подозревает, что твой Аполлон – друг его детства, с которым они разбежались в разные стороны давно. И что ты ему ответила?

– Я сказала, что мне об этом ничего не известно, – ответила Венера.

– Значит, ты оставила его опять в сомнениях, – заключила Элеонора.

– И это все, о чем вы говорили? – воскликнула она снова.

– Нет, нет. Конечно, он мне много рассказывал – что делается вокруг и вообще. Он много знает, – ответила Венера.

Она не хотела затрагивать тему об Аполлоне

– Меня скоро отпустят домой. Я уже совсем поправилась.

– Да, голубушка, уж пора, залежалась ты здесь. Скоро лето. Будем отдыхать. Теперь к Сан Санычу обязательно вырвемся за город. У него там на природе просто красота. Тебе нужен свежий воздух, а здесь что – этот угрюмый садик, за-

мурованный в стены. Брр... какая-то тюрьма, да и только, — она подошла к окну и добавила:

– Это место не для тебя, стрекоза, и больше ты сюда не попадешь, обещаю мне.

Венера подошла к ней, встала рядом у окна.

– Спасибо тебе, Элечка, за поддержку. Спасибо за все. Ты единственная моя подруга.

Они обняли друг друга за талию и долго смотрели в этот угрюмый садик с пышно цветущей сиренью. Смотрели и думали каждая о своем. Иногда им становилось так жалко себя и друг друга, что они не сговариваясь почти одновременно вздыхали и, стараясь не показывать свою слабость и волнение, украдкой промокали пальцами влажные глаза.

Сегодняшний сон обошелся ей без Аполлона. Снилось какая-то чепуха, которую она толком и не запомнила. Доктор остался очень доволен ее состоянием и объявил, что завтра она может покинуть клинику. С утра после обхода небо нахмурилось, откуда-то сбоку напозла чернящая туча. Вихрь за окном раскачал ветки деревьев и кустов. Грянул гром. Грохнуло так, что казалось что-то большое и громадное лопнуло и треснуло в небе. Первая весенняя гроза прошла над садиком, и через полчаса снова засверкало чистое солнце. Она видела, как по еще мокрым после ливня дорожкам ритмично шагает этот странный старик, и ей очень захотелось поговорить с ним, даже не имея на то разрешение доктора. Она быстро набросилась на себя теплый халат и спустилась в

сад без сопровождения медсестры. В дальнем углу сада, когда он, развернувшись, зашагал ей навстречу, она поздоровалась с ним:

– Добрый день. В таких случаях говорят: «Не правда ли, хорошая погода сегодня».

Он остановился, видимо еще не очень понимая, что эти слова относятся к нему.

– Играл на флейте гармонист. Как будто с детства конформист, – он машинально произнес непонятную ей фразу и добавил: – А, это вы. Вы уже совсем перестали думать о нем?

Она растерялась, не зная, как ему ответить.

– К всему готов он был всегда. И даже долгие года. Не повлияли на него, – продолжил странный старик. – Вы, наверное, испугались. Вам говорили, что со мной не надо разговаривать?

– Да, – ответила она очнувшись.

– Так зачем же вы остановили меня? – спросил он, пристально рассматривая ее.

Не зная, как объяснить свой поступок, она ответила:

– Меня завтра здесь уже не будет.

– Да, «железная» логика, – еле заметно улыбнувшись, произнес он.

– Давайте двигаться, а то я не могу стоять на месте, рифмы не дают.

И она зашагала рядом с ним, едва успевая и не попадая в его шаг.

– Прошел он холод и тепло, – в ритме шага произнес старик, видимо, завершая начатое ранее. – Вы поправились. Вылечились, и Апо больше вас не тревожит. Вас тревожит, я бы сказал волнует, другой человек. Он здесь был недавно с вами.

– Да, да, вы правы, – чуточку запыхавшись от быстрой ходьбы, ответила она. – Вы читаете мысли?

– Да, я умею, то есть умел когда-то, – ответил он.

– Старость – что это такое? Может, мудрость и не стоит? Эту старость беспокоить, – подбирая под шаг слова, он на несколько секунд остановился и, повернувшись к ней лицом, резко заявил:

– Бегите от иллюзий. Живите сейчас. Сейчас хорошо. Нет браслетов. Нет задержаний. Нет подверганий. Осталось только одно перевоспитание. Ведь вы были в «ЗП», – и он зашагал дальше.

– Может, это просто глупость? Или это просто тупость? Или музыка затихла? Не играет. Очень тихо, – старик снова рифмовал.

В перерыве между рифмами он продолжил свою речь:

– Обращайте внимание на то, что рядом. Зачем искать что-то далекое, эфемерное? Может, там и нет ничего. Может, там пустота. Я вот уже давно пустота.

Они пошли уже на третий круг. Старик упорно рифмовал, как будто спешил завершить свою поэму:

– Он подумал так и грустью. Все наполнилось и пусто.

Только где-то незаметно. Еле слышно, не приметно. Звук протиснулся сквозь годы...

Она стала отставать.

– Я не успеваю следить за вашими мыслями.

– Да, я очень ритмично хожу. Прощайте, – и он продолжил: – И вселенские народы. Гармониста услышали. Он играл не флейте долго...

Она остановилась и, глядя на удаляющегося старика, повторила вслух его слова:

– Бегите от иллюзий.

В последнюю ночь ее, видимо, от волнения одолели беспокойные сны. Она часто просыпалась, пытаясь понять, к чему и почему снится такое.

Засыпала снова – приходили новые сны, стирая старые, и только последний сон под утро запомнился удивительным поворотом ранее виденного:

«Она лежала на теплом песке, на берегу реки. Светило нежаркое солнце. Справа от нее метрах в десяти сидел и смотрел на тихое течение воды Сан Саныч. Она пыталась крикнуть ему, но слова никак не получались. Она открывала и закрывала рот, но звуки не возникали. Она махала ему рукой, то есть хотела махнуть, но тяжелые кисти рук не удалось оторвать от песка. Она повернула голову влево – вдали в серой куртке стоял и улыбался ее Апо. Он что-то тихо говорил ей, делал знаки рукой, чтобы она подошла поближе. Она хотела встать, но ноги остались неподвижны, как будто

прилипли к твердому песку, который почему-то скорее походил на застывший цемент. Она повернулась в сторону Сан Саныча и обнаружила множество незнакомых женщин. Сан Саныча среди них не было. Она заплакала и закрыла глаза. Кто-то теплой рукой погладил ее лоб».

– Дорогуша, разоспались вы нынче. Впрочем, это хорошо, великолепно. Все, все, будем, дорогуша, собираться домой. Домой, домой. Перед уходом зайдите ко мне, – и доктор, оставив медсестру в палате, удалился.

– Дорогуша, – он весьма вкрадчиво и тихо обратился к ней, когда она поудобнее разместилась в кресле напротив массивного стола, – вы практически здоровы, но ваша психика может вас подвести. Я обязан дать вам несколько советов, уж поверьте мне, старому психиатру, мои советы помогут вам избавиться в дальнейшем от всяческих таких неприятностей.

Она кивнула головой в знак того, что готова внимательно выслушать все рекомендации своего доктора.

– Во-первых, скажите, дорогуша, что вам сказал наш странник? Что-то ведь он вам сказал важное.

Она ответила:

– Из всего, что он мне говорил, мне запомнилось: «Бегите от иллюзий».

– Да, хорошие, правильные слова, а я добавлю – вы еще довольно молоды и выглядите сейчас даже, я бы сказал, привлекательно – вам нужен любимый человек, мужчина. Вам

нужны дети. Почему вы, дорогуша, живете без детей?

Она немного смутилась и после паузы ответила:

– Сначала не хотел он. Он считал, что это будет мешать работе. А потом и я как-то перестала обращать на это внимание.

– Это неправильно. Это вредно для такого склада ума, как ваш, для вашего менталитета. У вас есть, – тут он поправился, – у вас были родители. Вы просто обязаны тоже быть родителем. Запомните это.

– Во вторых, – вам вреден созерцательный покой. Вы должны быть в делах, занятиях, заботах. Это ваша стихия. Помните? – «... жизнь свою мы ей дадим, никого не пощадим». Это, я полагаю, ваша молодость. Допускаю, что было кое-что чересчур, но энергия и порыв были.

– Да, – не сразу согласилась она, думая о чем-то своем.

– Собственно, вот и все, что я хотел вам сказать, – он встал из-за стола, обозначая, что их беседа закончена.

В первые недели пребывания в своей квартире Венера Петровна переставила практически всю мебель, и только громадные стеллажи, на которых Аполлон Иванович хранил свои книги, массу коробочек и баночек с редкими экземплярами засушенных насекомых, пришлось оставить на месте. Протирая скопившуюся пыль на полках, Венера Петровна нашла небольшую вещь среди привычных – черный кожаный мешочек, который уж никак не мог служить убежищем для какой-нибудь редкой таракашки. Любопытство рас-

пирало ее, ей очень хотелось развязать мешочек и заглянуть внутрь, но запрет Аполлона Ивановича еще пока действовал.

В институте всюду шла модернизация. Правительство настойчиво и целеустремленно улучшало все, что попадалось ему под руку. Наука как объект, не очень понятный и какой-то сложный, подвергалась прогрессу в целях упрощения в первую очередь. Кампанию по ликвидации неустраняемых нарушений развернули широко и неумолимо. Все директора научных учреждений обязывались перейти на машинную систему управления, так как появились крайне автоматизированные системы искусственного интеллекта – СИИ. В среде научного народа их прозвали «сишками». Через неделю ввода в действие «сишок» в институте воцарился мертвый, то есть железный порядок. Хождение по коридорам разрешалось только при наличии надлежаще оформленного пропуска, который заносился в личный медальон трудящегося, но не позже чем через неделю после личного обращения в центр управления, а проще говоря к «сишке». Особо смекалистые сотрудники пытались пользоваться чужими медальонами, но бдительная «сишка» этот беспорядок обнаружила и прилепила медальоны биоклеем каждому сотруднику в удобном для контроля месте. С этого момента сидящий на своем личном стуле контролировался в постоянном режиме. Единственным неудобством оставался вход и выход из института – сотрудникам приходилось прикладываться к датчикам сидельным местом. Но директорат уже знал, что «сишка» рабо-

тает в плане модернизации и в этом направлении. Вообще-то омедальонивание у населения получило широкую поддержку. Историки сравнили это с очень давним, древним мероприятием по обраслечиванию и пришли к выводу, что омедальонивание более прогрессивное явление. Среди населения, его патриотической части, возникло в поддержку Правительства движение «медальонеров», разъясняющих полезность правительственных мер.

В лаборатории Венеры Петровны благодаря модернизации царила некоторая растерянность. Сотрудники побаивались лишней раз вставать со своих рабочих мест. Но некоторый застой от сидения компенсировался злорадными шуточками особо наглых трудящихся из молодых, подскакивающих в ритме темповых мелодий. Правда, на следующий день им приходилось оформлять для «сишки» объяснения причин ритмичного пребывания на работе. Через неделю распространения, с позволения сказать, таких шуток эти нахальные молодые иссякли в своих фантазиях, и наступило временное перемирие между коллективом и «сишкой». Среди народа распространился анекдот:

«Встретились два медальона. Один у другого спрашивает – откуда? С работы, отсиделся. – А ты? Из дома, отлежался. Завтра увидимся? Да, если тесно будет в пумпеле».

Венера Петровна в этих процессах не участвовала. Она соскучилась по работе, была увлечена своими одноножками.

А время бежало быстро, уже отцвела сирень. Лето нава-

лилось яркими красками, теплом, цветением липы и непрерывным жужжанием пчел вокруг светло желтых крохотных венчиков.

В один из теплых выходных Венера и Элеонора отправились в гости к Сан Санычу. Он любезно распорядился доставить их на своей персональной машине. Дорога была не долгой, каких-то полчаса, и они оказались на территории загородного дома Сан Саныча. Он сам, как радушный хозяин, встретил их на пороге с радостной, искренней улыбкой. Расцеловав обоих в щечки, он пригласил гостей в открытую беседку, которая мягкими креслами и круглым столом с изобилием разных вкусовностей и вин располагала к спокойному и благодушному времяпрепровождению.

Элеонора на правах подружки хозяина дома ухаживала за всеми. Выпили немного вина. Легкие закуски усладили некоторый аппетит, возникший на свежем воздухе. Удобно расположившись в креслах, общество затеяло непринужденную беседу. Сан Саныч рассказал свежий анекдот о двух медальонах. Дамы, хотя и знали его содержание, вежливо поублажились услышанному.

Сан Саныч догадался, что в обществе этот юмор уже обжился, а посему перешел на новую тему.

– Да-с, милые дамы, в правительстве иногда что-то придумывают такое смешное – потом и самим не нравится, но старейшины упорствуют в своих как бы мудрых-премудрых рассуждениях. И их понять можно. Как бороться с хаосом?

Какими мерами? Либерализмом, пожалуй, хаос не победить. Да и вообще можно ли его победить, пока в наших головах у каждого этот хаос-беспорядок живет. То процветает, то сидит до поры тихо, придавленный внутренней дисциплиной и внешними обстоятельствами. Разве у вас не так?

Элеонора оторвалась от поедания фруктов и безапелляционно высказалась:

– Хаос там у вас, наш добрый друг, в верхах. А эти медальоны – это вы от хаоса в своих головах придумали. Теперь приличному человеку в обществе появиться даже стыдно с этой железкой на попе. Чем вы, наш милый друг, там думаете, наверное этим местом?

Венера Петровна слушала этот спор молча и казалось думала о чем-то совершенно далеком. Она вспомнила свою молодость, отца и мать, запуганных и притихших. Она вспомнила, что они никогда при ней не разговаривали о каких-то проблемах в обществе и ни разу она не слышала от них критики в адрес правительства.

– А ты что молчишь, Веня, тебе эта история с медальонами нравится? – спросила Элеонора.

– Я не знаю, как к этому относиться, – ответила Венера Петровна. – Мне в работе это не мешает. В клинике один интересный человек – старый пациент сказал мне: «Бегите от иллюзий», так я думаю, что этот новый вид стимулирования деловой активности – это тоже в некотором роде иллюзия. Иллюзия борьбы с хаосом. Только я не знаю, что мы можем

сделать другое.

– Вот-вот, Веня, вы и правы. Критиковать легко. Предложите что-либо. – Сан Саныч налил нового вина в бокалы и предложил его собеседницам.

– А ты сам-то, Сан Саныч, что считаешь нужно сделать? – спросила Элеонора.

Сан Саныч после некоторого раздумья ответил:

– Я бы медальоны отменил. Это, конечно, глупость великая. Я бы подумал скорее о саморегуляции в самом низу, а правительству не стоит по таким мелочам принимать решения. У него и так забот хватает и без проблем с исполнительной дисциплиной. А если уж нейдет – так в министерствах и внедрили бы медальоны и посмотрели бы, насколько усидчива наша бюрократия. Я специально порылся в исторических архивах. Были времена тотального контроля. Люди носили неснимаемые браслеты, по которым их отслеживали специальные органы. И чем, вы думаете, это кончилось? Да ровным счетом ничем хорошим. Пришло неповиновение и хаос, который смел все правительства и государственные институты. Да что мы все о замудренном рассуждаем. Давайте лучше о любви. Как вы, девочки, к любви относитесь?

– Я очень положительно. Без нее жизни нет, – Элеонора от неожиданного поворота в беседе чуть поперхнулась, сделала глоток терпкого вина и с какой-то мечтательностью произнесла: – Любовь это так хорошо... Это лучше всех ваших законов и постановлений. Я еще в школе безумно влюбилась

в одного мальчика. Учеба в голову не лезла. Что только я не вытворяла, чтобы он заметил меня. Страдала ужасно, а он меня не замечал. Любила я его целый месяц, а потом, получив нагоняй от родителей за плохие оценки, бросила эту любовь. Поправилась, так сказать, от этой болезни, да и понравился мне совсем другой мальчик из соседнего класса. Так вот, с тех пор и лечусь от любви любовью.

Разговор прервался, видимо, каждый из присутствующих вспомнил свою историю любви. Венера Петровна перебирала в памяти эпизоды своей жизни, хотя бы как-то связанные с этим чувством, которое называют любовью, и кроме любовных писем к Аполлону Ивановичу, ей ничего в голову не приходило. Да, были страстные минуты с чувствами и эмоциями, но назвать это любовью она как-то не решалась.

– А вы, Венечка, вспомнили свою любовь? – спросил Сан Саныч, заметив, как Венера Петровна о чем-то глубоко задумалась.

Она не сразу ответила, продолжая некоторое время что-то вспоминать.

– Наша красавица Венера много может рассказать интересного. Романы должны быть красивые, – пытаюсь раззадорить Венеру Петровну, заключила Элеонора.

– Романы... Может быть и романы, – ответила Венера. – Желание иметь романы, может быть, и было, а в реальности как-то все прошло мимо.

– Мимо? – изумилась Элеонора, – не может быть, ты что-

то скрываешь от нас, – она явно хотела расшевелить Венеру Петровну для интересного рассказа.

– А в юности разве ты не увлекалась? Юность это такая романтическая пора.

– В юности я была с «Идперами». Шумная была компания. Мальчишки внимание на меня обращали, но тогда я была ужасно идейная и строгая.

– А потом? – спросила Элеонора.

– А потом, ты уже знаешь, был Аполлон Иванович. Вот и вся любовь.

– Как-то маловато жизни. Тебя, Венечка, надо в музей показывать – «Красавица без романов», – пошутила Элеонора. А я повеселилась, то есть уроманилась, и не жалею.

– Сан Саныч, а ты что не включаешься? – заметив сосредоточенного хозяина, Элеонора направила на него свое внимание. – Твоя очередь рассказывать о своих приключениях.

– Романы, романы – какая прелесть, – со вздохом отозвался Сан Саныч.

– Какая ныне красота, – он обратил внимание собеседниц на цветущий луг, простирающийся вниз по склону. – Смотрите, созерцайте это природное великолепие. Я специально не разрешаю стричь здесь газон. Правда, осенью это выглядит не очень, зато сейчас, в начале лета, можно часами любоваться этим цветущим ковром. А где-то еще только-только сошел снег, где-нибудь в дремучести люди работают, так сказать, в поте лица, а мы тут с вами о романах рассуждаем.

Этот хорошо, это прекрасно, но следует помнить и о другом, о том что где-то все-таки не так, как здесь... – Он на минуту задумался и с некоторой грустинкой продолжил:

– Была у меня несчастная любовь, то бишь роман. Она была молоденькой, хорошенькой девчушкой с нашего курса. У нас учились одни мальчишки, а девчонок было раз-два и обчелся. Она особо ничем не выделялась, просто хорошая девочка. А я, молодой балбес номенклатурных родителей, был прост и глуп. И дружили мы с ней прекрасно, можно сказать: «не разлей вода». А что значит дружба девчонки и мальчишки в романтическом возрасте. Это дело переросло у нас наверное в любовь. Я говорю наверное потому, что сейчас с возрастом уже понимаю, что это скорей всего было юношеское увлечение. Дело дошло до того, что решились мы пожениться.

Он отпил несколько глотков вина, запил его холодной водой, поднялся из кресла и, несколько волнуясь, походил по беседке, вглядываясь в дальний горизонт, где кромка леса почти скрывалась в синеве вечернего неба. Венера и Элеонора с интересом ждали продолжения рассказа.

– Вечереет, солнце садится. Вы не замерзли, мои милые, любимые дамы? – спросил он.

Они ответили, что им хорошо и что они ждут продолжения романтической истории.

– Так вот, решили мы пожениться, – продолжил Сан Саныч. – А надо сказать, дисциплина у нас в доме была чрез-

вычайная. Родичи вели меня к будущей карьере в строгости и жесткой опеке, считая и, наверное правильно считая, что я по характеру шалопай, самостоятельно вырасти человеком нормальным не мог. И, конечно, я понимал, что без уведомления, точнее разрешения родителей я пожениться не мог. Надо было решиться и как-то объявить им об этом и, разумеется, предъявить свою будущую супругу. Пожалуй, с месяца я пытался невзначай завести разговор с отцом, потому что считал, что этот «мужской» разговор у меня получится лучше, чем сразу с обоими родителями. Но как только, как мне казалось, возникали благоприятные обстоятельства для беседы, мне всегда не хватало мужества даже заикнуться о женитьбе. И вот я придумал совершенно экстремальный способ – без каких-либо предупреждений нахально заявиться домой со своей подругой и объявить о своем, о нашем решении. Описывать детально, как произошло это, с позволения сказать, мероприятие. я не буду. С вашего разрешения доложу вам кратко лишь результат.

Сан Саныч, видимо, собираясь с мыслями и заново переживая те далекие события, опять сделал значительную паузу. Затем погрузился, отвел глаза в сторону, и Венере показалось, что они от волнения стали у него влажными.

– Итак, мы вдвоем явились ко мне домой, – продолжил Сан Саныч, – и я объявил о нашем намерении.

Слушательницы притихли, ожидая кульминационной развязки.

– Родители молча оделись и так же молча покинули квартиру, а мы остались без ответа одни.

Последнюю фразу Сан Саныч произнес так взволнованно и глухо, что дамы сидели не двигаясь, терпеливо ожидая окончания рассказа.

– Так мы с ней остались без ответа. Она, конечно, расстроилась ужасно, обиделась на меня даже больше, чем на моих родителей. Потом... Потом постепенно мы стали встречаться все реже и реже, и любовь наша заглохла совсем. Я, конечно, стал грустен без меры, но родителей не осуждал, ругал себя за отсутствие мудрости, да и где ее было взять тогда в те годы молодые.

– А что потом, что стало с этой девушкой? – поинтересовалась Венера.

– Я ее судьбу не отслеживал, – ответил Сан Саныч. – Через год мы закончили учебу. Меня закинули в Министерский департамент, а она уехала работать в другой город, и больше мы не встречались.

– А родители, они что же тебе, Сан Саныч, невесту так и не подобрали? – спросила Элеонора

– Подбирали и не один раз, но я после того случая упирался изо всех сил. Так и остался в одиночестве. А родичи, выйдя на пенсию, забросили эту затею – найти мне мою половинку.

Вечерний сумрак окутал беседку, прохлада поднялась от ближайшего леса, ночные мотыльки окружили зажженные

светильники. Они молча посидели еще некоторое время. Говорить о любви уже никому не хотелось. Элеонора, чуть захмелевшая от вина, подошла к сидящему Сан Санычу, обняла его сзади и, покачиваясь в такт неслышному ритму, нараспев произнесла вроде бы не к месту:

– Какими были мы? Какими стали? Давай отбросим все печали...

Сан Саныч еле заметно и немного смущенно улыбнулся, а затем предложил:

– Может, мы перейдем в дом, там будет потеплее.

– Может, пора и по домам, наверное засиделись мы у тебя, – отрываясь от Сан Саныча, ответила Элеонора.

Компания по темным дорожкам двинулась к дому. Элеонора вошла в помещение, оставив Сан Саныча с Венерой у крыльца в ожидании машины. И тут Сан Саныч, слегка прикоснувшись к Венере Петровне, шепотом произнес фразу, которая одновременно и смутила и обрадовала ее:

– Возвращайтесь, возвращайтесь, я предупрежу водителя. Я люблю вас. Я буду ждать.

Она от неожиданности не знала как реагировать, что ответить, и у нее вырвалось:

– А как же Эля?

Ответа не последовало. Элеонора появилась, когда водитель получал последние указания. Машина первой доставила домой Элеонору. Они, троекратно расцеловавшись, попрощались друг с другом и пожелали спокойной ночи. Води-

тель, выехав из квартала, остановил машину и ждал от Венеры Петровны указаний. Она несколько минут молча сидела на заднем сидении, а потом произнесла два слова:

– Едем обратно.

– Скоро Новый год.

– Да, как-то надо собраться, повеселиться.

– А кого ты пригласишь?

– Я полагаю, что компания будет та же, что и в прошлый раз. Ты не возражаешь?

– Нет, не возражаю. Только вот, Эля может устроить скандал. Она уже несколько раз «пытала» меня. Она, конечно, подозревает нас. Да и животик мой уже не скроешь.

Они лежали, прижавшись друг к другу. Рассвет еще не наступил. В это время утро приходило поздно. За окном кружила легкая метель. Вставать совсем не хотелось – сегодня был всенародный праздник, недавно назначенный Правительством, – «День благодарения старчества». К кому-то там, в верховной власти, пришла свежая мысль – объединить население какой-либо новой идеей. Старые идеи повыцвели, затаскались и влияли на общество вяло и невнятно. Сосредоточение народа не происходило. Как ни бились средства информации, нигилизм лез во все щели. Особенно новизны никак не понимали пожилые члены общества. Их предложе-

ния в виде жалоб и сетований шли неиссякаемым потоком. И вот грянул «День благодарения старчества», и действовал он весьма дифференцированно. За каждый год прожития начислялись баллы и различные коэффициенты. Ранжировка старчества оказалась настолько точной и мелкой, что в группах с одинаковой интегральной оценкой оказывалось не более пяти-десяти пожилых членов. Это стало большой гордостью и заслугой Правительства, так как эти группы явно не контактировали друг с другом, и сетование коллапсировалось в самом его зародыше. Прогресс, связанный с этим праздником, проявлялся во всем, даже в техническом,

инженерном плане. Работы оказалось невпроворот. Пришлось перепроектировать вагоны пумпеля под ячейки в пять, десять мест.

– Ты полагаешь, что она может испортить праздник?

– Да, может так получиться. Увидев нас, она все поймет.

Наши взгляды, наше поведение мы же сможем проконтролировать себя до мелочей. Да и притворяться очень трудно и утомительно, праздника для нас не будет.

– Что же делать? Не приглашать ее?

– Мне надо признаться ей до Нового года, и пусть страсти прокипят и утихнут в конце концов.

– Я хочу быть в это время рядом, хочу помочь тебе.

– Нет, нет. Мы, женщины, сами разберемся, – она обняла его и поцеловала в губы. Они были счастливы и безумно влюблены друг в друга.

Дня за два до праздника от имени Правительства стареющим раздавались подарки – члены мужского пола получали разнообразные изделия в голубых обертках, а женский пол – в розовых. Подарочная лихорадка проходила при максимальной мобилизации административного аппарата всех ветвей власти. Почти четверть населения носилась за стареющими всех видов и категорий. Зато в сам день празднования в стране наступало великое затишье. Действовал закон тишины. Все виды острых анекдотов запрещались к публичному озвучанию. К острым анекдотам в соответствии с инструкциями Департамента слежения относились те, в которых употреблялись фразы, начинающиеся словами: «Встретились два премьера, далее – два министра, генерала... и так далее до двух начальников и капралов». Слово «президент» в этот день, дабы избежать всяческих недоразумений, запрещалось к употреблению вообще. Население с пониманием относилось к запретам, в этот день все анекдоты начинались со слов: «Встретились два дурака...». Праздник, как правило, приходился на самый короткий день в году. Сделано это было с тонким смыслом, мол день совсем увял, сократился, но за ним начинается возрождение света.

– Как же ты, подлюка, так могла поступить со мной, – взорвалась в негодовании Элеонора. – Ты предательница поганая, – она прибавила несколько крепких слов, которые им были знакомы по лексикону в «ЗП».

– Убить тебя мало, гадюка паршивая. И это после того,

что я сделала для тебя. Свинтусиха ты, свинтусиха...

Элеонора, сжав кулачки, рывками двигалась по гостиной. Похоже, что она лихорадочно искала какой-то предмет, которым можно было бы запустить в Венеру.

– А этот красавец хорош, совратил дурочку «стрекозу», министр хренов, страдалец недобитый. А я то, дура старая, сдружила вас, вот дура-то.

Венера вжалась в кресло и, обхватив колени руками, ждала своей участи.

– Ну, что ты молчишь, что ты молчишь? Увела мужика и молчишь?

Элеонора внезапно остановилась у окна и сквозь слезы, часто всхлипывая, запричитала себе под нос:

– Не везет мне, не везет. Ни одного стоящего ухажера. Что не так я делаю? Нет ни семьи, ни детей. Совсем одна-одинешенька. Любовь, где она, эта любовь? Где... – она уже не могла говорить и, прислонившись к стене, тихо сползла на пол.

До нового года оставалось одна неделя.

Но умер после короткого дня. Его плотно завернули в шкуры и зарыли глубоко в снег недалеко от дома. Лу сидела у очага и напевала унылую песню о маленьком охотнике, который ушел из плохого города, и туда он никогда не вернет-

ся. Она тихо пела, раскачиваясь в такт песне. Он запомнил непонятный ему припев, который повторялся после каждой новой строчки: «... не ходить в город, там никто не жить».

Он задумчиво слушал Лу и размышлял о том:

«Кто они эти люди? Жители первобытного мира, незнакомые с "прелестями" цивилизации. Откуда они появились? Откуда пришли? Что с ними будет, когда сюда доберутся наши прогрессисты? Начнут окультуривать таких как Но охотников и рыбаков, старика и Лу. Чем это может закончиться?»

Под непрерывное пение Лу он задремал, и снились ему странные сны, в которых его нынешнее существование переплелось с прошлым, а сквозь сон слышалась песня Лу с повторяющимся припевом: «...не ходить в город, там никто не жить»:

«Он в яркий солнечный день шел по аллее парка, а навстречу ему попадались незнакомые люди. Они улыбались ему в лицо и что-то пытались объяснить. А рядом с ним появлялись и исчезали по очереди то Лу, то Веня. Старик долго шагал рядом с ним справа и что-то шептал, а он никак не мог понять его, и только несколько слов ему удалось расслышать: "надо жить, надо...". Слева от него появился Ботя с острой и пытался громко говорить, а он снова никак не мог понять его слов. Только несколько из них он расслышал среди шума идущих навстречу: "надо бежать, надо...". Потом мимо него прошли его знакомые по институту и детству, и вдруг он наткнулся на спину профессора, размахивающего

руками, словно крыльями. Профессор кричал изо всех сил: "Идите один, идите один"».

Лу перестала петь, накрыла его еще одной шкуркой, вытерла его мокрый лоб и дала выпить несколько глотков горькой воды.

– Ты поправляться скоро. Ты уже не жаркий.

Он простудился после того дня, когда закопали в снегу Но. Он долго до самой темноты стоял и смотрел в небо, где постепенно зажигались звезды. Смотрел на темный горизонт, в ту сторону, где по его расчетам находился его город, его работа и Венера Петровна. Там над горизонтом светились несколько ярких звезд, и казалось, под ними там его дом.

Он спросил Лу:

– О чем ты пела песню?

– Охотник жить один. Он уходит из города. Там он быть плохо. В лесу хорошо. Он там жить, ловить рыбу, зверя. Потом родить детей. Потом стать много охотников, рыбаков. Потом жить хорошо.

– А что значит «город»? – спросил он снова.

Лу надолго задумалась. Поправила огонь и ответила:

– Это знать Старый.

Он снова задремал, и ему снова снились странные сны, где вся деревня расположилась на большой городской площади. Горожане с любопытством наблюдали за жизнью деревенских, которых от прохожих и случайных зевак отделяла красно-белая лента, натянутая на чугунные столбики.

Чу поправился в первую большую луну после короткого дня. Зима перевалила через середину. Снега так сильно изменили пейзаж, что он, выбравшись наружу, не сразу сориентировался на местности.

Конические верхушки домов были еле видны из сугробов. Легкий дымок струился на фоне искрящегося снега. Низкое яркое солнце слепило глаза. Он вздохнул полной грудью свежий морозный воздух, оглядел заснеженные сопки, дальний синий горизонт, и радостью наполнилось его сердце. Скоро весна, темень постепенно уйдет, вскрыется река. Новое лето и новые ощущения принесут новые надежды и новые планы. Сегодня он вместе с Лу должен пойти к старику. Им передали, что Старый ждет их после полудня и хочет с ними говорить.

– Ты родить охотника, – сказал старик, глядя в глаза Лу. – Быть называть Лучу. Красивый смелый быть. Родить когда цвести черная ягода.

– Ты хотеть уходить? – старик обратился к Чу.

Он не знал, как ответить старику. Он сам еще не осознал, что будет делать, как действовать, а старик как будто уже знал за него нечто такое, что может быть тайлось в самых сокровенных уголках его души.

– Мне здесь не жить. Мой дом не здесь, – ответил Чу короткими фразами, стараясь, чтобы его сразу поняли.

– Твой дом здесь. Здесь жена Лу, здесь быть Лучу. Это все твое, – медленно произнес старик и добавил:

– Я потом умирать. Старый быть Лучу. Он быть мудрый.

– В деревне есть молодые охотники. Кто-то из них может быть Старым, – возразил Чу.

Старик нахмурился и долго смотрел на огонь. Они с Лу молча ждали ответа. Старик подбросил немного дров в очаг, закрыл глаза и очень тихо начал свой рассказ:

– Это быть давно. Когда никого здесь не быть. В городе жить много людей. Разных людей. Охотников, рыбаков. Много других. Это мне рассказывать мой Старый. Ему другой Старый. Город жить хорошо. Все быть довольны. Потом стать недовольных чуть-чуть. Немного. Они стать злыми и стать отбирать у других еду и другое. Недовольных стать много. Наши Старые уйти из города. Далеко уйти. В лес. И жить без города. Вот мы жить долго здесь. Нас скоро стать меньше. Мудрых мало. Ты чужой, но мудрый. Лучу быть потом мудрый. Деревня быть лучше с Лучу.

Старик закончил говорить и сидел у очага неподвижно, сложив руки на коленях. Через минуту он поднял правую руку, показывая, что разговор закончен. Они с Лу встали и, уже уходя через лаз, услышали слова старика:

– Если хотеть уходить, уходить один.

Они вернулись к себе в дом, когда солнце скрылось за кромкой леса. Вечерний сумрак опустился на верхушки домов. Синий снег длинными языками спускался к замерзшей реке. Лу раздула огонь в очаге. Они поужинали рыбой, грибами и сушеными ягодами и, уже лежа под шкурами, Лу

осмелилась спросить его: – Чу, зачем ты хочешь уходить? Ты не хочешь брать меня с Лучу? – она замерла в ожидании ответа.

Ему стало нестерпимо жаль ее. Как это все ей объяснить? Он погладил ее черные волосы и ответил:

– Я возьму вас с собой.

Деревня замерла в ожидании праздника большого солнца. Охота из-за глубокого снега прекратилась. Практически все деревенские занимались домашним хозяйством. Лу после его обещания успокоилась, пела длинные песни у огня и шила для Лучу одежду. Иногда к ним в гости заглядывала жена Но. Она скучала без него, наблюдала за работой Лу, цокала языком и завидовала ей, Но оставил ее без детей. Ей нравился Чу, и украдкой она трогала его, показывая свое расположение. Изредка она заводила разговор о своем одиночестве. Говорила, что Старый даст ей нового мужа, но она-то знала, что свободных охотников в деревне нет, и что если бы Лу согласилась, то Чу мог бы иногда навещать ее. Лу не очень-то прислушивалась к ее болтовне, но последнее предложение ее насторожило. Она взглянула на Чу, который никого не слушал. Он думал о чем-то, и было видно, что все его мысли где-то далеко отсюда.

Лу неодобрительно цыкнула на жену Но и та замолчала – поняла, что Чу навещать ее не будет.

Постепенно погода теплела. Западные ветры сдули снег с вековых елей. Солнце все выше поднималось над горизон-

том. Природа ожидала пробуждения.

Новый год Сан Саныч и Венера Петровна встречали без Элеоноры. Обида ее была велика. Она бросила все и уехала в какую-то Тмутаракань, глушь и связь с ней прервалась. Они некоторое время испытывали кое-какое угрызение совести, но обоюдное обожание заслонило это неудобное чувство. Постепенно обстановка успокоилась. Венера Петровна перебралась к Сан Санычу. Они ожидали первенца. Врачи определили – будет дочь, и будущие родители после недолгого обсуждения решили назвать девочку Венса, соединив свои имена таким оригинальным образом. Подошло время весеннего возбуждения административных органов. Посыпались новые инициативы по укреплению семьи и брака. Общество разделилось на две неравные части: прогрессистов, разделяющих взгляды на семью, свободно изменяющуюся во времени, – их было меньшинство, и традиционалов, радеющих за патриархальную семью с жестким закреплением супругов друг за другом. Эти веяния застигли Сан Саныча и Венеру Петровну врасплох. Дело в том, что они решили до рождения дочери, как говорится, официально оформить свои отношения. По документам администрации Аполлон Иванович числился как убывший в неизвестном направлении. Это состояние Аполлона Ивановича, продолжавшееся

более года, позволяло Венере Петровне вторично выйти замуж до выяснения обстоятельств. Но сильное давление традиционалов привело к введению моратория на исполнение этой нормы законодательства.

В этом году весна началась как-то вяло. В марте выли метели. Солнце почти не показывалось из-за облаков. Угрюмость населения после долгой зимы не убавлялась. Помимо административных споров нарастали и политические конфликты, в том числе и на почве укрепления семьи и брака. Особо горячие головы, еще не отойдя от зимней депрессии, предлагали брак отменить вообще и, как ни странно, находили сторонников, как правило, среди молодежи. Появлялись колонны демонстрантов с плакатами и растяжками сомнительного содержания: «Дай молодежи жить!», «Даешь свободу!», «Брак на свалку истории!». Органы слежения не оставляли эти выходки без внимания. Зоны перевоспитания не пустовали.

Как ни бился Сан Саныч с юристами, оформить брак с Венерой Петровной ему не удалось. Венса благополучно появилась на свет во второй половине марта. Это радостное событие взбудоражило знакомых и друзей Сан Саныча – мол, уважаемый человек высокого ранга, руководитель завел себе некую даму и родил вне брака ребенка. Свой моральный облик, так сказать, показал в неприглядном свете. В правительственных органах по контролю за нравами в резкой форме потребовали отстранения министра от должности. Про-

цесс отстранения прошел стремительно. На третий день после рождения Венсы Сан Саныч оказался временно безработным. Комиссия еще не приняла решение – где его можно использовать с такой испорченной репутацией. Только в июне его определили на должность зама в министерство менее значимое чем предыдущее.

В институте у Венеры Петровны после рождения дочери пошушукались вволю, но поскольку она находилась в отпуске, это шушуканье через недельку затухло.

– Он, наш красавец, подцепил себе какую-то гримзу, и она ему родила.

– Да нет, голубушка, это гримза подцепила его, хищница, какая-то Вера Петровна.

– Да что ты говоришь? Вот он и пострадал – переводят в другое министерство.

– Жаль его, приятный мужчина, вежливый такой, тактичный.

– Да, да, ты права, голубушка, приятный, а вот поддался чарам этой Веры. Говорят, она тетка жесткая. В «ЗП» побывала.

– Что ты говоришь! Это как же он так промахнулся? Позарился на бывшую из «ЗП». Это ужасно!

– Тише, тише, голубушка. Вот он сам идет.

– Здрасте, Сан Саныч! Уходите?

– Да, да... Простите. Вещи пришел забрать. Вы уж теперь без меня...

– Да... Без вас. Очень жаль.

– Ушел. Глупые все-таки мужчины. Сколько дам хороших, изящных, культурных вокруг, а он эту «Зепешку» подхватил. Глупо. Очень глупо.

– О, да! Как ты права, голубушка. Все мужчины, по большому счёту, дураки. Всем им нужно покровительство, руководство умных женщин. Я сегодня утром подслушала разговор в пумпеле. Двое молодых, вроде влюбленных, шептались между собой. Слышу: «Солнышко ты любишь меня?». А он отвечает: «Конечно». «А ты женишься на мне?». А в ответ: «Это зависит от того, какой закон примут».

– Представляешь, такие молодые, а уже расчетливые. Мы такими не были.

Сан Саныч, пока ему в соответствии с его новой должностью подбирали другой загородный дом, на некоторое время поселился у Венеры Петровны. Хотя в ее квартире им троим было несколько тесновато, а скорее необычно, жизнь их проистекала хорошо – все дни в заботах о маленькой Венсе пролетали мгновенно.

Вот и лето снова наступило. Природа как проснулась заново.

во. Все бурлило, цвело и пахло. В этом году по решению администрации с целью повышения производительности труда часть сотрудников научных институтов были направлены на полевые работы в фермерские хозяйства. К каждому научно-му учреждению прикреплялись свои сельскохозяйственные угодья. Трудовые научные бригады пропалывали возросшие овощные культуры. Работа на свежем воздухе вдохновляла и воодушевляла науку. Здоровье улучшалось, физические силы прибавлялись. Вечерние розовые щеки и носы членов бригад, чуть простимулированные некоторыми напитками, подтверждали повальное оздоровление. Оставшиеся в лабораториях сотрудники, менее приспособленные к повышению производительности в полях, скучали, а точнее работали менее веселей, чем при наличии полного штатного состава.

Венере Петровне, как матери-одиночке, не полагалось выезжать на фермерскую природу. Часть сотрудников ей завидовали и подозревали ее в злостном уклонении от общего административного подъема в сельском хозяйстве. Да и все, кто оставался в институте, считались людьми какими-то ущербными, не способными к общественно необходимому труду.

В один из свободных дней Сан Саныч заинтересовался коллекцией Аполлона Ивановича. Венера Петровна с некоторым опасением отнеслась к этому обстоятельству – она полагала, что этот интерес вызовет у нее неприятное, неудобное воспоминание, тем более, что Аполлон Иванович к сво-

им вещам никого не допускал.

– Это его коллекция, которую он начал собирать еще будучи студентом, – пояснила Венера Петровна, когда Сан Саныч стал с любопытством рассматривать содержимое коробочек.

– Я не думаю, что тебе это будет интересно. Это не твой профиль, – несколько взволнованно продолжила она.

Заметив ее настороженность он спросил:

– Ты не хочешь, чтобы я это трогал?

– Да. Мне не хочется возвращаться в прошлое, это меня беспокоит, – ответила она.

– Веня, прости меня если я нечаянно сделал тебе неприятное, но я вспомнил, – он прошелся вдоль стеллажей, – я вспомнил... Я когда-то спросил тебя о монете, о вещи, похожей на монету или медаль с надписью. Ты ответила, что тебе об этом ничего не известно, и добавила – «может быть у...», – он запнулся, потому что хотел сказать «мужа», и продолжил: – «...у Аполлона Ивановича в его коробках».

– Да, я это припоминаю, но здесь одни насекомые, – ответила она.

– Да, конечно, одни насекомые, – отходя от стеллажей согласился Сан Саныч.

В соседней комнате заплакала Венса.

– Я подойду, – спохватился Сан Саныч и вышел из гостиной.

Она внимательно оглядела стеллажи, и взгляд ее оста-

новился на том черном мешочке, в который она не решилась заглянуть, когда занималась генеральной уборкой. Она осторожно взяла его с полки, медленно развязала кожаную тесемку, заглянула вовнутрь. В мешке лежала медаль. Она достала ее, положила на ладонь и долго рассматривала эту вещь, пытаясь прочесть старинную надпись. Сан Саныч вернулся от Венсы и застал сосредоточенную Венеру Петровну. Она протянула ему ладонь с медалью. Это была та самая медаль из того далекого детства, когда его еще называли Сансан. Он подставил свою ладонь ей под руку, и они сосредоточенно смотрели на эту вещь, как будто хотели разглядеть что-то далекое и важное для них.

– Это наша монета, – прошептал Сан Саныч, – это наша с Аполлоном монета – «Честь и достоинство». Мы должны были помогать друг другу в невгодах обязательно.

Она не очень поняла, что значит «наша монета», а Сан Саныч продолжал:

– Мы были друзьями детства, и что же я, как я помог ему? Взял тебя. Взял тебя и все. Вот чем я помог ему.

В этот вечер они друг с другом почти не разговаривали. Что-то мешало им, что-то неосязаемое. Наверное это была память об Аполлоне.

Праздник большого солнца деревня встретила шумом, га-

мом, песнями и плясками. Снег был еще глубок. На небольшом утоптанном пяточке в центре деревни было тесно и весело. Чу и Лу стояли у самой кромки снежной поляны и наблюдали за празднеством. Горел большой костер. До рождения Лучу оставалось три месяца. Снега набухли. Яркое солнце ранней весны в полуденные часы жадно лизало сугробы. Крепкий зимний наст не поддавался, а вот у деревенских шалашей с каждым днем солнце отвоевывало у снега все новое и новое пространство, образовав с южной стороны глубокие ямы в снегу. Деревня жила ожиданиями, когда бурное таяние снегов неумолимо открывает землю, и остается совсем немного ждать, когда тронется лед на реке.

Река вскрылась, когда зацвели первые белые цветы. Ночью в тишине лед пошел понемногу двигаясь вниз по реке. К утру река шумела, льдины напоздали друг на друга, с треском ломались и медленно кружили в ледяном хороводе. Вся деревня вышла на берег, радуясь началу настоящей весны. Он держал за руку Лу и смотрел на ледяной поток. Там, где-то далеко, куда река несла ледяное крошево, был город. Старик говорил, что их предки пришли отсюда.

Аполлон стоял и думал о том, как он уйдет с Лу и сыном туда в неизвестность, как воспитает Лучу умным и смелым. И еще он думал, как встретит свою Венеру Петровну, что он ей скажет? Как встретит его она? Поймет ли своего Апо-Чу? Лу прижалась к нему, уже понимая, что когда-то покинет деревню навсегда. Ей было грустно и беспокойно, и только ря-

дом с Чу она чувствовала хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне.

Часть 3. Встреча

Крохотный поселок, затерявшийся в дельте большой реки, встретил ее унылостью и какой-то сразу бросившейся в глаза заброшенностью. Вертолетная площадка по краям была завалена разнообразным хламом. При первом небрежном взгляде могло показаться, что кто-то специально нагромоздил эти кучи бочек, ржавых контейнеров, полусгнивших и еще новых досок. Кое-где проглядывали либо треснувшие, либо с отбитым дном и горлышком большие бутылки из-под неизвестной жидкости. Строения поселка напоминали серые дощатые сараи, неровно расставленные по обеим сторонам прорытой в снегу дороги. Молодой небритый парень помог ей спуститься на утрамбованный снег, выставил ее тяжелый чемодан на колесиках и указал рукой в сторону метеостанции, где, по его мнению, она могла найти сносное жилье. Она изо всех сил, упираясь каблуками зимних сапожек в снежную наледь, тащила за собой чемодан и через полчаса борьбы со снегом стояла на пороге одноэтажного облезлого домика с острой заржавелой крышей. Солнце садилось в дальние камыши, раскачивающиеся в такт порывам холодного ветра. В заиндевелом окне рядом с дощатой дверью виднелся слабый свет. Прежде чем постучать в дверь, она снова, уже в который раз, мысленно спросила себя: «Зачем тебе все это? Выдержишь ли ты эти испытания?» И горькая обида на

них снова заставила ее ответить себе: «Пусть будет так, пусть мне будет плохо. Я сильная. Я выдержу все».

На пороге ее встретил, пожалуй, еще не старый мужчина с неухоженной светло-русой бородой и длинными волосами. С виду отшельник неопределенного возраста, и только голубые, молодые глаза выдавали в нем нормального человека. Он с удивлением и испугом смотрел на нее – столичную штучку, как на чудо, появившееся в этом захолустье.

– Я могу у вас снять комнату? – спросила она после некоторой паузы. Растерянность его медленно уходила, и он, приходя в себя, пробурчал:

– Я не уверен, что вам это подойдет.

Он продолжал стоять на пороге, не зная, что в таких случаях надо делать и, неожиданно вспомнив что-то, подал ей руку, приглашая войти в дом. Предложенное жилье ее совсем не удивило. Все крайне скромно, привычные удобства практически отсутствовали. Весь поселок в этом смысле находился в экстремальных условиях. Когда совсем стемнело, хозяин дома и гостья расположились чаевничать в махонькой кухне среди старых метеоприборов.

– Меня зовут Элеонора. Извините, что не представилась сразу, – сказала она, отпивая чай из большой кружки.

– А меня – Метик.

Она вскинула брови от удивления.

– Нет, нет. Это меня так местные называют, а вообще-то имя мое – Саша, Александр, значит, – поправился он.

– Вы, наверное, с дороги хотите привести себя в порядок? Я нагрею воды вот в этой кастрюле. Здесь возьмете тазик и ковшик. Я уйду к себе, а вы тут распорядитесь.

За последнюю неделю это была первая ночь без сновидений. Она от дальней дороги изрядно вымоталась.

Сильный стук в окно. Темень, ничего не видно. Она сначала не могла понять, где она. Стук повторился еще настойчивее. Потом забарабанили в дверь. Она с головой забралась под одеяло.

– Что делать? Куда бежать? Где этот лохматый Метик? Почему он молчит? – Она сильно испугалась.

Стук в дверь не прекращался. Послышались хриплые голоса.

– Слышь. Покажи тетку. Эй! Метик! Чо спишь?

Она услышала какое-то движение в соседней комнате и голос у двери:

– Чего бузите? Спят все. Идите по домам.

– Ты чо, глухой? Покажи тетку, и мы уйдем, – в дверь продолжали барабанить.

Она слышала, как открылась дверь.

– Ты чо, Сашок, это зачем? Сразу ружо. Мы ж по-хорошему.

– Уходите, – голос Сашка был тверд и глух, – вы меня знаете.

– Так сразу бы и сказал. А мы чо, мы мирные, – голоса удалялись.

Она лежала под одеялом, жалела и ругала себя. В этой дыре ей придется быть смелой, мужественной и терпеливой. «Покровителей нет. Разве что этот Сашок? Чего ты приперлась сюда? Мало ли мест, где можно найти покой и комфорт? Потянуло в родные места деда. Вот теперь и наслаждайся родиной».

Щемящая тишина снова погрузила ее в сон.

Тихое морозное утро подсветилось яркими лучами солнца. Топилась печь. Уютно потрескивали дрова в топке. В комнате было прохладно, но ровное гудение горящих дров предвещало в скором времени сухое, приятное тепло от разогретой печи. За утренним чаем Сашок выглядел более опрятным, чем вчера. Ночное происшествие он никак не комментировал, только спросил:

– Как вам спалось?

Она ответила, что спала хорошо, только ночной шум ее разбудил и немного напугал.

– Это наши шалопаи что-то праздновали вчера вечером. Обычно они тихие, а вчера что-то разгулялись маленько. Вы их не бойтесь. Моих гостей никто не тронет.

По его несколько напряженному разговору ощущалось, что он удивлен ее приездом и хотел бы узнать, с какой стати такая женщина залетела в этот невзрачный поселок, но, видимо, скромность, а может быть и робость не позволяли ему задать прямой вопрос.

– У вас здесь есть рыбный завод, – сказала она, решив

взять инициативу в свои руки.

– Есть, точнее был когда-то. Здесь перерабатывали много рыбы. Хотели построить ветку дороги для пумпеля, но потом все заглохло. Большая рыба куда-то ушла. Завод опустел, одни стены остались. Это в километре отсюда.

– Мой дед работал здесь. Это его родина. Захотелось навестить родные места предков, – она посчитала, что удовлетворила его любопытство, и теперь решила расспросить его:

– А вы здесь давно?

– Я-то? – переспросил он машинально, – я-то давно, после института. Как приехал, так и застрял. Хотели было станцию ликвидировать, то есть автомат поставить, а когда завод закрыли и про меня вроде как забыли, оставили как есть.

Он все-таки спросил ее:

– А что же вы будете здесь делать? Посмотрите все наше захолустье и домой?

– Посмотрю и домой. А то и останусь, – ответила она с улыбкой. – Буду вам помогать, не возражаете?

Он немного смутился, пожал плечами и ничего не ответил. Чаепитие закончилось. Сашок оделся и, прихватив блокнот, вышел на площадку к метеоприборам. Она собрала посуду, помыла ее каким-то дешевым мыльным раствором под ручным ручной мойником. Расставила посуду на небрежно выкрашенные деревянные полки и расположилась на стареньком, потертом диванчике. Делать было абсолютно нечего. В шкафу за пыльным стеклом бессистемно расположи-

лись книги разного формата. По стеллажам вдоль стен бросалось в глаза нагромождение малознакомых ей приборов. Через небольшое оконце, ярко осветив скромную обстановку метеостанции, заглянуло утреннее солнце, раскрашивая в желто-золотистый цвет морозные узоры на стекле.

Она легко вздохнула и, чтобы чем-то занять себя до возвращения Метика, занялась изучением книг. До Нового года оставалось два дня.

После полудня она в сопровождении Метика прошла по поселку. В заснеженном виде, освещаемый низким солнцем, он выглядел даже несколько экзотично. Сугробы замели дома по самые окна, и глубокие дорожки от главной улицы, как ходы сообщения, соединяли их друг с другом. Метик ненавязчиво, как бывалый экскурсовод, комментировал местную обстановку и достопримечательности.

В поселке проживало около ста человек. В основном пожилых людей и стариков, бывших работников рыбокомбината. Молодежи осталось не более десятка, как их назвал Метик, шалопаев, промышлявших в основном рыбалкой. Когда-то, когда работал комбинат, численность жителей составляла около тысячи человек. Была библиотека, клуб и прочие стандартные по тем временам заведения. Пройдя весь поселок, она захотела посмотреть завод. Метик это предложение не одобрил.

– Там кроме стен, засыпанных снегом, смотреть не на что, да и дорога туда занесена, можно добраться только по узкой

тропинке. По ней наши местные иногда заходят туда в поисках чего-нибудь полезного, но сейчас, когда нашли там самоубивицу, только самые смелые туда заглядывают.

С минуту они шли молча, а затем она неожиданно спросила:

– Скоро Новый год. Как вы будете его отмечать?

– Кто как. Все по домам. Елки, если привезут, поставим.

Вечер они провели врозь. Она у себя в постели устроила читку классического романа, который изучала в школьные годы, плохо поняла его смысл, да забылось многое. А он допоздна ковырялся с какими-то железками. Елки привезли вездеходом на волокуше для всего поселка, и уже через полчаса разборки местным населением остались одни облезлые и некрасивые. Метик взял две маленькие однобокие, соединил их проволокой, получилось неплохо. На кухоньке в углу на столике появилась новогодняя ёлка, украшенная картонными игрушками. На обеденном столе в некотором порядке расположились две соленые рыбины, икра в пол-литровой стеклянной банке, чёрный хлеб, нарезанный толстыми ломтями, и странное блюдо, похожее на отварные макароны. В центре стола красовалась дорогая, немного отпитая бутылка коньяка. Метик, весьма гордый за организованный стол, стоял при полном параде: светло-серый костюм старого покроя, белая рубашка, серый галстук с узлом пятилетней давности, аккуратно подстриженная борода и усы. Лицо его выражало торжественность момента, но, видимо, утраченный навык

носить костюм несколько сковывал его фигуру и он явно не знал, как определиться с положением ног и куда приспособить свои руки, которые то теребили лацканы пиджака, то вытягивались по стойке смирно.

Она тоже подготовилась к празднику. Ее любимое темнозеленое платье изящно подчеркивало ее, конечно, не молодую, но еще весьма привлекательную фигуру. Несколько украшений придавали общей картине элегантность и некоторую загадочность, которая всегда присуща дамам из высшего общества. Когда он более-менее разглядел все ее величие, его торжественная гордость, смешанная со стеснительностью, превратилась в столбнячное изумление от такой давно не виденной картины. Они около минуты стояли друг напротив друга, и эту паузу изумлений ей пришлось прервать репликой:

– Может быть, мы присядем?

Они выпили чуточку коньяка. До двенадцати в столице оставалось минут десять. Монитор, висевший сзади ее на стене, включился, и серьезное, деловое лицо Главы появилось на экране. За лицом наблюдалась главная столичная площадь. Небольшие снежинки плавно опускались на лысеющую голову Главы. Намечалось новогоднее поздравление всей страны. Метик налил в кружки еще немного коньяка, и они с Элеонорой встали для принятия торжественной речи.

«А он неплохой мужик и даже красивый», – подумала она. – «Старается мне понравиться. Вот возьму и влюблюсь»

в него» – она пристально рассматривала своего нового знакомого.

Глава начал свою речь. Он поговорил немного о трудностях развития, но оптимистично пообещал, что все будет преодолено в ближайшем будущем.

На лице Метика она заметила еле различимое раздражение от этих обещаний.

«Он увлекается политикой», – заметила она, – «как и все мужчины. Но глаза его не такие маслянистые и циничные, как у этих ухажеров в министерстве. Этого добра я насмотрелась вдоволь».

Глава развернул картину светлого будущего и как-то сам страстно поверил в него.

«Интересно, были ли у него женщины в этом захолустье?» – не очень-то прислушиваясь к Главе, она продолжала незаметно наблюдать за Метиком. – «Любил ли он кого-нибудь?».

Лицо Главы от радостного просветления перешло в угрюмость, когда он заговорил о врагах. Врагах не явных, вооруженных до зубов, а скрытых, так сказать, в недрах общества.

«А что я здесь буду делать? – с грустью подумала она. – «Записывать температуру в его журналах?».

Враги неявные, а скрытые, со слов Главы были везде. Стрелки часов за Главой почти соединились вместе. Метик расслабился и, видимо, уже не слушал Главу, он, переступая с ноги на ногу, ожидал окончания речи. Она сравнила Ме-

тика с Сан Санычем.

– Конечно, в этой глуши такие, как Сан Саныч, не живут. Но судя по первым впечатлениям, этот Метик не плох и даже чем-то привлекателен. Он, наверное, очень терпеливый, если всю жизнь проторчал здесь.

Поздравление Главы подходило к концу. Небольшая лысина его немного намочла от растаявших снежинок. Лицо выражало сдержанную радость. Стрелки соединились. Пробыло двенадцать. Она с Метиком чокнулась кружками. Они поздравили друг друга с Новым годом. В поселке уже была глубокая ночь. На мониторе отпели гимн. На фоне главной елки страны заиграла бодрая, патриотическая музыка. Народ на столичных улицах с веселыми лицами заглядывал в телекамеры и выкрикивал поздравления.

– Элеонора, вам у нас, наверное, очень скучно? – спросил он потупив глаза.

«Как ему ответить? Может быть, сказать что-нибудь умное», – подумала она и вспомнила когда-то услышанную фразу:

– Весело не там, где шумно, а там, где душа отдыхает, – и сразу устыдилась: – «Зачем ей казаться лучше, чем она есть на самом деле?».

А он кажется понял, что сказала она не то, что думала.

– Да, вы правы, здесь можно отдохнуть, – ответил он, смущаясь от неловкости, которую испытывал весь вечер.

– Вы извините меня, я не то хотела сказать. Конечно, бу-

ду скучать. Здесь все мне незнакомо. Не так как было там, – и она немного смутившись от собственной откровенности, машинально отпила глоток коньяка и, спохватившись, продолжила:

– Нам надо выпить друг за друга, за удачу для нас.

Он налил еще немного в кружки и, пожелав ей и себе удачи, чокнулся и залпом выпил содержимое. Разговор как-то увял. От монитора неслась музыка, веселенькие песни сменили друг друга. Круг поющих уже несколько лет оставался прежним. Да и слова поздравлений звучали те же. И если бы не постоянное напоминание в углу экрана цифры года, можно было бы подумать, что это прошлый Новый год. Так на фоне столичного веселья они посидели еще несколько минут, и она, как-то легкомысленно вздохнув, неожиданно предложила потанцевать.

– Потанцевать? – удивился он. – А как же здесь? Здесь так тесно, – он оглядел небольшое пространство между столом и стенкой.

– А мы не будем вальсировать и прыгать, как эта молодежь, – она указала на экран, – дождемся чего-нибудь спокойного и покачаемся под приятную музыку.

Они танцевали какой-то длинный, медленный танец. Его крепкие руки с испугом прикоснулись ее талии и ладони правой руки. Пространство между ними было минимальным. Их тела то и дело касались друг друга, когда они раскачивались в такт музыке. Музыка кончилась. На экране появи-

лись юмористы и, обалденно обрадованные своим появлением, наперебой рассказывали смешные истории. Присутствующие в студии специальные люди, видимо, по команде, порционно хохотали каждой шутке.

Танец и выпитый коньяк смягчил настроение гостя и хозяина. Они испытали потребность выговориться, как это делают случайные, едва знакомые люди, встретившись в дороге или где-либо, когда одиночество становится невыносимым и хочется кому-то излить свою душу.

Он первым рассказал о себе, начиная с сиротства своего раннего детства. Историю попадания сюда, на метеостанцию, он украсил некоторой иронией и юмором по поводу фонда помощи молодежи, благодаря мероприятиям которого он оказался без денег и жилья. Потом он приспособился и теперь вполне доволен спокойствием и размеренностью своего существования.

Она рассказала о своей бурной жизни, о предательстве, которое привело ее сюда. В конце этих откровений они казались стали закадычными друзьями – обращались друг к другу на ты. Он уже несколько раз назвал ее Элей, и это ей нравилось, и она обращалась к нему по имени Саша.

Одну рыбину они съели полностью. В бутылке оставалось с четверть коньяка. Из монитора лилась мягкая спокойная мелодия. Веселье затихало по мере удаления от двенадцати часов. Они разошлись по своим комнатам уже ближе к утру.

Прошла неделя ее тихой, ничем не примечательной жиз-

ни в поселке. Она много читала, утоляя информационный голод и скрашивая однообразное свое существование. Просмотр мониторинговых программ ее несколько не интересовал. Просиживание за информационной системой ей не нравилось, а вот романы, которые по разным причинам ей не удалось прочитать в юности, ее увлекли.

Он встречался с ней за обедом и ужином. Тактично ни о чём не спрашивал и поначалу выглядел, как ей казалось, несколько угрюмым. Но вскоре, попривыкнув к его постоянной мрачности, она поняла, что долгая жизнь в одиночестве выработала в нем эдакую сухость и безразличие к окружающей обстановке.

«Неизвестно, что станет со мной, если я задержусь здесь надолго?» – иногда думала она, и становилось ей грустно, и жалость к себе просыпалась снова и снова, и обида на них не давала ей покоя.

Сегодня она решила одна пройтись по поселку, так сказать, выйти в свет. Саша с утра ушел куда-то, к кому-то, что-то им починить, а она после обеда, когда еще было довольно светло, по узким дорожкам двинулась в сторону центра. Целью ее прогулки являлся местный магазинчик, в котором продавалась всякая хозяйственная мелочь, доставляемая очередным вертолетом. До магазинчика она добралась минут за тридцать. Кроме не очень опрятной продавщицы, со скучающим некрасивым лицом, в помещении более никого не наблюдалось. Товар хаотично размещался на грубых

дощатых полках и привлечь покупателя мог разве что от великой нужды. Элеонора поздоровалась и, не получив ответа, стала не спеша осматривать полки. Продавщица с периферийной откровенностью и изумлением оглядела ее с ног до головы. Вид посетительницы, непривычный для этих мест, поразил продавщицу до полного остолебения.

– Будьте любезны, покажите мне эту коробочку, – попросила она продавщицу, указывая рукой на что-то из косметики. Та встрепенулась и, мгновенно обозначив на лице начальственное выражение, пробурчала:

– Вас нет в списке.

– А как туда попасть? – не сразу отреагировала Элеонора.

– Не знаю. Идите к председателю, – последовал ответ.

Понимая, что ее магазинный поход исчерпан, она со слабой надеждой что-то еще выяснить спросила:

– А где мне найти председателя?

– В Совете, а где ж еще. У него через полчаса день заканчивается, – продавщица с явным удовольствием наблюдала за ее растерянностью.

Рискуя навлечь на себя раздражение и гнев продавщицы, она решила задать еще один вопрос:

– Скажите пожалуйста, а где Совет?

– Там где канцелярия, – этот ответ означал, что аудиенция окончена. Продавщица уже с явным неудовольствием отвернулась от нее и буркнула в сторону выхода:

– Мне закрывать пора.

Элеонора хотела было сказать все, что она думает об этой «чучеле», но вовремя спохватилась. – «Я здесь чужая, а продавщица своя».

– Спасибо, до свидания, – стараясь быть как можно вежливее, она произнесла эти слова в спину продавщице и вышла наружу.

Свежий воздух охладил ее раздражение. Солнце уже садилось. День заканчивался неудачно. Найти Совет она уже не надеялась, но неожиданно ей на глаза попало строение с флагом на крыше.

«Это, наверное, и есть Совет», – подумала она и поспешила хотя бы разведать, где сидит этот председатель и составляет списки. Что-то подсказывало ей, что сегодня не ее день, но упорный характер и любопытство толкали ее вперед.

Она шла по длинному пустому коридору с комнатами с обеих сторон. На дверях красовались таблички с названиями должностей и отделов. В конце коридора она нашла табличку с надписью «Председатель» и вежливо постучала в дверь. Никто не откликнулся. Она прислушалась и повторила попытку. За дверью наблюдалась мертвая тишина. Похоже, что во всем здании, скорее напоминающим барак, чем канцелярию, движение и присутствие кого-либо не ощущалось. Она тихонько толкнула дверь, которая с легким скрипом отводилась вовнутрь.

Комната-пенал с одним небольшим окном слабо освещалась единственной лампочкой, подвешенной на шнуре к по-

толку. За пустым канцелярским столом сидела дама средних лет в армейской гимнастерке с крупными белыми бусами поверх стоячего воротничка.

Элеонора остановилась в метрах пяти, не доходя до стола, и застыла в ожидании, когда на нее обратят внимание. В комнате кроме стола и стула Председательши мебели не было никакой. Председательша оторвала взгляд от протертой в нескольких местах когда-то лакированной столешницы и неуверенно спросила:

– Ты ко мне?

Такое обращение насторожило Элеонору и, она без особой надежды на успех своего мероприятия, ответила:

– Да, я к вам. Меня надо внести в список.

Председательша почесала затылок, в раздумье закатила глаза к серому потолку и выдохнула длинный ряд слов:

– Ты живешь с Метиком неправильно, незаконно, без регистрации. В списке тебя нет. Регистрируйся.

Председательша, выпалив эти слова, затихла и снова занялась изучением поверхности стола.

«Сумасшедший поселок», – подумала Элеонора и в нерешительности стояла в ожидании дальнейших действий Председательши.

– Иди регистрируйся, – приказала Председательша, не отрываясь от своего занятия и добавила: – Иди. Сегодня все.

В коридоре что-то зашумело. Послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась, и чья-то голова прокричала:

– Выходим. Быстро выходим!

Она вышла в коридор. Несколько человек с невзрачными лицами обогнали ее и скрылись за входной дверью. В коридоре погас свет, ей пришлось на ощупь пробираться к выходу. Снаружи в сумерках она наткнулась на жиденького старичка, снимавшего со стены табличку с надписью «Канцелярия». Затем он кряхтя забрался на крышу и, сняв флаг, бережно свернул его и спрятал за пазуху. Уже внизу увидя, что она никуда не ушла и наблюдает за его действиями, он попытался объяснить, зачем он это все проделал:

– Упрут ведь все. Уже раза три умыкали, – и, как бы извиняясь, он добавил: – фулиганят ребята. Скучно тута у нас.

Старичок что-то еще прохрипел себе под нос, она расслышала только что-то вроде – «кхе-кхе», и семеня удалился в густеющую темноту. Она с минуту постояла у входа, пытаясь понять, по какой дорожке ей возвращаться назад. Где-то за углом слышались молодые голоса:

– Куда сегодня бросим кости?

В ответ послышалось:

– Централку поутюжим.

– А может к бабке заявимся?

Им возразил третий голос, басовитый:

– Ну вы чо, дубильники чо ли? У бабки вчера осуществлялись.

Голоса постепенно удалялись. Последнее, что она расслышала, – «отобразим веселяк».

«Здесь, похоже, каждый вечер веселяк», – подумала она, наугад выбрала среднюю дорожку и, проваливаясь по колесно в снег, заторопилась на метеостанцию. Преодолев с десятков метров в темноте, слабо подсвеченной яркими зимними звездами, она заметила темную фигуру,двигающегося навстречу человека.

«Тропинка узкая», – испугалась она, – «как я с ним разойдусь?»

Темная фигура приближалась, и ей стало как-то не по себе. Человек подошел вплотную.

– Эля, это я.

Испуг сменился слабостью, ноги подкосились, и он подхватил ее на руки. Уже в помещении Метик мрачно спросил ее:

– Где ты была?

– Я пыталась попасть в список. Это у вас, оказывается, самое главное.

– Тебе нельзя одной так поздно возвращаться, – уже менее строго добавил он. – Будем ужинать, – и удалился на кухню.

За ужином она все-таки спросила его:

– А как мне зарегистрироваться?

Он помолчал и несколько смущенно ответил:

– Это они имеют в виду нас обоих.

– Ты здесь без регистрации? – изумилась она.

– Они считают, что раз мы живем вместе, то должны быть зарегистрированы, – он сделал паузу и добавил: – зарегистри-

стрированы как супруги.

– Как супруги? – переспросила она.

Он молчал и, видимо, от смущения старался не смотреть ей в глаза.

Элеонора впервые в жизни поняла, скорее почувствовала, что у нее есть шанс стать женой, супругой. Что ей только не предлагалось раньше, но стать супругой по закону – эта возможность появилась только сейчас. Все внутри у нее разволновалось, буря эмоций от радости до огорчений, все перемешалось. Она закрыла ладонями лицо и не смогла удержать слез.

«Здесь, в этом захолустье, ей предложили супружество, а там, в их лощенном высшем свете, только обман, сплошные иллюзии, там видимость чувств. Очень жаль, что мне предложили это здесь. Этот отшельник Метик... Саша. А что? Он совсем неплох», – все эти мысли стремительно пронеслись у нее в голове. Она взяла себя в руки, вздохнула, промокнула влажные глаза и приготовилась к дальнейшему ходу событий.

А он стоял, смотрел на нее, и в глазах его читались и испуг, и великая жалость, и глубокий стыд за свой необдуманый поступок. Он, похоже, пытался найти какие-то слова оправдания, утешения, но не находил их, и широко открытые глаза и хриплый шепот говорили о его страшном смятении.

– Да разве я хотел. Вы меня не поняли... Разве можно, –

он снова перешел на вы. – Разве можно так. Простите, простите...

Руки его то цеплялись ладонями друг за друга, то беспомощно повисали, то тянулись к ней, не смея до нее дотронуться. Видя его нервное возбуждение, она тихо и как можно спокойнее сказала:

– Я согласна быть вашей женой, – она тоже, видимо, от важности решения, перешла на вы.

Он остановил сбивчивый шепот. Они стояли и смотрели в глаза друг другу, пытаясь осознать это новое положение, в котором внезапно оказались, пытаясь заглянуть в то будущее, что может их ожидать потом, не сейчас, а сейчас надо было просто пережить это волнение.

– Эля, разве это возможно, разве я вам... – он поправился, – тебе нравлюсь, хоть чуточку.

– Да, – ответила она, – нравишься. Мы, может быть, сможем и полюбить. Сможем? – спросила она с тревогой, продолжая пристально смотреть ему в глаза.

– Полюбить? – как бы размышляя вслух, спросил он сам себя. – Да, да, мне кажется, что я люблю... – Он побоялся сказать – тебя и опять смутился, размышляя о чем-то своем.

Она поняла, он пытается разобраться в своих чувствах, и ему для этого необходимо какое-то время. Пожалуй, как ей показалось, такие эмоции у него появились впервые. Она не торопила его, она ждала. Он приблизился и неуклюже поцеловал ее руку.

– Мы так мало знаем друг друга, мы готовы к этому путешествию – супружеству? – спросил он, не отпуская ее руки.

Она решительно обняла его и поцеловала в губы. Эту ночь они провели вместе.

– Ты любишь меня? – прошептала она ему в ухо.

– Да, я люблю тебя, – ответил он.

Поселок спал, даже собаки не лаяли. Под утро все хождения прекратились. Стояла глухая тишина, которая бывает перед бурей, когда все живое замирает и готовится встретить ненастье.

– Ты любишь меня, как тот барин из романа? – спросила она, разглядывая его лицо в профиль.

– Какой барин? – переспросил он.

– Тот, который полюбил девушку, но так и не женился на ней. Ленивый был очень. Любил лежать на диване.

– Нет, не так, – ответил он, – я не люблю лежать на диване.

– А мне жаль этого лентяя. Всю свою любовь проспал. А энергичный друг его девушку взял в жены. Несчастный был лентяй.

– Почему ты думаешь, что он был несчастлив? – спросил он.

– А как же? Девушка любимая стала женой другого. Да и сам он никчемный какой-то, ничего не умел делать.

– Это все, конечно, так, – сказал он, целуя ее в щеку. – Но могут быть и другие мнения. Счастье для него может заключаться не в том, что он открыто, напоказ желает себе, а в скрытом его желании, в тайных мыслях своих, которые и ему-то самому не очень ясны. Он может желает себе счастья именно на диване. Посмотри-ка, вспомни – ведь он добился, точнее получил то, что хотел – тихую, покойную, почти провинциальную жизнь. У него появилась заботливая жена, родился сын. Чем не счастье для него? Да и после смерти его судьба его сынишки сложилась удачно, его взяли на воспитание его бывший друг и бывшая возлюбленная. Вон оно, скрытое для постороннего счастье.

– А ты счастлив? – спросила она. – Счастлив здесь?

– Наверное, теперь да. Потому что ты есть у меня.

– А любовь? – снова спросила она. – Любовь это счастье?

– Не знаю, – ответил он. – Помнишь, я говорил тебе о самоубийце на комбинате.

Она, прячась под одеялом, под утро в доме становилось прохладно, ответила:

– Угу.

– Это была сумасшедшая влюбленная. У меня из-за нее проблем было море. Следователи замучили. Она оставила на мое имя письмо со стихами. Меня весь поселок считал виноватым. Потом разобрались. Подозрения с меня сняли. Девчушку всем было жаль, хотя и осуждали и жалели ее одновременно.

– Она любила тебя?

– Вот послушай, я запомнил, – и он прочитал наизусть несколько строк:

– Ты можешь сразу все отнять —

Не стоит это ничего.

Я все могу тебе отдать,

Что не отнять не суждено...

За окном забрезжил рассвет.

– Я плохо поняла ее, особенно последние строчки, – сказала она печально.

– Никто не понял. Зря она это сделала, зря, – он повернулся к ней и погладил ее волосы. Пора было вставать – его ждала метеостанция.

Наконец-то им разрешили оформить брак. Сан Саныч изловчился и получил официальную справку об условной гибели по неизвестным причинам Аполлона Ивановича. Сколько ему это стоило Венере Петровне, известно не было. Только по ироничной реплике Сан Саныча она поняла, что бумага оказалась золотой. Конечно на душе у обоих осталось какое-то беспокойство из-за этого вранья об Аполлоне Ивановиче, но они утешали себя тем, что эта ложь весьма близка

к правде, вероятность гибели Аполлона была очень высока. Да и неправда была сделана во благо – у них росла дочь.

Лето разгорелось не на шутку. В полдень солнце палило нещадно. Все удивлялись этой неожиданной, более двухнедельной, аномалии – жаре под тридцать градусов. В пригородных лесах случались возгорания. В отдельные дни город затягивался маревом из дыма и пыли так, что дышать становилось трудно. Столичные власти срочно выпустили инструкции – правила поведения жителей во избежание перегревов и отравлений дурной атмосферой. Предписывалось на улицах передвигаться исключительно по теневой стороне и носить защитный малый противогаз. Работу основных контор и заведений перенесли на ночное время. К нарушителям инструкций применялись драконовские меры принудительного характера. Всех пойманных удаляли из города в зону возгораний на тушение, вплоть до особого указания властей. Поговаривали, что особо смекалистые граждане специально попадались на нарушениях – за городом, с подветренной стороны зоны возгорания, дышалось легко и свободно. А еще ходили слухи, что пожары специально устраивали производители противогазов, но эти слухи власти опровергали ежедневно. Свободное население пыталось выбраться за город, куда подальше, хотя бы чуть-чуть продышаться. Вечерние пумпели были заполнены до отказа.

Сан Саныч отправил Венеру Петровну с Венсой за город в новый дом, который ему предоставили совсем недавно. В

вагоне было уютно и прохладно. Она нашла свободные места в одной из ячеек для старчества, для ветеранов с одиннадцатой интегральной оценкой. Две милые старушки, аккуратно одетые, сначала с некоторым недоверием осмотрели ее, а разглядев симпатичное личико ребенка в дорожном кофоне, смягчились.

– Какой милый мальчик! – сдержанно восхитилась одна из них.

– Нет, это девочка, – ответила Венера.

– Ах! Какая умница. Смотрит глазками. Уу! Лапочка какая, – продолжила вторая старушка.

– Нынче легко растить детей. Вот в наше время, ох и досталось же нам с ребятами. Этих штук как сейчас не было, а теперь что, датчиками обложатся, и ребенок под контролем постоянно.

– Да, милочка, времена меняются. Мой-то внучек в школе как учится? Им нынче в мозги вложат что нужно и уже готовый спец.

– Да, как-то все быстро делается. Правда говорят, что ошибок много. Вот к примеру, мальчик тяготеет к музыке, а ему математику в голову запихивают. Родители в панике – ребенок уродуется.

– Даа... – старушки одновременно протяжно выдохнули.

Венса под бормотание старушек захлопала глазками и уснула.

– Смотрите, милочка, попутчица наша задремала.

– Устала лапочка, – старушки перешли на шепот.

– Видели вчера, глава-то наш устало как-то выглядел. За-мучили его министры. Галстук неровно висит. Синячки под глазами.

– Да, милочка, вчера он был не очень. А галстук я бы вообще помягче выбрала, ярковат на мой взгляд.

– Да, да согласна. Видимо, помощники дурные не подсказали. Вот неделю назад с трибуны что-то говорил, а воротничок у рубашки задрался. Все сам, да сам. Так и надорваться можно.

– О! Как вы, милочка, правы. Ездит по стране без отдыха. Без него не идут у нас дела. Без него все стоит. В прошлую пятницу у каких-то добытчиков был, так весь костюм приличный перемазал чернотой этой. Жуть. Неужели нельзя без него.

– Надо было какую-нибудь куртку ему дать. Что у них там куртки нет, что ли?

– А ему не надо мотаться. Больше толку будет, – прервал их разговор старикан у окна.

– Как это, как вы выразились, «не надо мотаться»? Вы, молодой человек, неразумное что-то нам говорите. Да и вообще, как вы сюда попали в ветеранскую ячейку? Вы, будьте любезны, предъявите нам ваши права?

Старушки возмущенно уставились на худенького старика, и их решительность не оставляла ему шансов выкрутиться без предъявления документов. Старик поерзал на сидении

и, покопавшись во внутренних карманах пиджака, вытащил пачку помятых бумажек.

– Вот это вам подойдет, – он, помахивая бумажками, по очереди подносил их то одной, то другой старушке. Они, не успевая прочесть, что там в этих бумажках написано, кивали головами, приговаривая:

– Ну ладно. Хорошо, хорошо.

В конце концов, когда старичок смял все листочки в комок и сунул их в ящик для мусора, старушки шепотом заявили:

– Вы же можете находиться и в пятнадцатой ячейке. Что ж там мест что ли не было?

– Мог бы и там, но мне и здесь хорошо.

– Вы удивительный человек, так много баллов имеете, а выглядите очень молодо. Сохранились хорошо, – со вздохом заметили старушки. – Наверное, в органах работали.

– Почти что, – ответил старичок, – а молодо выгляжу, так это от того, что бороду и усы сбрил, не ношу, как некоторые из стареющих.

– Так вы полагаете, ему – главе нашему не надо так часто ездить по стране?

– Да, я так думаю. Если на местах трудиться не будут, то ему везде не успеть. Да и порочная эта система, где глава за всеми бегаёт, всюду свой нос сует. Развалится эта система в конечном счете. Возьмите хотя бы ветеранство стареющее. Едем мы с вами в одиннадцатой ячейке, а я и наша симпа-

тичная попутчица с ребенком находятся здесь незаконно.

– Да, конечно, по инструкциям, по закону вы правы. Но разве можно так бесчеловечно прогнать женщину с девочкой, да и вас, это ж нехорошо, невежливо, – старушки задумались:

– Надо в законе это подправить.

А старичок не унимался:

– Так и будем принимать законы, а потом их бесконечно править.

– Почему же бесконечно? Пусть впишут, что женщина с ребенком может здесь быть, – не сдавались старушки.

– С одним или со всеми детьми и до какого возраста?

– Да со всеми, хоть с тремя, – парировали старушки.

– А с четырьмя можно? – съязвил старичок.

– С четырьмя, если все свои, можно, – не сдавались старушки.

– Так с чужими нельзя? – хихикнув спросил старик.

– Нет, если только один чужой, то можно, – неуверенно ответили старушки.

Венса сладко зевнула и открыла глаза.

– Вот и ребенок проснулся, не выдержал нашей шепотной полемики, – констатировал старичок. – Глупости мы с вами обсуждаем. Этот закон о стареющих – дурь несусветная. Его бы надо отменить, но там наверху думают, что всеобщая регламентация полезна. На самом деле она разрушительна, – старичок повернулся к окну и затих.

Венса оглядев ячейку вагона, хотела заплакать, но, увидев лицо Венеры Петровны, улыбнулась и загулила. Старичок, сидевший у окна, напомнил Венере того странника из клиники. Внешне он был похож на него, только без бороды и усов. Она вспомнила слова того старика – «бегите от иллюзий».

Она убежала от одних иллюзий и похоже попала в другие. Сан Саныч после рождения ребенка как-то охладел к ней, то есть даже не охладел, а просто стал уделять ей меньше внимания. И хотя они вдвоем спланировали Венсу, он остался не очень доволен выбором пола и прочих качеств ребенка. Она почувствовала это, а недавно, когда он узнал, где оказалась Эля, да еще эта новость о ее замужестве, она заметила в нем нотки ревности к тому неизвестному метеорологу в каком-то далеком поселке. Охлаждение к себе со стороны Сан Саныча она, может быть, и преувеличивала и прогоняла эти мысли от себя, но они возвращались снова и снова. Вот и сейчас он отправил ее одну за город, сославшись на занятость.

Старушки утихомирились и закивали носами под монотонное движение пумпеля. Старик у окна что-то шептал про себя. Одну фразу она расслышала отчетливо – «играл на флейте гармонист...».

– Это вы? – прошептала она, внимательно разглядывая старика.

Он обернулся и ответил:

– Да, это я.

– Я узнала вас. Мы были с вами в одной клинике. Вас вылечили?

– Вы меня помните. Это моя недоработка. Простите, – как-то торопливо произнес он.

– Какая недоработка? – она не поняла его фразы.

– Да, можно сказать и так – меня вылечили, – он пристально посмотрел ей в глаза.

– Вы думали, что избавились от иллюзий, а сейчас не уверены в этом?

– Да, не уверена в этом, – ответила она.

– Может быть они, – он указал на Венсу, – будут жить, я надеюсь, без иллюзий.

– А мы, а мы? – спросила она.

Он задумался и тихо, чтобы не потревожить старушек, прочел:

Пейзаж за окнами менялся,
Дремал в вагоне эгоист,
Влюбленный юноша шептался,
Играл на флейте гармонист.
Стремилась все куда-то в дали,
Бежали дружно от печали,
Иллюзий полон был вагон,
Как будто снился сладкий сон...

Старик как-то странно и незаметно исчез. Она долго ду-

мала, что это такое было и кто это сказал – «иллюзий полон был

вагон...» и никак не могла вспомнить. На табло загорелась надпись с названием ее станции. Она подхватила Венсу и вышла на эстакаду.

В названии станции скрывалось напоминание о той давней большой войне, про которую ей, совсем еще девочке-подростку, изредка рассказывал дед, совсем седой и большой человек. Один из его рассказов запомнился ей жестокой нелепостью той страшной бойни:

«Ему за эти три морозных дня глаз его, смотревший куда-то в сторону и вверх, надоел до смерти. Но сегодня с утра повалил густой, большими хлопьями снег и к полудню густо присыпал всю его неловко упавшую фигуру на бруствере. Он тупо смотрел сквозь снег в белую пелену, в сторону их переднего края, мимо запорошенной головы "Лысого", с которым еще четыре дня тому назад они раскуривали на двоих махорочную самокрутку. Впереди вся ничейная полоса была завалена замерзшими телами мертвецов, и сейчас под снегом уже невозможно было разобрать где свои, а где чужие. Убитых не убирали с осени, когда их гнали в атаку почти что каждый день.

Сегодня там у них был выходной, оттуда из-за белых снежных хлопьев легкое, едва уловимое, движение влажного, холодного воздуха донесло какой-то вкусный запах еды. Он сглотнул соленую от кровотока десен слюну. С утра

он с трудом пожевал слегка размокший, черствый сухарь хлеба. Горячего поесть ему не удавалось уже неделю. Взводный почти каждый день обещал им смену – вот-вот сменят и отправят на отдых в тыл, но дни шли монотонно, чередой друг за другом, а смены все не было. Пробираясь по узкому окопу взводный, уже почти дед с бородой, прохрипел ему в затылок:

– После обеда – атака, – и, согнувшись в поясище, побрел к его соседу справа.

Он не думал об атаке. Он уже с начала зимы перестал думать об атаке. Все думы его растворились в этом угрюмом болоте с густыми туманами и постоянной, по колено жижей под ногами. Сначала он пытался думать о доме, о теплом лете, но эти мысли постепенно сменились полным равнодушием к этой бесконечно длинной войне, к своей судьбе и страдающему телу от сырости и прочих гадостей, которые возникают от грязи, голода и пренебрежения к организму на протяжении долгого времени.

Где-то справа грохнул выстрел. В ответ с другой стороны пулемет дал короткую очередь, и опять все стихло. Только падал и падал пушистый снег, преображая эту мрачную картину в зимнюю сказку, которая была сейчас так далека от них, ждавших очередную команду – "Вперед".

Справа по цепи прокричали – "Вперед". Он тоже что есть силы прохрипел влево от себя – "Вперед", часть слова пропало в воспаленном горле, и сам он услышал только – "...

реед". Сосед справа крепко выругался и полез на бруствер, а он собрался, оторвал замершие руки от груди, уперся ногами в стенку окопа и начал с ожесточением карабкаться наверх. Перехватившись правой рукой за замершее колено "Лысого", ему удалось оказаться наверху. Сосед справа уже продвинулся метров на тридцать вперед, и спина его была еле видна за падающими хлопьями снега. Он посмотрел влево. Левый сосед еще только-только вывалился из окопа животом на бруствер. Справа в разнобой, поодиночке послышались крики и ругань. Кто-то заорал во всю силу – "Ааа...", и он, подхватив этот призыв, зашагал с винтовкой наперевес, надрывно крича – "Ааа...". Эти звуки, крики тонули в снежной мгле и, казалось, глушились белым одеялом снегопада, накрывающим все поле боя. Послышались глухие звуки одиночных выстрелов. Он, повинувшись общему движению, дважды выстрелил не прицеливаясь в белую мглу. Сосед справа, видимо, устал, постоянно перебираясь через бугорки мертвецов, резко сбавил темп и перешел на простой шаг, озираясь по сторонам, он искал поддержки атакующих и, разглядев его и других соседей, приостановился, ожидая их на одной линии. Противник молчал.

Поравнявшись с соседями, он остановился, отдышался. Впереди, метрах в десяти от них, за снежной завесой, проступила колючка, увешанная запорошенными снегом трупами и прижатая к земле почти на всем протяжении. По цепи снова прокричали – «Вперед», и редкая цепь наступающих

двинулась в сторону неприятеля.

Он не испытывал страха. Страх не было. Была безнадежная не проходящая усталость. Хотелось лечь и долго лежать не двигаясь и не обращать внимания на все, что делается вокруг. Цепь атакующих подошла к колючке. С правого фланга затарахтел пулемет. Сосед справа рухнул в полный рост навзничь, и издалека казалось, что он как-то чересчур картинно упал. Он где-то видел такое падение до войны, но никак не мог вспомнить где. Резкий удар в левую ногу вывел его из оцепенения. Опора слева исчезла, и он неуклюже повалился на проволоку. Через несколько секунд пулемет затих. Абсолютная тишина окутала остановившуюся атаку. Он полулежал, ни справа, ни слева движения не было заметно. Только впереди, метрах в двадцати от него, он услышал чужую речь. Говорили двое. Периодически разговор прерывался негромким смехом. Он подумал:

– Куда ползти? К ним в плен, и война для него закончится? Назад к своим, доползу ли? До этих ему сейчас ближе.

Он с трудом сполз вниз, лег на спину и, стараясь всю работу руками, пополз к своим, петляя среди холмиков замороженных тел. Более всего его беспокоила мысль – как бы не сбиться с дороги. Ориентиров в этом снежном царстве почти не было. Так отдыхая, в полуобморочном состоянии, он дотянул до окопа, перевалился через бугор и упал вниз головой на дно. Смеркалось, взводный наткнулся на него, лежащего неподвижно вверх лицом с открытыми глазами.

– Живой? – обрадовался взводный. – Ранен?

Он отозвался и, пытаясь что-то сказать, всего лишь прохрипел:

– Да.

– Потерпи, потерпи, я санитаря пришлю, – взводный, стараясь не наступить на него, протиснулся дальше по окопу.

Снег падал ему на лицо и таял, и таял, оставляя грязные разводы. Темнело быстро. К вечеру разъяснело. Редкие снежинки уже не таяли на его замерзающем теле. Он успокоился. Он лежал и уже не обращал внимание на все, что делается вокруг».

Нянька встретила их внизу, говорливая полненькая девица с широким румяным лицом.

– Заждались мы вас, заждались, Венерочка Петровна. Ух, пуси-пуси, – она подхватила Венсу на руки. – Сейчас отдохнете, Венерочка Петровна. У нас все готово. И девочке у нас будет хорошо. У нас лес. Воздух. А воздух какой, Венерочка Петровна, не то, что там ваш городской. У нас чистый, чистый. А тишина. Тишина-то какая. Вот смотрите – пумпель ушел и тихо, тихо.

Нянька быстро семенила по живописной тропинке, выходящей по редколесью все дальше и дальше от эстакады.

– Я уже все вам сделала. И игрушки, и спать, и гулять.

Мне Сан Саныч все указал. Все, все, все.

Дорожка шла по косогору. Внизу простиралось лесное болото, живописно обрамленное дальним лесом. А по косогору тянулся заросший ров. Иногда встречались бетонные надолбы, оставшиеся еще от той давней войны.

– Сегодня четверг, а завтра пятница. Сан Саныч прибудет. Будете, Венерочка Петровна, вдвоем наслаждаться нашей природой, – нянька не умолкала.

Венера Петровна остановилась и спросила ее:

– А как мне вас называть?

Нянька от неожиданности открыла рот и не сразу ответила:

– Меня-то? Меня можно Паня.

– Парасковья значит, – дополнила ее Венера.

– Просто Паня, Венерочка Петровна. Сан Саныч меня зовет Панечка, – она остановилась на секунду. – А дом чудесный. Все красиво, модно. Сам Сан Саныч все устроил.

– Здесь когда-то была война, – Венера Петровна показала на бетонные надолбы на холме.

– А, эти штуки, что-то военное наверное, а может строители давно оставили, – ответила нянька.

– А вы, Паня, из этих мест? – спросила Венера.

– Да, Венерочка Петровна, я местная. Поселок здесь рядом.

– Так вы должны знать, что здесь были сильные бои, – продолжила Венера.

– Бои? Венерочка Петровна, нет, про бои мы ничего не знаем. Да вот мы и пришли.

На пригорке показался с виду уютный загородный домик, окруженный березками и соснами. Солнце уже скрылось за холмом. Дневная жара потихоньку отступала. Лесная тишина предвещала ночную прохладу и прекрасный отдых. Венера Петровна подумала:

– Была война, а сейчас тишина. А память? Зачем эта память для Пани? Ей и без памяти хорошо.

В окно светили звезды. Венса, усталая с дороги, тихо посапывала в своей кровати, а Венера Петровна все никак не могла уснуть. Она вспомнила последний разговор с Сан Санычем, когда он почти категорически предложил ей бросить совсем свою исследовательскую работу, тем более, что в институте снова, уже в который раз, менялись порядки. Ее бывшая лаборатория, точнее ее новые начальники, опять вычеркнули ее из списка, представленных к премии. По секрету ей донесли, что кому-то не понравилось ее новое замужество, а то обстоятельство, что Сан Саныч уже не имел такой силы, такого влияния, как раньше, еще более усугубило ее потенциально возможное возвращение в институт после рождения ребенка. Радовало ее только то, что ее любимые мелкозернистые одноножки все более и более эффек-

тивно проявляли свои положительные качества. Она, если быть честной перед собой, никак не могла решиться бросить все ради дома, ради семьи, ради ее любимой дочурки и стать чистой домохозяйкой, как говорится, хранительницей домашнего очага. Сан Саныч, всю жизнь прослуживший аппаратным чиновником, ее никак не мог понять, а скорее всего просто не хотел понимать. Ему, как ей казалось, нужна была спокойная домашняя женщина без общественных эмоций и нервотрепки. И она, конечно, понимала его. Ему явно хватало дерготни в административных коридорах.

Она слышала, как нянька внизу прошлепала по кафельному полу на кухню и обратно.

«Надо бы ей тактично утром сделать замечание – в доме ночью должна быть тишина», – подумала Венера, мысли ее путались, перелетая от одной темы к другой: – «В институте отменили медальонный контроль. Комиссия по проверке эффективности посчитала, что такой контроль идет не на пользу делу. Сейчас руководство с машиной думают о чем-то новеньком».

Сон пришел неожиданно:

«Она лежала на теплом, искрящемся песке, на берегу реки. Светило нежаркое солнце. Справа от нее, метрах в десяти, сидел и смотрел на тихое течение воды Сан Саныч. Она пыталась крикнуть ему, но слова никак не получались. Она открывала и закрывала рот, но звуки не возникали. Она махала ему рукой, то есть хотела махнуть, но тяжелые кисти рук

не удавалось оторвать от песка. Она повернула голову влево – вдали стояла и что-то быстро, быстро говорила нянька. Ее слова она никак не могла разобрать».

Венса заворочалась в кроватке – автомат ее быстро успокоил. Летняя тихая ночь подходила к концу. Где-то на болоте что-то прошуршало и затихло. На востоке занималась заря.

Машина с Сан Санычем подкатила к дому с парадной стороны, когда вечер окутал лесную местность предночной тишиной. Длинный знойный день подошел к концу. Она с Венсой и нянькой провели этот день в тени на берегу небольшого, лесного озерца с темной коричневой водой. Нянька предлагала ей выкупаться, но Венера как-то не решилась на купание в новом месте. А нянька голышом плюхнулась в темную воду и, фыркая от удовольствия, долго плескалась в озерце.

– А сколько же ей лет? – подумала Венера Петровна и попыталась сама определиться. – Лет двадцать, не больше. Молодая, веселая, не обремененная заботами. Интересно, я такая же была в эти годы?

Она вспомнила себя в двадцать и с грустной иронией сказала сама себе:

– Была вся в иллюзиях.

Ужинали они на маленькой веранде с видом на лесные дали. Нянька подала им и вышла к Венсе.

– Что новенького? – спросила Венера.

– Дорогая, а что там может произойти за сутки? Суета и более ничего, – ответил он.

– А как там поживает Элеонора? – спросила она и подумала: – А зачем я спросила про Элю? Просто так от нечего делать или хочу посмотреть, как он реагирует на это имя? Ай! Спросила и спросила.

Она налила ему чаю. Он ответил не сразу. Сначала, выдерживая паузу, положил себе сладкое на тарелочку. Помешал ложечкой чай. Внимательно посмотрел на нее, скорее всего пытаюсь понять, с какой целью она задала этот вопрос, и только тогда спокойно и равнодушно заговорил:

– Почему-то не поют птицы? Наверное, с середины лета все заняты выводением птенцов. Элеонора... Я думаю счастлива. Она впервые вышла замуж. Она хотела этого. Теперь ее желание сбылось.

– Может быть, она простила нас? – спросила Венера и добавила: – Простила меня?

– Тебе это интересно? – вопросом на вопрос ответил Сан Саныч.

– Она была нашим другом. Нам разве не интересно, что происходит с нашими друзьями.

– С друзьями интересно, – он как-то странно улыбнулся. – Если хочешь с ней поговорить – у меня есть ее быстрый адрес. Не уверен, захочет ли она общаться. Дорогая, я сегодня что-то устал безмерно. Начальство к концу недели как

обычно устроило аврал. Дай им все сразу и в один день, – он встал из-за стола. – Я наверное пойду отдыхать. Ты не возражаешь?

Она не возражала. Ей опять долго не спалось. Сан Саныч уже час как сопел ей в ухо. Завтра с утра, пока еще не жарко, они собирались побродить по местным окрестностям. Нянька нахваливала здешние сосновые леса с ягодниками и грибами. Грибам было еще рановато, а вот ягоды уже пошли всюю. Так незаметно для себя она задремала и проснулась от того, что его рядом не было. Кромешная темнота едва подсвечивалась сиянием ярких звезд за окном. Она прислушалась – в доме было тихо. Только внизу ей показалось некое шуршание. Она повернулась на другой бок, но что-то ее насторожило.

«Надо спуститься», – подумала она, – «Что-то Сан Саныча нигде не слышно».

Она босиком, осторожно, чтобы не шуметь, спустилась вниз. Мерцающий свет проникал в большие окна. Сан Саныча нигде не было. Она обошла все комнаты, заглянула на кухню и веранду – пусто и, только проходя мимо двери няньки, она скорее почувствовала, чем услышала, какое-то движение. Она прислушалась. Сердце стучало в висках.

– Стоять у двери? Противно. Уйти, ничего не выяснив? Открыть дверь и заглянуть во внутрь нянькиной комнаты – противно и страшно.

С минуту она размышляла над своим более чем странным

положением и тихо поднялась наверх, легла. Все тело дрожало, словно непроходящий озноб сковал все члены. Смятение чувств не давало анализировать и разумно рассуждать. Ей вспомнилась одна из первых фраз какого-то романа, который она читала в юности – «Все смешалось в доме...». Она не помнила фамилии хозяина дома, но это и не важно. У нее сейчас все смешалось в голове. Может быть, это все она «накрутила», может ее Сан Саныч гуляет по ночному садику. Она не могла лежать. Она встала и снова вышла на лестницу. Внизу дверь тихо отворилась, и Сан Саныч выскользнул от няньки в столовую. Она не чувствуя ног прокралась к постели и, завернувшись в одеяло, замерла, пытаясь подавить дрожь во всем теле.

– Что делать? Что делать? – одна мысль вертелась у нее в голове. – Встать, собраться. Схватить Венсу и бежать, бежать. Куда бежать ночью? Устроить скандал? Закатить истерику? Кричать, ругаться, требовать выгнать няньку? Выгнать его... Что делать, что делать? – ее бросало то в жар, то в холод.

– А если он скажет, что зашел к ней по делу. Утюг починить. Ха, ха – ночью чинить утюг?

Похожий сюжет она видела в какой-то комедии.

– Идет, идет наверх, – она почувствовала приближение Сан Саныча.

Он тихо улегся рядом. Она старалась дышать ровно и тихо, но от этой противной дрожи ничего не получалось. Он

заметил ее волнение. Потрогал ее лоб.

– Ты вся горишь, дорогая, что с тобой? Простыла?

Она выдавила из себя:

– Да, наверное.

– Я принесу лекарства, – сказал он.

– Нет, нет, я сама, – она встала, набросила халат и спустилась вниз. Ей хотелось ворваться к няньке и расцарапать ее всю, а потом голую выгнать из дома.

– Сначала выгнать, а потом расцарапать, – она запуталась, остановилась, вспомнила Элеонору и поняла, прежде всего надо успокоиться, взять себя в руки, а остальное отложить на завтра. Остаток ночи она провела в кресле на веранде.

К утру небо затянуло облаками, похоже, изнуряющая жара закончилась. По всему ощущалось, что вот-вот пойдет дождь. Она перекусила на кухне, пока еще все спали. Потихоньку собрала Венсу, наскоро написала записку: «Погода испортилась, я уехала домой». Она хотела приписать: «Целую, Веня», но остановилась и написала нейтральное: «Пока».

Ранний пумпель в выходной день был почти пуст. До города она сидела в ячейке одна и даже немножко вздремнула. Венсу развлекал дорожный кокон, за окном мелькали перелески, небольшие поселки. Пошел мелкий дождь, косые струйки поползли по вагонному стеклу. Прошел вызов по быстрой связи – это был он. Она не хотела отвечать, но, выждав полминуты, ответила. Он с беспокойством спросил:

– Венечка, что такое? Почему ты уехала?

Он ждал ответа, а она не знала, что сказать, и после долгого молчания все-таки прошептала в трубку:

– Я очень устала от тебя, Сан Саныч, ты стал совсем ко мне равнодушен. Мне нужно отдохнуть... Где адрес Эли?

Он после паузы ответил:

– У меня на столе.

Она отключила связь.

После долгого вызова на экране появился незнакомый мужчина с короткой бородой и небольшими усами.

– Здравствуйте, – сказала она. – Я могла бы увидеть Эленору?

Незнакомец поздоровался и, немного удивившись, спросил:

– Извините, а вы кто?

Она представилась, как знакомая. Мужчина исчез. Экран погас, но связь не прервалась. Она видела, что звуковой сигнал не пропал. Прошло более трех минут, но никто не отвечал.

– Я слушаю тебя, – до нее донеслось от погасшего экрана.

– Элечка, это ты? – спросила она.

– Да, это я. Что ты хочешь? – голос с экрана был сух и строг.

– Ты до сих пор сердишься на меня? – спросила она.

Голос не сразу ответил:

– Пожалуй, уже не очень.

– Прости, прости меня. Он оказался... Он изменил мне, – она почти плакала.

– Он всегда был таким, – голос смягчился, и строгость интонаций исчезла. – Я тебя предупреждала.

Экран включился, и она увидела Элеонору, немного похудевшую, но все такую же симпатичную с яркими глазами. Они некоторое время вглядывались друг в друга.

– Он, красавец наш, опять загулял? – спросила Элеонора.

– Да, с нянькой, – всхлипнув ответила Венера.

– Ну уж с нянькой, совсем плохой стал. С нянькой, раньше такого не было, стареет, – заключила Элеонора и продолжила:

– Что же ты будешь делать? Терпеть?

– Не знаю, я не знаю что делать, – немного успокоившись ответила Венера.

– Брось ты его совсем. Он мне нервов попортил немало. Как вспомню – держал меня за постоянную любовницу, а я дура довольная была. Да еще и радовалась иногда. Дура.

– А как ты сейчас? – спросила Венера.

– Сейчас? Сейчас мне хорошо, спокойно. Мой Саша любит меня. Привыкаю к местности. Вживаюсь в глубинку. Отхожу от столичных стрессов. Извини, меня зовут. Звони подруга.

Экран погас. Связь прервалась. Она осталась одна наедине со своими мыслями. Только Венса ползала по манежу и пыталась общаться с игрушками.

После жаркого лета осень наступила тихонечко, не спеша. Очень долго стояла прекрасная погода. Яркие краски появлялись не сразу, постепенно. Лес красовался сочными пятнами после осеннего дождя. В поселке затихали предзимние заботы. Дрова заготовлены впрок. Горючки завезли почти на всю зиму. Рыбацкая суета отходила на второй план. Летние заготовки заканчивались. Полноводная река несла свои воды к океану. А там, на северо-востоке, уже наступила зима и пока что редкие ветры оттуда приносили холод, как предупреждение о предстоящих морозных временах. В верховьях реки, в лесных дебрях обитали люди, по слухам те, что когда-то давно ушли от цивилизации, несогласные с теми древними порядками. Их, этих людей, местные называли «дисси». Но никто их никогда не видел, а слухи о них, скорее предания, обрастали со временем разными небылицами – они якобы могли внушать страхи и гипнотизировать. Рыбаки, уходившие на рыбалку далеко вверх по реке, иногда встречали их следы от разделки рыбы, или каких-то орудий лова, но это было так редко, что особых сенсаций среди местных не производило.

Элеонору, уже как местную жительницу, привлекли к работе секретарем Совета, и она была весьма довольна своими новыми обязанностями. Ей нравился ее муж и обожатель, ее жизнь вошла в спокойное периферийное русло.

Совет заседал один раз в неделю. Председательша все в той же гимнастерке, но с красными бусами, всё так же сидела за столом. Разбирали вопрос об уборке мусора. Почти весь Совет возмущался мусорными кучами, стихийно возникающими по всему поселку. Стоило только где-то у столба или рядом со скамейкой, забором бросить какую-либо мусорную дрянь, то буквально через день-два на этом месте вырастала гора отбросов. Молодой, вихрастый парень с воодушевлением, переходящим временами в пафос, рассуждал:

– Мусором весь поселок зарос. Куда не выйдешь – везде хлам всякий торчит. Зимой еще когда снежком присыплет – терпимо, а сейчас после теплого лета – жуть страшная. Доколе мы будем это терпеть?

Вихрастый, заметив, что его особо никто не слушает, но и не прерывает, повысил голос:

– Доколе, я говорю, уважаемые члены? Доколе?

Последнее слово он почти выкрикнул. Председательша, до того застывшая в позе наблюдателя за какой-то, только ей ведомой, точкой на потертой столешнице, встрепенулась.

– Какой Коля? – она уставилась на Вихрастого, не понимая, почему он призывает всех членов до Коли.

– Я имел в виду, товарищ Председатель, что, мол, когда

же это кончится, – уже менее пафосно ответил Вихрастый, – то есть доколе?

– Ааа... – протянула Председательша, – а сам-то ты что конкретно предлагаешь?

Вихрастый не ожидал такого вопроса, напрягся и, видимо, вороша что-то в голове в поисках подходящей мысли, смущаясь до заикания, произнес:

– Надо призывы какие-нибудь придумать, так сказать, призвать население.

– Надо призвать, – хором прошумели остальные члены, проснувшиеся от вопроса Председательши.

Молодая дама с ярко-красными губами кокетливо предложила:

– Стихами их надо всех призвать, а то простых слов не понимают.

– А кто у нас этим займется? – строго спросила Председательша.

Все члены притихли. Каждый старался стать как можно незаметней, а дама с красными губами наклонилась к сапожкам, разглядывая их, как будто увидела эту обувь на себе впервые.

– Вот ты и будешь призывать, – Председательша ткнула пальцем в Вихрастого, который притаился в углу комнаты.

Приподнявшись над табуреткой, Вихрастый пытался что-то судорожно придумать для отказа:

– Я... я не могу, у меня рифмы нет.

– Рифму возьмешь из головы. Давай начинай, – твердо заявила Председательша, поправляя красные бусы поверх гимнастерки. Остальные члены активно ее поддержали:

– Давай молодежь зажигай, так сказать. Не бойся, мы можем.

Вихрастый выпрямился, закатил глаза куда-то поверх лампочки и выжал из себя:

– Мусор надо убирать, нам на нервах не играть.

– Как-то вяло, не конкретно, – после некоторого размышления сказала Председательша. – И мысли непонятные. Как это мусором играть на нервах?

Интеллигентный член поддакнул:

– Надо мысль уточнить, конкретизировать, коллега. Мысль должна быть простая, для народа. Вы, коллега, можете остаться не понятым, а это, знаете ли, чревато.

– Чревато, чревато, – подхватили нестройные голоса.

Вихрастый, обескураженный таким поворотом дела, собрался, зажмурился и, выставив руку вперед, выпалил неожиданно для самого себя:

– Чистоту блюди, прохожий, этот мысль совсем не сложный!

Члены Совета не сразу отреагировали на новые слова. Председательша около минуты собирала эти слова в одно предложение.

– Что-то здесь не так звучит, – осмелился заявить деловой мужчина с широким галстуком, торчком лежащим на живо-

те. – Вы, молодой человек, роды не связали воедино. Мысль – она ведь женская, а у вас она мужская. Допускаю, для художественного образа, то есть выражения, может и подойдет, но для наших будет выглядеть странно. – Странно, странно, – повторили члены не очень уверенно, видимо, кому-то из них эти не правильные роды понравились.

Председательша обратилась к Элеоноре:

– Ты, Элька, пиши все. Пиши, может пригодится.

Элеонора придвинула микрофон поближе к Вихрастому. При виде массивного микрофона Вихрастый еще более напрягся. Он хотел было еще что-то произнести, но Председательша остановила его порыв:

– А вы, товарищи члены, помогайте ему. Рифмы подрабатывайте. Он у нас еще молодой, надо поддержать.

Дама с красными губами убежденно заявила:

– Мусор вреден для здоровья. Это надо, товарищи, учесть. Про здоровье надо мысль обозначить. А рифма может быть такая – здоровье коровье. Коровы ведь всегда здоровы.

По лицу Вихрастого пробежала унылость. Он почувствовал, что от него не отстанут, пока он не придумает что-то такое, которое устроит всех. Он пробормотал в микрофон:

– Здоровье коровье, – и продолжил: – Мусор вреден для здоровья, он не молоко коровье.

Члены одобрительно зашумели, а интеллигент ехидно заметил:

– Коллеги, а причем здесь молоко? Сравнить даже на

противопоставлениях молоко и мусор, я бы сказал, неэтично и даже как-то вульгарно. Нетактично сравнивать съедобное с разным хламом и откровенной гадостью. Нас, извините, не поймут.

– Не поймут. Не поймут, – сориентировались члены.

– Ты уж замудрил что-то, – пробасила Председательша. – Народ надо маленько пугнуть, чтобы проникнулся. Пугнуть для задумчивости.

– Пугнуть, пугнуть, – согласились члены.

От нового задания Вихрастый аж вспотел. Скромно забирая носками внутрь, он аккуратненько добрался до стола Председательши, где одиноко красовался простой графин со стаканом. Залпом опустошив стакан, он вернулся в свой угол к микрофону. Деловой мужчина, оправляя галстук, нравоучительно произнес:

– Пугать надо умеючи. Нельзя запугивать до изнеможения. Надо попугать для начала маленько, не очень страшно. Провести, как говорится, разведку боем. В наши времена это называлось – припугнуть для остратки.

– Для остратки, для остратки, – согласились почти все члены. Только дама с красными губами, видимо, имеющая какое-то чувство к Вихрастому, возразила:

– Вам бы только пугать, а надо любить людей, заботиться о них.

Вихрастый, почувствовав поддержку дамы, уверенно произнес:

– Я попробую чуточку напугать. Самую малость, капелюшечку. – И он нараспев продекламировал: – Бросил мусор где попало, не проскочишь без скандала!

– Вот уже хорошо, уже людям понятно, – заявила Председательша. – Элька, фиксируешь?

– До последней запятой, – моментально ответила Элеонора.

– Молодец, – продолжила Председательша. – Еще немного попужливее, и можно запускать в тираж.

– А если так? – Вихрастый с выражением прочел: – Мусор здесь лежать не должен, за него вам штраф возможен!

– Запускаем в тираж. Сделаем плакаты и таблички. Везде развесим и прибьем. – Председательша, довольная окончанием дела, утвердительно постучала ладонью по столу.

– А мне можно? – спросила Элеонора.

Председательша с удивлением посмотрела на нее и, махнув рукой, согласилась выслушать ее.

– Будешь мусор выносить – будешь очень долго жить!

Члены Совета, не зная как реагировать, молчали. Председательша, только что утвердившая призыв, не очень поняла связь мусора с долгожитием и задумалась. Первым очнулся интеллигент.

– Я полагаю, – он тщательно подбирая слова продолжил, – что творчество масс надо поддержать. Мне думается, надо поднять народ на борьбу с этим недостойным явлением – мусорением. Мне кажется надо сказать так: «Выходите дружно

все, будем жить мы в чистоте!»

Председательша сделала каменное лицо. Ей никак не хотелось продолжать прения, они почти час израсходовали на мусорный вопрос. Неразобранными остались зимние заготовки и разное, где она планировала запретить ночные сборища молодежи. А интеллигент, осмелевший от того, что уж поручений по мусорному вопросу он вряд ли получит, добавил:

– Выходите на уборку, избежите грубой порки.

Мусор соберем всем миром и устроим праздник с пиром! Деловой мужчина на последние строчки отреагировал как-то неожиданно радостно и возбужденно:

– А что, давно не устраивали? Сидят все по домам. А вот чтобы всем миром с танцами, плясками, песнями. Эх! Кракота...

С ним согласилась дама с красными губами:

– Танцев коллективных с шампанским уже давно как-то действительно не было. И наряды-то некому показать.

Вихрастый, мечтательно взглянув на даму, подхватил эту идею:

– Музыку громкую можно организовать с вечера и на всю ночь веселяк закатить, только чтоб вина хватило на всех.

Председательша потеребила красные бусы и, как будто рассуждая вслух, негромко произнесла:

– Да, когда-то плясали здесь. Ух, помню ночки эти озорные... Магазин до утра не закрывался. Комбинатовские гу-

ляли, как план сделают. Хорошо гуляли.

Она ласково посмотрела на делового мужчину, который, несколько смутившись, буркнул:

– Весело было, не то что сейчас...

Председательша мысленно вернулась из того веселого прошлого, встала из-за стола, хлопнула ладонью о столешницу, призывая членов вернуться в действительность:

– Все. Закругляемся. Через неделю соберемся, обсудим еще. Члены нехотя встали и вышли в длинный коридор. Наступил осенний вечер.

Ей было жаль Венеру – ее стрекозу. Каких-то эмоций по поводу Сан Саныча у нее почти не осталось, а вот Венера...

– Пропала тетка, – подумала она. – А почему пропала? У нее есть дочь, а у тебя только Метик и все.

После совета Элеонора вернулась домой, приготовила ужин и терпеливо ждала своего Сашу. Он сегодня с утра улетел за новыми приборами в центр. Смеркалось. Вертолет еще не вернулся. Она забеспокоилась, когда осенняя темень окутала поселок. Сонный голос администратора подтвердил – вертолет час тому назад вылетел с базы. На ее тревожный вопрос: «Почему он еще не прилетел?» – администратор сухо ответил: «Ждите. Связи пока с ними нет».

– Как нет связи? Он что пропал? – пытаюсь быть спокой-

ной, спросила она.

Уже с некоторым раздражением голос ответил:

– Так и нет связи. Ждите. Может, вынужденная посадка. Может, еще что-то. Мы пока не знаем.

Она хотела еще что-то спросить, но связь оборвалась, и голос исчез. Беспокойство и тревога охватили ее. Она нервно, бесцельно ходила по комнате и буквально за несколько минут передумала множество страшных вариантов гибели вертолета. Нарастающий гул мощного двигателя вернул ее в действительность. Вертолет приземлился. Она бежала к нему по плохо освещенной дорожке, спотыкаясь и иногда падая и всё равно не останавливалась, стремилась как можно скорее увидеть его.

Люк откинулся в сторону. Первым наружу выбрался, скорее выпрыгнул худенький длинноволосый мальчик в кожаном длинном балахоне и, испуганно озираясь, остановился у люка. Затем в проеме появились вертушники, скинули лестницу и, о чем-то разговаривая, крикнули в глубину салона. На выходе появился ее Саша с большим свертком в руках. Детский плач нарушил ночную тишину всей площадки. Она было кинулась к Саше, но он сначала передал плачущий сверток мальчику и, разглядев ее испуганное лицо, кинулся к ней и обнял со словами:

– Элечка, заждалась. Вот я и дома. Все хорошо.

Он поправил прядь ее волос и поцеловал в лоб. Она вспомнила детство. Отец, еще молодой, целует ее в лоб, по-

правляет прядки волосиков и приговаривает:

– Вот я и дома. Все хорошо.

– Все хорошо, – она повторила эти два слова и прижалась к его влажной куртке.

Подошел администратор, о чем-то возмущенно переговорил с вертушниками и весьма строго обратился к Метик:

– Будем платить?

– Почему? – удивленно ответил Метик.

Администратор, услышав не возражающий ответ, несколько смягчился:

– Сейчас выпишу квитанцию. Вы же посадочку делали вне плана, так уж извольте.

Метик угукнул и продолжил вопрос:

– А вертушники? Они что не должны платить?

Администратор вновь нахмурился, он явно не ожидал последующих возражений. Он на несколько секунд задумался и ответил:

– Они управляли геликоптером, а вас посадили без оплаты, так уж, пожалуйста, будьте любезны. С этих, – он махнул в сторону мальчика, – не возмёшь. Они – «дисси».

Плач ребенка прекратился. Мальчик кормил его грудью. Элеонора только сейчас поняла, что это не мальчик, а молодая, невысокая женщина с ребенком.

– Но вертушники, так они не «дисси». Могут же заплатить, – предложил Метик.

Администратор сразу расстроился:

– Ну что вам жалко что ли? Ведь горючее. Рейс задержали. Мне теперь их надо как-то на ночь устраивать. Они уже должны быть там на базе, а теперь что же, что же будет? Никак нельзя не заплатить. Это совершенно невозможно, – гнул савил администратор. – Одну посадку и взлет вычтут из графика. Будут неприятности. Что же им и людей, хоть они и «дисси», не спасать, что ли? – Он совершенно расстроился и, сгорбившись, ходил под лопастью туда и обратно, повторяя одни и те же слова:

– Что же будет? Что же будет? Никак нельзя. Никак...

Вертушники вынесли на носилках накрытого шкурой, бородатого человека, поставили носилки на краю площадки и, в ожидании администратора, остановились у люка. Пошел мелкий дождь. Женщина положила ребенка на носилки, натянула шкуру на голову бородача, присела рядом и что-то шептала ему, придерживая ребенка одной рукой, а другой поглаживала бородача.

– Пойдёмте отнесем его в дом, – предложил Саша, – а потом вы выпишите свою квитанцию.

Процессия в дождевом тумане двинулась к метеостанции. Саша с администратором несли носилки с бородачом. За носилками шла женщина с ребенком. Замыкала это шествие Элеонора. Она предложила помощь женщине, но в ответ услышала:

– Я сама иди. Нести сама.

Бородача и женщину с ребенком они разместили в комна-

те Элеоноры. Обрадованный администратор умчался за квантицей, а Саша с Элей суетились, обустроивая своих неожиданных гостей.

Старик отпускал их. Он долго сидел у огня и, казалось, забыл о них, сидящих напротив. Чу даже показалось, что он сидя спит. Маленький Лучу заерзал на руках у Лу и хотел было заплакать. Лу дала ему грудь, и он успокоился. Старик медленно говорил о том, откуда они пришли и почему ушли из города. Он говорил о том, что их становится мало и что он думал оставить Чу и сына здесь, и что Лучу, когда вырастет, может стать Старым.

Они терпеливо слушали его и ждали решение старика. Вся деревня знала, что сегодня в день равного солнца старик решит, что делать с семьей Чу. Все лето деревня обсуждала планы. Отпустить Чу одного, пусть уходит. Он чужой и никак не хочет стать своим. Предлагали отпустить его с Лу, а Лучу оставить у себя – пусть вырастит умным и смелым здесь среди своих, и никто не предлагал отпустить их всех троих.

Старик открыл глаза и, глядя на языки пламени, мерцающие на его лице, уверенно и тихо сказал:

– Вы идти все с Лучу. Идти сейчас. Пусть Лучу расти там. Старик поднял правую руку в знак окончательного реше-

ния.

Утром вся деревня собралась на берегу проводить их. На крепко связанный плот с бортами, выстеленный свежей хвоей, были уложены припасы на несколько недель. Река в это время года, как правило, успокаивалась, готовясь к морозам и ледоставу. Погода, еще не перешедшая к затяжным дождям, предвещала им более-менее спокойное плавание вниз по течению. Днем солнце поднималось высоко и неплохо прогревало местность, можно было отдохнуть, несмотря на ночную промозглость и зябкость.

Молодежь оттолкнула плот от береговой отмели, и он, медленно покачиваясь на плавной волне, двинулся к середине реки. Они долго смотрели на удаляющуюся деревню и старика, стоящего выше всех на холме, и казалось, он видит весь их длинный и долгий путь. Лу с ребенком на руках смотрела назад, пока фигуры на берегу не стали еле различимы на фоне береговой линии. Она шептала какие-то слова. Он едва расслышал:

– Никогда не видеть... Никогда...

Он старался не беспокоить ее в эту грустную минуту. Плот неспешно двигался вперед и вперед в неведомые дали. Чу был взволнован, прошел год его жизни в деревне. Вихрь разных мыслей пронесся у него в голове. Он вспоминал и размышлял:

«Ботя, как он там пережил прошлую зиму? Вспоминает ли своего Лазера? Прошлая жизнь его, Аполлона Ивановича»

ча, так удалась за это время, что многое вспоминается с трудом. Когда они с Лу встретят людей, кем он будет для них? Чу или Аполлоном Ивановичем? А Лу? Как она встретит новый для себя мир? Приживется ли?».

Осеннее солнце поднялось над поросшими лесом, невысокими холмами. Река с каждым новым поворотом становилась все шире и шире. Уже в некоторых местах дальний берег виднелся узкой темно-зеленой полоской, за которой пологие холмы уходили уступами к самому горизонту. Три одиноких человека казались так малы, как крошечные песчинки среди огромного пространства реки, неспешно несущей свои воды далеко на север. Несколько одиночных уток, пролетая к болотным озерам, со свистом пересекли их путь. В вышине навстречу проплывали косяки гусей – осень надвигалась с северо-востока. Он вспомнил Веню, как она первый раз поцеловала его, а потом они стали мужем и женой. Почему у них не было детей?

– Странно, – подумал он. Ему тогда казалось всё равно, есть ли у них дети или нет. А сейчас у него есть сын. Он вспомнил, как Лу накануне родов ушла в отдельный дом-шалаш, который ей соорудили женщины, и как под утро вернулась с сыном, мирно спящем в мягких шкурах. Он стал отцом. Он стал ответственным за свое будущее. Он вспомнил слова и музыку какой-то песни. Когда-то давно он слышал ее – молодой композитор за роялем напевал:

Счастье – что это такое?
Ты и я, всего нас двое.
Дети, внуки. Нас уж много.
Это дальняя дорога
На века, куда-то там,
Где нет страха по ночам,
Где улыбка без подвоха,
Где тревожная эпоха
Подзабылась насовсем.
Где покой и радость всем...

Он уже минут десять мурлыкал эту мелодию, и глаза его стали влажными, то ли от яркого утреннего солнца, то ли от этой грустной мелодии со словами. Лу, притихшая, сидела на хвойной подстилке и укачивала сынишку. Она тоже что-то тихо напевала, и слова ее были совсем другие, непонятные ему. Он так за год, проведенный в деревне, и не приспособился к жизни этих людей. Старик отпустил их всех троих, наверное, потому что Лучу нужен отец. Отец – Аполлон Иванович – беглый перевоспитуемый. Ему там грозит «ЗП», а что будет с Лу и ребенком? Этот вопрос пока что оставался для него без ответа.

Через неделю плаванья он заметил на одном из берегов старые полуразвалившиеся створы, по которым когда-то ориентировались речники, – значит, приближаются места, где могут встретиться люди из его мира. Он каждый день учил Лу говорить на его языке. Она старалась, но иногда от

волнения переходила на свой простой разговор с глаголами без спряжения.

Река, делая широкие плавные повороты, вышла на равнину. Берега ее становились все более низкими, густо заросшими тростником. Рыба в тихие вечера играла у поверхности, кормилась у берегов, нагуливая на зиму жир. Ничто не тревожило путешественников, кроме неизвестности будущего. Для Лу оно казалось простым, но весьма опасным, по рассказам стариков, со множеством непонятных правил. А для Чу – сложным, но весьма понятным. Приспособиться к этому сложному он, пожалуй, больше был готов как Чу, а не как Аполлон Иванович.

Местность, казалось, была безлюдна и девственна. Довольно часто большие рыбы, тихо поднимались из глубины, сопровождали плот и снова опускались в темные воды. Некоторых из них он узнавал – мужчины из деревни приносили их после удачной рыбалки, другие ему встречались впервые. Река полна была живности. Птицы, готовясь покинуть родные места, вперемешку большими стаями заполняли речные затоны. Днем их крики и гомон был слышен повсюду. Чем дальше на север уходил плот, тем более хмурилось небо и погода портилась с каждым днем. Северный ветер нес обрывки черных облаков и отголоски штормов напоминали о себе косым, холодным дождем. Они часто сидели под зеленым навесом, накрывшись большой шкурой, согревая друг друга теплом своего тела. Течение, уже еле заметное, мед-

ленно относило их все дальше и дальше в будущее.

Утро встретило поселок мелким дождем, моросившим весь вечер и всю ночь. «Дисси» крепко спали на полу комнатки метеостанции. Элеонора и Александр всю ночь обу-страивали их новое жилье, накормили женщину и больного мужчину. Помогли им привести себя в порядок после трудного путешествия. С рассветом весь поселок знал, что «поймали дисси». Вокруг метеостанции всю ночь толпились любопытные, пытаясь хотя бы краешком глаза увидеть этих загадочных «дисси». Среди ночи неожиданно вломилась Председательша.

– Как будем оформлять? – и сама ответила: – Как вновь выявленных. Завтра с утра на Совете оформим коммиссионно. Один мужик, одна девка и ребенок. В центр надо сообщить, – и она удалилась, удовлетворенная увиденным.

Александр и Элеонора к утру совершенно замаялись от этой суеты. Особенно их обеспокоил бородач с тяжелой травмой спины. Ему была необходима квалифицированная помощь, а поселковая фельдшерица, по совместителю кладовщица, только охала и ахала, скорее удивленная видом путешественников, чем готовая чем-то помочь практически. Хозяева метеостанции решили действовать самостоятельно и поутру связаться с центром.

Ранний утренний Совет заседал с одним вопросом – регистрация трех «дисси». Интеллигент, взволнованный до необыкновенности, запинаясь и повторяясь, торопливо излагал:

– Коллеги, вы понимаете? Это сенсация. Редкость страшная. Сенсационное явление. Такое бывает раз в сто лет. Это почти что снежный человек. Редчайшее событие. И это у нас. У нас в поселке. Нам страшно повезло. Мы все, коллеги, свидетели. Понимаете, свидетели. – Он на несколько секунд остановился, чтобы перевести дух, и продолжил: – Мы все теперь причастны, так сказать, ответственны за... – он хотел сказать «людей», но несколько неуклюже выразился: – За экземпляры.

– Хватит мельтешить, – прервала его Председательша. – Сенсация сенсацией, а как регистрировать будем?

– Надо их заанкетировать, – предложил деловой мужчина. – Они могут прославить нашу родину, наш поселок. Нам необходима солидарность и аккуратность, я бы сказал товарищи, нужна образцовая работа.

– Ты видел этих «дисси»? Как ты их заанкетизируешь? Бордач лежит и молчит. Девушка буровит что-то непонятное, а ребяенок малой еще, – Председательша махнула рукой.

Дама с красными губами и Вихрастый загомонили, перебывая друг друга:

– Мы их опишем. Опишем. Вот. Как делаем инвентаризацию. На складе. Уж сколько раз акты составляли. А здесь.

Просто пустяки. Всего три штуки. На одном листе уместятся.

– Элька, пиши резолюцию, – утвердительно пробасила Председательша.

Элеонора очнулась от окрика, всю ночь не спала, потеряла ладонью лоб и спокойно пояснила членам сложившуюся ситуацию:

– Бородачу срочно нужна медицинская помощь. Это во-первых, а во-вторых, им надо отдохнуть после изнурительного путешествия, после шторма. Они семья. Муж, жена и ребенок. Бородатый не «дисси», он к ним попал случайно год тому назад. Мы их регистрируем потом, когда этот шум, ажиотаж пройдет. Пройдет эта ваша сенсация, – она посмотрела на интеллигента. – Когда эта дергатня рассосется. Предлагаю пока оставить их в покое. Пусть поживут у нас на станции, а потом посмотрим.

Члены не возражали. Председательша, довольная тем, что делать пока ничего не надо, тоже не возражала. Врач, прибывший из центра, констатировал сложный перелом. Необходима была операция и долгий реабилитационный период.

Осень в городе. Листва кружит на ветру и скапливается в укромных местах. Уборщики метут, вывозят, а листья летят и летят, и кажется, что конца и края не будет этому полету сухих, разноцветных лоскутиков, оставшихся от лета.

Со середины лета Венера Петровна с Венсой жила одна. Сан Саныч как-то незаметно, все реже и реже появлялся в этой квартире. Что послужило тому причиной, она четко сформулировать вряд ли могла. Сан Саныч, наверное, догадывался по холодному поведению Венеры, что она что-то знает о его похождениях с нянькой, но не считал нужным объясняться по этому поводу. А Венера Петровна даже с некоторым облегчением приняла его постепенное удаление от себя.

Дни становились короче и унылее. Венса подрастала и радовала Венеру Петровну – девочка развивалась в соответствии с возрастом.

Институт встретил Венеру Петровну равнодушно. Должность ее была занята, и ей предложили вновь лаборантство.

Город переходил на зимнее время. Службе времени отводилась неделя на перевод всех городских часов на целый час назад. В период перевода встречались забавные случаи, когда на одной и той же улице часы показывали разное время. В соответствии с распоряжением городского начальства в период перевода часов разрешалось пользоваться и летним и зимним временем. Более всего этому обстоятельству радовались школьники – позволялось в течение дня менять свое время многократно. Чем они и пользовались, сокращая свое пребывание в учебных заведениях. Педагоги боролись с этим, но, как правило, безрезультатно. Для взрослого населения эта переходная неделя была менее мучительна,

взрослые обладали навыком приспособления. Демократически настроенная часть общества терпеливо переносила эту переходную неделю, авторитарная же часть считала, что двигать надо сразу и у всех, а кто, как говорится, не успел, тот опоздал, и, естественно, к опоздавшим должны применяться весьма строгие меры вплоть до крайних. Как раз в те времена передвижения времени то туда, то сюда и родилась эта ставшая знаменитой фраза: «Сколько на ваших?» и ее короткая разновидность: «Который час?». Старики поговаривали, что когда-то в самом начале передвижения времени, обращение: «Сколько на ваших?» заменяло: «Здравствуйте».

Как-то вечером, в последний день передвижки, Венеру Петровну потревожил вызов из дальнего поселка. У экрана появилась Элеонора. Для Венеры Петровны, только что закончившей перевод стрелок всех домашних хронометров, этот вызов оказался неожиданным. Она несколько скованно и как-то не очень приветливо ответила на «добрый вечер» Элеоноры.

– Как дела? – спросила Элеонора, тоже немного смущаясь, видимо, от того, что уже несколько месяцев не общалась с Веней.

– Так как-то средненько, – ответила Венера, ей не очень хотелось распространяться о Сан Саныче.

– Веня, извини, но мне нужна помощь Сан Саныча, у нас здесь срочно необходимо одного человека поместить в клинику.

– Элочка, я понимаю, но Сан Саныча, к сожалению, нет дома.

– А ты можешь его быстро разыскать? – спросила Эля.

– Элочка, дорогая, ты можешь найти его сама, я дам тебе быстрый адрес.

– У тебя с ним все в порядке? – спросила Элеонора заподозрив по настроению Венеры что-то неладное.

– Мы с ним почти не общаемся, – ответила Венера.

– Да, я понимаю тебя, мы еще поболтаем, – и, получив адрес, Элеонора отключилась.

Стараниями Сан Саныча больной в скорости был помещен в госпиталь с хорошей репутацией, тем более что Сан Саныч от Элеоноры узнал, что пациента зовут Аполлон Иванович. В госпитале Аполлона продержали почти что до Нового года. Все активные способы и методы лечения эффективных результатов не дали.

– Ты сообщила Венере эту ошеломляющую новость? – спросил он.

– Нет, я опасаясь, что это может вывести ее из равновесия, – ответила она.

– Да, пожалуй, ты права, пусть побудет некоторое время в неведении, – согласился он.

– А что ты будешь делать с Лу и мальчиком? – снова спро-

сил он.

После некоторой паузы она ответила:

– Нам с Сашей придется их опекать, пока они не привыкнут к новой жизни.

– Я могу тебе чем-то помочь? – искренне спросил он.

– Да, пожалуй, если устроишь Аполлона в какое-нибудь тихое, комфортабельное место.

– Я постараюсь, – грустно ответил он, понимая, что все эти обстоятельства резко изменяют его существование с Веней.

– Мне надо еще уладить его старое дело по «ЗП». Документы уже подготовили.

– Спасибо, – сказала Элеонора и хотела было спросить: «А как же вы теперь будете с Веней?», но не спросила, наверное он и сам пока не знает, как разрешить эту странную ситуацию – два мужа у одной жены.

Комитет по особо важным делам, так называемый «КОМ-ВАЖДЕЛ», заседал уже не один час.

– Их надо всех развести, то есть аннулировать два брака, – предложил Председатель «КОМВАЖДЕЛА».

– Но первый брак может быть не надо прекращать, а аннулировать только второй, – возразил кто-то из новых, неопытных членов комитета. Он еще не знал, что Председатель не терпел возражений.

Председатель с недовольным лицом, в минутном замешательстве, оглядел всех членов и, найдя нарушителя спокойствия – еще довольно молодого, худенького человека, резко заявил:

– Будем аннулировать.

Молодой человек догадался, что совершил промах, втянул голову в плечи и опустил глаза к столу, делая вид, что внимательно изучает бумаги. В голове у него промчались, сбивая друг друга, разные мысли:

– Я дурак. Мне что, больше всех надо? Первый день и полез впереди всех. Смотри, дурак, бестолочь несчастная, – все сидят и молчат, потому что мудрые. А ты кто после этого? Глупец административный! Останешься без дела. Энтузиаст недобитый.

Он робко приподнял глаза и встретился взглядом с изящной дамой в летах, в глазах которой заметил некоторое участие к себе примерно с теми же мыслями, но в более мягкой форме:

– Вам, молодой человек, учиться надо. Эх, молодежь! Опыта никакого...

Председатель прочитал переданную от секретаря записку и несколько изменил свое предложение:

– Аннулируем последний брак как недействительный.

Члены «КОМВАЖДЕЛА» молчали. Они знали, что Председатель никогда не принимает быстрых решений. Вот и теперь он через секретаря получал ценные консультации от ко-

го-то свыше. Секретарь принесла еще одну записку. Председатель помрачнел и обратился к членам:

– Коллеги, прошу поактивней обсудить, обмозговать, так сказать, данный сложный вопрос. Демократично чтоб.

Члены поняли намек. Там где-то у начальства появилась демократическая мысль, и секретарь доставила ее в виде данной рекомендации для исполнения.

Изящная дама первой отреагировала на это предложение:

– Нам, как мне думается, надо установить причинно-следственные связи всех составляющих, приведших к этой не простой ситуации.

– Вот, вот, совершенно точная постановка. Причинно-следственные связи этих трех субъектов, – с облегчением произнес Председатель. – Продолжайте, продолжайте, – он назвал даму по имени и отчеству как-то тепло и дружелюбно, и некоторым членам показалось, что дама и Председатель уже давно находятся в причинно-следственных связях.

– А я, собственно говоря, уже закончила, – она тоже назвала Председателя как-то мягко, по-домашнему, чем укрепила подозрение остальных членов о ее связях.

Наступила щемящая пауза, когда всем все понятно, но по регламенту надо бы еще что-то сказать. Близидящий к Председателю пожилой член высказался несколько неожиданно, чем удивил всех:

– Надо вынести в отдельный вопрос разбор этой справки об условной гибели. Проверить, кто и на каком основании

дал такое заключение?

Несколько успокоенный, а потому и осмелевший молодой человек, выпрямив голову, поддержал пожилого члена:

– Да, конечно, конечно, – и снова, встретившись взглядом с изящной дамой, затих. В ее глазах он прочел те же укоризненные мысли:

– Вы, молодые, глупы до безобразия и к тому же неисправимы. Откуда вы взяли такой?

Председатель как-то задумался, на его лице появилась еле заметная растерянность. Опытные члены комитета заметили, что он не знает что делать. Было явно видно, что заниматься этой справкой ему крайне не хотелось. Секретарша не спеша поднесла ему новую записку, прочитав которую Председатель успокоившись заявил:

– Не мы эту справку выдавали и не нам о ней судить. На то есть соответствующие специальные органы.

Пожилой член сразу с ним согласился:

– А действительно, коллеги, эта справка не наша и нам она вообще ни к чему. Давайте рассуждать логически. Первый брак прервался на целый год.

– Больше года, – уточнила изящная дама.

– Совершенно верно. Больше года, – продолжил пожилой член. – Мы это должны учесть. Если брак прерывается на такой срок, то что из этого следует, коллеги?

Все задумались о следствиях после прерывания брака, но никаких идей по этому поводу в голову никому не приходи-

ло. Председатель подустал от этих сложных рассуждений, но сконцентрировавшись, как бы размышляя, произнес:

– После года вне брака никаких последствий, кроме дикого соскучивания, не возникает. Какие будут предложения?

Комитет зашел в тупик. Предложений не было. Молчание нарушила изящная дама:

– Предлагаю запросить дополнительные материалы. Запросы надо направить по месту работы и академикам. А сейчас вопрос можно отложить.

«КОМБАЖДЕЛ» проголосовал единогласно.

Он лежал на функциональной кровати. Океан тихо дышал широкой волной. Простор на всю ширину горизонта завораживал и вызывал какое-то философское спокойствие. Лу с сыном на руках сидела рядом. Она впервые видела это огромное пространство теплой воды, белый искрящийся песок, пальмы и синее, синее высокое небо. Элеонора хлопотала где-то внутри дома. Они только вчера добрались до этого небольшого острова среди архипелага живописных островов вдали от материка. Всего семь с небольшим часов полета, и темная слякотная зима сменилась теплым ласковым летом. Он ждал Венеру Петровну. Ему обещали, что она скоро прилетит сюда.

– А что теперь? – подумал он. – Что я должен делать? Воз-

вернуться в прошлое? Разве это возможно? Прошлое... Какое оно теперь у меня? То, что было до «ЗП», или то, что было в деревне? Где мое место в этом прошлом? А настоящее? Есть ли оно у меня, прикованного к этой кровати?

Он смотрел на огромное пространство и, кроме тревоги за сына и Лу, не было у него никаких чувств. Себя уже было не жалко. Жалеть себя он долго не мог. Частые боли в спине не давали сосредоточиться. И только после инъекций у него имелось часа два для спокойных размышлений. В эти промежутки он разговаривал с Лу, пытаясь поддержать, успокоить ее и сдружить с Элеонорой, которая как заботливая сестра-хозяйка ухаживала за всеми. Он видел, как Лу замкнулась и никак не могла прийти в себя от этого нового для нее мира. Он заметил, что даже к мальчику она стала более равнодушной. Радовало его только то, что он получил, наконец-то, успокоение, к которому стремился последнее время. Он все чаще напевал про себя ту случайную песню, которую вспомнил посреди большой реки:

... Где тревожная эпоха
Подзабылась насовсем.
Где покой и радость всем...

Она сидела уже третий час в зале ожидания. Ее рейс задерживался по метеоусловиям. Но и без объявлений было видно через громадные окна, как густые хлопья снега заваливают взлетное поле и весь аэропорт. Снегоочистительные машины уже несколько часов безуспешно пытались очистить бетонное пространство. Она еще раз достала из дорожной сумки кожаный мешочек с его памятной медалью. Слова на неизвестном ей языке, которые ей перевел Сан Саныч, напомнили еще раз годы, проведенные с Аполлоном Ивановичем. Она вспомнила, как первый раз назвала его «Апо» и он ответил ей нежным «Веня». Как первый Новый год они встречали как муж и жена. Так же шел густой снег. Тихо в безветрии снежные хлопья медленно опускались на землю. Все вокруг стало белым и загадочным. Они с институтскими друзьями в их маленькой комнатке, стоя, пили шампанское из бумажных стаканчиков. Танцевали на одном месте, тесно прижавшись друг к другу, целовались украдкой в полумраке от тускло горящей елочной гирлянды. Потом всей гурьбой выбегали в мягкую, пушистую от снега ночь. Прыгали в сугробы, смеялись от восторга молодости и как казалось от будущей долгой, счастливой жизни. Она вспомнила слова старика из клиники: «Бегите от иллюзий».

– Бегите от иллюзий, – она шепотом повторила эту фра-

зу. – А куда от них бежать? – подумала она. – Впереди непонятное будущее, а прошлое... Там все иллюзии как раз и остались. Куда она бежит сейчас? В прошлое, к Аполлону Ивановичу. Ей сказали, что он очень болен.

– И что же? Я буду ухаживать за ним, – так она думала, но какая-то неясная мысль тревожила ее – она оставила Венсу на попечение Сан Саныча.

– Надо было взять ее с собой, – но что-то ее остановило, и Венса осталась дома.

Голос диктора уже в который раз монотонно объявил о задержке ее рейса, она прошептала:

– Играл на флейте гармонист.

– Да, да, вы, душенька, извините меня, совершенно правы, – проворчала дама средних лет в широкополой соломенной шляпе.

– Вот напросилась на назойливую беседу, – подумала она. Оглядела ближайшее пространство – свободных мест не было.

– Придется терпеть случайную собеседницу. Что это меня дернуло на эту фразу о гармонисте? – подумала она. – Откуда это у меня взялось? Да это от него, того старика из клиники.

– Вы, душенька, это из «Пришлого» цитируете? – спросила дама в шляпе.

Венера не сразу ответила. Она не готова была отвечать на вопросы.

– Сказать да, подвергнуть себя мучительному разговору о

каком-то Пришлом, сказать нет – у собеседницы возникнет недоверие, и она ответила:

– Нет, это у меня как-то случайно вырвалось.

– Нет, душенька, позвольте с вами не согласиться. В такой фразе не может быть случайностей. Автор этой фразы пытается нам сказать, что каждый должен заниматься своим делом. А что мы видим зачастую. Я трижды у дежурных спрашивала: «Когда же мы полетим?» Ответ один: «Ждите. Видите, какая погода?» А что, – я им говорю, – вы не знаете, когда кончится снег? Они ничегошеньки не знают, а пассажиры страдают. Вот автор и говорит нам в художественном образе – гармонист должен играть на гармонике, а не хвататься за флейту, классический аристократический инструмент. Вы согласны со мной, душенька?

Венера решила согласиться, иначе этот разговор заведет неизвестно куда:

– Да, согласна. На флейте надо играть флейтисту.

Дама в шляпе вдохновилась положительным ответом и продолжила вслух свои размышления:

– Флейта тонкий инструмент. Когда-то ее звук считался волшебным, и врачевали мелодией флейты. А гармонь, она демократическая вещь. От нее одно веселье да и только. Вы, душенька, согласны со мной?

Венера кивнула головой.

– А вы, я смотрю, тоже летите в теплые края? – спросила дама.

Венера почувствовала, что из вежливости надо что-то сказать о себе.

– Да, вот собралась к супругу.

– А позвольте спросить, кто он, ваш супруг?

Венера ответила:

– Он ученый, энтомолог.

– Значит, флейтист, – и, заметив удивление на лице Венеры, дама, спохватившись, добавила:

– Ах да, я сейчас поясню свою мысль. Гармонист, он менее тонкий по содержанию человек, чем флейтист. Вы, душенька, не будете мне возражать по поводу этого тезиса. Вот возьмите симфонический оркестр – там гармонии нет и никогда не было. Поймите, я не против музыки от гармоники, но надо же различать, уметь видеть тонкие вещи. И когда автор нам говорит: «Играл на флейте гармонист», он нам хочет сказать, что демократический гармонист стремится стать аристократом. Я не против этого стремления, я против некачественного исполнения своих обязанностей...

Диктор наконец-то объявил посадку на ее самолет. Венера встала и хотела было попрощаться с собеседницей, но дама так же засуетилась, схватила сумку и удовлетворенно заявила:

– Ну вот, кажется летим.

Они вместе направились к выходу.

Самолет быстро набрал высоту, пробил пелену сплошных облаков, вырвался к яркому солнцу и взял курс к океану, к

островам, где ее ждал ее Апо.

Через три часа полета континентальный диспетчер сообщил в центр:

– Рейс, – он назвал номер ее рейса, – исчез с экранов радара.

23.06.2013. – 03.02.2014

Последний пумпель, или Наследники прошлого *Фантастическая повесть*

*В память о том времени, когда изобрели слово
«Пумпель»*

Рецензия вместо предисловия

Нам совершенно не хотелось писать эту рецензию, потому что нет смысла что-то обсуждать, если этого «что-то» нет. Нет предмета для обсуждения. Есть текст, есть слова, — смысла нет, а случайно надерганные «изыски» для того, чтобы казаться умным, не могут составить что-то целостное.

Но, но, но. Наши друзья из редакции слезно умолили нас хоть что-то изобразить об этом, с позволения сказать, произведении. И вот, поддавшись уговорам, мы выдавили из себя некоторые соображения, максимально вежливые, в адрес этой квазиповести. Итак, продолжим.

Неутомимое стремление автора напичкать свое произведение ничего не значащей фразой: «Играл на флейте гармонист» — поначалу вызывает некоторое недоумение, затем легкое раздражение, а уж в конце концов и грустную улыбку,

которой иногда провожают тяжело больных, дабы не портить им настроения. Желание автора быть оригинальным заслуживает особого внимания, конечно, если у Вас, уважаемый читатель, есть масса бесполезного времени для чтения этой повести. В названии мы эту «оригинальность» сразу обнаруживаем. Слова (автор напрасно думает, что это его изобретение) – «пумпель» и «пионер», густо рассыпанные по тексту, у обычного человека могут вызвать лишь некую досаду от этой словесной назойливости и ничего более. Заметим, что понятий «поезд» и «пионер» автор упорно избегает, лишь только для того, чтобы отличаться от иных графоманов подобного рода.

О сюжете повествования и говорить не стоит. Кавалерийские перескакивания от одних героев к другим, слабые попытки связать воедино сюжетную линию не выдерживают никакой критики. Хочется спросить – кому нужны, конечно, кроме тщеславного автора, такие произведения, идеологически вредные и уводящие читателя в дебри слабоструктурированных рассуждений ни о чём? Мысли героев, читай мысли автора: о смысле жизни, о любви, наконец, о Боге, откровенно поверхностные и немотивированные, оставляют ощущение пустой болтовни – «лишь бы». В истории нашей литературы ущербная графомания встречалась не однажды. Мы солидарны с некоторыми руководящими товарищами по поводу таких авторов и их произведений. В нашей рецензии мы позволили себе с незначительными изменениями проци-

тировать их:

«Что поучительного может дать это произведение нашей молодежи? Ничего, кроме вреда. Это произведение может только посеять уныние, упадок духа, пессимизм, стремление уйти от насущных вопросов общественной жизни, отойти от широкой дороги общественной жизни и деятельности в узенький мирок личных переживаний».

Что же, ничего не убавить, не прибавить. Метко сказано! Вызывает удивление то обстоятельство, что автору неизвестны мудрейшие оценки более ранних подобных «творений» и подобных «авторов». На наш взгляд, игнорирование исторических оценок в современных условиях крайне недопустимо. Но, видимо, автору эта мысль чужда. Ему без особых напряжений серого вещества хочется ерничать по поводу и без повода. Заметим, что это ёрничество проявилось в авторе еще с первых его «творений»: «Пришлый» и «Двое на фоне», о которых уже давно было сказано:

«На свет выплыли символисты, имажинисты, декаденты всех мастей, отрекавшиеся от народа, провозглашающие тезис «искусство ради искусства», проповедовавшие безыдейность в литературе, прикрывавшие свое идейное и моральное растрепывание погоней за красивой формой без содержания».

Полагаем, что уважающий себя читатель стороной обойдет подобные литературные упражнения, тем самым сохранит свое время и, главное, здоровье.

С уважением, группа товарищей¹

¹ рецензии приведены отрывки из доклада т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 года.

*К Гуру едем мы с приветом,
У него есть все ответы.
(из старых шуток)*

– Он опять что-то бормотал.

– Совсем дряхлый стал. Еле слышно говорит. А что бормотал? Опять рифмы свои?

– Опять рифмы со своим гармонистом.

– Не понимаю, почему его не отключат?

– Вожатый также думает, что давно его надо отключить.

– А почему не отключают?

– Председатель Совета дружины говорит – нельзя. Это прерогатива Правительства.

Они проверили параметры. На табло все было в норме.

– Его держат для выявления уника.

– Я здесь уже полгода – ни одного уника. Все либо утиль, либо сырье. После сита ни одного к нему не допустили.

– Вожатый вчера проверил его рифмы на филологе. Какая-то ерунда получилась.

– Это где гармонист играл на флейте?

– Да. Она выдала – гармонисту тяжело играть на большом количестве клавиш, так он, по ее мнению, решил играть на флейте, там звуковых отверстий и клапанов гораздо меньше.

– Железка эта – филолог плохо стала соображать от его

рифмования. Вожатый запретил занимать ее этими рифмами.

– Наше дело следить за состоянием. Чтобы стимуляторы поступали вовремя. А рифмы не наше дело.

– Да. Не наше. Вот последний пумпель обработают, перейдут на профилактику – нас в отпуск отпустят.

– Какой отпуск? Другое поручение от Председателя получим. Будем всегда готовы снова.

– Будь готов! Всегда готов!

– Да я знаю, знаю. Всегда готов.

На экране поползли строчки:

... Играла музыка неспешно,
Качался в ритме пианист.
Гармонь молчала безутешно,
Играл на флейте гармонист...

– Опять рифмует.

– Не наше дело.

Они осмотрели саркофаг. Все системы работали. Он лежал окутанный датчиками и трубками жизнедеятельности.

– Последний Гуру.

– Почему последний?

– Вожатый сказал, если еще полгода уникалов не выявят, проект закроют.

– И кто же уникалов выявлять будет?

– А зачем они нам? Мы то есть. И с каждой серией все

совершеннее.

– Будь готов!

– Всегда готов!

Они вернулись к пульту.

– Жалко. Сколько сил на него потратили. Он еще иногда вспоминает те времена с черняками и беляками. Вожатый говорил, что он был беляком.

– Это ж почти сто лет тому назад.

– Даже больше.

– Да... Нам меньше запрограммировали.

– На наш век хватит – так раньше говорили.

– А теперь?

– А теперь старье доживет свое, а молодежь нам поручили.

Все логично и целесообразно.

На экране появилось лицо вожатого.

– Что новенького?

– Рифмует.

– Ну это нормально. Завтра выходит пумпель – будет работа.

– А до нас опять ничего не дойдет?

– Как знать, как знать. Экземпляров под тысячу обработать придется. Устроили ажиотаж вокруг Гуру. Пропаганда постаралась. Всегда готовы!

Экран погас. Гуру лежал в саркофаге тихо, не шевелясь, и только биодатчики фиксировали какие-то обрывки мыслей.

– Ты бы хотел быть у Гуру?

– Зачем мне это?

– Что-нибудь узнать важное.

– Нам и так вложили много, а чего не дали, так и не надо.

Не положено.

– Да... Не положено. Я даже вопросы не знаю какие задавать.

– Молодежь нафантазирует. Там в пумпеле список составят. Интересно, будет ли что-нибудь новенькое, оригинальное? Или как всегда чепуха одна.

– Да... Чепуха одна. Все уже известно. Все уже было и будет только повторяться на новом уровне.

– А происхождение?

– А что происхождение? Тоже все известно, то есть запреты установлены и ясно, что за ними – запретами ничего не должно быть.

На экране снова появилось лицо водителя.

– На последний пумпель в сито введут ослабленную корректировку. Так что и к вам кто-то просочится. Будьте готовы.

– Всегда готовы.

Экран погас.

– Наверное хотят загрузить Гуру, проэкспериментировать в последний раз.

– Работу нам подбрасывают.

– Да... Кто-то может сито и пройдет.

– Сито не наш объект. Не наше дело.

– Да... Не наше дело. Будь готов.

– Всегда готов.

Утро после душной и жаркой ночи не принесло прохлады. Прогретые за неделю жары улицы и здания активно отдавали тепло в застоявшийся воздух. Безветрие предвещало изнурительную полуденную духоту. На привокзальной площади с каждой минутой становилось все теснее и теснее. Дежурные пионеры уплотняли вновь прибывающих, поджимая толпу ближе ко входу. Широкий проем не мог справиться со всеми желающими – образовалась пробка. Плотный поток качался то вправо, то влево, и только отдельные экземпляры вываливались внутрь вокзала, помятые и выжатые после жуткой давки. Из толпы послышался самодельный стишок:

Шел навстречу пионэр,
Нес в руках он много дел.
Уступи ему дорогу,
У тебя ведь дел немного!

Чем ближе его продвигала толпа к проему, тем тяжелее становилось дышать. Девушку впереди него плотно прижали к нему так, что она, сдавленная со всех сторон, уже почти не сопротивлялась, ноги ее запутались где-то внизу и ему

пришлось, обхватив ее сзади двумя руками, с силой выдернуть наверх. Толпа качала их из стороны в сторону, медленно приближая ко входу. Впереди кого-то уронили и, несмотря на крики и ругань, задние продолжали давить на передних. Он, плотно прижав к себе незнакомку, вынес ее и себя в проем. Здесь плотность потока резко уменьшилась и он, опустив ее на пол, смог перевести дух.

– Побежали к вагонам, – отдышавшись предложила она.

– Теперь успеем, – ответил он, мельком разглядывая симпатичную незнакомку и поправляя расхристанную в толпе рубашку.

Они, взявшись за руки, двинулись по перрону среди торопливо пробегающих мимо юношей и девушек, желающих поскорее занять места в первых вагонах.

– Ты можешь идти быстрее? – она энергично дергала его за руку.

– Я же сказал, успеем, – упрямо повторил он.

– Успеем, успеем... А места займут, будем стоять всю дорогу. Ты хочешь стоять? – торопливо говорила она и недовольно поглядывала в его сторону, стараясь рассмотреть его поближе.

– Что-нибудь придумаем, – ответил он невозмутимо. – Да и стоять-то недолго. Будут остановки, будем отдыхать.

Они подошли к первому вагону, все места были заняты. Пионэры, выстроившиеся вдоль перрона, регулировали поток отъезжающих. Его и незнакомку пионэры направили во

второй вагон, где нашлось два места в одной из ячеек. В вагоне было не так жарко – работал кондиционер. Из соседней ячейки раздавался громкий хохот и слышались кричалки про Гуру:

Гуру учит всех и вся.
Пионерская семья
Опекает Гуру строго,
И туда ему дорога...

Минут через пятнадцать пумпель тронулся. Народу в вагоне набилось изрядно. Им пришлось уступить одно место и она с некоторым смущением и как-то неуверенно села к нему на колени – так сделали многие. Кому не хватило места расположились на полу. Дважды по вагону протиснулись дежурные пионеры, видимо, с целью контроля состояния пассажиров.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Какая разница? Не парься, называй как хочешь, – ответила она.

– Тогда будешь Лу, – сказал он довольно равнодушно.

– Почему Лу? Это что за имя такое? Ты что, не местный, что ли, такие имена лепишь?

– Так звали одну мою маму, – ответил он.

– У тебя много мам? – удивилась она.

По вагону объявили, что после первой остановки их сортируют по вопросам, которые они хотят задать Гуру.

– У меня есть две мамы, – ответил он и спросил ее: – А что ты хочешь спросить у Гуру?

– Я еще не придумала. Я вообще не вижу смысла в этом. Я случайно сюда втиснулась. Пионэры-дурики заманили. А ты здесь зачем?

– Мне интересно, – ответил он.

Из дальней ячейки послышалась песня:

Едем к Гуру – все мы смелы,
Едем – впереди туман.
Раньше было много дела,
А теперь сплошной обман.
Брали кассы, банки брали,
Не гнушались ни чем.
Ех! Гуляли, трали-вали,
Нам добро беречь зачем?

К поющему присоединились несколько голосов:

Времена прошли те быстро,
Пролетели те года.
Дело делали мы чисто,
Утекло все, как вода.

Последний куплет пело уже полвагона:

Пенсион нам не положен,
На печи не полежать.

Может, Гуру нам поможет,
Им на нас на всех плевать.

– У всех по одной матери, а у тебя две. Как это?

– Не знаю. Лу родила меня очень далеко отсюда. А мама Эля воспитывала меня вместе с Лу. Вот и получилось у меня две мамы, – ответил он.

– Странно, – сказала она. – А у меня только один отец. Мамы я совсем не помню.

– А почему ты не поешь? – спросила она.

– Я не знаю слов, – ответил он. – Ты тоже не поешь, почему?

– Мне не нравится, когда поют не о своем. Не знают, о чем поют, – ответила она.

Он на минуту задумался. Пумпель вырвался из предметий. Эстакада постепенно опустилась вниз. В окнах появился пейзаж середины лета. Вдали проплывали желтые поля и темные перелески. Мелькали какие-то небольшие, выкрашенные одним цветом, домики и строения.

– Я думаю, не обязательно то, о чем поется в песне, надо пережить самому, – главное, чтобы сопереживание возникло, – произнес он после паузы.

– Сопереживание, – задумчиво повторила она.

Некоторые пары, сидящие так же как и они, тихонько, не обращая ни на кого внимания, обнимались и целовали друг друга.

– Ты хочешь меня поцеловать? – спросила она.

– Мы совсем не знакомы, – ответил он.

– А они, думаешь, знакомы? – спросила она.

– Не знаю, – ответил он и добавил: – Я могу тебя поцеловать, если ты этого сильно хочешь.

– Не хочешь, не надо, – ответила она и замолчала.

За окном промелькнула платформа. Несколько человек на скамьях черно-серыми пятнами прочертили на мгновение след в оконной картинке.

– Везде живут люди, – сказал он тихо.

– Кто живет? – спросила она.

– Везде живут люди, – повторил он.

– Эти молодежные пумпели вечно портят наше расписание, – проворчал пожилой мужчина с седой бородкой. – Это безобразие – сбивать график пригородного пумпеля. Здесь же тоже живут люди.

– Да, люди. Да только одни мы старики и остались, – грустно поддержал его лысеющий мужчина с усами. – Молодежь из городов исчезает куда-то на периферию.

– Это вы правильно заметили. Тонко, так сказать, увидели, – продолжил бородач. – Раньше молодежь стремилась в города, ближе к цивилизации, а теперь начались странные процессы исхода молодежи куда-то в неизвестность.

– Как это в неизвестность? – воскликнула еще не очень старая дама с ридикюлем на коленях. – Пионэры знают, что делать. Помните, когда-то были «Идперы» – идущие впереди, теперь пионэры взялись за воспитание. Нашу молодежь надо в строгости держать. Мы хоть и мудрые, но строгости нам не хватает.

– Вы, мэдам, – восторженно воскликнул лысеющий, – считаете, что мы уже не на что не способны?

– Нет. Я этого не говорила, – ответила дама. – Я имела в виду то, что мы мягкость проявляем где надо твердость проявить. Это же уже наши внуки. А, как известно, через одно поколение навык воспитания резко ухудшается. Новое время требует новых методов. Я полагаю, вы, господа, со мной согласитесь?

– Да, мэдам, конечно, новые методы нужны, – поддержал ее бородач. – Но мы с вами знаем, кто такие пионэры. Здесь мы с вами наблюдаем какой-то странный процесс, если хотите, явление. Я даже не знаю, как назвать это – то ли оболванивание, то ли выравнивание. Создаются не люди, а что-то вроде биомеханизмов. Хорошо ли это? Не знаю...

– Конечно, идеальных клонов не бывает. Но согласитесь, полезные-то получают, – дама с ридикюлем продолжила свою мысль. – У пионэров есть свои права и обязанности. И это хорошо. Мы с вами, господа, не знаем главных целей и поэтому не в полной мере можем судить о средствах, – она достала из ридикюля бейчик и что-то туда записала. – Хоро-

шая мысль, господа, – «не знаешь цели, не суди о средствах». Что-то наш пумпель совсем опаздывает.

– Это хорошо так рассуждать, свободно, на отвлеченные темы, – заметил лысеющий. – А разве все средства хороши? Разве история мало знает случаев применения негодных средств? Разве мы научились отличать хорошее от плохого? Нет, мэдам. Плохие средства приведут к нехорошим результатам.

– Вот, кажется, наш пумпель, – произнес бородач. – Наша беседа интересна, но безрезультатна. Такие задачки на платформах не решаются.

Она прислонила голову ему на плечо и под мерное движение пумпеля задремала.

В вагоне молодежь потихоньку успокоилась, и, как водится, дорожная дремота охватила основную массу пассажиров. У окна совсем молоденькая пара о чем-то перешептывалась. До него доходили отдельные обрывки фраз:

– Зачем поехали?.. – прошептала девчушка лет шестнадцати.

– А что, разве можно было?.. – ответил ей юноша с тонкими чертами лица.

– Они сказали – обязательно, если хотите... чтобы свободными... – девчушка прислонилась к юноше и погладила

его руку.

– А что ты спросишь? – прошептал юноша.

– Я спрошу: «Есть ли Бог?»

– Бог есть. Должен быть, – юноша погладил ее по голове и поцеловал в щеку. – Если Бога нет, тогда все, что вокруг, не имеет смысла.

– ... Не имеет смысла... и мы тоже? – спросила девчушка.

– И мы тоже, – ответил юноша.

– А им Он тоже нужен... они пионэры. Смысл у них есть? – снова спросила девчушка.

– Им Он не нужен. У них есть цели. У каждого свои. Он им не нужен... – прошептал юноша.

– А зачем они забрали бейчики? Для хранения? – девчушка закрыла глаза, похоже, дремота стала ее одолевать.

– Наверное, чтобы нам ничего не мешало, чтобы связи не было... – медленно произнес юноша. Он смотрел в окно, и было заметно, что мысли его терялись там, вдали, за медленно проплывающей кромкой леса на горизонте.

По вагону, аккуратно переступая сидящих и лежащих на полу, еще раз пробирались два пионэра. Их кто-то спросил: «Кто он, Гуру?». Один из пионэров ответил:

– Не наше дело. Не наш объект.

– А кто этот Гуру? – не открывая глаз спросила она. – Может, это ясновидящая и не мужчина вовсе?

– Не знаю, кто он. Никто от него назад не возвращался, – ответил он.

– А куда же они пропадают? – оторвавшись от его плеча и чуть-чуть зевая, спросила она.

– Не знаю, – ответил он.

– Ты что-то должен знать, ты, наверное, умный. Почему не знаешь? – она совсем проснулась и стала снова активной. – Отец говорил, что те, кто был у Гуру, становятся умными. Их распределяют в новых землях для освоения. Ты хочешь в новые земли?

– Поживем, увидим, – ответил он.

– У нас думали, что Гуру – женщина. Даже наших дур дразнили стишками. Могу прочесть, – предложила она.

Он молча откинулся на подголовник. Она продекламировала:

С виду вроде и стройна,
И красива, и умна.
Хочет быть, конечно Гуру,
Но на самом деле дура.

– Тебе понравился этот прикол? – спросила она.

– Эпиграмма неплохая, – ответил он, – но очень злая.

– Отец мне то же самое говорил. Он у меня умный пенсионер, меня любит. А воспитывала меня нянька – страшная дура, но услужливая.

Она на несколько секунд замолкла и затем неожиданно изрекла:

– Я спрошу у Гуру: «Что такое любовь?» Все говорят, что

знают, а объяснить не могут. Ты можешь объяснить, что такое любовь?

– Нет, не могу, – ответил он.

– Какой-то ты угрюмый. Слова из тебя не вытянешь.

– Я задумчивый, – ответил он, – меня так воспитали Лу и Эля.

– Зови меня Венса, я не хочу быть Лу, – сказала она. – А как я должна звать тебя?

– Лучу, – ответил он.

– Лучу, – повторила она. – А что означает Лучу?

– Это значит, что отца моего звали Чу, – ответил он.

Она о чем-то надолго задумалась. Вагон просыпался. Кое-где послышались разговоры. Где-то сзади раздался приглушенный смех. Кто-то прокричал:

Мальчик-пай домой пришел,
Никого там не нашел.
Пионэры всех забрали
И куда-то умотали.

– А у меня маму звали Веня, а папу Александр, вот и получилась Венса. А как ты думаешь, эти пионэры нормальные или... – она задумалась, подбирая нужное слово и медленно по слогам произнесла, – клоники. Отец говорил, что они новый вид и что бояться их не стоит. Если что-то получится не очень, то их уберут.

– Их убрать будет сложно, – ответил он. – С ними бороться

придется. Но кто это будет делать?

– Бороться, – повторила она. – Зачем? Они тебе мешают?

– Они нам не нужны, – ответил он.

– Кому это нам?

– Всем нам. И тебе и мне. И всем, кто к Гуру стремится.

– Они, эти пионэры, мне тоже не нравятся. Дурь от них какая-то идет. Готов. Всегда готов, – она попыталась передразнить дежурных, периодически шнырявших по вагону. – Но без них нам к Гуру не попасть. Гуру ведь с ними.

– Гуру ни с кем. Он один – учитель. Если он существует на самом деле, это надо еще проверить, то он один, – он поставил ее на пол и, чтобы размяться, поднялся. – Посиди, пока я пройду, – и осторожно, чтобы никого не задеть, двинулся по проходу.

Она села в кресло и приготовилась ждать его возвращения.

– Красивый парень, – подумала она, – и похоже, не балаболка. Интересно, понравилась я ему или нет?

По вагону объявили, что через тридцать минут будет станция и всем необходимо будет покинуть вагоны. Оставшиеся в вагонах до Гуру допущены не будут.

Молодежь с шумом встретила эту новость. Послышались крики: «Даешь Гуру!» Несколько голосов нестройным хором прокричали:

Пионэр! Ты не зевай,

Гуру нам скорей давай.
Мы без Гуру пропадем
И дороги не найдем.

Неожиданно перед ней нарисовался лощеный экземпляр с маслянистыми глазками и зализанной назад прической.

– Мадмуазель, мастер на все руки рад приветствовать вас в летящем навстречу судьбе пумпеле. Предлагаю огненную любовь. Хотите пережить незабываемые минуты счастья?

Она несколько опешила от неожиданности предложения и эдакой наглости молодого хлыща и с минуту не могла сообразить, как ей ответить.

– Мадемуазель, я вижу ваши сомнения. Решайтесь. Сомнения в пользу предложения, – хлыщ стоял весьма близко, нависая своей изящной фигурой над ее креслом.

Она попыталась оглянуться вокруг, найти хотя бы какую-либо поддержку, но сидящие рядом равнодушно не обращали на нее и хлыща никакого внимания.

– Где этот Лучу? – промелькнуло у нее в голове. – Удрал не вовремя, – с обидой и злостью прошептала она.

– Мадемуазель, я вижу, вы неопытны. Я научу вас. поверьте, вы будете довольны, – наседавал хлыщ.

Она, наконец-то, с шипением выдавила из себя:

– Отвали.

– Фу, как грубо, мадмуазель. Вы не правы. Грубость вам совсем не идет. Такая тонкая, изящная девушка с аристокра-

тическими чертами лица не должна так говорить, – хлыщ не отставал. – Вы не представляете, чего вы лишаете себя. Счастье – это так эфемерно, случайно, неуловимо. Вот-вот, кажется, оно рядом, где-то близко, уже чувствуется его аромат, и вдруг через мгновение опять серость, обыденность, скучность смертная, и нет конца и края этой повседневности. А у вас красивые волосы. Вам великолепно идет эта милая прическа. У вас, наверное, море поклонников, – он обволакивал ее своим лепетанием, не давая вставить хотя бы слово. – Я понимаю, что я, ваш покорный слуга, могу затеряться среди ваших обожателей. Что ж, это судьба. Это рок. Некоторые думают, что в мастере мало души, нет, я бы сказал, сочувствия, сострадания, что он жесток и механистичен. «Нет и нет» – отвечаю я им. Одиночество делает меня иногда таким грустным и несчастным, что приходится скрывать свою боль и разочарование. Вы видите перед собой несчастного человека, который для себя никак не может создать хотя бы мгновение радости. Все только для других. Вы, наверное, хотите спросить у Гуру, что такое любовь? Я угадал?

Она очнулась и вздрогнула от этого вопроса в непрекращающемся потоке слов.

– Я могу вам, милая девушка, объяснить, что такое любовь. Любовь это...

Лучу стоял сзади и внимательно наблюдал за происходящим.

– ... любовь это как прикосновение, легкое незаметное.

Вот как сейчас, – хлыщ дотронулся рукой до ее волос.

Она резко дернулась и отстранилась от хлыща.

– Что вы, дорогая? Это же не страшно. Я только хотел прикоснуться, погладить ваши превосходные волосы.

Лучу, обхватив его сзади, приподнял и поставил в проход на пяточок между сидящими.

– О...о...! – вскрикнул хлыщ от внезапности своего перемещения в пространстве и, увидев Лучу, добавил:

– О! Мачо! Прошу пардон.

– Все в порядке? – повернувшись к ней, спросил Лучу.

– Да, все нормально, – вставая, чтобы уступить ему место, ответила она.

Пумпель замедлил ход. По обеим сторонам эстакады замелькали строения, указывающие на то, что где-то впереди скоро, среди небольшого городка, появится станция. Малоэтажные домики довольно быстро сменились на дома повыше. Людей на улицах почти не было. Дневная жара, видимо, загнала население в прохладные места. Пумпель проскочил пару пустых пригородных платформ и медленно въехал под навес небольшого вокзала с надписью на стене: «ст. Поперечная».

– Все двери между вагонами задраены намертво. Пинэров не видно. Везут нас как-то странно, ощущается какой-то жесткий режим, – сказал он, когда пумпель окончательно остановился.

– И что, нельзя убежать? – спросила она.

– Посмотрим на станции, – ответил он, рассматривая через окно здание вокзала и нескольких пионэров, стоящих у входа.

– А зачем бежать? Ты уже не хочешь встретиться с Гуру?

– Это я так, из интереса, – ответила она. – Спасибо тебе за этого идиота, – она кивнула в сторону, где еще недавно стоял хлыщ.

– Не за что, – угрюмо ответил он.

– Хочешь, я сочиняю тебе стих? – спросила она.

Он машинально кивнул головой.

– Пумпель мчится что есть мочи,
Он от нас чего-то хочет.

Она на несколько секунд задумалась и продолжила:

– Может, чтобы мы теперь
Все добрались без потерь.

– Я так не умею, сочинять на ходу, – сказал он. – Ты где-то этому училась?

– Нет. Так рифмовать несложно, – ответила она. – А учусь я в административном колледже. Отец захотел, чтобы я училась там.

– Пионэры не должны были тебя сажать в пумпель, – с удивлением произнес он. – Администраторов они к Гуру не берут.

– Я им сказала, что свободна, – ответила она.

Монотонный голос по трансляции объявил:

«Из вагонов выходить по одному. Каждому будет вручен идентификационный жетон, который подлежит сохранению на весь период мероприятия. В помещениях вокзала будет предоставлено питание и напитки. Опоздавшие к отправлению пумпеля и не покинувшие вагоны во время стоянки как претенденты подлежат аннулированию. Отправление пумпеля состоится через шестьдесят минут».

В вагоне зашумели. Образовалась толчея на выход. Понеслись крики: «Давай Гуру! Гуру давай!». Он поставил ее перед собой, и, плотно прижавшись друг к другу, они медленно в толпе двинулись к выходу. Снаружи жаркий воздух сразу обхватил прохладные тела выходящих. В коридоре, образованном пионэрами, каждому набросили на шею цепочку с жетоном без каких-либо надписей и отметок, размером не более крупной монеты. Несколько пионэров каким-то инструментом подгоняли петли жетонов под размеры. Через минут пять он с Венсой оказался в помещении вокзала, постепенно заполняемом шумной молодежью. Откуда-то сверху раздавалась бравурная музыка, похожая на марш. Громкость звучания была так велика, что слышать друг друга можно было только крича прямо во ухо. Мужской хор запел бодрую песню, похожую на гимн:

Нам, пионэрам, сделать немало

Родина-мать навсегда приказала.
Плотно сомкнем мы наши ряды.
Рядом в строю есть и я, есть и ты.

– Ты заметил, что жетон теперь не снять, – прокричала она ему в ухо.

– Да, окольцевали пионэры, – наклонившись, ответил он. – Цепочка на вид очень крепкая.

– Пошли, найдем что-нибудь поесть, – прокричала она.

Хор после музыкальной отбивки исполнил еще один куплет:

Нам, пионэрам, дело всем дали,
Главное цель, остальное детали.
Вырастут люди все без оков,
Крик пионэра – всегда будь готов!

Ожетоненная молодежь, оглохшая от громового марша, слонялась по помещениям вокзала. Некоторые пытались выбраться наружу, но двери и окна не поддавались попыткам их открыть. Внизу на цокольном этаже обнаружился буфет – на столах лежала еда, в основном бутерброды. Имелись и бутылки с водой. Прибывшие активно поглощали все, что размещалось на столах. Обслуга едва успевала восполнять потери.

Лучу с Венсой, перекусив парой бутербродов, попытались найти какой-либо тихий уголок, чтобы переждать остановоч-

ную паузу, но везде орал хор, вновь и вновь повторяя слова гимна, и с каждым новым куплетом о родине, о деле и готовности пионэров пафос нарастал – все помещения дрожали от децибелов.

Они выбрались наружу – вдоль вагонов стояли часовые пионэры. На платформе жара не спадала, но громкий марш здесь был глуше, и можно было более менее общаться друг с другом.

– Как ты думаешь, зачем нам эти неснимаемые жетоны? – спросила она.

– Для тотального контроля, – ответил он.

– Но мы же никуда не бежим, – продолжила она.

– Это, похоже, только начало, – сказал он, внимательно рассматривая часовых пионэров. – Я думаю, что жетоны – это наши пронумерованные личности. И следить за нами всеми теперь им проще и удобнее. Возможно, нас еще будут как-то сортировать. Нам надо держаться друг друга.

– Я согласна, – ответила она, крепко сжимая его ладонь.

По трансляции объявили, что начинается посадка и всех просят занять свои места в вагонах.

– Почему вы задержали пумпель? – инспектор весь кипел от негодования.

Диспетчер, сидя за пультом и не поворачивая головы, про-

бурчал:

– Вы собрали такую ораву, выбросили нам на вокзал и хотите, чтобы мы быстро их запихнули назад? Ваши пионэры жетоны раздавали более получаса.

– Немедленно отправляйте пумпель, – шипел инспектор. – Вы срываете весь график. Министерство накажет за такую работу.

Диспетчер, не обращая внимания на негодование инспектора, наблюдал за посадкой.

– Вон, видите, ваши пионэры и то не справляются. И зачем было такой пумпель формировать?

– Вы прекрасно знаете, что пионэры нам не подчиняются! – прокричал инспектор. Его красное лицо изображало одновременно и страх и ярость.

– Наша задача принять и отправить. Что вы сидите? Действуйте, сделайте хотя бы что-нибудь. Дайте хотя бы объявление, что пумпель отправляется через пять минут.

Диспетчер монотонно повторил в микрофон:

– Пумпель отправляется через пять минут.

В диспетчерской раздался звонок. По громкой связи равнодушный голос, медленно расставляя слова, произнес:

– Говорит старший вожатый. Пумпель отправится по готовности. Прошу быть готовым.

Щелкнул выключатель, и голос исчез. С минуту инспектор и диспетчер молча смотрели на экран, где висела картинка с очередями садящихся в вагоны и дежурными пионэра-

ми, контролирующими потоки молодежи.

– Чего же дергаться? Видите, они еще не готовы. Я думаю, еще минут тридцать будут усаживаться, – диспетчер отвернулся от экрана, попил водички и продолжил свои неспешные рассуждения:

– Они набили сверх меры этот пумпель, наверное, с учетом отказников. В прошлом разе отправили полупустой. Часть молодежи пожелала не ехать. Забастовали ребята.

– Пионэры знают, что делать, – уже более спокойно высказался инспектор. – Только мы их целей здесь не знаем.

– Там наверху у начальства знают, что делать, – возразил диспетчер. – Нас не трогают и то хорошо. А по поводу задержки пумпеля напишите докладную или рапорт, как делают эти, – он ткнул пальцем в сторону пионэров, стоящих у вагонов. – И слова можно вписать такие: – ввиду непреодолимых обстоятельств и так далее... Можете уже сейчас начинать писать.

– Написать-то можно, – согласился смирившийся инспектор и неожиданно спросил:

– А оставшиеся так и исчезают?

– Их дежурные пионэры куда-то вывозят, а наши потом убирают полдня помещения. Ужас, что после них остается.

– После пионэров? – спросил инспектор.

– Нет, от молодежи, – ответил диспетчер. – Все углы, все что можно, все загажено, исчиркано. Молодежь ныне энергично свободная. Вот опять конфликт, – диспетчер кивнул

на экран, где пионер уводил от вагона какого-то дергающегося парнишку.

– Последний пумпель сейчас отправим и домой. Мне здесь делать больше нечего, – пробурчал инспектор.

– И что, молодежных пумпелей больше не будет? – спросил диспетчер.

– Да... – уже довольно равнодушно протянул инспектор. – В министерстве есть информация, что этот вроде последний.

– Последний, – повторил диспетчер как бы раздумывая. – Ну и хорошо. Станет спокойнее. А что с пионерами там у вас слышно? Что-то много их стало. У нас в городке и то дружина появилась. Мэр бегает, не знает как себя вести, все с ними советуется.

– Полным-полно, – ответил инспектор. – В министерстве звено уже есть. Я думаю, скоро меня к вам посылать перестанут. Пионеры везде будут.

– А как же без нас, спецов? Без нас никак нельзя. Что этот пионер может? Правда, ребята все здоровые, сильные, как на подбор. Вот что-то девчонок я не вижу? У вас там есть девчонки?

– Слухи ходят, что есть, но я их еще не видел, – ответил инспектор. – А нас им заменить легко. Мы уже отработали свое.

Утиль, одним словом. Может, кого-нибудь из этих пумпелей на наше место и пришлют. Пионеры их работать научат и заставят.

– Научат, заставят, – недовольно повторил диспетчер. – Без желания, без стремления? Это не то. Толку мало будет. Я вот, можно сказать, всю жизнь при вокзале. Начинал простым механиком. Это место – мой второй дом. А у них, у пионэров, где дом? Где председатель скажет, там и дом? Как-то это не по-людски. Неуютно получается. Холодные они какие-то. Будь готов. Всегда готов.

Последние слова он произнес уныло и, безнадежно махнув рукой, добавил:

– Всегда готов... Придумали же. А когда личное время, тоже всегда готов?

Диспетчер уже не смотрел на экран. В большие окна от потолка до пола и так было видно, что очереди у вагонов еще не рассосались.

– Вот вы, инспектор, одобряете это пионэрокое движение? Вам это нравится?

Инспектор отвернулся от окна и задумался, видимо, такой вопрос застал его врасплох. Там, в городе, в его кругах такие темы не принято было обсуждать, а здесь, подумал он, где пионэрия не сильно развернулась, такие вопросы еще задавались.

– Одобряю ли я? – повторил он вопрос. – Я даже не знаю, как на него ответить. Они, я имею в виду пионэров, наверное, полезные вещи делают. По крайней мере мне они не мешают. А что будет потом с этим движением, нам неизвестно. Мне на пенсион скоро, так что пусть об этом молодежь ду-

мает.

– А что думает ваша молодежь? – не отставал диспетчер. – Что ваши домашние думают? У вас есть домашняя молодежь?

– Домашняя молодежь учится, и мысли у нее непохожие на наши, – ответил инспектор.

– Это что же, нам их не понять или они нас не понимают?

– И то, и другое, – ответил инспектор. – Кажется, посадка заканчивается.

– Да, конец полемике, – согласился диспетчер, взглядываясь в экран.

– А я хочу в этот вагон, – настаивал худенький парень с гривой на голове. – Имею право. Там, где я был раньше, мне не нравится, там бритых много.

– Ваш вагон пятый. Прошу занять положенное место, – пионер у входа в вагон отстранил парня от двери.

– Ты что, глухой? Я же говорю тебе, там мне не нравится, – повторил парень, пытаясь оттолкнуть пионера.

Пионер равнодушно, без эмоций еще раз произнес:

– Ваш вагон пятый. Прошу занять положенное место.

Венса, стоящая сзади, не выдержала и возмущенно заявила:

– Ты что лезешь в наш вагон? У нас там и без тебя тесно.

Иди к своим бритым.

Парень не уходил и продолжал напирать на пионэра:

– Ты что здесь, главный, что ли? Подумаешь – пионэр.

Видали мы и не таких начальников. Пусти, а то хуже будет.

Неожиданно сзади к парню приблизился дежурный. Как-то быстро, никто и не заметил, как это произошло, парень оказался с наручником на правой руке. Второй наручник был закреплен на левой руке дежурного. Заломив руку паренька за спину, дежурный повел его в сторону вокзала. Парень пытался сопротивляться. Бранные слова, исходившие от него потоком, прерывались громкой речевкой:

– Надо попу нам всем рвать,

Пионэров посылать...

Парень хрипел, дергался, но всё же продолжал:

– Могут нас здесь всех умыть

И здоровье повредить...

В конце концов крики сменились стенаниями:

– Я согласен... Я согласен в свой вагон...

Но дежурный пионэр был неумолим. Менее чем через минуту он с рыдающим парнишкой скрылся в арке вокзала.

Лучу с Венсой вошли в вагон. В их ячейке оказалось два свободных места. В проходе уже никто не сидел и не стоял. Видимо, много молодежи осталось в помещениях вокзала.

Через пять минут пумпель отошел от перрона.

– Жалко парнишку, – она тихо произнесла эти слова и посмотрела на него.

Он молчал, смотрел в окно и думал о чем-то своем.

– Ты не слушаешь меня? – спросила она.

– Извини, – ответил он. – Да, парнишку жалко. Глупо было сопротивляться.

За окном промелькнули последние строения. Внизу под эстакадой и до самого горизонта открылись лесные дали. Солнце скрылось за тучами. Серо-черные облака нависли над лесом. Похоже, что надвигалась сильная гроза с ливнем.

– Почему они Гуру поместили так далеко от города? – спросила она.

– Наверное, чтобы его меньше беспокоили случайные посетители, – ответил он.

– Что-то мне расхотелось ехать к Гуру, – сказала она тихо. – Ты слышишь меня?

– Уже поздно менять решение, – ответил он. – Надо подумать, что делать дальше. Как себя вести с этими?

Она поняла, что он имеет в виду пионэров.

За окном где-то сверкнуло впереди над дальним лесом. Первые крупные капли прочертили на стекле косые линии. В вагоне зажегся свет. Пассажиры как-то загрустили. Разговоры прекратились, и в вагоне наступила обычная дорожная тишина. Девчушка, оторвавшись от окна, шепотом спросила:

– А куда они все делись? Их не пустили к Гуру? Или они сами не захотели?

Вопрос повис в воздухе. Дружок девчухи – юноша с тонкими чертами лица не сразу ответил:

– Мы здесь в пумпеле, а они остались там на вокзале. Почему так получилось? Может быть, мы узнаем это когда-нибудь.

По вагону друг за другом энергично прошли два пионэра. Минут через двадцать они же на обратном пути отсканировали все жетоны и исчезли по ходу движения пумпеля. Неожиданно появился хлыщ. Он оглядел всех сидящих и как-то нарочито бодро произнес:

– Кислота тут у вас какая-то. Что загрустили, паломнички? До Гуру далеко, а пионэрия рядом. Предлагаю создать общественное движение. Есть идеи по названию?

– Отвали, – первой отреагировала Венса.

Хлыща эта реплика нисколько не смутила.

– О! Мадмуазель. Я глубоко виноват перед вами и вашим другом. Прошу простить меня за те неудобства, которые я вам учинил. Глубоко раскаиваюсь в содеянном. Обещаю искупить дальнейшим примерным поведением. Нельзя же оступившегося один раз человека отвергать, презирать. А где наш природный гуманизм, где наше сочувствие, участие и, наконец, сострадание к падшим?

Хлыщ говорил не останавливаясь:

– Мы, человеки, должны понимать друг друга. Понима-

ние и прощение – вот наш девиз, если хотите кредо, при любых обстоятельствах. В самые тяжелые времена, я бы сказал, поворотные времена, понимание и прощение позволяло нам оставаться людьми...

– Все, все. Я простила вас. Простила. Я поняла, я поняла вас. Вы просто многоговорящий человек, – торопливо произнесла Венса.

Хлыщ остановил поток своих слов и ждал реакции остальных сидящих.

– Мы, конечно, не возражаем, – робко ответил юноша с тонкими чертами лица и неуверенно добавил, – только зачем нам это движение, мы и так сидим и движемся. Если только развлечения ради?

Хлыщ помрачнел и спросил:

– А нас устраивает это странное движение?

– Допустим, не устраивает, – включился в разговор Лучу и жестко спросил: – Есть конкретные предложения?

– Конкретно, нам нужна информация. Пока ее нет, мы можем грустить и хохмить сколько угодно, и это будет сплошной бесполезняк, – ответил Хлыщ.

– Добыча информации в наших условиях – тяжелая работа с низкой вероятностью успеха. – Лучу встал и оглядел весь вагонный проход. Все было тихо. Видимо, после остановки остатки молодежи впали в уныние. Веселость и задиристость первых часов поездки исчезли безвозвратно.

– Давайте рассуждать логически, – Лучу произнес эту

фразу и добавил: – Первое, что мы должны сделать, это обменяться друг с другом – кто что знает. Каждый что-то видел, что-то слышал об этих пионэрах и Гуру. Второе, надо подумать, где и как получить новые сведения. Кстати, как тебя зовут? – обратился он к Хлыщу. Хлыщ ответил:

– Меня зовут Альберт. Как ни странно, но в школе меня прозвали Бертой. Имя мне родичи подобрали иностранное, видимо, от любви к экзотике. Вот и стал я неожиданно для себя благородным, блестящим и белым. Одним словом, «Благородный блеск», интроверт по натуре, борюсь с этим всю свою сознательную жизнь, говорю без остановки, – Хлыщ перевел дыхание и продолжил: – Предки имена нам выбирают без нашего согласия. Хорошо, если будущий характер совпадет с именем, а если нет? Назовут Аполлоном, а на самом деле вырастит коряга какая-то. Я думаю, что имена сначала надо давать предварительные, а позже сделать так, чтобы сам хозяин мог его изменить.

Хлыщ, видимо, утомился от собственной речи, затих. Наступила пауза, которую нарушил Лучу. Он назвал свое имя и имя Венсы. Остальные также назвали свои имена, и эта процедура представления как-то неожиданно объединила ячейку в какое-то содружество и, казалось, влила в участников новую порцию энергии. Каждый старался выговориться и изложить все, что он знает или слышал о Гуру и пионэрах.

Информации оказалось немного, а противоречий хоть отбавляй. Никто не знал, что их ждет в конце пути. Хлыщ и Лу-

чу, пытаюсь анализировать все, что было сказано, теряюсь в версиях и догадках.

Гроза с ливнем обрушилась на пумпель. Сплошная стена воды накрыла снаружи все вокруг. Из-за резкого снижения видимости и шквалистого ветра пумпель сбавил ход. Непогода за окном оптимизма не прибавила. Вопрос – куда делась исчезнувшие после станции их попутчики, как и многие другие вопросы, – остались без ответа.

Они наблюдали за городом с высоты сотого этажа. Внизу кипела жизнь. Общественный транспорт, несмотря на дневную духоту, был полон страждущих добраться до магазинов, офисов, собственных квартир и прочих мест, крайне необходимых или бесполезных для пассажиров. Город работал и жил. Транспортные потоки второй половины дня, еще не такие мощные, как в часы пик, растекались по автострадам в разных направлениях и отсюда сверху напоминали трассы лесных муравьев в заботах летнего дня.

Громадные окна со светоотражающим покрытием не пропускали яркий солнечный свет, и в помещении было уютно, а микроклимат, удачно подобранный компьютером, позволял комфортно расположиться в креслах и обсуждать насущные управленческие проблемы.

Мужчина средних лет в безупречно деловом костюме, от-

пивая глоток прохладной воды, спокойно и уверенно произнес:

– Шеф, вы действительно считаете, что клонисты эффективнее евгенистов?

– Нет, я так не думаю, – Шеф отошел от окна и, расположившись в кресле, продолжил: – Они хотят нас убедить, что каждое направление лучше другого. Это нормально, но только до поры до времени. Когда соперничество достигнет апогея и эта борьба проникнет в нашу управленческую среду, тогда эта борьба станет опасной для общества.

– Может быть, их объединить? – спросил помощник. – Тогда можно заранее нейтрализовать эту потенциальную опасность.

– Если их объединить, то это соперничество мы загоним внутрь, и там может начаться обыкновенная исследовательская грызня. Это явно хуже, чем контролируемое явное соперничество. – Шеф задумался на минуту и продолжил:

– Полагаю, пока оставить все как есть. Тем более, что решение надо проводить через Высший Совет. А там, как вы знаете, существуют разные точки зрения. Да, кстати, вы подготовили докладную по проекту «Гуру»? Совет ждет ответа.

– Да, документ почти готов. Только я бы хотел обсудить окончательное предложение.

– У вас есть сомнения? – удивился Шеф.

– Не то чтобы сомнения, есть варианты. Эксперты дают разные, явно противоположные заключения.

Шеф отложил в сторону папку с бумагами:

– Я слушаю вас.

– Уникальных экземпляров за время реализации проекта не выявлено. Это главный аргумент в пользу закрытия проекта. Но времени прошло весьма мало для того, чтобы сделать окончательный вывод. Это аргумент в пользу продолжения работ. Капитальные и текущие затраты незначительны, и в нашем случае ими можно пренебречь. Но вот фактор резерваций серьезен. Сторонники закрытия считают, что необработанный, сырой материал отказников в таком объеме не может быть качественно переработан евгенистами. Вот это основное, о чем я хотел вам доложить.

– А почему отказников так много? Пропагандисты недорабатывают?

– Я послал в министерство контролеров, но результатов пока нет.

– А наша пионерия?

– Пионерия работает эффективно. Дисциплина в норме. Организация четкая. Возможно, методы жестковаты, но зато, как уверяют генетики, исполнительность выше всех ожиданий.

Шеф встал, подошел к окнам и довольно долго смотрел на город.

– Со мной вчера нехорошо поговорили члены Совета о резервациях. До них дошла информация о перегруженности лагерей. Если недовольство распространится в обществе,

проект придется закрыть, а заодно и евгенистов. Думаю, пока что это преждевременно, но как долго это может продолжаться? Так что же мы Совету можем предложить?

Мужчина средних лет налил воды, отпил полстакана и спокойно, тщательно подбирая слова, ответил:

– Думается, что сейчас необходимо приостановить проект. Тем самым остановим поток отказников и разгрузим резервации. Пионэров временно переориентируем. А отбывший сегодня пумпель следует считать последним в этом сезоне.

Шеф вернулся к креслу, внимательно посмотрел на помощника и, чуть улыбнувшись, спросил:

– У вас документ уже готов?

– Да, Шеф, – помощник достал из папки лист бумаги и положил его на стол.

Шеф просмотрел документ, подписал его, прищурился и с некоторым облегчением спросил:

– На сегодня это все?

– Да, – последовал ответ.

Хлыщ на минуту исчез и появился с яркой девицей. Прогнувшись, он заявил:

– Разрешите представить – Рая, моя подруга верная в дороге. Надежная, как я, и интроверт. Девочки, я предлагаю

вам охмурить пионэрчика.

– Альбертик! Охмурить пионэрчика? Это что-то новенькое, – проворковала девица и с выражением нарочито трагично прочитала:

Полюбила пионэра,
До меня ему нет дела.
Что ж, пришлось пойти в утиль,
Может, там найду свой стиль.

Венса как-то резко с недоверием отреагировала:

– Охмурайтесь без меня. Я в этой дури участвовать не буду.

– Что вы, что вы, мадмуазель, – улыбнулся Хлыщ, – это совсем несложно. Это всего лишь легкий флирт. Это поможет нам получить хоть что-то новое о нашем состоянии, о нашей судьбе.

– А ты что молчишь? – Венса обратилась к Лучу. – Я что, должна любезничать с этими клониками? – и, подражая девице, продекламировала:

Пионэром ты не будешь,
Встречу с ними не забудешь.
Можешь ты в утиль попасть
И тогда совсем пропасть.

По трансляции объявили:

«Просим подготовиться к опросу. Ваши вопросы к Гуру будут внесены в протокол. Подробные инструкции у дежурных».

Вагон оживился. Молодежь зашумела на все голоса. Появились идеи – какие вопросы задавать. Возникли даже споры. В соседней ячейке юношеский голос прочитал четверостишие:

Гуру добрый. Он поймет
И к себе тебя возьмет.
Только как вопрос задашь,
Будешь взят на карандаш.

– Вот и дождались, – сказал Лучу, – в самый раз охмурять. Идея неплохая. Наши спутницы могут попробовать их разговаривать. Шансы невелики, но попытаться можно. Мы еще не знаем, как они отреагируют на противоположный пол.

– А о чем же с ними говорить? – успокоившись, спросила Венса.

Лучу ответил:

– Начните, как положено по этикету, с погоды, а потом, если будет ответная реакция, переведите разговор на него, то есть о нем. Может, что-то скажет о себе, кроме: «Всегда готов».

Хлыщ одобрил тему разговора и добавил:

– Улыбайтесь, побольше улыбайтесь. Вы обратили внимание, они совсем не улыбаются.

Ливень постепенно стихал, посветлело. Пумпель ускорился. За окном появилась бегущая картинка сплошного, чисто вымытого дождем леса.

– Венсочка, я начну с природы, а ты что-нибудь вставишь о погоде в этих местах, а заодно спросишь – как там погода у Гуру? – с улыбкой произнесла девица. – А слова «Вы сегодня великолепно выглядите», сказанные искренне и с заинтересованным блеском в глазах, могут на пионерчика произвести впечатление.

– Я попробую, но трогать, лапать я его не буду, – ответила Венса.

– И не надо, – согласилась девица. – Для начала достаточно заинтересованного внимания, но при разговоре надо по чуть-чуть приближаться к нему, так сказать, вторгаться незаметно в его личную зону комфорта, но так, чтобы его это не раздражало.

– Вы, я вижу, уже план действий наметили. Вот и чудненько, – удовлетворенно заметил Хлыщ. – Будем ждать пионерчиков.

Неожиданно пумпель резко сбросил скорость. Пейзаж за окнами не предвещал ни станции, ни остановки, но уже минут через пять вагоны поравнялись с невысокой платформой, и пумпель остановился. Через окно виднелось большое одноэтажное серое здание невзрачного вида, скорее напоминающее ангар, чем обычный вокзал. За ангаром обнаружилось несколько строений неизвестного назначения. После

ливня все вокруг было наполнено водой. Серые крыши и стены еще не просохли. Повсюду блестели большие лужи. На передней стене ангара белой краской было выведено: «Ст. Продольная».

Пассажиры не спеша выбрались на платформу. Воздух после грозы был чист и свеж. Невысоко над горизонтом, через лохмотья черных туч выглянуло солнце, яркие лучи которого осветили скучное пространство из нескольких серых строений среди сплошного ковра леса.

Молодежь, тихо переговариваясь между собой, постепенно притихла, с любопытством наблюдая за действиями пионэров. Наступила странная тишина, в которой пионэрское передвижение выглядело непонятным и непривычным. Одни из них формировались, приветствуя друг друга касанием ладони правой руки, в группы по три человека, затем тройки поочередно удалялись в ангар. Другие выстраивались у вагонов.

– Что-то затеяли, – враждебно прошипела Венса.

– Это они готовятся нас переписать, – предположил Лучу.

– Смотрите, это все захудалое место окружено периметром, – прошептал Хлыщ.

– Какой периметр? Я ничего не вижу, – спросила Венса.

– Видишь, вышки вокруг, – тихо проговорил Лучу. – Это и есть периметр.

– Эко, сегодня их как много, – удивился лысый мужчина во френче с малиновыми погонями.

– Пионэры потрудились, – ответила ему деловая женщина в черном комбинезоне.

– Грязи-то нанесут немерено.

– Да, после них зачистка ваша будет обширна.

– Зачистка это потом, а сейчас тесно им в ангаре-то будет, – заметила деловая.

– В тесноте, да не в обиде, – произнес френч. – Прижмутся друг к дружке. А то ныне такая разобщенность. Ни до кого не достучишься, не докричишься. Традиции не передаются. Опыт никому не нужен. Каждый сам по себе.

– Это вы верно сказали. Вот возьмем нашу уборку, клининг то есть, ведь мало кто хочет этим заниматься. Традиции, навык исчезли, испарились. Все норовят менеджировать. И эти пионэры тоже. У них, смотрю, все начальники, поди.

– Да нет. У них низшие звенья вроде бы трудятся. Вот сейчас молодежь сортируют.

– Так сортировать людей – это ж не работа. Эдак все могут, если власть им дать, – деловая отошла от окна. – А ты попробуй своими руками что-то сотворить. Вот тогда мы посмотрим, на что ты способен.

– Не соглашусь с вами, – ответил френч. – Руки руками, а голова тоже нужна. Соображать надо.

– А я что, против головы? Я за, – продолжила деловая. – Только если работа не видна, что толку от головы.

– Соглашусь, что и голова и руки нужны, чтобы дело делать, – высказался френч и после некоторого раздумья спросил:

– А не испить ли нам чаю, пока пионэры молодежь сортируют?

– Да, пожалуй, чайку попить стоит, а то потом и голова и руки будут заняты.

Они устроились за небольшим столом у окна, наблюдая, как пионэры выстраивают прибывших в очереди и направляют потоки в ангар.

– Я вот что скажу, нет уважения между поколениями. Связи нет. Молодые сами по себе, а мы уже влиять не можем. Жизнь стала быстрой, бежит не угонишься. Говорят, что этим пионэрам поручили молодежь воспитывать. А где у них традиции, где опыт? Нетути, – френч с удовольствием маленькими глотками отпивал горячий чай.

– Да, молодежь от нас увели, отстранили, значит, – подтвердила деловая. – А может это и правильно. Новые люди растут – новые идеи будут. От моего клининга новых идей не предвидится.

– Да и то верно. Я уж на станции лет сорок, и что видел? Лес да пумпели проходящие. Это ж кому сказать стыдно, в

городе ни разу не был. От хозяйства никак не оторваться. Лениность оседлости одолела. Нет никакого желания к переменам.

– Перемены вещь иногда опасная. Да и здоровье от них портится, – продолжила деловая. – У нас здесь хорошо, тихо. Только вот молодежные пумпели беспокоили. Раньше без них спокойнее было. Зима придет, сезон закончится, передых будет.

– Зимой хорошо. Пумпель один раз в неделю, и то проходящий. Спокойствие и благолепие, – мечтательно вздохнул френч.

– Благолепие, – согласилась деловая.

Они несколько минут удовлетворенно созерцали опустошенную платформу. Небо очистилось окончательно. Солнце клонилось к закату. Длинные тени от строений вытянулись до самой опушки леса.

– Интересно, много ли сегодня будет отсортированных? – спросила деловая.

– Поживем увидим, – ответил френч. – На «Поперечной» отказников было много. Пумпель переполнили. А у нас по-свободней стало.

– Жалко их, – деловая кивнула в сторону вагонов. – Попадут в лагерь, разрежут их всех.

– Вы это зря так говорите. Эта информация закрытая, – оглядываясь по сторонам, тихо заметил френч. – Да и не режут их, а препарируют для науки. Новый менталитет выво-

дят.

– Всё равно жалко, – шепотом продолжила деловая. – Нам-то что, у нас свой менталитет устоялся. А эти только начинают жить.

– Жизнь жизнью, а науку остановить нельзя.

– А что же, наука и пожалуйть никого не может? – спросила деловая.

Френч поставил на стол пустую кружку.

– Наука-то может, то есть я не так выразился. Человеки научные могут, и то не все, а наука в целом движется сама по себе и из любопытства может в такие дебри забрести, что потом все ахают и удивляются – мол, не гуманно это, бесчеловечно. Вы и то ворчите на этих пассажиров: «Стены все исписали, испачкали в ангаре», а наука хочет это исправить, чтобы не чиркали где попало.

– Я ворчу за дело, – ответила деловая. – Я же не препарирую, хотя посечь иногда очень хочется этих пакостников. Прямо нейметса им, как стенку какую чистую увидят, так руки у них, что ли, чешутся, исчиркать все.

– Вот видите, – продолжил френч. – А наука – она особенно психологическая, все это изучает и стремится к новому. Вам же приятнее и удобнее будет убирать при чистых стенах.

– Приятнее, – согласилась деловая.

Ярко-красное огромное солнце коснулось верхушек деревьев. Его вечерние лучи осветили комнатку, напичканную приборами, датчиками, настенными экранами, на которых

фиксировались картинки пустой пумпельной трассы, бегущей среди бескрайних, покрытых лесом холмов.

– Уже час как сортируют, – заметила деловая.

Френч взглянул на часы:

– Час пятнадцать минут. Так это как обычно. Работы у них там много.

– А вы сами-то к Гуру хотели бы попасть? – спросила деловая.

Френч надолго задумался, не спеша прошелся вдоль окна, внимательно осмотрел все экраны, что-то пробормотал про себя, видимо, повторяя вопрос, и произнес:

– Нет, пожалуй, нет.

– Почему? – удивилась деловая.

– Почему... – Френч тянул с ответом, подбирая нужные слова: – Мне нечего его спросить, да и зачем мне знать что-то такое, что я еще не знаю про себя. Зачем мне это? О себе я знаю почти все, и мусора и грязи во мне достаточно, чтобы я еще что-то новое узнал.

– А судьбу разве не интересно узнать? – не унималась деловая.

– А зачем? Ну, узнаю я, как все кончится, что из того? Мне что, лучше станет жить? Нет, не лучше... – Френч вздохнул, и взгляд его устремился куда-то далеко, где уже, наверное, давно не бывала его мысль.

– Да, пожалуй, вы правы. Нам уже это не нужно, – тихо согласилась деловая и, грустно улыбнувшись, добавила: – А

молодежь еще желает что-то узнать.

– Молодежь, на то она и есть молодежь. У нее стремление есть, – заметил френч. – Вспомните себя в молодости. Все еще впереди. Стремись, выбирай.

На экране появился сигнал: «Начало посадки».

– Вот и все. Сейчас отправим, и смене конец, – равнодушно заключил френч. – Всех к Гуру отправим. Гуру умный, всех рассудит.

– Наохмурились, – грустно сказала она.

Он молча смотрел в окно и по мере удаления от «Продольной» хмурился все более и более. В глазах его надолго застыла картина, как пионэры уводят Хлыща и девицу, а Хлыщ, не сопротивляясь, напевает старую песню:

Я ухожу навсегда. Кто-то сказал мне – пора.
Время бежит далеко, всех нас забудут легко...

Неожиданно у Хлыща оказался красивый голос:
Люди другие придут, может быть нас позовут.
Время бежит так легко. Нам всем до них далеко...

Эти слова Лучу помнил от отца, который в последний год часто напевал их тихонько про себя, вглядываясь туда, где

океан соединялся с огромным куполом неба.

– Почему у них порвались жетоны? – спросила она.

Он долго не отвечал. Потом повернулся к ней и прошептал:

– Я потом тебе все расскажу.

– Хорошо, – покорно согласилась она.

Пумпель мчался по высокой эстакаде куда-то на северо-восток. Солнце уже скрылось за горизонтом. Небо над лесом вспыхнуло красно-золотистым заревом вечернего заката. На западе над самой кромкой леса блеснула яркая голубая звезда.

– Хочешь, я расскажу тебе одну историю? – спросила она.

Он кивнул головой. Она начала рассказ, пытаясь с выражением произносить слова и фразы и делать паузы в нужных местах:

«Небо над лесом вспыхнуло красно-золотистым заревом вечернего заката. Над самой кромкой леса блеснула яркая голубая звезда. В долине было сумрачно и сыро. Бажена лежала на холме и смотрела в темнеющее небо, где постепенно проступали далекие звезды.

– Завтра в ночь будет праздник, и я обязательно пойду к Яри, он так нравится мне, – думала она. – Только бы Черныш не опередил его.

Закат быстро затухал. В вышине через все небо протянулась звездная дорога. В редколесье за ее спиной проснулись ночные жители. В тишине слышались слабые шоро-

хи и звуки, кто-то совсем близко от нее фыркнул несколько раз и, уткнувшись влажным носом в ее плечо, удалился в густую траву. Ночная бабочка села ей на живот и, тихо перебирая лапками, пробралась ближе к груди. Бажена старалась не двигаться, чтобы никого не спугнуть в эту предпраздничную ночь.

Этот Черныш каждый раз пристально смотрел на нее, когда она проходила мимо мельницы. А неделю назад он поймал ее и прижал к стене за гумном.

– Ты всё равно будешь моей. Скоро жди сватов, – хрипел он ей в ухо, когда она отбивалась от него. – Родители согласны. А Яри твоего я загублю. Слышишь, – крикнул он ей вслед, когда она вырвалась от него.

В траве что-то чуточку прожужжало, может быть, это сонный шмель устраивался на ночлег. На фоне ярких звезд пара летучих мышей, как крупные черные бабочки, пропорхали над ней и скрылись в низине. Мириады звезд смотрели ей в глаза, как будто свои синие угольки рассыпал по всему небу Перу, – так, по крайней мере, говорила Полеска. Яри не верил Полеске, он говорил, что звезды очень далеко от нас и огромные, больше нашего солнца, а Перу он носил подношения потому, что все так делают.

Теплая, нагретая за день трава, на которой она лежала, медленно остывала, но ей не было холодно. Она широко раскрытыми глазами смотрела в бездонное небо и представляла себя маленькой песчинкой в этом непостижимом простран-

стве. Из долины медленно поднимался туман. Яркая звезда исчезла за горизонтом. После полуночи всплыл старый серп луны и тускло осветил чуть прикрытый дымкой лес.

– Почему бы ему не найти ее сейчас ночью на этой поляне, – подумала Бажена. – Разве можно спать в такую чудную ночь.

Она на минуту закрыла глаза и представила себе, как она подойдет к Яри и обнимет его. А он поцелует ее нежно, нежно. И пусть остальные бегают по лесу друг за другом, и пусть раздаются вокруг смешки и приглушенный хохот, они с Яри останутся одни вдвоем на всем белом свете, и никто не помешает им любить друг друга.

Близился рассвет. Легкий предрассветный ветерок тронул верхушки деревьев. Восток разбавился молочной белизной. Зашелестела листва. Где-то далеко в деревне что-то звякнуло и скрипнуло. Она легко оторвалась от помятой травы, набросила простой сарафан и двинулась через лес в деревню в новый предпраздничный день».

Венса остановилась и внимательно посмотрела на него. Он слушал ее с закрытыми глазами. Пумпель плавно, слегка раскачиваясь, стремился все дальше в неизвестность.

Девчушка, оторвавшись от темного окна, взволнованно проговорила:

– Извините, а я могу задать вопрос?

Венса взглянула на нее и в знак согласия кивнула головой.

– А скажите, кто такой Перу?

Венса, видимо, обдумывая ответ, не сразу нашлась, что сказать и через полминутки загадочно произнесла:

– Это их главный Бог.

– Главный? – переспросила девчушка. – У них что, много богов?

– Да, у них много богов, – ответила Венса.

– А Полеска, она тоже Бог? – снова спросила девчушка.

Венса еще раз взглянула на него. Он по-прежнему сидел с закрытыми глазами и, казалось, почти что спит, и только легкое подрагивание век говорило о том, что он слушает их разговор.

– Полеска, она колдунья, наверное, живет в лесу и всех лечит. Я так думаю, – ответила Венса.

– А что будет дальше? – спросила девчушка.

Венса откинулась в кресле и задумчиво произнесла:

– Я еще не знаю, еще не придумала. Скажу только одно – конец я попробую сделать счастливым, но не уверена, получится ли.

Он, не шелохнувшись и не открывая глаз, спокойно, даже с некоторым равнодушием, произнес:

– Тебе надо быть писателем. Это у тебя хорошо получается.

– Спасибо, – ответила она, – но буду я скорее всего администратором, так решил мой отец.

– Кто знает, кем мы будем все после Гуру, – он открыл глаза. Тусклый ночной свет слабо освещал вагон. Пустых мест

после «Продольной» оказалось весьма достаточно. Он взял ее за руку и увел за собой в соседнюю пустую ячейку.

– Они сделали слишком большой надрез в креплении, – прошептал он, когда они остались одни.

Она не сразу поняла, о чем он говорит.

– Ты о Берте? – спросила она.

– Да, о нем и его девице, – ответил он.

– А как могли они это сделать? – снова спросила она.

Он приложил палец к губам, показывая, что они должны быть осторожными, и достал из кармана какой-то продолговатый предмет. На его ладони в сумраке блеснула пилка, которой обычно пользуются девчонки для ухода за ногтями.

– Алмазная, – прошептал он, пока она молча рассматривала знакомый ей с ранней молодости предмет.

– Мы теперь можем сделать как они? – прошептала она ему в ухо.

– Нет, мы поступим по-другому, – ответил он. – Это надо спрятать, чтобы они не нашли. Пионэры могут еще раз проверить. Ты заметила, как на платформе, когда их увели, они у всех проверили жетоны. Мы не знаем, где и как себя сейчас ведут Берта и Рая. Это, – он указал на пилку, – мы спрячем в кресле и воспользуемся в крайнем случае. Похоже, этот крайний случай должен обязательно наступить. После того как все набрали на терминалах свои вопросы, часть наших они увели, ты это видела. Куда, зачем? Нам неизвестно. От этих пионэров я уже ничего хорошего не жду.

Они еще некоторое время посидели одни в ячейке. Она тронула его руку и хотела что-то сказать, но он обнял ее и прошептал:

– Не бойся. Я буду все время с тобой. Ты мне очень нравишься.

Она, почувствовав защиту, прижалась к нему, и так они просидели не менее получаса, пока в вагоне не зажгли яркий свет. Один из пионэров промчался по проходу.

– Нам пора к себе, – сказал он. – Опять они что-то затеяли. Минут через пять перед их ячейкой появились двое дежурных.

– Прошу встать, – рявкнул один из них.

Сидевшие не ожидали такого окрика и не сразу отреагировали на команду.

– Прошу встать, проверка жетонов, – пионэр громко повторил команду.

Все встали и с недоумением посмотрели на пионэров. Венса робко спросила:

– А в чем дело? Ночь. Мы отдыхаем, никому не мешаем.

– Не наше дело. Прошу повиноваться, – ответил пионэр.

– Пожалуйста, проверяйте, – нарочито обиженно фыркнула Венса. – Мальчики, выходите первыми.

Пионэры тщательно осмотрели жетоны и их крепеж, подергали и, ничего подозрительного не обнаружив, без каких-либо извинений и слов молча удалились. Яркий свет погас, все снова заняли свои места.

– Странные ребята, – заметил юноша с тонкими чертами лица. – Что-то дергаются, а зачем непонятно.

– У них поручения такие, – взволнованно ответила девчушка. – Явно нервные какие-то.

– Они свою работу знают. Сортируют и отсевают. Видите, как мало нас осталось, – добавила Венса.

– Непонятно, по какому принципу они сортируют? – девчушка задала вопрос и, спрашивая как бы сама себя, сама же и продолжила: – Вроде бы на «Продольной» отсеивали по вопросам, которые мы ввели на терминалах. Только критерии непонятны.

Вот наших соседей – этого Альберта с подружкой – я что-то не вижу. На вид нормальные ребята, а вот нет их, – продолжил юноша.

Разговор прервался. Ни у кого не было желания обсуждать эту тему, а он вспомнил, какой вопрос она ввела в терминал и, как машина, несколько раз уточняя, какие понятия любви она хотела бы узнать, подсказывала на экране разные варианты и остановилась на любви к человеку. Его эта железка закидала допросами и не отпускала более пятнадцати минут, пока не выудила из него вопрос о смысле жизни.

Девчушка, успокоившись, попросила Венсу:

– Может быть, вы продолжите свою историю?

На что Венса как-то вяло ответила:

– Сейчас никак не могу. В голове после этой дергатни с жетонами образовалась пустота.

– Хочешь, я прочитаю стихи, – проявил инициативу юноша.

Никто не возражал, и он медленно, без выражения прочел:

Играли пьесу. Кто-то в зале
Не знал, где зритель, где артист.
Ему вначале не сказали.
(Играл на флейте гармонист)
Он думал, что заметить сможет,
Чья роль ему была дана,
А пьеса шла и шла. И что же?
Чью роль играл он? Чья она?
Чей инструмент ему вручили?
Чьи ноты он держал в руках?
И чьи мелодии любили
Его когда-то впопыхах?

– Откуда это? – спросила девчушка. – Ты раньше мне это не читал.

– Это я выкопал из сети. В комментариях сказано, что это какой-то «Дези» сочинил. Идеологическое министерство его стихи не одобряло, поэтому он почти неизвестен.

– А что-нибудь еще из него ты помнишь? – спросила девчушка.

Юноша продолжил:

...Играли пьесу. Кто-то в зале

Не знал, где зритель, где артист.
Все терпеливо ожидали,
Когда иссякнет гармонист.

– Красивые стихи, – сказала Венса, когда юноша закончил читать. – А у нас все короткие кричалки-лозунги. А вот так, чтобы со скрытым смыслом, никто не умеет.

– Ты умеешь говорить красивые слова? – спросила она Лучу.

– Не знаю. Я умею думать. Мама Эля учила меня думать.

– А другая мама чему тебя учила? – спросила она.

– Другая учила добывать огонь, охотиться и ловить рыбу.

Многому учила. Она была из «Дисси».

– Это из тех диких людей, которых когда-то находили в дремучих лесах?

– Да, находили в дремучих лесах, но они не дикие. Они природные, – ответил он и, откинувшись назад, закрыл глаза, показывая, что эта тема исчерпана.

Снова зажегся яркий свет, и через некоторое время два пионэра появились перед ячейкой.

– Ну заразы, – процедила сквозь зубы Венса. – Привязались, липучки.

– Прошу пройти досмотр, – снова рявкнул один из пионэров.

Сидящие молча встали. Пионэры тщательно ощупали юношу и Лучу и в нерешительности остановились перед Вен-

сой и девчушкой. Один из них несколько раз громко повторил:

– Прошу пройти досмотр.

– Проходите, – ответила Венса.

Но никаких действий со стороны пионэров не последовало. Это странное противостояние длилось не менее минуты. Лучу скорее почувствовал, чем понял, что надо срочно что-то предпринять, дабы разрядить обстановку, и он затянул пионерский гимн, услышанный на «Поперечной»:

Нам, пионэрам, сделать немало
Родина-мать навсегда приказала...

Остальные подхватили:

Плотно сомкнем мы наши ряды.
Рядом в строю есть и я, есть и ты.

После повтора первого куплета пионэры сначала как-то нехотя, а затем более энергично присоединились к орущим во всю глотку:

Нам, пионэрам, дело всем дали,
Главное цель, остальное детали...

В соседних ячейках часть молодежи, выскочив в проход, присоединилась к орущим:

Вырастут люди все без оков,
Крик пионэров – всегда будь готов!

И вот уже весь вагон что есть мочи орал, не попадая в мотив:

Нам, пионэрам, твердыми быть,
Родину-маму сильно любить!

Казалось, этому ору не будет конца. Но вот уже кто-то подохрип, кое-где послышался захлебывающийся кашель. Крик постепенно стихал, и только пионэры в великом иступлении с красными от напряжения лицами продолжали петь. Лучу изо всех сил крикнул одному из них прямо в ухо:

– Будьте готовы!

Гимн прервался, и оба пионэра синхронно ответили:

– Всегда готовы!

Как бы приходя в себя, они осмотрелись, потоптались на месте и зашагали по вагону вперед по ходу движения пумпеля.

– С ними можно находить общий язык, – сказал юноша. – И как это вы сообразили запеть?

– Теперь все будем петь, – иронично ответил Лучу и хмуро добавил: – учите пионэрские песни.

Яркий свет погас, вагон постепенно успокоился. Побродив по проходу, он с Венсой расположился в соседней ячей-

ке.

– Они искали пилку, – прошептала Венса.

– Да, а заодно проверили крепления жетонов, – ответил он. – Я думаю, они сильно потрясли Берту. Вот и бегают по вагону.

За окнами проступил молочный рассвет. Она плотнее прижалась к нему и спросила:

– Я дорасскажу свою историю?

Он обнял ее и ответил:

– Хорошо.

«Бажена проснулась, когда солнце уже поднялось над лесом. Во дворе кудахтали куры. Мальчишки шумно играли в "чижика". Все взрослые были в поле. Мать-старуха неодобрительно поворчала на нее:

– Гуляешь ночью? Собака гуляла да хвост потеряла.

Бажена потянулась, быстро встала и кинулась помогать матери по хозяйству. К обеду мужчины вернулись с покоса. Она вертелась, подавая еду и, весело улыбаясь всем, мелькала по дому и двору в предвкушении праздника. Братья молча хлебали полевку и почти не обращали на нее внимания.

– Пойдешь к Яри? – спросила мать, когда она пробежала мимо.

– Вы же, мамо, все знаете, зачем спрашиваете? – весело ответила она.

– Черныши вчера вечер заходили, интересовались как мы тут поживаем, – крикнула мать ей вдогонку.

Косцы после полудня улеглись под навес. Полуденная сушь накрыла всю деревню. Домашняя животиная, пофыркивая и тяжело вздыхая после обильной еды, расположилась в тени, пережидая дневную жару.

– Ну, что девка, молчишь? – мать застала ее на сеновале. – Что ты о них думаешь? Надоть уж решаться.

Бажена потянулась и смущенно ответила:

– Мамо, вы меня за мельницу хотите отдать? К этим Чернышам?

– А как же ты, дочка, жить-то будешь? У него, у твоего Ярика, одна кобыла и то страсть какая худюшая.

Мать села рядом и, сложив на коленях жилистые, натруженные руки, тяжело вздохнула:

– Я вот всю жисть маюсь от любви. От нее и живем тут так. Братья надрываются, а все в люди не выйдем, а у Чернышей хоть сытно жить-то будешь.

Бажена закрыла ладонями лицо, она прекрасно понимала, чего хочет от нее мать, да и братья желают ей выйти за сына мельника.

– Мамо, а как же без любви? Как так можно, Мамо? – тихо спросила она.

– Без любви? – повторила мать. – Вот живу с любовью, жила с твоим отцом недолго. Нажила детей, а добра не нажила. Мой Любо дюже хворал, и вот уж как лет десять вдовая я. Вот и вся любовь.

Мать замолчала и долго смотрела куда-то в угол, как будто

вспоминая всю свою жизнь не спеша день за днем.

– Хорошо, мама, будь по-вашему, только праздник я проведу с Яри.

– Как хочешь, дочка. Ты девка уже взрослая, смотри, чтоб позора не было, – сказала мать, кряхтя натужно поднялась и удалилась через низкий проем.

Бажена долго лежала на сене, и было ей горько и обидно за себя, за Яри, за мать, рано состарившуюся от постоянных тяжких забот».

Венса затихла и, наверное, немножко вздремнула у него на плече. Пумпель мчался в новый день. Светало.

– Жрать давай! – он бегал по проходу и истошно орал: – Суки, гады, пионэры, жрать давай! Полдня и ночь не жрамши. Гады, вы что здесь? – наткнулся он на Лучу и Венсу. – Спите, ничего не делаете. Пожрать есть чего-нибудь? Молчите!

Стриженный парень с неприятным блеском в глазах, весь дрожа, продолжал кричать:

– Они везде. Они везде. Они следят за мной!

Лучу попытался его успокоить:

– Наверное, скоро накормят. Будет станция.

Но стриженный не унимался. Он вертел головой и, часто оглядываясь, по-прежнему возбужденно, но уже не так громко, быстро говорил:

– Они должны быть здесь. Смотрите, смотрите. Не пропустите. Они опять придут за мной. Спрячьте меня. Спрячьте.

Ну, пожалуйста, спрячьте.

Он стал захлебываться в потоке слов и, весь как-то дергаюсь, горько заплакал. Сквозь всхлипы слышалось:

– Вы не хотите меня... Не хотите спрятать... Вы заодно с ними...

Венса испуганно прошептала:

– Он тронулся. Крыша уехала. Как его пионэры пропустили?

Лучу ответил:

– Наверное, раньше было незаметно. Его надо как-то успокоить. Тихонько позови соседа, а я с ним здесь посижу.

Стриженный рухнул в кресло и продолжил стенания:

– Зачем она ушла? За ними? Я знаю, вы все против меня.

Он постепенно затихал, видимо, уставая от приступа. Через минуту в ячейке появился юноша-сосед. Стриженный насторожился и с великим подозрением разглядывал вошедшего. Он, как затравленный зверек, прилип к креслу, крепко прижав к груди руки с побелевшими косточками на кистях от сжатых в кулак пальцев. Юноша, улыбнувшись, поздоровался с ним и, не услышав ответа, повернулся к окну.

– Сегодня будет прекрасный день, – сказал он как можно спокойнее. – Смотрите, какая заря занялась. Скоро будет станция. Отдохнем. Подышим воздухом. Здесь такие чудесные леса. Красиво... В городе такого не увидишь. Райские места. Благолепие божественное.

– Вы согласны со мной? – обратился он к стриженному и,

не ожидая ответа, продолжил:

– Все прекрасно, что создано творцом: и вы, и я, и он, – юноша кивнул в сторону Лучу. – Надо только раскрыть себя, не таиться перед Ним. Он нас любит, и мы Его любим. Это самое высшее чувство – любить не видя и верить. Это чувство никто отнять не может. Оно всегда с нами. И Он всегда с нами.

Лучу понял, что он говорит о Боге. Стриженный почти успокоился. Он опустил руки, испуг и настороженность на его лице сменились спокойствием и интересом к говорившему.

– Я к нему долго шел через сомнения и безверие, через ошибки и поражения, через душевные боли и скорби. И Он был терпелив ко мне, Он ждал меня, Он со мной был всегда. И я обрел это счастье – счастье любви к Нему. Вы любили когда-нибудь? – спросил он стриженного.

Стриженный не сразу ответил. Он сначала даже не понял, что вопрос обращен к нему, и после некоторой паузы, чуть заикаясь, отреагировал:

– Не знаю... Я боюсь...

– Вам не следует бояться. Эта боязнь, эта болезнь пройдет, а вера и любовь останется.

Юноша сел рядом со стриженным, взял его за руку и что-то долго шептал ему, и стриженный стал тихо повторять за юношей отдельные слова:

– Я редко прошу тебя... Я боюсь, что ты не услышишь...

У тебя так много... Нас много... у каждого свое... иногда стыдно... Очень стыдно... Нет... себе нет. Не за себя... За них. Я бы мог обещать тебе... это сделка... Не хочу... чтобы все, чтобы всем...

Так продолжалось несколько минут, а когда юноша остановился, стриженный выглядел уже вполне нормально, только легкая усталость осталась у него на лице.

– А теперь вам надо поспать, – сказал юноша. Стриженный в знак согласия поуютнее уселся в кресле и закрыл глаза.

Первые лучи солнца коснулись оконного стекла. Стриженный крепко спал, немного похрапывая во сне.

– Нам, наверное, надо вернуться к нашим девочкам? – прошептал юноша.

– А что делать с этим? – спросил Лучу.

– Пусть поспит, – ответил юноша.

Пумпель спустился по эстакаде в долину и сбавил ход. Пассажиры прильнули к окнам. Густой лес сменился на окультуренный. Было заметно, что кто-то ухаживает за ним. Подлесок был чист и аккуратен. Большие деревья расположились далеко друг от друга, как будто какой-то большой садовник расставил их по своему вкусу. При приближении к станции среди деревьев появились дорожки. Пумпель медленно подошел к низкой платформе и остановился. Зданий и строений окрест не наблюдалось. Только на некотором расстоянии от платформы виднелась потрёпанная растяжка со словом: «Техническая». Судя по тому небрежному виду рас-

тяжки, установленной на неошкуренных тонких жердях, все это сооружение носило временный характер. Метрах в пятидесяти от платформы начиналась просека, уходившая куда-то далеко в лес. Повсюду, вдоль просеки, располагались зеленые палатки без каких-либо признаков движения и жизни.

– Глухомань, жуть какая-то, – прошептала Венса. – Ни одного домика. Я в кино видела такие палатки, войну напоминают.

– Или лагерь беженцев, – добавил Лучу. – Что-то нас не выпускают. Интересно, долго мы в вагонах сидеть будем?

– Смотрите, смотрите, – девчушка указала на дальние палатки. – Там кто-то выходит.

Издали, непрерывной колонной зеленые фигуры приближались к платформе, и уже через несколько минут можно было разглядеть, что это пионэры, только в какой-то новой форме.

– Пионэры в полевой форме, – удивился юноша. – Что-то новенькое?

– А что с психом? – спросила Венса.

– Он спит, – ответил юноша.

– Спит? – удивилась Венса.

– Да, спит, – ответил Лучу и добавил:

– Он помолился и заснул.

– Как это? Помолился и заснул? – не успокаивалась Венса.

– Я прочитал ему: «Я редко прошу тебя...» – ответил юно-

ша.

Колонна пионэров приближалась к платформе. Постепенно вдоль вагонов образовались плотные шеренги. Лица пионэров выражали строгую готовность исполнять приказы, а ритмично открываемые рты, видимо, исполняли гимн. Пионэры маршировали на месте.

– Вот бы им прочитать молитву, – иронично предложил Лучу, – может быть, на них она подействует благотворно.

Юноша никак не отреагировал на эту реплику, но по выражению лица можно было заметить, что предложение Лучу, хотя и сказанное как бы в шутку, его немного обидело.

По вагону объявили:

«Просим покинуть свои места и выйти на платформу. Просим сохранять спокойствие и соблюдать порядок прохождения контрольного тестирования. Просим принять к сведению – ненормативные действия могут привести к обнулению прав».

Когда объявление повторили несколько раз, Венса раздраженно произнесла:

– Опять запугивают. Надоело, но деваться некуда. Надо до Гуру добраться, если он есть на самом деле.

– Вы подозреваете, что нас обманывают, что Гуру может и не быть? – спросила девчужка. – Разве так может быть?

– Посмотрим, что будет дальше, – ответил за Венсу Лучу. – По крайней мере, с нами что-то происходит и еще будет происходить, а это значит, что нас к чему-то готовят.

– Нас определенно готовят с какой-то целью, – продолжил юноша, – но понять эту цель нам пока невозможно. Заметно, явно заметно, что некоторые из нас им не подошли, и они их отсеяли, отсортировали. Если бы ставилась задача всех довести до Гуру, то сортировки быть не должно. А сортировка есть, значит цель – не довели до Гуру, а выбрать из нас кого-то для чего-то.

Рассуждения закончились. Все притихли и молча двинулись к выходу. На платформе оглушительно звучал бодрый пионерский текст:

Мы шагаем целый день,
И шагать нам всем не лень.
Поручений будет много,
Не легка наша дорога,
Но не дремлет наш отряд,
Дружно мы шагаем в ряд!

Лучу подумал:

– Как им удастся на всю длину платформы так синхронно маршировать и произносить рифмованный текст? Может, такая слаженность достигается постоянной изнурительной тренировкой или...

Пионеры внезапно остановились. Наступила неожиданная тишина. Выходящих из вагонов молча выстраивали в шеренги, которые вскоре развернули лицами по ходу движения пумпеля и направили к ближайшим палаткам.

– Вы, коллега, считаете, что тесты после многократного применения устаревают в геометрической прогрессии?

Они сидели у экрана и анализировали таблицы результатов опроса претендентов.

– Да-с, коллега, опять процент выхода годных подрос.

– Согласен, но великодушнейше прошу заметить, что на эту партию требования значительно смягчили, пятую категорию вообще исключили из заданий.

– Я помню, коллега, мы-то с вами прекрасно понимаем, для эксперимента это не полезно, но увы, экселенство требует быстрых, сиюминутных результатов.

Один из говоривших оторвался от экрана, с трудом поднялся и, заложив руки за спину, чуть сгорбившись, прошелся из угла в угол, бормоча себе под нос:

– Я еще на пятой партии предложил сменить всю методику, но институт не согласился – времени у них, видите ли, нет, претендентов обрабатывать время есть, а на тесты времени нет. Непостижимая глупость.

– Да-с, коллега, – отозвался второй собеседник. – Ныне заслуженное мнение не в почете. Ныне скорость, быстрота получения результатов во главе угла.

Сидящий у экрана рассматривал очередную таблицу и машинально напевал какую-то древнюю классику:

Я был предан тебе, дорогая моя,
Так зачем же тогда ты ушла от меня...

– А пять штук великолепны, думаю, и лабиринт пройдут:

Так зачем же тогда...

– Взгляните, коллега, какие нынче попались, – он пристально рассматривал очередную таблицу.

– Да-с, вот этот «геракл» хорош. Дитя природы. Я такое наблюдаю впервые. Так владеть собой, иметь знания, плюс экзотические навыки. Раритет, да и только!

– Коллега, покорнейше прошу взглянуть вот на этих двух, – сидящий указал на вновь появившиеся таблицы.

– Да-с, вы правы, коллега, достойна. Весьма отличается от заурядности. Однако дерзковата, но творческие способности в наличии.

– А как вам вот эта?

– Тиха, скромна, ничего особенного.

– О! Любезнейший коллега, вы не обратили внимания на примечание к третьему разделу: «... Натура страждущая...» Вот здесь, взгляните сами.

– Весьма, весьма интересно: «... поиск духовности, общечеловеческих ценностей».

– Пожалуй, вы правы. Нечасто встречающийся тип для та-

кого возраста.

Некоторое время они молча перелистывали страницы на дисплее.

– Я полагаю коллега, нам стоит предложить вот этих, – он выделил на экране несколько номеров, – апробировать в лабиринте в последнюю очередь. У нас появится возможность не спеша задавать разную волатильность циклов.

– Интересная мысль, коллега. Проверим на стрессоустойчивость, когда лабиринт будет свободен.

– Кхе, кхе, – старчески хохотнул сидящий у экрана. – Первый случай укуса пионэра.

– Укуса? – удивленно спросил собеседник. – Кто, кого и за что? – он подошел поближе к пульту.

– Вот извольте, протокол проишествия: «... нанесение травмы уха путем укусывания...», а стиль-то каков: «... внезапность предопределила отсутствие защитной реакции...», «... укушенный госпитализирован, претенденту аннулировали права...».

– Да-с, веселенькая история. Что это за кусачка такой сюда просочился?

– Из протокола следует: «... нервический больной требовал еды и свободы».

– Коллега, вам не кажется странным, что требование еды и свободы отнесли к нервическому заболеванию?

– Ныне трудно что-либо определенно сказать по этому поводу. Протокол составляла пионэрия. Новый менталитет –

будь готов, всегда готов. А вот это крайне интересно, – и он подчеркнул несколько строчек в протоколе: «...нарушителя успокоил претендент, обладающий способностью внушения путем шептания».

– Так-с, так-с, а этот «шептун» попал в наш список?

С минуту они сверяли идентификаторы.

– Ай да мы, коллега, молодцы! «Шептун» внесен в пятерку. Интуиция и опыт нас не подвели. На сегодня все. «Финита ля комедия».

– «Финита», похоже, и проекту.

– Да-с, временно последний пумпель.

– Вот тоже, коллега, никак не привыкну к этим терминам «временно последний». Чтобы это значило? Решительно не понимаю. Их желание повторятся и даже вот это: «временно последний», явно подпадает под действие парадокса «Фикца».

– Пожалуй, вы, коллега, правы. Их действия отнюдь не способствуют прогрессу. Если мне память не изменяет, то парадокс заключается в том, что многократное практическое применение какого-либо знания уменьшает способность к развитию по кривой регресса «Фикца».

Машина закончила печать.

– Протокол готов. Покорнейше прошу подписать.

Оба по очереди подписывают отпечатанные листы, выброшенные из принтера.

– Ну-с, коллега, с интервалом в полчаса запускаем эту

партию, а последнюю пятерку после полной очистки лабиринта.

Оба, потягиваясь и разминая застывшие от долгого сидения ноги, встают и собираются покинуть пост. Один из них тихо напевает:

Говорили мне папа и мама —
Мудрость это совсем не порок.
Соображать стал как будто бы рано,
Но стать Гурой я так и не смог.
Говорил мне наставник известный —
Порешай-ка побольше задач.
А «кулибин», который из местных,
Все в новации тыкал, хоть плачь.

– Наши институтские оболтусы все-таки умницы, такие куплетики придумали. Задорные ребята. Им бы учителей хороших.

– Да-с, коллега, непременно учителя хорошие нужны.

Продолжают напевать вдвоем:

Повзрослел я для всех незаметно,
Стал по жизни чуть-чуть соображать.
Отвечать на вопросы конкретно,
Научился к чертям посылать.
Кто-то шепотом мне за спиною
Прошипел: «Это Гуру как есть».
И тех пор словно нимб надо мною

Кружит глупая слава и честь.

– Вам уже известно, коллега, Гуру одряхлел значительно.

– Да-с, вот такая судьба: дезертир, диссидент, Гуру.

– Я полагаю, он не то и не другое. Думается, мне так кажется, он просто поэт. Молодежи его стихи нравятся. А вот это: «играл на флейте гармонист» чудесно воспринимается.

– Играл на флейте гармонист, – они несколько раз повторили эту фразу.

Пора было уходить. Протокол подписан. Экран погас. В бункере зажгли дежурное освещение. Аналитики неспешно двинулись по длинному, мрачному коридору.

– Не могу привыкнуть к эдакой мрачности. Неужели нельзя света поболее, – проворчал один из них.

– Экономит пионэрия, – поддакнул ему второй. – Военные ушли, остались только мы, да пионэры с Гуру.

– Скоро все уйдут. Забросят сооружение, все быльем порастет.

– Да-с, «се ля ви», коллега, а вот это – «играл на флейте гармонист» останется.

– Я думаю, коллега, что и это уйдет. Законы забвения неумолимы. Это иногда как-то печально, но реалии таковы – все проходит, и стремление гармониста, тщетное стремление улучшить жизнь, сделать ее красивее, к желанному результату не приведет.

– Э... Да вы, коллега, опять декаданс проявляете. Песси-

мизм, конечно, хорош, но не во всеобъемлющем масштабе. А гармонист заслуживает уважения – бескорыстно, самоотверженно играет и играет на чужом инструменте. Пытается разбудить благородные чувства, не ожидая наград, аплодисментов – это разве не оптимистично?

Мрачный коридор закончился, и они оказались перед бронированной дверью. Датчики сработали штатно, и проход был свободен. В помещении, залитом ярким светом, все располагало к уютному отдыху. Они вежливо раскланялись и разошлись в разные стороны.

– Они отняли у меня все, – думал он.

Иногда ему казалось, что даже его мысли они сортируют, копошатся в голове, что-то стирают, а что-то добавляют новое. Это мучительное состояние он преодолевал с трудом, и только благодаря воспоминаниям и возможности рифмовать, постоянно занимая мозг поиском новых слов, ему удалось отвлечься от мрачной действительности.

Когда-то очень давно, когда он мог двигаться и был свободен, ему казалось, что он сильный и могущественный. Он неожиданно появлялся в разных местах и помогал простому люду, устранял несправедливость. Наказывал зло. Так продолжалось несколько десятков лет, и ничего не менялось. Несправедливости не становилось меньше.

– Почему так происходит? – думал он, но ответа не находил.

Ему надоело скрываться, надоело бороться с пустотой, и все чаще и чаще он спрашивал себя:

– Зачем? Зачем мне пытается что-то улучшить, когда этих улучшений никто не ждет? Нет, нет, я не прав. Конкретный человек-одиночка ждет помощи, но общество в целом к этому «деланию добра» в принципе равнодушно.

Снаружи снова появились эти двое.

– Они ухаживают за мной, – подумал он.

Кто они? – он не знал, знал только, что это новая формация – пионэры. Когда-то вначале он поучаствовал в этом проекте. Ему предложили протестировать некоторых из них. Результаты оказались плачевными – феномены не появлялись.

Они тщательно осмотрели его и удалились, он снова остался один. Он читал их примитивные мысли. Его они называли «Гуру».

– Я Гуру. Странно, – подумал он. – Гуру без учеников. А впрочем, пусть будет Гуру.

Ему обещали, что он будет выявлять «уников». Но ни одного уника он еще не выявил. Он вообще уже давно ни с кем не общался. Здесь в приглушенном свете он не мог определиться со временем. Как долго он здесь находится? Он не знал. Не мог определить, что сейчас? День или ночь? Только смены этих двух зрителей указывали, что время как-то

движется. Он смертельно устал. Хотелось заснуть навсегда и больше не видеть и не слышать, не ощущать ничего. Но эти двое приходили и приходили, сменяя друг друга. Недавно он прочел их мысли – проект могут закрыть и его отключить, но что-то им мешает. Он знал, как его можно отключить. И снова полудремотное состояние и рифмы пришли к нему, толкаясь и пытаясь вписаться в какой-либо связный текст:

Гроза давно не грохотала,
Стал безработным пацифист.
Музыка грозно не звучала,
Играл на флейте гармонист...

– Как незаметно возникают противостояния? Сначала нетерпение, потом неприязнь, потом ненависть, – так думал он, а рифмы появлялись вновь и вновь. Он уже плохо помнил – какие слова он рифмовал с гармонистом:

Спокойный ход нас не тревожил,
Предупрежденья не сбылись.
И скрытый звук тревог не множил,
Играл на флейте гармонист.

Мы мелочей не замечали,
И молодежный дикий свист
Был искажением морали,
Играл на флейте гармонист...

Он часто вспоминал ту войну, братков в бункере, дневаль-ного-дембеля и капрала. Вспоминал ту никому не нужную, странную бойню. И что-то всё равно ему нравилось в этих воспоминаниях. Что же могло нравиться там, где взрывались «крокодилы» и расплющивали головы «хлопушки»?

Никто не видел – хоть убей ты,
Войнушка где-то занялась.
И гармонист уже без флейты
С винтовкой бродит среди нас...

Двое снова появились за стеклянной стеной. Они проверили приборы. Пришел последний пумпель. Он понял, что сегодня снова будет работать лабиринт.

– Наверное, мне нравились простые отношения братков друг к другу. Вот что мне нравилось там в горах, – он снова вспоминал те, давно прошедшие дни. – Нравилось то, что тебя не бросят, не забудут, даже если тебя убьют, даже если от тебя останется только половина. Странная война. Странная жизнь.

Квартал горел. Лежали трупы.
Смертельно ранен гуманист.
В войне не ласковые звуки —
Играл на флейте гармонист.

– Почему меня не отключают? Надеются, что появятся

уники? «Играл на флейте гармонист». Это уже навязчивая идея с гармонистом. Наверное, у меня паранойя. «Играл на флейте гармонист». Что это значит? Что я этим хочу сказать? Это что?

Случайная фраза, не имеющая никакого смысла? А если ее придется объяснять, искать в ней что-то конкретное, то ее некоторая неопределенность, загадка исчезнет?.. Ничего не надо объяснять. Пусть каждый сам себе объяснит или почувствует, что в этом скрыто: «играл на флейте гармонист».

Он думал, что может быть в этот раз ему повезет и кто-то пройдет лабиринт. Тогда он попытается объяснить, как можно его отключить.

Его провели по еле освещенному длинному коридору. Открылась тяжелая металлическая дверь, и он оказался внутри, на первый взгляд, довольно уютной, небольшой комнаты. Мягкий велюровый диван с цветными подушками располагал к приятному отдыху. Стены, обитые гобеленом с растительным орнаментом, создавали какое-то умиротворенное, созерцательное спокойствие и явно предлагали снять напряжение после этой вереницы тестов и задач. Несколько настораживало, что в комнате не было окон, а дополнительные деревянные двери, кроме входной, вели в туалет и душевую. На изящном низком столике наблюдалась переговорная трубка

с дисплеем. Комната, видимо, являлась местом скромного, но достаточно комфортного отдыха. Осмотревшись, он присел на диван и попытался подвести итоги этого дня. Еще никогда раньше он не решал столько задач, как сегодня, не анализировал загадочные картинки, не искал скрытые смыслы и закономерности. Пионэры препровождали их по одному из одной палатки к другой и, в конце концов, опустили на лифте вниз. Провели по нескольким лабораториям, где их мучили вопросами люди в белых халатах. Он на первых же испытаниях потерял Венсу и сейчас был крайне обеспокоен этим обстоятельством. Он с Венсой пока что не избавился от жетонов, точнее не сделал надпилов, пилка осталась у него, и он не знал, удастся ли им встретиться в этом подземном сооружении.

Трубка ожила, он поднял ее, и сухой, ровный голос сообщил:

– Вас пригласят через двадцать пять часов. Заказать пищу и воду можно по номеру: «ноль один» и «ноль два». Справка: «ноль три». Желаем приятного отдыха.

Трубка погасла. Он подошел к входной двери, попытался ее открыть. Дверь ни на что не реагировала. Он набрал «ноль три», голос в трубке холодно отреагировал:

– Вас слушает справка.

– Я хочу узнать, где находится Венса?

– Вопрос не имеет ответа, – донеслось из трубки, и через секундную паузу он снова услышал:

– Вас слушает справка.

Он положил трубку на стол и лег на диван. Освещение автоматически сменилось на приглушенное, а над диваном появилась мягкая зеленоватая подсветка.

– Надо бы чего-нибудь перекусить, – с этой мыслью он задремал.

Трубка снова ожила. Он не сразу понял, где он находится, и минуты две лежал, не вставая, с открытыми глазами, разглядывая светло-зеленый потолок.

Тот же голос без интонаций объявил:

– Вас пригласят через двадцать четыре часа.

Значит, он проспал ровно час.

– Они будут меня оповещать каждый час, – подумал он. – Это даже хорошо. Буду все время в тонусе.

Он принял душ, заказал еды и настроился на ожидание следующих событий. А событий никаких не было. Лежание на диване, хождение по комнате размером не более десяти квадратных метров – вот и все события, которые были возможны в эти оставшиеся до «приглашения» двадцать четыре часа.

– Странно, – подумал он, когда трубка ожила сразу же после сообщения: «Вас пригласят через двадцать три часа».

Он прислонил ее к уху. Трубка настороженно дышала, ожидая ответа, и он ответил:

– Але, я слушаю вас.

Дыхание прервалось.

– Здравствуйте. Я хотел бы переговорить с Гурой, – голос в трубке был крайне вежлив и учтив. – Вы будете Гурой?

Этот вопрос он никоим образом не ожидал.

– Простите, нет, я не Гуру, – ответил он.

– Я вас умоляю, передвиньте меня поближе. Заранее благодарю. Вы слышите меня? У вас такой приятный и умный голос. Очень рад с вами переговорить. Очень желательно передвинуться, хотя бы на пару часов. У меня есть особые обстоятельства. Вы слышите меня?

Он снова ответил:

– Простите, я не Гуру.

Трубка продолжила:

– Я понимаю, вам неудобно, так я не настаиваю на многом. Можно только чуточку? Это никому не повредит. Всего два часа. Что это? Это песчинка в пустыне, капля в море. Я понимаю, нас много. Вы один. Если вам неприятно, я могу не называть вас Гурой. Вы слышите меня?

Он понял, что надо как-то объясниться, и ответил:

– Извините, вы ошиблись, я точно не Гуру. Я претендент, наверное, такой же как и вы, из последнего пумпеля.

Трубка затихла, затаилась на несколько секунд, даже дыхание стало еле слышным.

– Так вы точно не Гура? – раздосадованный голос продолжил: – Может, вы секретарь? Тогда я к вам, – голос вновь воодушевился. – Вы знаете, хороший секретарь это, знаете ли, более половины начальника. Они, то есть один из них,

я его разговорил, сказал, что здесь будет очередь. Так вот я и подумал, что мы можем договориться. Культурные люди всегда могут договориться. Я все ваши задания выполнил. Вы должны быть довольны. Вы слышите меня?

– Я вас прекрасно слышу. Это вы не слышите меня, – ответил он. – Я не Гуру и не секретарь. Вы это понимаете?

Трубка затихла, видимо обдумывая услышанное.

– А тогда зачем вы ответили мне? – спросил опечаленный голос. – Зачем вы так долго говорили со мной? Я убеждал вас, я умолял, я думал... и такое разочарование. Если вы не Гура и не секретарь, тогда у вас не должно быть сакрального номера.

– У меня нет сакрального номера. Простите, я заканчиваю этот разговор, по крайней мере, прошу сменить тему, – ответил он.

– Нет, нет. Постойте, не бросайте трубку. Я все понял. Вы не хотите признаться, что вы пионер. Хорошо, я согласен сменить тему. Я всегда готов, только не бросайте трубку.

– Я не пионер, – ответил он.

Трубка с полминуты молчала.

– Тогда кто же вы? Вы прошли все их дурацкие тесты и ждете приглашения? – в трубке ждали ответа.

– Да, я жду приглашения.

– Вы решили их задачки?

– Наверное, – ответил он.

– Вы догадываетесь, что нас ждет? – настороженно спро-

сила трубка.

– Понятия не имею. Полагаю, что до Гуру мы сможем добраться, – ответил он.

– А скажите откровенно, он нам нужен? – спросила трубка.

– Я думаю, надо дойти до конца. У нас нет другой дороги, – ответил он не очень уверенно.

– Да, да. Вы, конечно, правы. Начиная путь, надо дойти до конца, если нет других альтернатив.

– А у нас есть альтернатива? – спросил он.

Трубка ответила:

– Альтернатива есть всегда, но некоторые ее не могут рассмотреть или боятся ее.

– Вы имеете в виду экстремальные решения?

– И экстремальные тоже, – ответила трубка.

– Сколько у вас осталось до приглашения? – спросил он.

– Двадцать два часа, – ответила трубка.

– Значит, я с вами, – ухмыльнулся он. – А какой вы набрали номер?

Голос из трубки ответил:

– Ровно «шесть».

Он подумал, что если систематически набирать номера, вполне может быть, что он наткнется на своих знакомых и главное – он сможет найти Венсу.

– Вы молчите. Почему? Я вас раздражаю? – спросила трубка.

– Нет, не раздражаете, но мне нужно найти своих друзей, а вы занимаете линию.

– О... Простите. У вас здесь есть друзья? Как это может быть? Друзья в подземелье? – в трубке искренне удивились.

Он ответил:

– Я с ними познакомился в пумпеле.

– В пумпеле, – повторил голос. – Вам так повезло. Вы счастливчик. Вот я пытался со многими говорить, и вы знаете, друзей так и не нашел. Может быть, мы с вами станем друзьями, если вы не против.

Он ответил:

– Я не против, но сейчас хочу прервать наше общение, хотя бы на несколько минут.

Трубка незамедлительно ответила:

– Да, конечно, нам надо на минутку расстаться, чтобы продолжить дружбу. Разрешите представиться, меня зовут Красик. С кем имею честь дружить?

Он ответил:

– С Лучу.

– Так вы не местный? – продолжила трубка. – То есть, извините, я не так выразился. Я имел в виду, что у вас редкое имя...

– Извините. До свидания, – ответил он и положил трубку.

– Да-с, коллега, первую десятку, видимо, придется снимать. Бесцельное, бессистемное поведение результата не даст. – Ваше мнение, коллега? – аналитик внимательно следил за передвижениями желтых меток на большом экране.

– Вы правы, коллега, – согласился сидящий рядом. – Обратите внимание, одиночные и групповые действия крайне хаотичны, хотя правило одной руки кое-кто из них знает. Они не знают, что делать с петлями.

– Да-с, ну что ж, подождем еще полчаса и этих, – он указал на экран, – желтых выведем, как говорят пионэры, в утиль или сырьё. Вся надежда на последнюю пятерку.

– Более не на кого. Хотя и здесь возможен отрицательный результат.

– Осмелюсь заметить, коллега, что это уже мистика какая-то. Все сооружение есть символ отрицательного результата.

– А мы с вами разве не знали, что здесь было раньше? Знали. Так и нет никакой мистики, а обычный визит-эффект, одним словом, совпадение. Не удалось запустить «Реинтегратор», и этот проект завянет, уж поверьте. Место для науки неудачное.

Они минут десять смотрели на экран, где несколько желтых меток скопились в углу и уже не двигались несколько

минут.

– Совещаются, – заметил один из аналитиков.

– Нет-с, просто устали бродить по лабиринту, – возразил второй.

– А не испить ли нам «какаву», сударь? – нарочито торжественно предложил один из них.

– Да-с, сударь, – согласился второй, – нам «какава» сейчас как никогда кстати, пока желтые отдыхают.

Они продолжили разговор, когда в чашках появился горячий напиток.

– В отчете по запуску «Реинтегратора» указали, что расщепление пространства могло нарушить логику сингулярных уравнений.

– Вы, коллега, полагаете, что это может их путать?

– Все может быть. Все может быть. Вы уверены, что они после себя все зачистили? Люди в погонах очень исполнительны, но бывают же и ошибки.

– Нет-с, коллега, этого не может быть. Нас бы предупредили.

– А вы обратили внимание – какие они подавленные поступают к пионэрам?

– Подавленные? – повторил вопрос один из них и поставил пустую чашку в автомат. – Нет и еще раз нет. «Подавленные» это из психологии, а в «Реинтеграторе» одна сплошная физика.

Второй допил чашку и, вставая из-за стола, подвел итог

этой теме:

– А собственно говоря, вы опять правы, как всегда. Экселенство пусть разбирается. Мы свою профессорскую работу делаем аккуратно.

Он тщетно, уже более получаса, перебирал телефонные номера, трубка молчала, и его системный подход к поиску хотя бы одного ответа оставался безрезультатным. «Шестерка» молчала наглухо, как и все предыдущие номера. И только после очередного сообщения: «Вас пригласят...» он решил сделать перерыв. Пошатавшись из угла в угол, он набрал «ноль три», трубка ответила:

– Вас слушает справка.

Он внятно, без эмоций задал вопрос:

– Мне позвонил Красик по номеру «шесть». Прошу дать справку – кто он, этот Красик?

Трубка ответила:

– Вопрос не имеет ответа.

Он снова, не давая справке расслабиться, спросил:

– Какой вопрос имеет ответ?

Трубка повторила ответ:

– Вопрос не имеет ответа.

Он понял бесполезность номера «ноль три», подошел к двери и, прислонив к холодному металлу ухо, пытался уло-

вить хотя бы какое-нибудь движение, какой-нибудь звук. Звукоизоляция эффективно защищала претендентов, даже если бы за дверью бушевал ураган. Оставалось ждать еще более двадцати часов – перспектива не из приятных.

– Погружение в воспоминания, лежа на диване на все двадцать часов, вряд ли можно назвать полезным занятием, – подумал он. – И где этот Красик? – Он уже пожалел, что так скоро прервал их разговор.

Он вспомнил, как прощался со своей юностью, с Элей и Лу, и о письме отца, которое передала ему Лу со словами:

– Отец хотел, чтобы это ты прочел, когда станешь взрослым.

Он прочитал письмо в дороге и запомнил его наизусть:

«Ты стал взрослым. Прости меня за то, что мне не удалось увидеть тебя таким. Ты можешь прочесть это письмо и забыть о нем, ты свободен от всех моих нравоучений. Ты стал самостоятельным, стал личностью независимой от меня. Но если тебе еще интересно узнать, о чем думал я тогда, когда писал эти строчки, то можешь прочесть это сумбурное послание в твое будущее. Три пожелания. Всего три пожелания я выскажу тебе:

Первое. Живи с совестью или живи по совести. Хотя бы постарайся. Если тебе это удастся сделать, то ты сможешь обладать самоконтролем и самооценкой. Сможешь посмотреть на себя со стороны, заглянуть в свои нравственные ценности, которые так трудно найти без посторонней помощи.

В конце концов, это поможет тебе научиться отличать добро от зла. А это очень тяжкое занятие.

Второе. Старайся быть мудрым. Стремись к мудрости, и у тебя появится высокое знание, которое можно умело применить в жизни. Учись всегда, и ты сможешь увидеть далекие последствия сегодняшних поступков.

И третье. Будь сильным. Обладай силой, но не той, которая сокрушает все и вся, и про которую говорят – не ведает, что творит. А той, которая дает душевное, нравственное могущество победить, прежде всего, собственные пороки. Думай, постоянно думай о том, что ты сейчас делаешь, чем занимаешься и кто ты есть на самом деле. Прощай».

Он помнил эти слова и сейчас, когда здесь в заточении у пионэров, ему стало совсем неудобно и дискомфортно, и он перебирал в памяти все эпизоды, предшествующие своему появлению на вокзальной площади в то душное утро.

Большой, древний город встретил его утренней суетой и множеством людей, куда-то спешащих, обгоняющих друг друга, постояннодвигающихся плотными потоками, навстречу друг другу. На лицах горожан он не заметил ни улыбок, ни любопытства или хотя бы малейшего интереса к окружающей обстановке. Как правило, прохожие были озабочены чем-то изнутри себя и непроницаемым для посто-

ронного взгляда. Этот неожиданный для него эффект одиночества в толпе его сначала удивил, но постепенно он привык к этому и даже как-то успокоился – до него нет никому дела. Солнце поднялось над городом, и дневная жара опустилась на дома, улицы и на весь городской пейзаж. Ему захотелось где-то передохнуть, и пора было бы перекусить после длительного полета. Заглянув в первое попавшееся заведение, где, судя по вывеске, можно было бы утолить жажду и перекусить, он подошел к стойке с пухленькой девицей. Столики в заведении пустовали, и только в самом углу расположилась угрюмая личность с наполовину пустой кружкой. Девушка изобразила на лице вымученную заботливость о посетителе и с дежурной улыбкой спросила:

– Чего желает молодой человек?

Он попросил воды и чего-нибудь перекусить. Через минуту он не спеша пережевывал и запивал водой что-то перченое и солоноватое, разглядывая место своего расположения. Ничего особенного и привлекательного не обнаружилось. На стенах заведения висели картинки с видами различной еды и бутылками с питьем. Столики в количестве не более двадцати, уже несколько обшарпанные от долговременного употребления, располагались в пару неровных рядов и выглядели сиротливо на фоне всего лишь двух посетителей. Девушка за стойкой скучала и не мигая смотрела через витринное стекло на улицу, залитую солнцем, где поредевшие прохожие сменились со спешаще-озабоченных на празддно-шатаю-

щихся в поисках тени и прохлады.

Он дожевывал второй бутерброд, когда угрюмая личность с недопитой кружкой сначала нерешительно, а затем все более целеустремленно двинулась в его сторону. Он подумал, что личность решила переменить столик и расположиться ближе к выходу, но ошибся. Мужчина в возрасте, плохо выбритый, с прической, которой парикмахер не касался, пожалуй, почти год, приблизился к нему настолько, что можно было разглядеть мелкие морщинки на его загорелом лице.

– Не гоните, сударь, странствующего индивида. Позвольте посидеть с приятным молодым человеком.

Такое обращение обезоружило его, и он, наверное по неопытности общения, неожиданно для себя кивнул головой, хотя где-то внутренне насторожился от всего вида незнакомца. Там, на островах, его учили разным премудростям, в том числе и поведению в обществе среди городских людей на континенте, но этот угрюмый неизвестно чем расположил его к себе. Особенно его поразили глубокие серые глаза незнакомца, в которых он заметил и острый ум, и иронию, скрытую тайную грусть. Удобно расположившись за столом, угрюмая личность, отпив пару глотков из кружки, внимательно разглядывала его из-под седых, густых бровей и, видимо, не решаясь начать какой-то разговор, иногда опускала глаза вниз, то ли от некоторой неловкости за свое вторжение, то ли раздумывая, чтобы такое сказать в самом начале.

Девушка за стойкой, обнаружив маневры угрюмого, оторвалась от созерцания улицы и негромко, но так чтобы посетитель услышал, крикнула:

– Вы его не бойтесь. Это наш дед. Он не вредный.

Дед после длительной, затянувшейся паузы, несколько смущаясь, спросил:

– Отдыхаете?

Он не знал, как ответить на такой вопрос, и просто кивнул головой.

Дед вежливо подождал, пока он доест свой бутерброд, и тогда решился на длинную фразу:

– Сударь, я вижу, вы не городской. Не наш. Осмелюсь заметить, вы неопытны для местных условий. Зачем вы здесь?

Неужели городские забавы вас привлекают больше, чем ваша периферийная устойчивая жизнь?

Дед, отпив несколько глотков, ожидал ответа.

А он молчал и думал: «Как ответить на такой вопрос? – Зачем я здесь?»

– Наблюдаю, что трудный задал вам вопрос. Это – «Зачем?» – обычно смущает многих, и меня в том числе. Если спросить меня: «Зачем я здесь?», мне тоже сложно будет ответить. – И, глядя куда-то в сторону, дед надолго задумался, может быть его мысли запутались в его воспоминаниях.

– Зачем? – дед повторил вопрос и сам себе ответил:

– А так просто, бесцельно и бессмысленно. Глупый вопрос – зачем? Нет ответа, кроме как – так получилось. Простите

великодушно, – и дед, прихватив почти пустую кружку, удалился в свой угол.

– А все-таки, зачем я здесь? – подумал он, провожая взглядом удаляющуюся неловкую фигуру деда. – Вот человек, уже старый, не может ответить на такой, казалось бы, простой вопрос, а мне тем более не осилить эту премудрость. И все-таки, зачем я здесь?

В заведение уверенно, как к себе домой, энергично ввалились два аккуратных клерка, при белых рубашках и, несмотря на дневную жару, в пиджаках и галстуках. Оживленно переговариваясь, они заказали что-то из быстрого приготовления и расположились недалеко от него у соседнего столика. Общались они довольно тихо и, казалось, не обращали внимание ни на деда, ни на него.

– Сегодня выплатили огромную сумму, – один из них сделал восторженное лицо.

– Да, повезло вкладчику. А на вид простой, простой.

– Фирма работает, и нам доход.

– Сегодня удачный денек. Много разместили.

– Да, пожалуй, с десятков.

Клерки энергично поглощали что-то с тарелок. Один из них, подойдя к стойке, обратился к девице:

– У вас новый клиент?

Девушка мельком взглянула на него и вяло ответила:

– Все как обычно. Желаете что-то еще?

– Нет, нет, большое спасибо, – клерк быстро ретировался

на свое место. Они оба повернулись к нему и вежливо поздоровались:

– Здравствуйте. Доброго дня вам.

Ему пришлось отреагировать:

– И вам доброго дня.

– Если вы не спешите, то мы можем сделать вам интересное предложение, – клерки хором произнесли эту фразу, и лица их расплылись в образцовой улыбке, искренне располагающей к продолжению диалога.

– Разрешите представиться, – они прикрепили на карманы пиджаков таблички с именами, на которых крупно читалось: «Альфа» на одной и «Бетта» на другой ламинированной картонке. Альфа первым предложил объединиться за одним столом, и через минуту на столе появились проспекты и прочие красивые бумаги с идеями, куда вложить деньги. Альфа, не умолкая, подкладывал все новые и новые картинки, а Бетта едва успевал доставать бумаги из небольшого портфеля.

– Вкладываете десять, через полгода получаете двадцать, но это риски. Вы должны понять, высокий процент – большой венчур. Можно более спокойные варианты, вот смотрите, – он подсунул ему новую картинку, – здесь риски минимальны, абсолютно надежно. Вкладываете пять, через полгода получаете семь – хороший бизнес. Думайте, думайте, только быстро, размещения ограничены, сегодня вечером закрытие линий. Мы и так уже в контору не успеваем, будем

оформлять прямо здесь.

– Нам, пожалуйста, по чашечке кофе, – крикнул Альфа девице. – Вы будете кофе? – спросил он. – Ваше решение будет наверняка удачным. Решайтесь.

Бетта мгновенно достал из портфеля листочки с текстом.

– Вот юридически выверенные обязательства, можно подписывать. Вы сколько вкладываете, десять или пять? Вот здесь подпись и печать. Замечательно, вот и кофе к подписанию подоспел.

Девица что-то там включила, и по заведению поплыла чувственная песенка:

Я страдал и днем и ночью,
Нет мне счастья в любви.
И на этой нервной почве
Ты меня уже не жди...

Саксофон виртуозничал, подчеркивая томный баритон. Голос проникновенно выводил:

Я долго ждал тебя в рассвете дня,
Но ты по-прежнему ко мне не шла...

Он, несколько озадаченный активным напором клерков, пытался прочесть мелкий текст обязательств.

– Да, конечно, вы можете подумать. Это сложно выбрать: «пять и десять» или «пять и семь». Мы понимаем, пять и

десять очень заманчиво, но надежней – пять и семь. Коллега, покажите клиенту, где надо подписать документ.

– Вот здесь внизу, – Бетта указал место для подписи. – Вас что-то смущает? Вы хотите получить десять? О! Как мы вас понимаем.

Саксофон с минуту завораживающе солировал, а голос трагически продолжал:

Кусочек яда мне хотелось съесть,
Но это, кажется, совсем не месть.

Песня подходила к концу. Девица за стойкой осоловела от ее проникновенного содержания. Он поставил подпись в означенном месте. Оба клерка несказанно обрадовались завершению дела. Альфа достал солидное кожаное портмоне, раскрыл его, ожидая получить вложения, а он, выложив почти половину своего запаса, отсчитал пять крупных купюр и вручил их Альфе.

Клерки быстро собрались. Бетта оставил на столе листок с подписью, и они оба, не прощаясь, вышли наружу и скрылись за ближайшим поворотом.

Трубка ожила, сигнал не утихал. У него не было никакого желания выслушивать очередное: «Вас пригласят...».

Чувство времени ему подсказывало, что до окончания срока оставалось еще более десяти часов. Он нехотя поднялся.

– О! Как я рад, что вы мне ответили, – голос Красика был звонок и радостен. – Вы нашли своих друзей. О! Это такое счастье – найти своих друзей. У вас их, наверное, много. Когда много друзей, это гораздо лучше, чем... – он запнулся, подбирая подходящее слово, – чем одиночество.

Возникла пауза. Трубка дышала, видимо, переживая очередное одиночество.

Он осторожно решил прервать собеседника:

– Скажите, у вас разве никогда не было друзей? Может быть в детстве, давно?

– В детстве... Давно... – Красик медленно, видимо, пытаясь окунуться в далекие воспоминания, ответил:

– Да, давно, когда меня дразнили: «Рыжий», мне казалось, что были у меня друзья. – Он на мгновение задумался и продолжил: – Были да сплыли. Это грустная история, когда тебя тихо предают. Да так, как-то походя. Вроде и не предавали, а просто забыли о тебе, словно тебя и не было. Наверное, дело не в них, а во мне. Что-то такое во мне было нехорошее, непривлекательное, вот меня и бросили.

Трубка замолчала. Ему даже показалось, что там на другом конце никого нет.

– Але. Вы здесь? – спросил он.

– Я слушаю вас, – ответила трубка.

– Вы прервали свой рассказ о друзьях, – сказал он.

Трубка несколько секунд помолчала и ответила:

– Да, о друзьях. А у вас много друзей?

Он ответил:

– Кажется, три.

– Вы не уверены? – удивилась трубка.

– Не очень уверен, – ответил он и добавил: – Я с ними познакомился в пумпеле.

– В нашем пумпеле? – спросила трубка.

– Да, в нашем, – ответил он.

– Вы думаете, что друзья могут появиться так быстро? Всего за сутки? – голос в трубке с сомнением продолжил:

– Конечно, бывает и сразу, раз и друзья навек, – Красик эту фразу произнес с некоторой иронией.

Лучу подумал: «Конечно, это банально, что все друзья проверяются временем. У него здесь на материке времени не было, и кроме этих, он надеялся хороших знакомых, никого из друзей пока что не образовалось».

Красик продолжил:

– А вы могли бы считать меня своим другом? Простите, я, может быть, слишком назойлив. Я не обижусь, если вы ответите мне: «Нет».

Он ответил:

– Но мы совсем не знаем друг друга и не видим. Друзья по телефону? Это, конечно, возможно, но давайте поначалу будем приятелями.

Красик согласился:

– Да, сначала – приятелями. Я могу вам рассказать о себе, если хотите? – он не стал ждать ответа и затараторил:

– Выгляжу я просто: худенький, рыжий юноша в очках, стандартный рыжий очкарик. Таких много. Один от другого не отличается. Все на одно лицо. Вы знаете, у меня даже трудности были от этого. Все думают, что меня много, а я всего лишь один и...

Трубка зуммером прервала Красика.

– Вас пригласят через восемнадцать часов, – голос произнес эту фразу два раза. Трубка затихла. Красик исчез.

– Разрешите...? – помощник в нерешительности остановился у дверей. Шеф, не отрываясь от бумаг, знаком руки пригласил его к столу. Помощник, изобразив на лице уважение и чрезвычайное внимание, аккуратно приблизился к столу. Шеф закрыл толстую папку и, пристально взглянув на вошедшего, сухо спросил:

– Каково состояние «куклы»? Только прошу, основное.

Помощник раскрыл папку и четко с расстановкой прочел:

– Изделие прошло тестирование. Выставлено в очередь. Осуществляет информационное взаимодействие в претендентами.

Шеф с минуту переваривал информацию.

– Надеюсь, профессура поставила его к лучшим?

Помощник ответил:

– Он внесен в пятерку для работы с волатильным лабиринтом.

Удовлетворенный докладом, шеф уже более мягко поблагодарил и отпустил помощника.

Грузный мужчина, с лицом, обремененным постоянными заботами, встал из-за стола, неспешно подошел к окнам кабинета и долго всматривался в вечерний город. Солнце только что зашло. Горожане после трудового дня растекались по вечерним заведениям в поисках развлечений. В дальних кварталах уже зажглись огни.

– Какой-то процент может быть замещен уже через пару лет, – подумал он, – и этих, всегда недовольных, ворчащих и ругающих Правительство и Совет, можно будет значительно уменьшить.

Он долго стоял у окна. Горожане, с этой высоты напоминающие каких-то темных букашек, двигались по тротуарам вдоль только что засветившихся витрин.

– Им всегда чего-нибудь не хватает. Им подавай что-то новенькое, но они ко всему быстро привыкают и снова становятся недовольными.

Темнота опускалась на город. На автострадах зажглись огни. Вечерние потоки машин заполнили все, что только возможно. Население распределялось в соответствии с возможностями, интересами и пристрастиями.

– Сколько проблем мы снимем, когда заменим эту массу

хотя бы на десять процентов, – думал он, глядя на ночной город. – Совет не очень-то лояльно отнесся к этой новой разработке. Засекретил все материалы. Опасаются недовольства в обществе. Новое всегда вызывает настороженность. Может быть потом, лет эдак через десять, когда изделия вытеснят более половины этих ворчунов, может тогда кто-нибудь из историков скажет, точнее, напишет трактат о том, какое полезное событие произошло. Нет, не так, не полезное, а знаменательное, историческое – первое «изделие» вошло в лабиринт и вышло вместе с лучшими экземплярами среди претендентов.

Шеф скрестил руки на груди, его взгляд устремился туда, в то будущее, куда мечтательно улетела его мысль.

– А может случиться так, что сито пройдет только оно, это будет феноменальный успех. Феноменальный! – Он в волнении отошел от окна.

– Тогда все эти возражающие и воздержатели заткнутся. Поставим изделие на поток, но рано, рано, – он сел за стол. – Рано думать об этом. «Кукла» еще стоит в очереди.

Трубка молчала уже более получаса. Он перекусил остатками заказанного обеда и расположился на диване. Воспоминания вновь окружили его:

«Угрюмая личность, наконец-то, допила свою нескончае-

мую кружку и неспешно направилась к стойке. Затомленная песней девица, принимая от него кружку, спросила:

– На сегодня все?

Дед после небольшой паузы ответил:

– Да, дорогая, на сегодня пожалуй все. Душевные песни у тебя здесь поют.

Женское меццо-сопрано замурлыкало новую мелодию:

Я любила тебя, но ты мимо прошел,
Ты меня до сих пор не нашел, не нашел.
Пролетели года. Уплыла та вода,
Где твое отраженье увидела я.

– Да, да, – дед пытался подпевать. – Не нашла отраженье воды...

А голос звучал и звучал:

Ты меня не искал, ты забыл обо мне,
Я осталась на свете несчастной одна.
Так случилось. Зачем ты ушел от меня?
Эта жизнь, эта жизнь. Не нужна мне она.

Дед совсем расчувствовался и, опустив голову на руки, слушал и слушал, повторяя слова:

– Осталась, конечно, одна...

За витринами заведения потемнело, нахмурилось. Пер-

вые крупные капли дождя порывом ветра с шумом бросило на запыленные стекла. Где-то сверкнуло и почти сразу грохнуло, с треском разрывая небо.

– Ого, разгулялось, – пробурчал дел, – так и правильно, духота-то какая с утра.

Косые струи дождя выровнялись, ветер утих, и сплошной поток воды накрыл дома, улицу и весь город. Сквозь ровный гул дождя меццо-сопрано подвело итог песенной драмы:

Не узнали любви, не узнали себя,
Пролетели те дни, не заметив меня.

Идти было некуда, и он смотрел на этот ливень и слушал тихий разговор у стойки.

– Вот пришел человек. Чужой, незнакомый. Зачем пришел? Он и сам, наверное, объяснить не может.

– У нас тут много чужих бывает, – нехотя ответила девица. Она выключила песенный поток и вернулась к действительности.

– А этот не такой как все, – возразил дед, – он умный и наивный. Ты встречала таких – умных и наивных?

– Я встречала разных, – ответила девица, – они сначала все умные, а потом становятся наивными, притворяются дурачками. Это мы проходили. – Она внимательно посмотрела на Лучу и, не найдя, с ее точки зрения, ничего интересного, занялась дедом.

– Ты бы меньше эту гадость потреблял, совсем зеленый стал, так и помереть можно.

– Ты, дорогая, зря это, совсем зря. Три кружечки с утра – это совсем немного, и не гадость это, а радость моя. Чем у нас еще можно повеселиться? Вот песенки у тебя послушал и все, пожалуй. У тебя, молодой, радостей хоть пруд пруди. Можешь и юношу этого развеселить, вишь скучает, на дождь смотрит.

– Скучает, – подтвердила девица, – денежек жалко. Эти паразиты вытащили из парня.

– Так ты что смотрела, могла бы вмешаться?

– У нас не принято лезть не в свое дело, – резко ответила девица. – Сами разберутся.

– Был бы свой, вмешалась бы, – возразил дед.

– Мои все слиняли кто куда, – вздохнула девица. – А сейчас еще эта манера появилась – к Гуру все лезут. Сумасшедшие дурики. Чего там не видели?

– К Гуру пионерия зазывает, – продолжил дед. – А ты что ж не хочешь посмотреть эту чуду-юду?

– Я за день столько чудов вижу, что мне этот Гуру совсем не нужен, обойдусь, – ответила девица.

Дождь затихал. Раскаты грома постепенно удалялись. Улица была пуста. Мощные потоки воды устремились по асфальту куда-то по склону вниз. Он вспомнил слова отца: совесть, мудрость и сила. «Я, наверное, не мудрый, – подумал он. – Эти двое явно лукавили, когда выманивали у меня

деньги. А я видел это и всё равно поддался на уговоры. Глупо? А глупо, значит не мудро. Но зато какую радость я им принес. А себе – горе? Нет. Мне столько самому не нужно. Нет, нет не уговаривай себя. Поступил глупо. Это тебе наука на будущее».

– Надо бы познакомиться с ним поближе, – предложил дед.

– Иди знакомься, – согласилась девица, – все равно тебе больше заняться нечем.

Дед, кхекая и бормоча что-то про себя, снова направился к Лучу.

– Скучаете?

Он отвлекся от дождя и ответил деду:

– Жду, когда затихнет.

– Осмелюсь еще раз обеспокоить вас, – дед, уже как старый знакомый, разместился за столом. – Вот вы отдали деньги. Вам они не нужны? Вы не нуждаетесь? – Дед, не ожидая ответа, эмоционально продолжил: – Вы изволили бросить деньги на ветер. Можно сказать – в распыл. Вы из тех богатых, которым все можно?

Дед пристально, в упор смотрел на него. Было видно по прищуре глаз, что он пытается разозлить его, спровоцировать на какую-нибудь эмоцию, но Лучу молчал и ждал, куда заведет деда эта обличительная мысль.

– А может вы из тех, которые уступают всем. Уступают дорогу, место, свою очередь за чем-либо. Уступают не пото-

му, что слабые, а потому, что это их кредо. Вежливые все они, видишь ли.

Дед, наконец-то, выдохся. Он задумчиво вздохнул и рассеянно оглядел заведение. Поскрябал небритую щеку и зачихнул в ожидании реакции странного юноши, а юноша обдумывал линию своего поведения:

«Не ввязываться в разговор? Как-нибудь вежливо отказать от общения или пообщаться, не вдаваясь в подробности, вести, так сказать, светский разговор? В городе у него нет знакомых. Поездка к Гуру намечена на завтра. Времени свободного много. А может быть, встать, вежливо раскланяться и просто уйти?».

– Что меня держит около этого странного человека? – размышлял он. – Любопытство, вот что останавливает меня.

Дед, видимо, не вытерпев длительной паузы, с прежним напором продолжал монолог:

– Вы, наверное, филантроп. Любите всех без разбору. Я тоже когда-то был филантропом. Любил всех. Обожал, можно сказать, а потом и возненавидел после обожания-то. Вот весело-то было. Обожал, обожал, а грязь и подлость надоела, и стал мизантропом.

– Вы думаете, что я городской сумасшедший? – дед выждав полминуты и, не дождавшись ответа, продолжил:

– А и то верно, так и есть городской сумасшедший – «Крези Дункель». Так и называют меня из уважения. А как вас мне величать? – дед снова взял паузу.

– Лучу, – ответил он деду и повторил: – Меня зовут Лучу.

– Лучу, – нараспев произнес дед. – Я так и знал, вы не здешний и первый раз в городе. Может, вы мессия? – с иронией спросил дед. – Раздаете блага всем подряд.

– Нет, я не мессия. Я с островов, – ответил он и подумал: – Похоже, ввязался в разговор, теперь это надолго, дед прилипчивый местный завсегдадатай.

Гроза совсем ушла. Проступило яркое солнце. Лужи быстро испарялись. Влага уходила, и снова наступала после-полуденная духота. В заведение вбежал молоденький парень, опрятно одетый, с зализанной назад прической. Он, не обращая внимания на то, что вокруг почти никого нет, затараторил:

– Покупайте демпельные застежки. Демпельная технология обеспечит вам комфорт и спокойствие. Застежки сами сделают свое дело.

Продавец, увидев двоих сидящих за столиком, бросился к ним со словами:

– Это то, что вам нужно. Застежки не надо проверять. Они сами себя застегнут, и вам не надо щупать, в порядке ли ваш костюм после разных дел. Хороший дизайн и надежность – девиз нашей фирмы.

Дед поморщился от активности парня и проворчал:

– Нет спокойствия от новых технологий.

– У вас нет демпельных застежек? – не унимался продавец. – Это большое упущение, но его можно исправить пря-

мо сейчас. Берите три по цене двух. Только сегодня, только сейчас вы можете осчастливить себя демпельными застежками.

– Может, вы и застежки купите себе на все, что у вас есть, – съехидничал дед, обращаясь к Лучу. – Потом будете с ними счастливы по самые уши.

Лучу помотал головой.

– Нет? Не хотите? – дед повернулся к парню и громко заявил:

– Мы не нуждаемся в ваших демпельных. Прошу отстать. – Парень остановился в недоумении. – Новая технология... – не очень уверенно произнес он.

– Нам не требуется ни новая, ни старая, – ответил дед. – Мы уж как-нибудь застегнемся руками, старинным способом и проверим многократно, если нужно.

– Купите хотя бы на пробу, – парень достал из большой сумки несколько маленьких коробочек. – Посмотрите хотя бы?

– И смотреть нам незачем. Прошу отстать, – дед был непреклонен.

Парень сразу загрустил, ему совсем не хотелось выходить в духоту на улицу. Посопев немного и сложив коробки в сумку, он вскинул ее на плечо и все-таки покинул заведение.

Новая мелодия зашумела по залу. Мужской дуэт исполнил скоротечные куплеты под фортепьяно:

Нет мне счастья на земле,
Проплутал я жизнь во мгле...

Слова мелькали друг за другом с трудноуловимым смыслом:

Выйду в поле – нет тебя,
Побреду, тебя любя...

– Вы не сердитесь на меня за мою липучесть? – спросил дед.

– Нет, не сержусь. Мне интересно, – ответил он.

– Интересно. Вам интересно, – в раздумье подтвердил дед. – Интересен не я. Интересно, почему тех, которые уступают, гораздо меньше тех, которые не уступают никогда? Думается, все наши беды и проблемы только оттого, что мы не хотим уступать. А это так просто, уступи другому, и он уступит тебе, и нет конфликта, нет раздражения и злобы. Незачем толкаться и воевать, бить и убивать.

Дуэт не унимался:

Мне незачем тебя искать,
Ты будешь снова мне пенять.

– Мы настроены на борьбу. Вот в чем проблема. На борьбу с природой и друг с другом. Борьбу за ресурсы. Вот почему мы не уступаем, а кто уступает, тот вымирает, – дед надол-

го задумался как будто прислушивался к словам очередного куплета:

Нам вместе тесно, места нет
И как избавиться от бед.
И я однажды убегу,
Быть может, место я найду.

Он кряхтя встал и, не попрощавшись, нетвердой походкой вышел наружу».

После нескольких безуспешных попыток выяснить у «вас слушает справка» о ее дальнейшей судьбе она прекратила активность и занялась собой, благо, что в помещении нашлось зеркало. Более-менее приведя лицо и прическу в порядок после этих изнурительных тестов, она расположилась на диване и даже задремала до очередного сообщения «вас пригласят...». Злиться на сообщения и на дурацкую справку не имело смысла, оставалось ждать и терпеть это замкнутое пространство.

– Что-то рановато они звенят, – подумала она, когда трубка ожила сразу же после «вас пригласят через десять часов».

Она неохотно взяла трубку. На другом конце кто-то дышал, ожидая ответа, и она ответила:

– Если вы будете молчать, то до свидания.

Дыхание прервалось.

– Здравствуйте. Я хотел бы переговорить с Гурой, – вежливый голос в трубке спросил:

– Вы будете Гурой?

Этот вопрос ее неожиданно развеселил, и она ответила:

– Гура вас слушает.

Трубка ответила:

– Я вас умоляю, переведите меня поближе. Заранее благодарю. Вы слышите меня? У вас такой приятный и умный голос. Очень рад с вами переговорить. Очень желательно передвинуться хотя бы на пару часов. У меня есть особые обстоятельства. Вы слышите меня?

Она ответила:

– Нет проблем, я могу вас задвинуть куда вам будет угодно, хоть в... – она запнулась и вежливо продолжила, – в самое, что ни на есть, начало.

Трубка продолжила:

– Я понимаю, вам неудобно, так я не настаиваю на многом. Можно только чуточку? Это никому не повредит. Всего два часа. Что это? Это песчинка в пустыне, капля в море. Я понимаю, нас много. Вы одна. Если вам неприятно, я могу не называть вас Гурой. Я могу называть вас наставницей. Вы слышите меня?

Она поняла, что там на другом конце либо идиот, либо кто-то ее разыгрывает. Она решила поддержать эту игру.

– Нет, можете называть меня Гурой, мне это нравится.

– Так вы точно Гура! – обрадованный голос продолжил. –

Они, то есть один из них, я его разговорил, сказал, что здесь будет очередь. Так вот я и подумал, что мы можем договориться. Культурные люди всегда могут договориться. Я все ваши задания выполнил. Вы должны быть довольны. Вы слышите меня?

– Я вас слышу. Вы просто молодец, отличный мальчик. Мы вам поставили одни пятерки. Душевно поздравляю вас с успешной сдачей экзаменов.

Трубка, видимо, тихо радуясь услышанному, затихла. Голос несколько насторожился и тихо спросил:

– Так вы передвинете меня?

– Уже передвинула, – ответила она.

– Вы уже можете сказать – сколько мне осталось?

– Вас в свое время оповестят, – снова ответила она.

Трубка удовлетворенно затаилась.

– До свидания, – как можно вежливее произнесла она в трубку, понимая, что игра подходит к развязке.

– Нет, нет. Постойте, не бросайте трубку, – снова раздался тот же голос.

Она подумала, что если закончит этот разговор, то скучное ожидание продлится еще десять часов, и стоит продолжить, от нечего делать, это бессмысленное общение. Интересно, чем это может закончиться?

– Вы молчите. Почему? Я вас раздражаю? – спросил голос.

– Нет, ни сколько, только я хотела бы побольше узнать о вас. Вы совсем ничего не рассказали о себе.

– О! Как я рад, что вы задали мне такой вопрос. О! Это такое счастье рассказывать вам о себе. Меня зовут Красик. Когда-то меня дразнили – «Рыжий», потому что я и есть рыжий очкарик. А как выглядите вы?

Она ответила:

– Я симпатичная девушка, – и тут же поправилась, – симпатичная, молодая Гура.

– Вы молодая Гура? – спросил Красик. – Разве бывают молодые Гуры?

– Так уж получилось, – ответила она, – а что, вам не нравятся симпатичные Гуры?

– Это большая редкость – молодая, симпатичная Гура. Вы изменили мое представление о Гурах. Это очень неожиданно. Могу ли я узнать, как вы, молодая, стали Гурой?

Она задумалась. Ей стало как-то неловко обманывать наивного «Рыжика».

– Я не Гуру, – тихо ответила она.

Трубка замерла.

– Тогда зачем вы ответили мне? – спросил Рыжик. – Зачем вы так долго говорили со мной? Я умолял вас, надеялся, я думал... и такое разочарование. Если вы не Гура, то вы, наверное, секретарь? Тогда я к вам.

Рыжик продолжил:

– Вы знаете, хороший секретарь, это, знаете ли, это бо-

лее половины начальника. Они, то есть один из них, я его разговорил, сказал, что здесь будет очередь. Так вот я и подумал, что мы можем договориться. Культурные люди всегда могут договориться. Я все ваши задания выполнил. Вы должны быть довольны. Вы слышите меня?

Она подумала:

– Это точно тот идиот, которого вылечил их сосед по ячейке. Как он сюда попал? Неужели тестирование не выявило его ненормальность? Ха-ха, надо бы как-то с ним закругляться.

– Я не секретарь, – прервала она быструю речь Рыжика.

Трубка уже в который раз затихла, обдумывая, как продолжить разговор.

– Я все понял, – откликнулся Рыжик. – Вы не хотите признать, что вы пионер. Я не очень-то их люблю, но мы должны подчиняться. Дисциплина рождает порядок. Вы понимаете меня?

Она решила прекратить это и равнодушно ответила:

– Я не пионер.

– Тогда кто же вы? – с неподдельным изумлением спросил Рыжик.

– Я жду своей очереди к Гуру, – ответила она.

– А скажите откровенно, он нам нужен? – спросил Рыжик.

Она задумалась над ответом и не сразу произнесла эту фразу:

– Сейчас назад уже не вернуться, придется дойти до Гуру.

– Да, да. Вы, конечно, правы. Начиная путь, надо дойти до конца, если нет других альтернатив.

– У вас есть другие варианты? – спросила она.

Рыжик ответил:

– Альтернатива есть всегда, но некоторые ее не могут рассмотреть или боятся ее.

– Поясните свою мысль, – попросила она.

Рыжик молчал, ей пришлось крикнуть в трубку:

– Вы еще здесь? Вы слышите меня?

– Да, – ответил Рыжик, – я перезвоню вам через некоторое время. Мне надо связаться со своими друзьями.

– У него здесь есть друзья. А у меня? – спросила она себя, когда разговор с Рыжиком прервался.

– У меня есть друзья, – ответила она сама себе, – но только где они сейчас? Где Лучу и этот юноша с девочкой?

Ей стало грустно.

Красик исчез. Трубка каждый час оповещала его о приглашениях. От безделья он уже несколько раз разминался и постоянно ходил по помещению из угла в угол, вспоминая свой первый день в городе:

«Он подошел к стойке, расплатился с девицей и спросил, указывая вслед ушедшему деду:

– Одинокий человек?

– Все мы одинокие, когда остаемся один на один сами с собой, – ответила девица.

Ответ не располагал к продолжению разговора, и он, поблагодарив, вышел в дневную духоту. Этот город он хорошо знал. На большом экране он прошел почти все его достопримечательности в старом центре. Разворачивая картинки, он побывал во всех древних зданиях, во всех музеях и публичных местах. Не знал он только жителей этого города. Точнее, не знал, кто они, какие у них мысли, отношения между собой, взгляды на существующее положение вещей, на историю города. По публикациям, которые он перечитал там у себя на островах, он знал порядки, правила и законы этого города. Некоторые из них ему были понятны, некоторые вызвали удивление. В комментариях он постепенно узнавал, откуда эти традиции появились и почему они действуют до сих пор. Он думал, что его знаний будет достаточно, чтобы провести это короткое время в городе до поездки к Гуру, а потом он должен самостоятельно решить, что делать дальше.

Он довольно быстро нашел центральную городскую площадь, где издревле находился памятник Основателю. Основатель крепко сидел в седле вздыбленной лошади, указывая мечом в сторону восточной части города, напоминая туристам, откуда когда-то Основателю грозили враги. По истории, врагов у Основателя было достаточно много. Одних он громил на полях сражений, других тайно убивал, с третьими заключал временные союзы против прочих. Теперь же на-

следники этих врагов перемешались друг с другом и периодически дружили то против одного, то против другого бывшего союзника. Со временем эти исторические факты обветшали и стали весьма неинтересны основному населению.

Между собой этот памятник горожане называли «Скачок», и только экскурсоводы иногда скороговоркой напоминали особо настырным, что «Скачок» – это был такой Основатель этого древнего города.

В тени «Скачка» расположились праздные горожане. Здесь можно было встретить и попрошайек и просто зевак, неизвестно каким образом попавших сюда, и оригинальных молодых и не очень дам и девиц с яркими глазами. Солнце уже ушло из зенита, у населения появилась слабая надежда на вечернюю прохладу. Запаренные лица попрошайек тупо смотрели в свои почти пустые приспособления для сбора пожертвований. Зеваки, повертев головами, осматривая «Скачка», спешили скрыться в теневой части площади, и только оригинальные девицы стоически не бросали своих позиций, хотя в этот час клиентура почти отсутствовала.

Он внимательно, со всех сторон, осмотрел бронзового Основателя, заметил, что некоторые его детали требуют срочной реставрации, и собрался было двинуться дальше, как одна из оригинальных подрулила к нему сбоку и, вяло улыбаясь, спросила:

– Который час? – Он посмотрел на часы, сверился с башенными в углу площади и ответил:

– Уже три часа.

Девушка обрадовалась ответу и заметила:

– Сегодня ужасная жара, не правда ли?

Он кивнул головой и решил попрощаться:

– До свидания. Я пойду.

Девушка прищурилась и быстро отреагировала:

– Почему до свидания? Здравствуйте. Вы, я вижу, один.

Я могу вам помочь ориентироваться в городе. Вдвоем нам будет веселее, не правда ли?

Его учили не знакомиться и желательно не разговаривать со случайными встречными, особенно с подозрительными лицами, но эта особа почему-то подозрение у него не вызвала.

– Странно, – подумал он, – на вид симпатичная, а стоит среди оригинальных?

Он несколько замешкался с ответом, а девушка, подхватив его под руку, повела в тень городской башни, постоянно что-то рассказывая об истории ее существования и что было в ней до последнего переосмысления.

К вечеру, когда они обошли почти весь старый город, девушка предложила что-нибудь перекусить в ближайшем заведении.

– Вы, наверное, не привыкли к нашей пище. Там у вас на островах все другое.

– Я привыкаю ко всему, – ответил он и молча опустошил тарелку с какой-то новой для себя едой.

– Вы хорошо знаете город, даже лучше, чем я, – продолжила девица.

– Я бродил по нему виртуально. Мне было интересно, – ответил он, наблюдая за посетителями заведения.

Вечером разного люда здесь собиралось предостаточно. Свободных мест раз, два и обчелся. Разнообразные клиенты активно поглощали съестное. Иногда среди них наблюдались весьма праздные личности, не спеша потягивающие цветные жидкости из стаканов и кружек. Было их немного, но они вызывали у него больший интерес, чем торопящиеся и спешащие горожане.

– Вы совсем не слушаете меня, – немного с обидой сказала она, когда он не сразу ответил на ее вопрос.

– Простите, я несколько отвлекся, – объяснил он, – первый раз в городе. Слушаю вас внимательно.

Она, облокотившись о стол и чуть покачивая головой, снова спросила его:

– Вам понравился город?

– Очень шумно, – ответил он.

– И это все впечатления за день? – удивилась она

В заведении от многоголосия посетителей было шумновато. При разговоре приходилось напрягать слух и громко обращаться к собеседнику. К тому же гремела энергичная музыка с монотонным ритмом низких ударных, так что разговор получался странным. Приходилось по губам определять, что хочет сказать собеседник, или кричать ему в ухо.

Он ответил ей, стараясь отчетливо произносить слова:

– Галерея меня поразила. На экране – это одно, а в действительности это грандиозно.

– Да, первый раз это ошеломляет, – согласилась она, – а потом привыкаешь и стараешься рассмотреть детали, и эта работа, можно так сказать, интеллектуальная работа, приносит какое-то новое качество, новое наслаждение.

Он не все точно расслышал в этой длинной фразе, но основное понял – она оригинальный интеллект или хорошо притворяется им.

– Каждое произведение интересно по-своему, – заметил он. – А огромное полотно «Похищение Бажены» удивляет, я бы даже сказал, притягивает объемом вложенного труда, таланта и сил автора, – он хотел продолжить, развить свою мысль, но она перебила его:

– Здесь невозможно спокойно говорить, отложим это обсуждение на потом.

Он согласился, и они молча продолжили ужин.

– Не правда ли, вы согласитесь со мной, что смотреть картины должен подготовленный зритель? Человек, обладающий хотя бы минимальными знаниями, – она произнесла эту фразу, как только, выйдя из заведения, они оказались на тротуаре.

– Возможно, вы и правы, но я думаю, что и неподготовленный зритель может воспринять талант и гениальность, но только если он культурный человек, – он задумался над тем,

что только что произнес, и добавил: – Нет, не так, неправильно я выразился. Надо сказать – не культурный человек, а просто – умный.

– Умный? – переспросила она. – Умный, а что значит умный? Это тот, кто много знает, или что-то другое?

– Умный – это способный познавать, – ответил он. – Если нет таких способностей, то многознайка шедевр может и не распознать. Здесь главное не торопиться с выводами. Незнание не довод, невежество не аргумент. Это я где-то вычитал, только не помню где.

Они не спеша шли вдоль старинных зданий, в нижних этажах которых расположились мелкие лавочки с великим разнообразием нужных и не очень вещей. Он внимательно разглядывал это изобилие сверкающих, блестящих предметов, иногда останавливаясь, чтобы поближе рассмотреть что-то уж совсем удивившее его.

– Вы считаете себя умным? – спросила она, отвлекая его от очередной диковинки.

Он улыбнулся на этот неожиданный вопрос и ответил, пожимая плечами:

– Нет, я совсем не умный. Вот хожу по городу, не зная, где и как проведу эту ночь, а завтра утром надо быть на вокзале. Наверное, я не умный.

– Переночевать в городе – это не проблема, – ответила она. – Я вам помогу, конечно, если хотите. Вам интересны эти штучки? – спросила она, указывая на блестящие пред-

меты, выставленные на очередной витрине.

Он, увлекая ее за собой, решительно прошел мимо нескольких лавок и ответил:

– Я вижу, вам эти предметы неинтересны. Почему?

– Здесь нет ничего настоящего. Это все для вас, для чужих... – она немного подумала и поправилась: — ... для приезжих. Настоящее мы с вами видели в галерее.

– Похищение Баженки, – сказал он.

– Да и это – «Похищение Бажены», – ответила она. – Я заметила, вы минут тридцать стояли около нее.

Вечер неспешно опустился на город. Солнце ушло за многоэтажки, окружившие центр плотной стеной. Нагретый за день камень активно отдавал тепло. Было душно, и легкий вечерний ветерок был весьма кстати, он относил жар в сторону и хотя бы чуть-чуть охлаждал и спешащих, и празднично гуляющих горожан и гостей. Она предложила посидеть в прохладе и выпить чего-нибудь бодрящего в этот вечерний час.

Легкое, холодное вино в высоких бокалах располагало к непринужденной беседе и приятному времяпрепровождению. Они уютно разместились в мягких креслах, и он первым начал беседу.

– Это «Похищение...» впечатляет не только грандиозностью труда художника, его мастерством, но и глубокой проработкой деталей. Помните, на заднем плане – лесная поляна с кострами и двигающимися фигурами обнаженных юношей и девушек?

– Да, помню. Картина написана художником еще до третьего переосмысления, – и она назвала имя известного автора, – на древний мифологический сюжет праздника любви.

– Праздник любви, – повторил он, – но для героини картины это трагедия, а не праздник.

Она поставила полупустой бокал и возразила:

– Все равно это праздник, и для нее праздник. По легенде, ее похитил Черныш, но до этого у нее была любовь с Яри.

– Да, конечно, можно и так трактовать сюжет, – согласился он. – Можно пофантазировать и назвать картину «Праздник любви». Такое название может вызвать у зрителя много вопросов, недоумений. Почему праздник, когда девушку уносит нелюбимый, а любимый лежит бездыханный и не может ей ничем помочь?

Они некоторое время сидели молча и слушали тихую музыку – играла флейта с оркестром. Звуки мягкие, обволакивающие заполняли все пространство вокруг, проникали куда-то внутрь сознания, в самые глубокие, тайные уголки и вызывали трепет и эмоции, которые в обычном состоянии редко посещали слушателей.

Он незаметно наблюдал за собеседницей. Она сейчас, слушая музыку, выглядела очень симпатично: полуприкрытые глаза с черными дугами бровей, проступающие через челку, явно демонстрировали ее увлечение классикой. А флейта продолжала завораживать своими звуками отдыхающую аудиторию. Собеседница что-то тихо шептала, чуть приот-

крыв губы, и он едва уловил в этом шепоте строчки незна-
кого стихотворения:

Звучала флейта. Кто-то в зале
Растроган был: «Каков артист!»
Его повсюду узнавали,
Играл на флейте гармонист.
Звучала флейта тихо, скромно,
Комок под горло подступал.
И счастье было так огромно,
Но час любви не наступал.
Куда-то флейта уводила,
Куда-то музыка звала,
Любовь никак не приходила,
Хотя все думали – пора.

За окнами быстро темнело. Зажглись вечерние огни. Про-
хожих заметно прибавилось, видимо, духота отступила. По-
мещение заполнилось почти полностью. Концерт флейты за-
кончился. Собеседница очнулась и негромко продолжила
стихотворение:

Играл на флейте наш маэстро,
Он счастлив был игрой вполне.
Гармошки не было в нем места,
Царила флейта лишь в игре.
Все чувства разом подступили,
Порыв был радостен и чист

И все всех сразу полюбили,
Играл на флейте гармонист.

– Надо бы спросить ее о стихах, – подумал он, но не стал этого делать и, отпив очередной глоток вина, продолжил наблюдать за ней.

А она молчала и, рассматривая посетителей, делала вид, что ей он не очень интересен. Музыка не возобновилась. В наступившей тишине только редкие звуки переставляемой посуды на стойке доносились до них. Наконец-то, обратив на него внимание, она спросила:

– Приятное вино, не правда ли?

Он кивнул головой в знак согласия и подумал:

– Почему она не спрашивает, как меня зовут? Ей это неинтересно? Может быть, среди оригинальных действует такое правило – общаться без имен?

– Вы равнодушны к стихам? – спросила она. – Может быть, они неуместны сейчас?

Он, стараясь не обидеть ее и подбирая правильные, с его точки зрения, слова, ответил:

– Я впервые слышу это стихотворение, и мне кажется, что написал его человек разочарованный. Разочарованный идеалист. Возможно, я и не прав, но это разочарование сделано красиво и, я бы сказал, элегантно.

– А что вы можете сказать об этой строчке – «играл на флейте гармонист»? Когда это опубликовали, критики, как

говорится, перья сломали, полемизируя о смысле этой фразы.

Она смотрела прямо ему в глаза, будто бы пытаясь понять, о чем он сейчас думает. Он выдержал этот пронзительный взгляд черных глаз и ответил:

– Я мог бы сказать – вот, мол, гармонисту надоела гармонь или меха прохудились, или взяла его какая-то жизненная тоска великая, может быть о счастье, и он от тоски по этому несбыточному счастью взял флейту и запел о любви несчастной своей, которая произошла у него в далекой юности и которую он никак не может забыть. Но я так не скажу.

Она вскинула вопросительно брови, ожидая объяснений, и он продолжил:

– Но я так не скажу, а скажу совсем о другом. Когда появляется такая странность в картине, в стихах, в литературных штучках – странность недосказанности, неопределенности, вслед ей возникают фантазии, и тогда можно насочинять множество вариантов, которые ничего конкретного не несут. Хотя красотей у таких авторских приемов не отнимают. Так и с этой фразой – «играл на флейте гармонист» – выглядит красиво, и каждый может напридумывать множество продолжений.

– Я не поняла вас. Это плохо или хорошо, когда автор сочиняет такие стихи? – Она, похоже, даже немного обиделась на его ответ.

– Это не плохо и не хорошо. Этот художественный прием.

Красивый прием с целью возбуждения каких-либо мыслей, желательно благотворных.

– Желательно благотворных, – повторила она, задумалась и после паузы сказала:

– Наверное, только музыка не создает такой недосказанности, разногласий в восприятии произведения, потому что считается, что музыка создает мысли, эмоции у каждого свои, и спорить здесь не о чем.

– Спорить вообще не стоит. Спор истины не рождает, он рождает только вражду, – сказал он, затем встал, подошел к стойке и расплатился за приятное вино.

– Ну и что вы решили? – голос в трубке был настойчив. – Вы уже определились со своими вариантами?

– Я вас не понял, – ответил он. – С кем я говорю? Это Красик?

– Да, это ваш друг. Ваш Красик, – ответил голос. – Вы совсем забыли, что мы друзья.

– Нет, я не забыл, что мы друзья. Друзья по телефону, но вас я не слышал уже, пожалуй, часов пять. Вы были заняты?

В трубке наступила тишина. Он повторил вопрос:

– Вы чем-то были заняты?

– Да, можно и так сказать – был занят, – ответил Красик. – Я искал альтернативу. Вы понимаете меня?

– Вы ее нашли? – спросил он.

Красик, подышав в трубку, ответил:

– Вариантов не так уж много. Можно попробовать для начала правило «одной руки», если обнаружим петли, применим алгоритм Люка-Тремо, а там уж как придется. Вы согласны?

– Вы говорите о прохождении лабиринта?

– Да, о лабиринте, – ответил Красик, – но не только.

– Тогда я снова вас не понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите: «Но не только»?

– Предлагаю, – голос в трубке стал важным и торжественным, – предлагаю захватить пионэра и использовать его как проводника.

– Пионэр-проводник. Идея интересная, – ответил он. – А захватывать пионэра вы, вероятно, предлагаете мне?

Трубка ответила:

– Ну что вы. Мы захватим его вдвоем. Я спрошу пионэра о чем-нибудь, как бы отвлекая, например: «Как пройти в центр?», а вы его моментально скрутите.

Трубка затихла, ожидая ответа.

Скручивать пионэра для прохождения лабиринта – эта идея ему показалась по меньшей мере странной, тем более, что после лабиринта опять могут появиться пионэры. Все-таки этот Красик какой-то сумасшедший провокатор, но других собеседников у него не было, и он решил продолжить общение за отсутствием других «развлечений».

– Каким приемом вы предлагаете скрутить пионэра? – спросил он после небольшой паузы.

Красик засопел в трубку и сначала пробормотал что-то невнятное:

– Таких данных у меня нет, то есть не все данные подходят. Минуточку... – и трубка снова засопела.

Он поторопил Красика и иронично спросил:

– Какой вид борьбы вы предпочитаете? Как будем бороться с пионэром, классикой или современностью?

Красик нерешительно, как бы нащупывая правильные слова, ответил:

– Классикой, она элегантнее. Мы-то с вами понимаем, что нанести вред пионэру мы не имеем права. Скручивать следует без применения вреда. Это закон.

– Это как это, скручивать без вреда? – изумился он. – Под наркозом, что ли?

– Что вы, что вы! – запричитала трубка. – Никаких медикаментов. Это закон.

– А если пионэр не согласится скручиваться? – нарочито серьезно спросил он, – если он будет сопротивляться, что тогда?

Красик что-то пробулькал в трубку, лихорадочно соображая, как парировать такое замечание, а затем абсолютно уверенно ответил:

– Тогда мы изменим план. Поменяем альтернативу. Мы откажемся от скручивания. Вы понимаете меня? Откажемся.

– Хорошо, откажемся, – согласился он, – тем более, что мы еще ни к чему не приступили.

– Правильно, – обрадовался Красик, – это очень правильная мысль: «Не приступили». Вот когда приступим, вот тогда начнутся события, а сейчас мы еще не приступили. Не приступили.

– Наверное, это слово ему очень понравилось – «не приступили», – подумал он и подбросил Красину еще одно:

– Мы пионэра обаяем.

Красик что-то прошептал в трубку и ответил:

– Обязательно обаяем, – он по слогам произнес это слово. – Как это здорово обаять пионэра. Мы с вами будем первыми в рядах обаятелей. Ряды будут шириться, умножаться. Полезность наша будет расти. Мы с обаянием вольемся все как один, – Красик не унимался, видимо, от этого слова он был в восторге. – Обаяние и еще раз обаяние. Вот наша цель, наше средство поддержания разума, правительства и всего пионэрского движения. Обаять должно и должно с широким охватом, без оглядки на бесполезные, опасные новации. Обаятельная новизна должна быть полезной. Вы должны согласиться со мной. Вы должны... – Красик на секунду запнулся. – Мы должны с вами подготовиться. Серьезно подготовиться, обаяние не терпит спешки, суеты.

Не терпит экспромтов. Обаяемый пионэр полезнее простого. Это очевидно. Обаяемое движение полезнее обычного. Вы успеваете за моей мыслью?

Он успел вставить одно слово:

– Успеваю.

Красик захлебывался от собственного потока слов. Красочные и бессмысленные картины обаятельного процесса лились и лились из трубки.

– Вы можете себе представить. Сотни, тысячи, миллионы обаяемых. Как это грандиозно! Как это полезно! Это невозможно переоценить. Всюду обаяние. Куда не кинешь взгляд, куда судьба не занесет – везде объята обаянием. Везде объятый им народ.

– Опять рифма, – подумал он. – Оригинальная тоже читала стихи, а утром его грубо разбудил голос:

– Ваше время закончилось.

Он не сразу понял, где он. Оригинальной он не обнаружил. На столике сиротливо торчал бокал, из которого он выпил, как она сказала – «покрепче». Более он ничего не помнил. Под строгим взглядом хмурого здоровяка он оделся. Не найдя портмоне, он обратился к хмурому:

– А где девушка? – и, не получив ответа, вышел в наступающее утро. До вокзала было рукой подать.

Красик выдохся. В трубке ощущалось его частое дыхание. Через несколько секунд прозвучала фраза, которая произвела странное впечатление. Красик, отдышавшись, сказал:

– Прошу прощения, мне надо зарядиться.

– Але, але, – он несколько раз прокричал в трубку, но Красик исчез. Через минуту трубка ожила:

– Вас пригласят через два часа.

– Ну-с, коллега, объект свободен. Можно запускать последнюю пятерку.

– Да-с, коллега, согласен. Все готово, правда один из них проявляет некоторую странность.

– Для нас, коллега, никаких странностей, он тестирование прошел, размещен в блоке в соответствии с указаниями. Идет в лабиринт последним. Все. Баста, как говорят, трудящиеся массы.

Они еще раз проверили лабиринт. Датчики указывали на отсутствие претендентов. На пионерском табло светилось зеленое поле, означавшее, что ранее застрявшие зачищены.

– Они, коллега, могут флуктуировать в лабиринте. Как будем действовать в этом случае? – рассматривая пустой экран, спросил один из них.

– Будем считать их такими же, как и предыдущие, – ответил второй.

– Да-с, коллега, пожалуй, вы правы, пусть группируются. Это будет весьма интересно, сработает ли коллективный разум? Ранее положительных результатов это не давало. Последние группировки оказались слабенькими, лидеров не выявили. Обсуждения предлагаемых решений, судя по всему, были не структурированы и хаотичны. Так что, можем

подвести итоги – лабиринт претендентов не мобилизует.

Она устала ждать каких-либо звонков от Рыжика. Безделье ее раздражало, а отсутствие информации приводило в дикое бешенство. Этот псих Рыжик исчез и не появлялся на связи уже более четырех часов. Терпение ее периодически лопалось, и она громко и нехорошо ругалась на пионэров и на всю эту затею с Гуру, который ей был нужен «как болотная поганка в грибной год». Наконец-то, после очередного уведомления: «вас пригласят...», на связи появился Рыжик.

– Я обаяю вас, – голос в трубке был радостен и свеж.

Она обрадовалась и удивилась услышанной фразе. «Обаяю», – что бы это значило?

А Рыжик без всякого предупреждения затараторил не останавливаясь:

– Мы с вами будем первыми в рядах обаятелей. Ряды будут шириться, множиться. Полезность наша будет расти.

Мы с обаянием вольемся все как один. Обаяние и еще раз обаяние. Вот наша цель, наше средство поддержки разума, правительства и всего пионэрского движения...

– Что вы мелете, Рыжик? – она попыталась приостановить поток его слов, но безуспешно.

– Обаять должно и должно с широким охватом, без оглядки на бесполезные, опасные новации. Обаятельная новизна

должна быть полезной. Вы должны согласиться со мной. Вы должны... – Рыжик на секунду запнулся, – мы должны с вами подготовиться. Серьезно подготовиться, обаяние не терпит спешки, суеты. Не терпит экспромтов. Обаяемый пионер полезнее простого. Это очевидно. Обаяемое движение полезнее обычного. Вы успеваете за моей мыслью?

Она почти завизжала в трубку:

– Эту дурь я не воспринимаю вообще. Дурь! Дурь! Сплошная дурь! Вы слышите?

А из трубки радостный голос продолжал:

– Вы можете себе представить – сотни, тысячи, миллионы обаяемых. Как это грандиозно! Как это полезно! Это невозможно переоценить. Всюду обаяние. Куда не кинешь взгляд, куда судьба не занесет, везде объаты обаянием. Везде объятый им народ!

– Он совсем сошел с ума, – испугавшись, подумала она. – Хорошо, что двери бронированы и он не может добраться до меня. Но как-то надо реагировать, как-то остановить его, – и она тихо спросила его:

– Вы поговорили с друзьями?

Рыжик неожиданно замолчал и не сразу ответил:

– Позвольте вам заметить, вы сбили меня. Так совсем нехорошо. Так не надо, – он снова замолчал. В трубке что-то засопело, задышало, и равнодушный голос произнес:

– Я нашел вариант, альтернативу. Нам следует аннигилировать, и я могу развить свою мысль.

Она с некоторым облегчением ответила:

– Пожалуйста, развивайте.

– Как я вас понял, к Гуру вы больше не стремитесь, то есть стремитесь поневоле, по обстоятельствам, которые стали здесь уже выше нас. Выше наших способностей к поглощению знаний, то есть к Гуру, нам идти совсем неинтересно. Другое дело пионерия. Прогрессивное движение. Нам надо бы подумать над этим...

– Опять пошло-поехало, – подумала она и, набравшись терпения, уже не перебивая «оратора», слушала Рыжика, лишь иногда откладывая трубку в случаях уж очень закрученных предложений.

– Я гораздо ранее говорил вам, что пионерия – это дисциплина, это – порядок. Порядок – это соблюдение установленных норм и правил. Если все участники процесса соблюдают, что им положено, то это – порядок, а если наблюдаются отдельные члены не соблюдающие, то это – противоположное порядку – беспорядок. Если этих становится много, то мы наблюдаем хаос. Что мы видим? Какие выводы мы должны сделать? Вы понимаете, куда я клоню? Куда, так сказать, ведет наша мысль, наш разум?

– Ведите дальше, – она еле успела вклиниться в его речь.

Рыжик на несколько секунд затаился и, видимо, собравшись с духом, восторженно произнес:

– Аннигиляция – вот наш выход! Аннигиляция не соблюдающих. Это так просто, так гениально! Я нахожусь в вос-

торге! В восторге, – он несколько раз повторил это слово и, в конце концов, неожиданно спросил:

– Вы, я надеюсь, тоже в восторге?

Она, сдерживая раздражение, ответила:

– Я в нем по самые уши.

– Вот, вот вы и правы. По уши в восторге. Эта идея неожиданная, но верная-преверная. Надо активно продвигать, продвигать невзирая.

– Будем продвигать, – поддакнула она и добавила:

– Кого будем первым аннигилировать? У вас есть кандидатуры?

Рыжик моментально ответил:

– Мы будем первыми. Мы пойдем рука об руку, сломя и невзирая. Мы прогрессисты. На благо всех быть первыми. Как я рад! Как я рад, что вы согласились. Вы первая. Это прекрасно быть первой!

– А вы не хотите быть первым? Идея-то ваша, – перебила она его.

Рыжик ответил:

– Я идеолог. Я должен вдохновлять, следить и двигать процесс. Вы должны это поддержать. На вас у меня большие виды...

Она не выдержала и что есть силы крикнула в трубку:

– Вашу дурь вы сами и кушайте, и виды ваши малюйте себе на одном месте, – и бросила трубку.

– Ну и псих попался, – подумала она, нервно прохажива-

ьясь вдоль стены, повторяя это противное слово: «аннигилировать».

– Идиот! И как это таких к Гуру везут? Псих, псих, – она никак не могла успокоиться, пытаясь мысленно переключиться на какую-нибудь другую тему.

– Очкарик хилый, – повторила она в последний раз и подумала: «А ведь он мог и притвориться. Тогда зачем? Просто от безделья убить время? Он может звонить мне, а я не смогла ни до кого добраться. Странная и загадочная эта контора, да вся поездка к Гуру.

Окончательно подавив раздражение от последнего разговора с Рыжиком, она вспомнила, как ее занесло в этот пинэровский пумпель:

«В тот вечер она возвратилась домой поздно. Отец категорически отругал ее за опоздание, а эта Панька подтягивала, вторя отцу:

– Негоже так расстраивать родителя. В наше время молодежь так не делала.

Она, поначалу, старалась не отвечать на претензии и решила отмолчаться, но Панька, постепенно превратившись в великую ворчунью, продолжила монотонно воспитывать:

– Сан Саныч, что ты молчишь? Твоя дочь гуляет где-то, а ты молчишь. Так недалеко и до безобразий всяческих. Надоть блюсти манеры. Вот мы, бывало, десять раз спросишься родителей, чтоб куда-то отлучиться. В строгости росли. А сейчас тьфу да и только.

Отец по привычке слушал Паньку и молчал. Он воспитательный процесс закончил и терпеливо ждал, когда Панька выдохнется. Конечно, можно было разбежаться по своим комнатам, но она знала, что от Паньки просто так не укроешься, лучше будет, когда она сама иссякнет в воспитательном рвении.

Панька не спеша передвигалась по просторной квартире, наводила идеальный порядок, расставляя на место все, что за день, с ее точки зрения, оказалось не в изначальном положении.

– А сейчас строгости нет. Нету строгости нигде. А одеваются, одеваются-то как? Срам один. Было же положено девушке ткань светлую, а юношам – потемнее в тон, а сейчас веревками обвяжут себя, как в сетях рыбацких, и ходют, задами вертют. Самим же неудобно. Вона и куплетики гуляют неспроста.

Панька с выражением продекларировала:

Моя дроля вся в канатах,
Мне узлы не развязать.
Покумекали мы с братом —
Моду надо поменять...

– Вот ты, Сан Саныч, уважаемый человек, сети эти наденешь? Нет, тебе неудобно в сетях гулять, а они гуляют. Срамота и боле ничего. А то еще вот, манеру взяли, поздно домой являются, за полночь. Словно дня им мало. Чего

там в этих клубках дрыгаться в темноте? Ужась, а им нравится. Она смотри, пришла мятая и еле двигается, задрывалась совсем. Для чего жить? Сами не знают. Вот мы жили, знали. Строили новую жисть. Стремилась к последнему переосмыслению. Шли к нему чрез трудности, а сейчас какакая цель? Не понять.

Панька монотонно выговаривала свое отношение к окружающей действительности и даже не сильно возмущалась. Ее ворчание, совершенно без эмоций, на одной ноте оценивало происходящее ни на чем не задерживаясь и тянулось, казалось, бесконечно.

– Вот ты, Сан Саныч, стремления жизненные имел, трудился во благо, а они, – она кивнула в сторону Венсы, – целей благородных не имеют. Одни глупости в головах. Вот пионэрия Гуру придумала, чтоб, значит, мозги чистить, да что-то не шибко получается. Пумпеля шлют и шлют, а возврата правильной молодежи не видать.

Панька на правах хозяйки заходила во все помещения, и с некоторых пор постоянное ее недовольство распространилось на всю квартиру, к чему Сан Саныч и Венса постепенно привыкли. По молодости Панька ухаживала за ними и, как иногда сама говаривала, «вскормила отца и девчонку в сиротстве». С годами ее сварливость становилась просто невыносимой. Отец терпел ее за прошлые заслуги, и Венса, став взрослой, уже понимала, что нянька была не только нянькой.

– Не будет от них толка, не будет, – расставляя на полках

книги, продолжила Панька. – И пионэры ничего-то не смогут изделать. Они, энти пионэры, говорят, тоже дурные. Знают только: «Будь готов, всегда готов». Одно только, что одеты одинаково сурьезно. А у них, – она снова кивнула в сторону Венсы, – сурьезности нет, красоты нету. Не в мать пошла, да и ты, Сан Саныч, ума ей не прибавил.

В этот раз Панька что-то разошлась чересчур. Прямых обидных слов в адрес Венсы никто не ожидал.

– Панечка, – взмолился отец, – ну уж, голубушка, девочка-то выросла неплохая. Это ж даже несколько нетактично.

Панька, не меняя тона, пробурчала:

– Нетактично по ночам шляться где ни попадя. Отцову копейку транжирить. Сама-то еще не нажила, а туда ж форсить за счет отца.

Венса перебралась к себе и решила было закрыть за собой дверь, но услышала вслед.

– Вот поди ж ты, правда глаза колет. В наше время старших уважали, перечить не моги, а сейчас чуть что и фырр... Никакого внимания к старости, хоть ложись и помирай. Стакана воды не поднесут. Вот ты, Сан Саныч, вырастил егоистку. – Панька перешла к заключительному этапу нравоучений, голос ее стал плаксивым, того и гляди расплачется.

Отец с Венсой знали, что скоро наступит момент, когда Паньку, плачущую навзрыд, они будут утешать и жалеть. Отец обнимет ее, еще не старую, пухлую женщину с пышной грудью, а Венса будет держать ее за руки и гладить малень-

кую ладошку.

Что случилось в этот вечер, Венса и сама не могла понять. Паньку никто не стал утешать, и Панька, всхлипнув пару раз, как-то сникла и прошептала едва различимо: «Своих-то нет, так и живи...».

Венса вышла в гостиную и твердо объявила, что уходит из дома и теперь будет жить самостоятельно. Ведь живут же ее подруги отдельно от родителей, и она не хуже других, справится. Ни отец, ни Панька на это заявление никак не отреагировали, может быть подумали: «Поживет, да вернется».

Наступившая пауза затянулась. Венса, не собирая вещи, в чем была вышла в ночной город. Пробродив до рассвета по пустым улочкам, она ранним утром оказалась на привокзальной площади, и вот результат: «Она ждет своей очереди войти в лабиринт».

– Никого, – голос пионэра глухо отозвался в бетонном коридоре.

– Пусто, – согласился второй голос.

– Стены испачкали, надо чистить, – первый внимательно разглядывал кривые строчки на стене.

– Красным вымазали, – заметил второй.

– Это от тюбиков. У них почти у каждой есть, – подтвердил первый.

– Читаем, что написали, – предложил второй.

Они медленно, по очереди, прерываясь после каждой строчки, прочли:

Если будешь пионером,
Будешь всем тогда примером.
Дважды два, известно в мире,
Будет ровненько четыре...

– Длинный текст, много стирать придется, – они прервали на некоторое время чтение.

– Не придется, звеньевой разрешил после этого пумпеля не стирать и грязь не трогать.

– Глупый текст. Без смысла.

– Читаем дальше?

– А зачем?

– Стирать не надо. Время свободное есть.

– Читаем, – и они продолжили:

Можно посложней пример,
Ты же нынче пионер.
Сколько будет пятью пять?
Ну, конечно, двадцать пять!
Что? Устал считать, дружок?
Становись скорей в кружок.
Нам ли цифры умножать
И чего-то там считать,
Нам бы только повезло,

Чтобы эти пионеры
Не попали нам в примеры.

– Ну и что это значит? – один спросил другого. – Я что-то не понял, причем здесь пионеры?

– Это не про нас. Это про других кого-то.

Они прошли длинным коридором, сделали несколько поворотов вправо, затем повернули влево. Тусклое освещение серыми пятнами выхватывало из темноты стены и потолок, на которых иногда появлялись надписи и рисунки, оставленные претендентами.

– Зачем они пачкают? Можно же просто идти к выходу.

– Не знаю. Наверное, они не знают дороги.

– Не знают дороги? – удивился один из них. – А зачем тогда идут?

– Это у них такая игра. Поход к Гуру.

Они прошли почти весь лабиринт и остановились у последнего поворота. На цементном полу лежал юноша. По положению тела казалось, что он сладко спит на боку, сложив ладони рук под щеку.

– Нате вам, на радаре никого, а он спит.

– Он не спит, – шепотом ответил второй. – Он не живой. Смотри, он совсем не дышит.

– Совсем неживой, а спит, – засомневался первый.

– Не неживой может спать, – сообразил второй. – А если не дышит, значит неживой.

- Чистильщики пропустили, – подвел итог первый.
- Плохо сделали, – согласился второй.
- Надо доложить, – предложил первый.
- Докладывать должен старший. Я старший, я и доложу.
- А я? – спросил второй.
- Ты будешь в карауле, – приказал первый. – Будь готов!
- Всегда готов! – ответил второй.

Минут через пятнадцать запыхавшаяся команда чистильщиков из трех человек с носилками прибыла к месту происшествия.

– А где неживой? – почти хором выкрикнула команда, увидев удивленно стоящего караульного.

Караульный молчал. Вся его фигура выражала явное недоумение и растерянность. Глаза караульного в полном столбняке уставились в то место у стены, где еще совсем недавно тихо возлежал неживой. Неживой исчез, исчез без следа, не оставив ни единого пятнышка, ни одной приметы своего пребывания всего лишь несколько минут тому назад.

Первый тронул второго за плечо и, пытаясь вывести его из оцепенения, громко спросил:

– Куда подевал неживого? Срочно отвечай перед товарищами.

Караульный, придя в себя, попытался что-то ответить, но ответ получился нечеткий и какой-то невнятный.

– Отвернулся и нет. Только отвернулся и смотрю – нет... Подождал, может вернется... Смотрю, нет его.

Кто-то из команды нетерпеливо спросил:

– Он ушел?

– Я не могу сказать, – ответил караульный. – Он просто исчез. Вот был здесь, – он указал на место, где они нашли неживого, – и вот нет его.

Команда еще несколько минут в нерешительности потопталась на месте, ощупали бетонные стены и пол, кто-то даже понюхал то место, откуда исчез неживой, и сделала заключение:

«Это галлюцинации, и следует еще раз зачистить объект. Плохую работу караульного необходимо обсудить на Совете дружины сегодня же».

Караульный, окончательно придя в себя, запротестовал:

– Чистильщики сами пропустили, и обсуждать надо их, а не караульного. Чистить претендентов не объект стиральщиков.

Образовалась дискуссия, результатом которой стал консенсус: «Фантом образовался стихийно и спонтанно аннигилировал в неизвестном направлении». Так и решили доложить.

Помощник стоял у стола и напряженно ожидал решения. Шеф несколько раз прочел донесение, отложил бумагу в сторону и несколько минут молчал, видимо, обдумывая прочи-

танное.

– Это первый случай появления фантома? – не глядя на помощника, спросил он.

Было непонятно, ждет он ответа или рассуждает вслух:

– А где заключение военных?

Помощник положил на стол пухлую папку. Шеф поморщился и проворчал:

– А коротко писать они могут?

Помощник склонился над столом, полистал папку и развернул ее на какой-то странице. Шеф прочел вслух:

– Пространственные эксперименты могут вызвать проявление параллельности.

Шеф явно находился в некоторой растерянности и снова спросил:

– Это может повредить изделию?

Помощник вторично полистал папку и открыл ее в другом месте.

– Биологические объекты попадают в реперные точки с вероятностью ниже пяти... – Шеф прочитал два листа текста и спросил еще раз:

– Какова реакция руководителя проекта?

Помощник открыл тонкую папку и прочел:

– Изделие может работать в экстремальных условиях и решать сложные задачи.

Помощник закрыл папку и застыл в готовности исполнить любое указание.

– Вот так и я когда-то, молодым, читал записки для своего начальника, – подумал шеф. – Как давно это было. Служи да служи. Ответственности мало, а работы много. А теперь...

Сегодня на Совете его отчитывали по пионерским делам более двух часов. Всем хотелось показать свою эрудированность. Вопросы сыпались со всех сторон. Он отвечал, мягко иронизировал, терпел повторы и непонимание. К концу заседания стороны устали друг от друга, и итоговая резолюция, как всегда, означала ничью: «принять к сведению».

А сейчас он сомневался в достоверности, точнее в соответствии содержания докладной записки о фантоме реальным событиям. После заседания Совета он сделал несколько звонков на объект, но полной картины происшествия у него не сложилось. Он несколько раз задавал себе один и тот же вопрос: «Могли ли пионеры нафантазировать от скуки или из-за чего-либо еще?» и не находил однозначного ответа. Все мысли шефа сейчас были там, на объекте:

«Фиксация галлюцинации двумя стиральщиками, похоже, не была случайной, но что дальше? Приостановить эксперимент, на который затрачено столько сил и средств, или продолжить? Сейчас он отвечает за изделие, и от него зависит, что с этой куклой произойдет дальше. Загубить пятилетнюю работу ему нельзя. В конце концов, руководитель проекта дал письменное заключение: «...может работать в экстремальных условиях...». Что ж, первое мыслящее изделие пусть мыслит в лабиринте».

Помощник переступил с ноги на ногу, что означало – времени на принятие решения оставалось все меньше, и от него скоро потребуется либо отпустить помощника, либо...

– Подготовьте и направьте резолюцию. Примерно так: «Продолжить работу с претендентами. Усилить контроль в лабиринте».

Помощник резко кивнул головой и немедленно вышел из кабинета.

Тяжелый день подходил к концу. Шеф встал из-за стола, размял занемевшие ноги, прошелся вдоль окон, мельком оглядывая вечерний город. Его город, который он создавал уже несколько десятков лет. Он вспомнил те давние времена, когда его отец, простой гражданин, любил отвечать сынишке на вопрос: «А что будет, если...» – «Поживем – увидим». И вот наступило это время, когда он увидел, что стало с городом за эти годы. Годы борьбы за власть, борьбы с Советом. Годы преобразований, которые, как казалось ему тогда, улучшали все и вся. Теперь он сомневался в этих улучшениях и пионерском проекте, да и в этом новом изделии. А главное, люди не становились лучше. Глупости и дурости не убавлялось. Иногда ему казалось, что процент дураков и глупых твердо держался примерно на одном уровне. Да и эти оставшиеся умники скрывали свою сущность, стараясь приспособиться под дурачков. Разочарование, которое он мучительно испытывал каждый раз после очередной стычки с Советом, постепенно убивали в нем того энергичного молодого

человека, когда-то вступившего, как ему тогда казалось, на путь прогресса.

Он улыбнулся, вспомнив, как предлагал улучшения, а старшие коллеги снисходительно уговаривали его не обрушивать на головы начальства свои новшества, начальство само знает, когда и что ему делать.

«Поживем – увидим», – он часто вспоминал эту тихую мудрость отца. Отец не позволял себе активно вмешиваться в его воспитание. Отец был просто примером. И только потом, уже будучи взрослым, он понял, что это и было настоящее воспитание. Воспитание примером. А сейчас он подумал:

– Чтобы сказал отец, наблюдая за его теперешней деятельностью? Может быть, как и тогда, в детстве, внимательно посмотрев в глаза, произнес: «Поживем – увидим».

Ночной город, раскинувшись на сотни километров, длинными языками разноэтажных строений уходил далеко к горизонту, к лесам и болотам, к далеким пустынным местам, где редко бывали горожане. Где, по слухам, может быть еще сохранились селения каких-то других людей-дисси, о которых ему иногда докладывали наблюдатели. Там, строго на север, лежал Гуру, с которым ему пришлось однажды пообщаться, еще тогда в самом начале проекта. Гуру выглядел старым и немощным. Его история, точнее судьба, была ему известна до мелочей. Гуру уже мало что мог, внушать его отучили давно. Остались только раздумья и способности к

чению чужих мыслей, что и повлияло на Совет при одобрении проекта.

В конце непродолжительной беседы Гуру произнес фразу, которую он очень давно услышал от матери и тогда не мог ее запомнить, пока не прочел древнюю книгу, где эта фраза звучала так: «Мир примите между собою». Сейчас он снова вспомнил эти слова: «Мир примите между собою».

– Гуру не напрасно сказал ее в конце. Что он хотел ему, высокому по статусу человеку, этим сказать? Войны уже давно нет. О каком мире говорил этот немощный человек? Что вытащил он тогда из моего сознания, этот экстрасенс? – размышлял он, всматриваясь туда за горизонт, где, может быть, сейчас изделие запустили в лабиринт.

– Что, у нас нет мира? Вот он – этот мир. Везде этот мир, – он устало отошел от окон и разместился на маленьком диванчике в углу кабинета.

– Мир-то у нас есть, – прошептал он, как будто продолжал ту старую беседу с Гуру. – Вот только между собой у нас что-то не в порядке.

Зуммер трубки оторвал его от воспоминаний. Тот же дежурный голос ровным тоном произнес несколько раз: «Ваше время истекло». Лучу положил трубку и стал ждать дальнейших событий. Массивная дверь с шипением отошла в сто-

рону. В проеме обозначились два пионэра. Их лица, похожие друг на друга, практически ничего не выражали. Они, не подавая каких-либо знаков, молча застыли в ожидании. Он пожал плечами и вышел в слабо освещенный коридор. Дверь закрылась. Пионэры повернули его вправо и, пройдя все вместе метров сто, остановились у глухой ниши со светящейся надписью у самого потолка: «Начало». Стена ушла в сторону, и ему открылся длинный, почти квадратный в сечении, метра два на два, туннель. Пионэры жестом руки пригласили его пройти дальше, сопроводив словами: «Там Гуру».

– Где это там Гуру? – подумал он и вошел в открывшееся пространство.

Он помнил все правила хождения по лабиринтам и, аккуратно делая пилкой на бетонных стенках отметки, осторожно продвигался по полутемным проемам, ходам и коридорам. Уже через полчаса он заметил какие-то надписи на стенах, стрелки и знаки, видимо, оставленные предыдущими искателями Гуру.

– Вот и первая петля, – сказал он сам себе, когда обнаружил на стене свою же, ранее сделанную, отметку.

У поворота красовалась жирная надпись: «Прямо пойдешь, ничего не найдешь». Снизу под ней мелко, наискосок разместились вторая: «Налево пойдешь, сюда же придешь». Он остановился передохнуть. Бетонные шершавые стены и низкий потолок создавали при слабом освещении мрачную

обстановку подземелья со слабыми перспективами на удачный поиск выхода. Углы поворотов нередко были загажены, и он старался не прижиматься к стенам. Посреди обнаруженных надписей красным цветом ярко проступило слово: «Дурак», а рядом черным цветом кто-то вывел: «Сам дурак». Сырой спертый воздух с неприятными запахами не давал возможности свободно дышать, возникало чувство недостатка кислорода. Температура в туннелях и переходах вроде была нормальной, но пройдя, на его взгляд, около километра, он покрылся потом, и капельки воды неприятно стекали по лицу на шею и далее вниз. Он, останавливаясь, прислушивался к звукам лабиринта. Тишина давила на мозг. Ощущался только собственный стук сердца да шорох о бетонный пол, когда он переступал с ноги на ногу. Иногда ему казалось, что он слышит чье-то дыхание, то где-то недалеко от него, прямо за поворотом, то как эхо раздававшееся из дальнего прохода, и трудно было определить, откуда исходят эти странные звуки.

– Да, местечко неудобное, – шепотом сказал он сам себе, и этот шепот он почти не расслышал, звуки гасли прямо у его головы.

– Собаки, проветрить бы надо помещение, – подумал он и осторожно двинулся в новое ответвление.

Она сидела в углу, прижав колени к груди, и тихо плакала. Он наткнулся на нее неожиданно, только что сделав отметку на стене. В полумраке ему не сразу удалось разглядеть ее.

– Кто здесь? – инстинктивно вырвалось у него.

Снизу женский голос испуганно ответил:

– Это я. Я здесь.

Он поднял ее за плечи. Это была Венса. Заплаканное лицо испуганно улыбалось, не веря, что кто-то ее нашел.

– Это я, это я, – шептала она, уткнувшись ему в плечо, стараясь успокоиться и перестать всхлипывать.

Они несколько минут стояли, прижавшись друг к другу. Он крепко обнял ее и ждал, когда она окончательно придет в себя.

– Как ты нашел меня? Как ты... – она шепотом, сбиваясь, говорила и говорила не останавливаясь:

– Как долго ты искал! Я не могла, не могла здесь быть. Этот Гуру, зачем он мне? Я думала, так и умру здесь среди этих поганых стен.

– Я нашел тебя, – ответил он. – Ты теперь будешь со мной. Мы найдем этого Гуру. Мы найдем...

Она успокоилась совсем, оторвалась от его плеча, долго смотрела ему в глаза и спросила:

– Ты хочешь поцеловать меня?

Он поцеловал ее в губы. Поцелуй получился долгим. Она оторвалась от него, перевела дух и тихо сказала:

– Я хочу быть с тобой. Я, наверное, люблю тебя, – и улыbnувшись, погладила его волосы.

– Да, мы будем вместе, – он поцеловал ее еще раз, и они долго стояли, прижавшись друг к другу, в этом мрачном ко-

ридоре.

Плотные ряды сидящих пионэров застыли в ожидании начала собрания. Президиум на возвышении представлял собой: Председателя Совета дружины в центре, по бокам двух звеньевых и у самого края стола куратора, уже не очень молодого человека, с каменным лицом и тусклыми от надоевшей ему ответственности за происходящее глазами.

Председатель объявил повестку дня и предоставил слово одному из звеньевых.

– Мы не должны отвечать за чистильщиков, – громко начал сообщение первый звеньевой. – У нас свои поручения есть. Мы готовы, всегда готовы стереть надписи и другие грязи, но валяющихся чистить – не наш объект, не наше дело. Товарищеская взаимовыручка по инструкции распространяется только внутри звеньев. Будь готов. Всегда готов. Доклад закончил, – звеньевой занял свое место в президиуме.

Слева сидящий в первом ряду пионэр вскочил и задорно, громко крикнул:

– Будь готов!

Зал хором ответил:

– Всегда готов!

Слово предоставили второму звеньевому.

– Мы выводим заблудившихся и прочих отсталых. Мы го-

товы вычистить всех, кто не достиг и другое, а искать призраки, фантомы – не наш объект, не наше дело. Товарищеская взаимопомощь распространяется исключительно внутри звена. Будь готов. Всегда готов. Доклад закончил. – Второй звеньевой также занял свое место в президиуме.

В зале в ответ на крик пионэра: «Будь готов!» во второй раз слаженный хор ответил: «Всегда готов!».

Председатель громко и как можно строже объявил в микрофон:

– Прошу встать ответственных за происшествие и выйти в президиум.

Из зала вышли два пионэра и, взойдя на возвышение, встали по разные стороны стола. Ответственные опустили головы и уставились в пол. Зал загудел. Из дальних рядов послышались крики: «Не наш объект, не наше дело». Из середины те же слова прокричали другие голоса. Из первого ряда слева звонкий голос, перебивая шум, крикнул что есть силы: «Будь готов!». Зал мгновенно затих и синхронно ответил: «Всегда готов!». Воцарилась тишина, только шорох перелистываемых бумаг еще некоторое время слышался на столе президиума.

– Слово для оправдания предоставляется... – и Председатель назвал номер пионэра, стоящего справа от него.

Пионэр ожил, вскинул голову и, не глядя в зал, устремил себя, всю свою фигуру куда-то в сторону, в угол, где стоял гипсовый бюст первого пионэра, пропавшего без вести

несколько лет тому назад.

– Они так быстро решили разобрать это «ЧП», что забыли выставить в президиум этого «первенца», – подумал куратор и равнодушно продолжил наблюдения.

Бюст первого пионера пристально сквозь круглые очки, казалось, смотрел прямо на него. Волосы «первенца» раз в неделю дежурные подкрашивали в золотистый цвет. Это считалось незыблемой традицией с тех времен, когда здесь в зоне лабиринта установили этот бюст. Куратор перевел взгляд на кающегося слева.

– Перед лицом своих товарищей торжественно констатирую о недопустимости исчезновения фантома без регистрации в реестре происшествий, – чистильщик с энтузиазмом произнес эту фразу трижды.

Подобное со словами: «...перед лицом своих товарищей...» куратор слышал уже несчетное количество раз. Ранее он наблюдал за «пумпельными». Работа легкая, проехался до «Технической» и назад, отдыхаешь. Так он прокураторствовал почти полгода, и вот уже более месяца, как его перевели к «лабиринтным» – скучища страшная. Ежедневные доклады о состоянии лабиринта наводили смертную тоску своим однообразием. Редкие как это происшествия скрашивали, если можно так сказать, обыденность, но регламентные мероприятия пионерии методично усугубляли чувство никчемности и малозначимости его присутствия на этом объекте. Он уже давно заметил некоторую застойность, отсут-

ствие развития в пионерском проекте. Ничего нового, хотя бы на малую толику лучшего, он не замечал. Не замечал, пожалуй, уже более года. Ротация пионерии шла своим чередом. Почти каждую неделю появлялись новые экземпляры. Вот и сейчас в зале он наблюдал с десятков новеньких с горящими глазами в новой форме. Но время шло, а поведенческие функции оставались прежними – «Будь готов. Всегда готов».

Второй кающийся заканчивал свою речь:

– Нерегламентное проявление фантомизма ставит перед нами новые рубежи и новые цели...

– Сейчас они, – подумал куратор, – уже в который раз прокричат свое «Будь готов», и зал ответит...

Но что-то сегодня произошло неувловимое, сзади тихий шепот не спеша приближался к первым рядам. Сначала еле слышно, потом все громче и явственнее слышались слова недовольства: «Мы против, мы против... Они будут пачкать, а мы...». Зал постепенно из строго структурированной субстанции превращался в толпу, со всеми признаками пока что скрытой стихии, то ли разрушения, то ли созидания.

Куратора учили опасаться толпы. Нет ничего страшнее неуправляемого скопления индивидуальностей, и важно перехватить, уловить момент, ту точку, когда еще колеблющиеся не осознали себя причастными к общему порыву.

В первых рядах некоторые уже выкрикивали протесты. Несколько пионеров поднялись с мест. Волнение охватило

зал. Послышалось:

– Разве можно это терпеть. Они пишут... – и тройка пионэров в центре зала хором прокричала:

– Пионер, ты не дурак, ты законченный...

Последнее слово взорвало зал. По разговорной инструкции это слово было запрещено к употреблению. Председатель вскочил из-за стола, как отпущенная пружина и, тщетно стараясь перекричать зал, не прерываясь, без пауз, несколько раз рывкнул в толпу:

– Будьте готовы!

На что зал никак не реагировал. Дальние ряды объединились в единый протест и скандировали:

Пионэр, ты всем пример,
У тебя есть много дел,
А ведешь себя как...

Последнее слово, также запрещенное инструкцией, подхватили почти все присутствующие. Казалось, что им просто хочется его кричать, и не от того, что этим запрещенным словом их обозвали, а от того, что им нравилось хором орать это сочетание из трех букв.

Куратор понял, что система, державшая порядок, пошла в разнос и наступила его очередь действовать, и действовать немедленно. Он встал со своего места, в три шага преодолел пространство, отдалявшее президиум от края сцены, вытянулся в стойку смирно и запел как мог:

Нам, пионэрам, сделать немало
Родина-мать навсегда приказала.
Плотно сомкнем мы наши ряды,
Рядом в строю есть и я, есть и ты.

И только на последней строчке куплета к куратору присоединились первые ряды:

Нам, пионэрам, дело всем дали,
Главное цель, остальное детали.
Вырастут люди все без оков,
Крик пионэра – всегда будь готов!

Третий куплет пел стоя уже весь зал. По окончании гимна наступила глухая тишина, никто не смел пошевелиться. С минуту никто не садился. Первым пришел в себя Председатель и, несколько смущенно кашлянув в ладонь, тихим, но твердым голосом предложил всем сесть. Напряжение спало, слышались шорохи от рассаживающихся пионэров. Кающихся отпустили на свои места и по предложению Председателя приступили к обсуждению происшествия. Выступило по три пионэра от каждой стороны. Предложение по итогам обсуждения, естественно, было единым: «Усилиться и напрячься».

Куратор за столом президиума вспомнил, как начинал работу в этом проекте:

«Это было? Это было когда первый пионер, неказистый юноша, слонялся по коридорам и закоулкам Центра генерации. Тогда молодежь с нескрываемым любопытством старалась пообщаться с очкариком, который с завидным терпением отвечал на вопросы и даже на те каверзные, которые задавали ему особо язвительные сотрудники Центра. Очкарика не смущали ни вопросы о его происхождении, ни вопросы, как говорится, «ниже пояса». Он монотонно объяснял, кто он и зачем здесь находится. А потом, когда появилась первая партия пионеров, очкарик исчез. Объявили, что он пропал без вести».

Собрание подходило к концу. Решение приняли единогласно: «Принять к сведению усиление и напряжение». Зал опустел. Куратор выходил из помещения последним и машинально подмигнул «первенцу», глаза которого из-под круглой оправы очков пристально смотрели на него.

Они более часа блуждали по бетонным переходам, и Лучу уже несколько раз замечал спонтанные изменения конфигурации проходов и коридоров. Создавалось впечатление, что лабиринт меняется как-то сам по себе, независимо от того, где ты в нем находишься. Венса рядом с Лучу успокоилась и неотступно следовала за ним, иногда прижимаясь к его спине, когда он замедлял движение. Они остановились,

чтобы передохнуть и отдышаться, воздух становился все более спертым и влажным; уселись, прислонившись к прохладной, шершавой стене, и молчали. Говорить о чем-то совсем не хотелось. Желание было только одно – поскорее выбраться отсюда. Он спросил ее:

– Ты не устала?

Она ответила:

– Нет, я могу идти.

– Посидим немного, – продолжил он, – наверное, скоро мы найдем выход. Зачем им держать нас здесь так долго?

– Да, мы скоро найдем выход, – согласилась она и опустила голову ему на плечо. – Мы должны его найти.

Они снова замолчали. Где-то далеко в глубине опять появились странные звуки, как будто кто-то ритмично стучал в стену чем-то тупым и тяжелым, а в ответ этим ударам слышался стук более частый и гораздо тоньше.

– Перестукиваются, – сказал он.

– Они хотят встретиться, – согласилась она. – Нам тоже надо постучать.

– Мы сейчас отдохнем и постучим, – ответил он.

– Хочешь, я дорасскажу историю про Бажену, – она заглянула ему в лицо.

Он кивнул головой. Венса прислонилась к нему, закрыла глаза и продолжила свой рассказ:

«Уже совсем стемнело, когда Бажена смогла покинуть дом и на ощупь по еле различимой тропинке, зигзагами уходя-

щей вверх на Гори-гору, двинуться на праздник. Она шла, не чувствуя ног, ее несло туда наверх счастливое предчувствие встречи с Яри.

– Он уже, наверное, там, среди остальных, и ждет меня, – подумала она, на ходу снимая одежду и подставляя молодое тело под ласковые прикосновения высокой травы и молодой листвы низкой лесной поросли. Звезды высыпали в вышине и освещали ей путь. Вот она обогнула отуростье, где когда-то были вырубки, обошла длинный гребел, где по осени местные собирали смакуши, и вышла на плоскую вершину горы».

Венса замолчала, взяла его за руку и через минуту продолжила свое повествование:

«Наверху парни разожгли костры. Дым ровными столбами уходил высоко в небо. У костров несколько пар играли в догонялки. Сполохи пламени высвечивали из темноты их светлые тела. Поодаль ближе к лесу слышались смех и множество голосов.

Она обошла поляну, Яри нигде не было. Несколько незнакомых парней из других деревень останавливали ее, предлагая поучаствовать в играх, но она со смехом отказывала всем».

– Почему они, я имею в виду старших, родителей, нам выбирают с кем быть? – спросила она Лучу.

Он поцеловал ее в лоб и тихо, почти шепотом ответил:

– Мне рассказывала мама Лу, что отца ей выбрал Старик и она подчинилась. Там у них, далеко в лесу, было такое пра-

вило – слушать Старика и во всем ему подчиняться.

– А что потом? Мама Лу полюбила твоего отца?

Он подумал и ответил:

– Да, полюбила, потому что вместе со мной они ушли из деревни, так велел Старик.

– Так велел Старик, – она повторила его последнюю фразу и снова спросила:

– А мы можем обойтись без Старика и сами что-то решить без старших?

– В твоём рассказе Баженка разве сама выбрала себе Черныша или... – он запнулся, подбирая нужное слово, – или рассказ еще не закончен?

– Рассказ еще продолжается, – ответила она, и в туннеле снова послышался ее тихий и тревожный голос:

«Яри сам нашел ее в хороводе вокруг одного из костров. Он взял ее за руку, и они, войдя в круг, понеслись вместе со всеми вокруг огня, все убыстряя и убыстряя бег. От быстрого движения круг разметался по сторонам. Она, крепко держа Яри за руку, оторвалась от хоровода и, пробежав по холодной траве несколько шагов, упала вместе с ним посреди низкорослой зализки. Он поднял ее и понес на руках в сторону от костра».

– Они хотят нам добра, когда заставляют делать так или эдак, – вздохнув, сказала Венса. – Потому что считается, что они мудрее нас и знают больше.

– Да, – согласился он, – они знают больше. Мы учимся у

них.

– А вот сейчас мы одни. Мы решаем сами, нет учителей, – она прислушалась к звукам лабиринта. Лабиринт молчал.

– Мы как будто одни на всем белом свете. Мы можем вы-
брать друг друга без подсказки? – она, испугавшись его от-
вета, замерла в ожидании.

– А мы уже выбрали друг друга, а что будет дальше – ни-
кто не знает, – Лучу задумался и добавил:

– Только нам надо быть все время рядом.

Она снова прильнула к нему и продолжила свой рассказ:
«Бажена была счастлива. Яри был рядом. Они долго цело-
вали друг друга, и звезды тускло освещали их молодые тела.

– Мы будем с тобой вместе всегда, – прошептал Яри. –
Вместе навсегда.

Она закрыла ладонью ему рот и гладила его светлые во-
лосы.

– Почему ты молчишь? – спросил он.

Она не сразу ответила:

– Я люблю тебя и буду любить всегда. Ты мой любимый,
любимый Яри».

Венса прервала свой рассказ и неожиданно спросила:

– А ты любишь меня, как Яри Бажену?

– Ты закончила свой рассказ? Это конец? – спросил он.

– Нет, это не конец, но ты не ответил на мой вопрос?

Он долго молчал. Она уже забеспокоилась, что-то с ним
произошло? Может быть, не стоило задавать сейчас такой

вопрос, когда они сидят в этом мрачном подземелье и неизвестно когда выберутся отсюда?

– Да, я люблю тебя сейчас, – очень серьезно ответил он, – но прости, я не знаю, что будет потом? Я как можно дольше буду рядом с тобой. Буду помогать тебе и защищать тебя. Я так хочу. Наверное, это – любовь.

– Спасибо, – прошептала она.

Где-то совсем рядом несколько раз что-то бухнуло. Они поднялись и двинулись, как им показалось, на этот новый звук. Она торопила его:

– Там кто-то есть, надо идти скорей.

А он сдерживал их продвижение, делая пилкой отметки на стенах.

– Нам нельзя торопиться, заблудимся. Этот хитрый лабиринт словно издевается над нами, меняя свои проходы и стены.

Они встретили ее совсем неожиданно, пробираясь через узкий лаз в соседний коридор. Она стояла за углом правого поворота лицом к стене и плакала. Плакала уже, наверное, давно, размазывая слезы по пухлым щекам и, горько всхлипывая, никак не могла успокоиться. Белое платье ее сзади было выпачкано в грязи, на правом локте виднелась большая ссадина. В полумраке они не могли сразу разглядеть все детали, но и с этого расстояния было ясно, что перед ними девочка лет пяти с тугими косичками и босыми ногами.

Несколько секунд, не веря своим глазам, они не решались

приблизиться к ней. И только когда девочка обернулась в их сторону и разревелась еще больше, они бросились к ней.

– Ну-с, коллега, с полчаса уже прошло, как запустили последнего. Кофейку неплохо бы испить?

– А... и изопьем, коллега. Чего ж не испить? Работу сделали. Кофейничать пора.

Они соорудили себе по чашечке крепкого кофе и уютно расположились в мягких креслах. На экране пять точек хаотично мелькали в первой половине лабиринта.

– Посмотрите, коллега, эти двое идут вместе. Скооперировались, значит.

– Они вместе – это хорошо. Может, не заблудятся, – профессор отпил первый глоток и расслабленно откинул голову, – а впрочем, до них ходили группы и по пять претендентов, всех приходилось зачищать.

– А как там последний? Смотрится?

– Пока идет по оптимальному маршруту. Может догнать эту спонтанную парочку.

Они допили кофе и продолжили беседу ни о чём.

– Что-то нынче жара навалилась страшнющая. Так и свариться можно. Вы, коллега, как реагируете на это безобразие – плюс тридцать пять?

– Плоховатенько, коллега, сосудики стареют, не успевают

реагировать на перемены грозовые.

– Да-с, времена изменились, что ни лето, то аномалия, забодай ее генетик, приплывает с югов наших обширных.

– Куда только погодники смотрят, опять жару прозевали, хоть на воздух и не выходи.

Они оглядели все экраны, положение меток почти не изменилось.

– Вот вы, коллега, утверждаете, а может быть подозреваете, что погодники жару зеванули, а я думаю, ничего они не могут. Только щеки надувают перед правительством, чтоб, значит, деньжат им подбросили. В прошлое лето то же самое было. Обещали ласковую, тепленькую погоду, а получили печку, как есть печку за тридцать в течение нескольких месяцев.

– Да-с, коллега, работать не умеют, а жалуются на военные разработки, мол военные что-то там им подкрутили на кухне погодной. Дурят всех и себя заодно.

– Я бы их сократил, коллега, незачем на них тратить.

Они замолчали, видимо, примеряя на себя сокращение, им давно было известно недовольство пионерским проектом и этим Гуру, который без толку сидит где-то рядом с ними.

– Да-с, коллега, нам не стоит ворчать уж так, у нас самих не все получается.

– Да, мы и не сильно ворчим. Пусть наверху там разбираются. А наше дело лабиринт.

Они замолчали надолго, до конца контрольного срока

оставалось еще несколько часов.

– Не плачь, не плачь. Что такое? Что случилось? – Венса присела около девочки.

Сквозь всхлипы и слезы они услышали странные слова:

– Эта нянька поставила меня... Поставила меня... Наказала... – девочка продолжала плакать, и казалось, что попытки Венсы успокоить ее только усиливали ее крики.

– Меня за платье... Ботиночки отняла, – девочка не унилась.

Венса достала платок и хотела было промокнуть заплаканное лицо ревуньи, но девочка стала исчезать прямо на глазах, растворяться в воздухе. Ее блеклое изображение, сквозь которое была видна стена, еще несколько секунд колебалось и пропало совсем. Венса потыкала платком в то место, где только что находилось заплаканное лицо, ощупала стенку, потрогала пол, где несколько секунд тому назад стояли босые ножки, и встала. Она с Лучу, ошарашенные происшедшим, минуту стояли не двигаясь и смотрели на то место, где только что стояло нечто, точная копия девочки лет пяти.

Первым заговорил он:

– Это мираж, – шепнул он ей в ухо.

– Двойной мираж, – прошептала она в ответ.

– Почему двойной? – удивился он.

– Почему? – повторила она. – Потому что мы видели одно и то же.

– Мы можем долго гадать, что это было? Все равно не угадаем, – сказал он. – Нам надо идти.

– Подожди, – она остановила его, – ты знаешь, это была я. Только маленькая.

– Ты узнала себя в этом ребенке? – удивленно спросил он. – Она еще совсем малышка. Может, тебе показалось?

– Идем, – сказала она. – Это было давно, когда нянька наказала меня за испорченное платье.

Пройдя молча несколько шагов, они слышали новый звук, но не такой как раньше, было похоже, что кто-то скребет чем-то стену. Звук иногда прерывался ненадолго, кто-то останавливался, чтобы отдохнуть, а потом снова интенсивно скреб бетон.

– Мы пойдем туда? – спросила она.

– Если будет дорога, – ответил он, отмечая очередной проход.

– Как ты думаешь, откуда она взялась? – спросила Венса, когда они прошли несколько поворотов. – И почему она – это я, только маленькая?

Он, пройдя несколько метров вдоль стены, ответил:

– Здесь кто-то проводит с нами эксперимент. Им почему-то хочется посмотреть, как мы работаем, точнее, действуем в экстремальных условиях. Вот подсовывают нам меняющийся лабиринт и эту девочку, чтобы вывести нас из равно-

весья.

– Зачем им это надо? – снова спросила она.

– Не знаю, – ответил он. – Может быть, им просто интересно наблюдать за нами. Может, они это делают от скуки. Им скучно там где-то...

Последнюю фразу он сказал со злостью и хотел прибавить к ней крепкое словцо, но остановился. На стене обнаружилась очередная надпись, видимо, наспех накорябанная предыдущими ходоками.

Пионэр, ты не дурак,
Ты законченный чудак.
У тебя есть много дел,
Ты ведешь себя как...

– Видишь, как их называют? – сказала она, кивая в сторону надписи. – Ты тоже хотел сказать про них нехорошо?

– Я хотел сказать не о пионэрах. Пионэры – это роботы, что с них возьмешь. А о тех, кто наблюдает, кто эту всю фигурию придумал, – сказал он тихо, как будто кто-то мог их здесь подслушать, и добавил: – Нам надо идти быстрее, уже прошло много времени.

За очередным поворотом они явственно услышали чьи-то голоса. Говорили двое. Один голос, хотя и очень тихий, явно принадлежал юноше, а второй был еле слышен и, казалось, исходит от ребенка. Она наткнулась на его спину, и он, прижав палец к губам, обернулся, показывая ей, что надо идти

тихо и осторожно. Юноша, их знакомый попутчик из пумпеля, и его девчушка, крепко обнявшись, сидели в нише и о чем-то шептались. Увидев Лучу с Венсой, они замерли и, не шевелясь, испуганно смотрели на них. Так продолжалось несколько секунд, пока Лучу не спросил сидящих:

– Вы давно здесь прохлаждаетесь? – и, не получив ответа, спросил еще раз:

– Что случилось, вы не можете идти?

Вопрошаемые явно не желали контактировать. Лучу задал еще один вопрос:

– Может быть, пойдем вместе?

Ответа не последовало. Сидящие еще более насторожились и, судя по их виду, находились в невменяемом состоянии. Может, они тоже мираж, предположила Венса?

– Второй мираж подряд, вряд ли, – ответил Лучу. – А, впрочем, давай потрогаем их.

Они вплотную приблизились к сидящим. Лучу протянул руку к юноше, и тот тут же замахал руками, как бы отбиваясь от протянутой руки. Лучу отстранился от него и громко, так, чтобы расслышали все, сказал:

– Нет, это не мираж, он задел меня рукой, и ничего не произошло.

Сидевшие осторожно встали. Юноша потрогал Лучу за руку и тихо произнес:

– Вы настоящие, а тогда были фантомы.

Девчушка подошла к Венсе, коснулась ее локтя и распла-

калась:

– Вы не знаете, как мы устали... Голые стены и нет конца этим туннелям.

Юноша обнял ее за плечи.

– Не бойся, нас теперь много, не бойся.

– А что же все таки случилось? – спросил Лучу. – Что вас так напугало?

– Мы встретили вас двоих, но только неживых. Нет, пожалуй, живых, но только не таких, какими вы были в пумпеле, – ответил юноша. – Вы шли по туннелю, как будто не знаете друг друга, и прошли прямо через нас. Жуткая картина. Можете себе представить, через вас проходит человек, а вы не чувствуете это, только смотреть на это страшно.

– А что было дальше? – спросил Лучу.

Дальше ничего не было. Вы молча скрылись за поворотом и больше не появлялись. Вот только сейчас вы здесь, но уже другие, нормальные.

– Нормальные, – подтвердил Лучу. – Тогда, может быть, пойдем дальше?

– Да, да, конечно, – ответил юноша, – только она, – он указал на девчушку, – боится туннелей.

– Клаустрофобия, – предположил Лучу.

– Что-то в этом роде, да еще эти призраки, – подтвердил юноша.

Девчушка крепко держала Венсу за руку и зажмурившись слушала разговор.

– Мне надо завязать глаза и вести так по лабиринту, – девчушка закрыла глаза свободной рукой, – я не буду вам обузой, я выдержу.

– Коллега, если это был последний пумпель, то что же получается, мы больше не нужны? – профессор перевел взгляд от большого экрана на дисплей центральной связи. – Вот извольте наблюдать: «временно приостановить...».

– Да-с, – ответил второй из говоривших, – пора бы нам, коллега, и на покой. Молодежи место надо уступить.

– Согласен, согласен, – махнул рукой первый, – уж сколько можно торчать в этом институте, да вот только сомнения у меня есть, коллега.

– Какие сомнения, друг мой? Пора, время пришло нас сменить.

– А сомнения вот какие, – ответил первый. – Молодежь меркантильная какая-то стала, к деньгам липнет. А если денег нет, то и «до свидания» говорит прямо без проволочек и ухищрений всяких. Вот вы, коллега, когда начинали, думали о деньгах?

Наступила пауза, видимо, оба вспомнили свои молодые годы. Им, конечно, хотелось рассказать о себе красиво, что-то неприятное забыть, заретушировать, а остановиться на хорошем. Высветить, так сказать, его поярче, чтобы самому

себе в удовольствие было.

– О деньгах, если честно, думал. Хотел карьеру научную сделать, чтобы какую-то весомость в обществе приобрести. Чтобы значение иметь, уважение и, чёрт его знает, что еще? Наверное, думал, чтобы жизнь состоялась, чтобы все сложилось удачно. Мечтал, так сказать, о хорошем.

– А о больших деньгах мечтали?

– Как-то непонятно тогда было, что значит большие деньги? Понималось, конечно, что труды твои должны тебе и благу принести, но так жестко труд и деньги не связывались. Интерес к познанию велик был. Он многое заслонял, и бытовые неудобства, и некоторое безденежье вначале. А потом, – профессор потер ладонью лоб, как будто пытался расшевелить старые воспоминания, – что потом? Потом тихо, сначала незаметно, а далее все явственнее и явственнее началась погоня за благополучием и, несомненно, за деньгами. Интерес к познанию остался, но за чередой бытовых проблем заметно ослабел.

– Вот-вот, коллега, быт-то и заедает. Кто-то эту мысль уже озвучивал. А если взять да и принять постулат, что есть ценности поважнее денег, – первый из говоривших мечтательно взглянул вверх, куда-то к самому потолку, и продолжил:

– Не можем, то есть говорить-то можем. Сделать не можем, силы духа не хватает. Да и зачем выделяться, за сумасшедшего сочтут.

– Сумасшедшим, в этом смысле, быть не страшно, – воз-

разил второй, – страшно предать самого себя. Предашь себя и других начнешь предавать.

– Да-с, – согласился первый. – Это верно, предательство вокруг нас, и мы предатели. Если задуматься...

– Да не надо задумываться, коллега, нам с вами поздноватенько задумываться над этим.

– Поздноватенько, говорите? Может быть, может быть... Посмотрите, их уже четверо. Идут, вроде, верно, по крайней мере, две трети уже одолели. Мы с Вами, коллега, не идеалисты, а посему в своей норке копаем и не высовываемся, то есть, нам повезло – большую часть жизни без катаклизмов отмахали, а им еще жить и жить, – он указал на большой экран, где четыре метки медленно продвигались к надписи «выход», а одна отстающая двигалась вслед за ними.

– Эх, поздноватенько! Согласен, а всё же чего-то еще хочется, – и он лирично произнес:

– Играл на флейте гармонист.

– Что это вас, коллега, на лирику бросило?

– А так как-то, детство вспомнилось. Я в детстве на флейте играл. Учился. Потом забросилось все, увлекся матанализом и вот здесь оказался. А мог бы на флейте играть. Вот вспомнилось, и в меланхолию погрузился.

На очередном привале она спросила Венсу: «Чем закон-

чилась ее история о Бажене и Яри?».

Девчушка сидела на полу, поджав ноги, и, поправив повязку на глазах, снова просила:

– Значит, она ослушалась матери?

– Нет, не ослушалась. Все было не так, – и Венса, как бы не очень охотно, после небольшой паузы продолжила рассказ:

«Бажена открыла глаза, бездонное ночное небо сияло звездной россыпью. Яри стоял рядом и любовался ею. В ночи их тела выглядели таинственно красивыми. Две молодые фигуры парили на фоне звездного неба.

– Ты будешь моей женой? – шепнул ей Яри.

– Я твоя жена, – ответила она и прижалась к нему всем телом.

Старая луна поднялась над лесом. От ее сияния Гори-гора стала еще сказочнее. Костры почти потухли, слабый свет от догорающих углей еле был виден. Кромка леса вокруг вершины подсветилась серебристым сиянием и, казалось, весь воздух был пронизан чем-то торжественным и загадочным.

Быстрая тень мелькнула сзади Яри. Глухой удар она почти не расслышала, скорее почувствовала, что что-то тяжелое резко опустилось ему на голову. Яри обмяк и всем телом рухнул вниз в темноту».

Венса замолчала, обдумывая дальнейшие события.

– Кто его так? – настороженно прошептала девчушка.

Венса продолжила:

«На фоне луны стоял Черныш. Она не сразу распознала

его. Силуэт его с дубиной в руках застыл в ожидании ее реакции, а она, не обращая внимания на Черныша, склонилась над рухнувшим Яри, который лежал лицом в траву. Бажена судорожно

перевернула тело на спину и, держа в ладонях руку Яри, тихо стонала:

– Яри, Яри...

Яри не проявлял признаков жизни. Полуоткрытые глаза его смотрели куда-то высоко мимо нее. Она прижалась к его щеке, положила ладонь на грудь и пыталась уловить хотя бы малейшее биение сердца. Бездыханное тело постепенно отдавало тепло. Она оторвалась от него, когда холодная роса накрыла высокую траву на холме».

Венса замерла, показывая всем своим видом, что ее рассказ окончен. Несколько минут все молча переживали услышанное.

– А что было потом? – печально спросила девчушка.

– Потом все было просто: Яри похоронили на деревенском кладбище, Черныша отдали на выселки с запретом появляться в деревне, а Бажена так и осталась хозяйничать в доме, помогать матери-старушке да братьям.

Лучу приготовился идти дальше, но что-то его остановило, и он тихо заметил:

– На картине конец истории иной.

Венса внимательно посмотрела на него и ответила:

– На картине почти всегда не так, как в жизни.

Метров через пятьсот они почувствовали, что воздух стал чище. Немножко, совсем на малую толику, проявилась заметная свежесть. На очередном повороте, когда Лучу тщательно проскрывал отметку на стене, они разглядели еще один поэтический «шедевр»:

Гады-суки пионэры,
Вы живете как кроты.
С вас не будем брать примеры,
Раз туды твою, туды!

– Нехорошо так писать на стенках. Злостью зло не победишь, – смиренно произнес юноша. – Нам эти препятствия даны как испытания. Испытания духа нашего. Надо верить в добро. Оно всегда сильнее зла.

– Будем верить, – с еле заметной усмешкой ответил Лучу. – Кстати, не хотите ли вы когда-нибудь снять эти жетоны? – добавил он.

– А мы можем их снять? – удивилась девчушка.

– Можем, – уверенно заявил Лучу, – по крайней мере, надо сделать запилы, чтобы в подходящий момент от них освободиться.

– Но, позвольте, не мы их надевали и не нам их снимать, – беспокойно парировал юноша.

Разговор прервался, все обдумывали эти последние слова: «не нам их снимать».

– Но мы их получили не добровольно, – заметила Венса, –

что же ждать хорошего от насилия?

– Давайте снимем, – девчушка явно поддержала идею Лучу, и только юноша оппонировал, пытаясь оправдать свое несогласие:

– Без жетонов нас могут не допустить к Гуру.

Лучу, почувствовав, что юноша просто боится избавиться от жетонов, решил усилить свое предложение:

– Мы с Венсой уже сделали запылы, а вы, собственно говоря, можете оставаться и без них. Но когда вам захочется или понадобится сорвать эти железки, нас рядом может и не оказаться. Что ж, тогда вам останется только помолиться, – последнюю фразу он, конечно, сказал в адрес юноши и сразу пожалел об этом.

– Вы думаете, я трус, – обиделся юноша. – Я просто не очень уверен в себе, и без молитвы мне бывает очень нехорошо, трудно.

Снова наступила пауза. Все понимали, что пора идти дальше. Чувствовалось, что конец лабиринта близок, но юноша, похоже, что-то хотел сказать важное, и все затихли в ожидании его слов.

– Можно я помолюсь за всех за нас? И тогда вы сделаете надпылы, – он ждал ответа и заметно волновался.

Лучу ответил за всех:

– Можно, если это не долго, нам надо торопиться. Мы торчим в туннелях, наверное, уже более двух часов.

Юноша медленно, делая, казалось бы, ненужные паузы,

заговорил:

– Я редко прошу Тебя, потому что я боюсь, что Ты не услышишь... У Тебя так много забот. К Тебе обращаются страждущие. Нас много, очень много, и у каждого свое самое главное и насущное... Мне бывает очень стыдно, что я иногда не верю в Тебя... Мне хочется попросить за себя, но нет, просить себе я не буду. Нет. Не за себя я прошу. Я прошу за них... Я бы мог обещать Тебе, что если Ты исполнишь мою просьбу, я буду верить в Тебя всегда, но это сделка. Я не хочу сделки... Прими меня таким, каким я есть, и чтобы все... чтобы всем когда-нибудь повезло.

Они ожидали, что он вот-вот догонит их. Вслед за ними шел кто-то и пел какую-то чушь, иногда выкрикивая отдельные слова неизвестно в чей адрес. Они хотели было дождаться этого догонялу, но что-то им подсказало, что не стоит из-за него терять темп. Тем более, что выход по состоянию атмосферы в переходах был где-то рядом. Совсем близко, за поворотом слышалось:

Я первый, я смелый,
За мной пойдут другие...

Глухое эхо повторило последнюю строчку, а за ней после-

довало:

Я человек умелый,
Другие не такие...

Эхо дважды повторило:

Другие не такие...

– Другие здесь стоят, – мрачно прошипел Лучу. – Все скоро станут другими, если выберутся отсюда.

– Этот голос мне знаком, – прошептала девчужка. – Это Красик, поэт и балагур.

– Псих, – возразила Венса, – ненормальный Рыжик.

– Провокатор и некто, кому я бы не доверял, – добавил Лучу.

Из-за угла вывалился жизнерадостный, улыбающийся рыжий очкарик – Красик и, увидев их компанию, сразу посе-
р-резнул, прибавил шаг и, не доходя до них метров десять, заговорил, четко произнося каждое слово.

– Ожидал и дождался. Наконец-то, очередь к Гуру. Вы будете последний? – он обратился к юноше. – Тогда я за вами. Вы не будете возражать, что я буду за вами? Если кто-то подойдет, то вы скажете, что я за вами, а то вдруг мне не поверят. А вам могут поверить. Вы здешний, а я издалека, – он говорил и говорил, не останавливаясь, и юноше никак не удавалось вставить хотя бы слово. Он несколько раз пытался

что-то сказать в ответ, но каждый раз, как только он открывал рот, Красик уже начинал новую фразу.

– Надеюсь, остальные подтвердят, что вы последний? Вот вы, например, – Красик обратился к Венсе, – не будете возражать, что я буду за этим юношей и что я буду последним? О! Как приятно быть понятым. А то, знаете ли, не понимаем мы друг друга, отсюда и разногласия. Вот вы, например, – он указал на Лучу, – когда-то, может быть совсем недавно, были последним. А теперь кто вам поверит, что вы последний? Последний, ведь он, – и Красик снова повернулся к юноше.

– Вы можете подтвердить, что он уже не последний? Можете? Тогда вы обязательно, если вас спросят – он ли последний, этот юноша хорошего телосложения? То вы просто обязаны подтвердить, что он не последний, это ваш, так сказать, прямой долг, прямая, можно сказать, обязанность.

Похоже, Красика было уже не остановить. Он говорил и говорил, все убыстряя темп, и достиг такой быстроты слововещания, что перешел на скороговорки. Остальные уже с некоторым испугом наблюдали за его манипуляциями, которые тем более выглядели странными, так как не сопровождались ни жестикуляцией, ни мимикой. Казалось, что внутри Красика работает скороговорящая машина.

– А вы можете пропустить меня вперед? Мне очень нужно, ну что вам стоит, – Красик обращался уже ко всем. В интонациях его голоса появились плаксивые нотки.

– Мне очень, очень. Вы понимаете, когда очень, очень?

Бывают же такие минуты, когда нельзя отказать? Мне нельзя отказать. Просто нельзя. Это негуманно. Гуманизм это самое главное. Мы же с вами гуманисты. Жалость гуманна. Жестокость не гуманна. Гуманисты. Вы, конечно, гуманисты. Я тогда пойду вперед? Нет возражений? Нет? Нет возражений, – и он скоренько удалился по сумрачному коридору, повторяя последние слова:

– Нет возражений. Нет возражений...

– Что это было? – спросила девчушка. – Куда он ушел?

– Словесный понос, – ответила Венса.

– Он еще там в бункере замучил меня вопросами по телефону: «Что, да как?» И видите ли, дайте ему доказательства, что Он есть? А у меня нет доказательств. Надо просто верить, что Он есть, – юноша хотел еще что-то сказать, но Лучу прервал его:

– Надо идти. А он, точнее оно, этот Красик, может быть и не человек вовсе, но у меня тоже нет доказательств.

– Может, мне уже можно снять повязку? – спросила девчушка. – Скоро выход. Вы чувствуете, воздух стал свежим и пахнет по-другому.

– Да, духота ушла, – подтвердила Венса. – Но где этот выход? Этот дурацкий лабиринт сложно устроен. А вот псих, наверное, дорогу знает, умчался как вихрь.

Свежий воздух заметно улучшил настроение. Девчушка перестала бояться глухих коридоров и узких лазов.

– Я уже не страдаю этой клаустрофобией. А то разбоя-

лась, как маленькая девочка. Говорила мне мама: «Станешь взрослой, когда для других будешь делать больше, чем для себя», а я не знаю до сих пор, взрослая я или нет?

– Взрослая, раз идешь вместе с нами к Гуру, – ответил юноша. – Мы все здесь взрослые, опекунов что-то я здесь не заметил. Один Он нам всем опекун. Только у Него защиты надо искать, только Он...

– На Него надейся, а сам не плошай, – так часто говорила мама Эля, – перебил его Лучу.

– А без Него всё равно не обойтись, – юноша крепко держал девчущку за руку, и она с каждым шагом двигалась все увереннее по еще довольно узким коридорам.

На него они наткнулись так внезапно, что в Лучу, резко остановившегося, с ходу воткнулась Венса и, недовольная, что-то буркнула себе под нос.

Он лежал на боку, поджав коленки почти к подбородку, и, похоже, тихо спал с открытыми глазами. Лучу склонился над ним, зрачки Красика не реагировали на движение руки.

– Утомился псих, – иронично заметила Венса, заглянув через плечо Лучу. – Словами всех закидал и кончился. Спит как сурок в подземелье.

– Он не спит, он умер, – неуверенно сказал Лучу, – дыхание незаметно.

Лучу осторожно пощупал пульс.

– Странно, пульса нет, а рука горячая. Недавно умер.

Псих пошевелился и еле слышно, ни на что не реагируя,

заговорил:

– Нет возражений, нет возражений. Срочно нет возражений. Срочно зарядка. Нет возражений, – он еще с минуту что-то бормотал совсем неразличимо и окончательно затих.

– Точно умер, – прошептал юноша.

– Это ужасно, надо позвать кого-то, – девчушка испуганно прижалась к бетонной стене.

– Что будем делать? Надо его вынести отсюда, – предложила Венса. – Оставлять его здесь нельзя.

– Он не человек. Смотрите, – и Лучу несколько раз заслонил ладонью свет, падающий психу прямо в глаза.

– А что тут смотреть? – недоверчиво спросила Венса. – Псих лежит себе, не шевелится.

– У него зрачки от света сужаются. Видите, – Лучу еще несколько раз повторил манипуляцию со светом.

– Может, он не весь умер? – предположил юноша. – Душа еще не отошла.

– Никакой у него души нет. Если он умер, зрачки тоже должны умереть. Да и теплый он до сих пор. У него что-то сломалось. Он точно не человек, – Лучу еще раз послушал пульс. Проверил дыхание.

– Я не доктор и не знаю, что это такое. Можно, конечно, взять его с собой, я ведь могу ошибаться.

– Изделие приближается к выходу, – помощник в очередной раз зачитал сообщение.

– Хорошо, – одобрительно кивнул головой шеф и, не отрываясь от бумаг, спросил:

– Он идет первым или еще отстают?

Помощник еще раз заглянул в документ и ответил:

– Он идет с группой.

– С группой? – удивился шеф. – Это соответствует программе?

Помощник несколько помялся и после небольшой паузы ответил:

– Это не соответствует программе.

Шеф встал из-за стола.

– Это сбой или что-то еще? Что говорит руководитель проекта?

– Пока неизвестно, надо подождать, – ответил помощник.

Шеф прошелся вдоль стола, отпустил помощника и задумался:

– Если это сбой и кукла выйдет со всеми, что тоже неплохо, то, пожалуй, первые испытания пройдут успешно. А если это не сбой, то можно ожидать неприятностей. Что же в итоге? Остается только ждать.

Они по очереди несли психа, перетаскивали через косые лазы. Лучу и юноша через пару километров подустали, хотя Венса и девчушка пытались им активно помогать. Псих не разгибался, его пришлось так и тащить с согнутыми ногами. Лучу периодически останавливался передохнуть у очередного поворота или тупика, проверял состояние психа и каждый раз ворчал:

– Тащим неизвестно что. Мертвый, а не холодеет. Такой же теплый, как в самом начале. Бросить бы его из милосердия к нам или из-за гуманизма.

Юноша, поправляя очки на психе, укоризненно посмотрел на Лучу.

– Да, я понимаю, – отреагировал Лучу, – надо вынести его отсюда, а там врачи разберутся. Да снимите же очки с него, потеряем же или разобьем.

Венса, осторожно вытащив дужки из-за ушей, забрала очки себе.

– Смотрите, он закрыл глаза, – вскрикнула она.

Все уставились на психа, а он продолжал всё так же лежать неподвижно на полу, но только с закрытыми глазами.

– Он нас подслушивает, – прошептала девчушка. – Его пинэры подслали, чтобы следить за нами. А мы жетоны... – она осеклась и испугалась, что выдала всех.

– А зачем за нами следить? – нарочито громко сказал Лучу. – Мы идем и идем к Гуру. Никого не обижаем. Вот попутчик заболел, так мы его несем.

Всем стало как-то не по себе, и все одновременно подумали об одном и том же: «Псих мог догадаться, что крепление у них подпилено». И сразу всем захотелось этого психа бросить тут же, да еще стукнуть как следует. Присутствующие переглянулись, и даже юноша глубокомысленно молчал, ему тоже расхотелось тащить психа дальше.

Несколько минут все молча смотрели на психа. Он истрепался немного, рубашка его и штаны от перетаскивания сквозь узкие лазы порвались. Грязные пятна красовались по всей одежде. Одна щека была исцарапана до крови, видимо, задела ею где-то за шершавую стену. Весь вид психа вызывал жалость и, если бы не знание его сущности, они, конечно, тащили бы его и дальше без сомнений.

– Это что же, и поговорить теперь нельзя? – возмущенно прошептала Венса.

– Будем идти молча, – предложил Лучу, – столько тащили, бросать жалко.

– Да-с, коллега, сейчас деньги решают все. Вся полезность, в конечном счете, оценивается в деньгах. Шли к универсальному измерителю блага и уткнулись в деньги, и сразу

стало до жути скучно.

Они не спеша беседовали, изредка поглядывая на экран. До контрольного времени оставалось менее часа.

– Скучно? Пожалуй, не соглашусь с вами, коллега. Универсальный показатель и есть само благо. Звучит для романтиков, может быть, и не очень красиво: «деньги – благо», но в сущности, если отказаться от них, от денег, то это квазимеркантильное благо нечем будет измерить. Придется искать другой эквивалент.

– Да-с, насилуя себя, соглашаюсь, но очень не хочется. Изобрести, что ли, благометры? Кхе, кхе, смешно, наверное, – благометры.

– Смешно, не смешно, а изобретать придется, если решимся от денег отказаться.

– Может быть, моральный измеритель завести какой-нибудь, принять моральные законы, определяющие уровень блага, и соблюдать их? Соединить, так сказать, благо и полезность на моральном уровне?

– Профессор, дорогой коллега, вы лучше меня знаете, что это уже пробовали и ничего не получилось. Прошу прощения, я неточно выразился, удалось создать зыбкое равновесие между благом и полезностью через соблюдение моральных принципов. С тех пор и балансируем между добром и злом.

– Да-с, коллега, мы-то с вами что делаем, добро или зло? Где мы-то сейчас балансируем?

Неожиданно включился малый дисплей, и им пришлось

прервать этот разговор.

– Вот смотрите, коллега, хотят срочно получить экспресс-анализ причин объединения последней партии в единую группу.

– Так-с, так-с, терпения у эксесенства не хватает. Знают, что ничего нового не получают, а так на всякий случай дергают. Будем отвечать.

– Предлагаю перечислить все варианты с равной вероятностью и оставить графу: «иное».

– Неплохая идея, коллега, по крайней мере, на некоторое время от нас отстанут, – он взглянул на большой экран.

Метки остановились прямо напротив выхода за параллельным коридором.

– Пожалуй, через полчаса и выйдут.

– Да-с, коллега, могу завершить, с вашего позволения, нашу дискуссию следующей фразой: «Находясь внутри системы, понять или изменить ее сложно, что-то серьезно подправить не получится. Надо иметь стимулы и средства вне ее. А где их взять? И куда нам плыть...» – он не закончил свою мысль, видимо, не зная ответа.

Псих совсем изгрязнился. Да и они сами были не в лучшем виде. Одежда порядком испачкалась в грязных туннелях и проходах. Тела и лица, потные от духоты, в середине

пути явно требовали хотя бы мало-мальского туалета. Они сидели вдоль стены и смотрели в конец длинного коридора, где наверху у самого потолка слабо светилось табло с зеленой надписью «выход». Они уже несколько минут молча смотрели на эту надпись, и каждый, наверное, думал о чем-то своем, не решаясь разрушить каким-нибудь звуком, слишком банальным словом это великое удовольствие – молча смотреть на эту долгожданную надпись «выход».

– Потом, когда-нибудь, я напишу рассказ о том, как «высшие» люди ставят эксперименты над «низшими», – Лучу, как будто сам для себя, сказал эту фразу и добавил: – И будут над жителями нижнего мира издеваться... – он подбирал нужное слово, – издеваться жители верхнего мира, мурашам и нижних давить.

Остальные молчали и слушали его, и казалось, что остановились они здесь надолго, пока рассказчик не закончит свою повесть, а Лучу тихо говорил и говорил:

«Сегодня утром Билли проснулся очень рано. Сквозь маленькое слюдяное оконце еле-еле наметился рассвет. Забрезжило. Вставать не хотелось. Вчерашние мураши его вымотали вконец.

– Интересно, – подумал он, – забрали ли они всю его еду или кое-что осталось? Верхняя еда хорошо пахнет. Ее-то они уж умыкнули всю.

Он повернулся на бок. В хибаре наблюдался полный беспорядок.

– Надо бы встать, – подумал он, – если сегодня будет дождь, то они не придут, можно будет хотя бы чуть-чуть расставить все по местам.

Сильно болела шея, два боевика вчера придавили его клешнями.

– Эти мураши совсем обнаглели, – вспомнил он вчерашний день. – Не успеешь запасть едой, как всю ее умыкнут».

Лучу замолчал, тишина давила до звона в ушах. Все ждали продолжения, но Лучу встал, постучал кулаком по глухой стене и с облегчением, громко крикнул:

– Прощай, бетонное чудовище, мы нашли выход.

Он легко подхватил скрюченного психа на руки и, увлекая остальных за собой, зашагал навстречу светящейся надписи.

Яркий свет ударил им в глаза. Кто-то, наверное, из пионэров забрал у них психа. Их молча, цепочкой, подправляя движение с обеих сторон, препроводили в отдельные комнаты, похожие скорее на лаборатории, чем на жилье. Им предоставили возможность помыться, привести себя в порядок, переодеться во все новое, чистое, похожее на форму пионэров. И буквально через час вся четверка сидела в мягких креслах полузатемненного зала, где у дальней стены под прозрачным колпаком лежал старый человек, окутанный проводами с незнакомыми приборами.

Дежурный пионэр, появившейся откуда-то сзади, кратко пояснил:

– Гуру сам ответит на ваши вопросы. Вам ничего не надо

делать, он читает мысли. Ответы будут продублированы на экране, – пионер указал на боковую стену и удалился.

Они с любопытством рассматривали Гуру. Он лежал неподвижно. Глаза были закрыты, и если бы не редкое, едва заметное движение груди, то могло показаться, что перед ними мертвец. Лицо морщинистое, белое, с желтоватым оттенком, абсолютно застывшее, походило на маску.

Гуру молчал, а они, не двигаясь, застыли в ожидании дальнейших событий.

На экране появились первые строчки:

– Бог есть в каждом из нас. В одних его больше, чем в других. Я бы мог сказать, что Бога нет, но это будет неправдой. Неправдой, прежде всего, для тех, кто чувствует в себе его присутствие.

Кому-то из них хотелось еще что-то спросить, но на экране появились новые слова:

– Что такое любовь – не знает никто. Каждый понимает ее по-своему, и этого достаточно, чтобы любить и быть любимым.

На экране неожиданно появилась строка:

– Играл на флейте гармонист... – и исчезла, а за ней поплыли слова:

Широкий круг вокруг костра,
Гуляли, пели до утра.
Поэт был ярок и речист,
Играл на флейте гармонист.

Любовь витала средь людей,
Как стая диких лебедей,
Плыла над чудною горой,
Пугая девушек порой,
Печальным звуком от небес,
И серебрился старый лес...

Несколько секунд экран был пуст, а затем появился текст:

– Там, на Гори-горе, была любовь, и среди вас она есть.

Строчки на экране торопливо сменяли друг друга:

– Смысл жизни в продолжении жизни. Это кажется примитивно, но это так и есть. Я могу вам сочинить красивый ответ, который вам понравится, но он не будет правильным. Вот он: «Смысл жизни в поисках смыслов, в том числе в поиске смысла жизни».

– Он опять им рифмы написал.

– Это уже было, – последовал ответ.

– А о смысле жизни? Как тебе понравился ответ?

Они оба еще раз взглянули на экран.

– Не обнаружил логики, – заявил первый.

– Смысл жизни – это «Всегда готов», – подвел итог второй и продолжил:

– Нет смысла в бессмыслице поиска смыслов.

– Их четверо, ему надо выбрать одного. Он сможет? – спросил первый.

– Для этого он здесь и лежит, – ответил второй.

– Ему еще работать, – первый взглянул на таймер, – сорок пять минут.

– Мы можем не читать? – спросил второй.

– Можем. Сигнал мы не пропустим, – согласился первый.

Они перебрались в обеденную.

– Ты видел одного, они вынесли неживого? – спросил первый.

– Да, жалко, а то было бы пять.

– Ему больше работы, – заметил первый.

– Да, больше, – согласился второй.

– А нам? – спросил первый.

– Нам всё равно, – ответил второй, – всё равно ждать сигнала.

– Будь готов!

– Всегда готов!

В нише автомата появились две чашки обеденной еды.

Они сначала не поняли смысла этого вопроса на экране:

– Зачем мы здесь?

Но потом, когда появился следующий текст, понимание пришло, Гуру воспроизвел вопрос, который кто-то из них

мысленно задал ему.

– Зачем вы здесь? – Гуру изменил вопрос, как будто хотел получить ответ от них.

Наступила пауза. Несколько десятков секунд этот вопрос не исчезал с экрана, и показалось, что Гуру ждет ответа от них. Они затаились и не знали, что делать. Как реагировать на такую ситуацию? Лучу, сидя в кресле, наклонился вперед и только успел произнести одно слово: «Мы...», как на экране появились новые строчки:

– Сначала вы хотели увидеть Гуру. Что это за диковина такая? «Все к нему стремятся, а чем я хуже?» – так рассуждал каждый из вас. Конечно, вы уговаривали себя: «Я задам Гуру очень умный вопрос и получу мудрый ответ» – вот и вся ваша официальная мотивация. Кто-то сейчас из вас, кажется самая младшая, пытается мне возразить, мол – «я шла к Гуру за истиной». И это, к сожалению, неправда. Вам, да и остальным истина не нужна. Не возмущаетесь, милая девочка, вы чистый человек, но я обязан вам и всем сказать, что истина не нужна. Истина это конец всему, это – смерть. Это не очень приятная мысль, похоже на парадокс. Как же, все всегда хотят знать правду или истину. Все без исключения. А узнав одну правду, стремятся тут же узнать другую. Стремиться к истине всю жизнь, а зачем? Если она не нужна? Парадокс. Это также странно, как стремиться жить, а на самом деле стремиться к смерти. Парадокс.

Гуру замолчал. Молчали и они. Слова на экране не прини-

мались разумом. Мозг не хотел это переваривать: «Нет смысла искать истину». «Нет и нет. Гуру ошибается, Гуру неправ. Этот, лежащий за стеклом, человек болен, а разве может больной быть мудрым?» – так, наверное, думали они, – «Болезнь этого старика может вызвать мизантропию. Гуру мизантроп. Вот это – парадокс».

– Это хорошо, что вы не поверили мне, засомневались, – строчки на экране быстро сменяли друг друга. – Но только один из вас попытался развить эту неприятную мысль об истине. Я обязан об этом сообщить вам. Вот это развитие: «Истина – это постоянный поиск и постоянные сомнения. Как только исчезают поиск и сомнения, появляется догма».

На экране снова появился вопрос: «Зачем вы здесь?» и вслед за ним побежали строчки, которые они едва успевали читать:

– Вы ищете смыслы, значит вы на верном пути, куда бы вы ни шли. И не обязательно идти к Гуру, главное – дорога, а не цель. Главное поиск. Вы снова сомневаетесь: «Как же жить без цели? Искать, не зная что?». И снова, и снова я говорю: «Вы на верном пути».

Экран погас. Они подумали, что аудиенция закончена. Но вот снова побежали быстрые слова:

– Я должен выбрать одного, таковы правила. Мне очень жаль, но я должен выбрать одного. Я чувствую, что вы волнуетесь, но я должен выбрать одного.

Экран снова погас, и они поняли, что что-то сейчас мо-

жет произойти. Их могут разделить. Кого-то из них могут отнять, выдернуть их из команды, которая прошла этот дурацкий лабиринт.

– Вы все достойны победы, – слова снова побежали по большому экрану. – Вы все можете считать себя новым началом. Новым смыслом. Я прошу внимательно, очень внимательно... – на экране появились пробелы, – прочесть эти строчки:

Зачем советы вам? Зачем ответы?

Пойдете новым вы путем,

И очень старые заветы

Вы не возьмете в новый дом.

Одно скажу вам: «От иллюзий

Бегите, словно от огня».

Несметно есть у вас оружий,

И что вам толку от меня?

А мне пора. Покоя просит

Моя усталая душа.

За третьей стенкой, где выносят

Заветный румпель для меня.

Направо и еще направо

Надежда есть, она моя,

Вам доверяется она.

Нажать так просто, и гармошка

Навеки может замолчать.

А флейта? Что ж, она немножко

В чужой душе и пропищать.

– Уходите все. Начните все снова. Вы сможете.

Экран погас. С минуту они сидели не шелохнувшись. Первым встал Лучу. В зале ничего не происходило. Все также в полумраке, у дальней стены, лежал он за стеклом, окутанный проводами, только не светился большой экран, на котором они только что прочли его последние слова: «Вы сможете».

– Нам надо бежать, – шепот Лучу вывел всех из оцепенения. – Помните его строчки: «Заветный румпель для меня. Направо и еще направо».

– Вот там должен быть выход.

– Вы понимаете, что это серьезный провал? – шеф почти что кричал в трубку. – Немедленно организуйте поиск. Привлеките военных, они эти места знают. Что? Пионэры? Пусть сидят на месте... – шеф хотел добавить крепкое словцо, но в кабинете появился помощник.

– Что с изделием? – спросил недовольно шеф.

Помощник ответил:

– Возвращен в Центр генерации.

– Хорошо, – остывая от эмоций, отреагировал шеф.

– В чем же причина отказа? – спросил он снова.

– Пересыщение смыслами. Так, по крайней мере, предва-

рительно доложил руководитель проекта, – ответил помощник.

Шеф пристально посмотрел на него и, кивнув головой, позволил ему удалиться.

– Пересыщение смыслами, – повторил он. – Странный диагноз. Смыслов у них чересчур много, а ответственности не хватает.

Шеф почти успокоился:

– Починят, – подумал он, – а пропавших надо искать. – И подвинул к себе красный аппарат.

Связь с командующим работала безукоризненно. В обычных обстоятельствах он называл командующего по имени. По рекомендации шефа Совет назначил его человека на эту должность всего лишь год тому назад. Но сейчас шеф обратился к нему весьма официально:

– Прошу вас срочно организовать группу поиска сбежавших претендентов в районе вашей базы, – и он назвал координаты. – Моим местным я уже дал поручение. Прошу поддержать силами и средствами.

Загудел белый аппарат.

– Да, слушаю вас, – шеф прижал трубку к уху.

– Да, имеются некоторые трудности.

– Да, вы правы, необходимы кардинальные меры.

– Спасибо, до свидания.

Шеф положил трубку и проворчал:

– Уже кто-то накапал. Нет покоя от этого управленческого

хаоса.

Они пересекли пару рвов, заросших молодыми деревцами. Прошли полем, сплошь усеянным разнотравьем с обширными пятнами диких цветов, и через полчаса вошли в низкорослый лес. Моросил мелкий дождь. Низкая облачность накрыла всю местность, и казалось, что редкие высокие деревья почти касались сплошного серого ковра облаков. Хотелось остановиться, укрыться от этой назойливой мокроты, но Лучу подгонял всех идти дальше и дальше. Опасаясь погони, он не делал остановок, и они подчинялись ему, хотя усталость уже ощущалась. Девчушка начала отставать, и ему пришлось сбавить темп. Чем дальше они уходили от бетонных развалин, тем гуще и выше становился лес. Пока что изредка, но уже появлялись места, сквозь которые приходилось продираться или обходить их стороной. Иногда они натыкались на завалы старых, полусгнивших деревьев у заросших воронок. Лучу отмечал для себя, что это прошлые следы деятельности военных, значит они еще находятся в зоне заброшенного полигона. Через два часа похода команда вымоталась вконец. В изнеможении все упали под могучей кроной большого дерева на почти сухую подстилку. Здесь было не так сыро, как на открытом месте. Минут пять все молчали, восстанавливая дыхание и иссякнувшие в дороге

силы. Первым подал голос юноша:

– Зачем нам тащить эти железки, мы что, собираем лом? – он был явно недоволен своей ношей. – Я понимаю, что ржавый топор, может быть, и пригодится, конечно, если мы собираемся жить в лесу. Мы разве собираемся жить в лесу?

Ответа не последовало. Остальные не знали, где они будут жить в ближайшее время. Юноша продолжил:

– Я лично не хочу болтаться в этих дебрях. Надо найти дорогу к какому-нибудь селению и вернуться в город.

Венса потрогала сломанный багор, лежащий рядом с ней, и, стараясь быть равнодушной, спросила:

– А ты знаешь дорогу к селению? Если знаешь, так покажи, не томи нас, знаток этой местности. – Она, похоже, была раздражена болтовней юноши. – Может, ты помолишься и увидишь выход из леса?

Юноша молчал.

– Зачем ты так? – обратилась к ней девчушка. – Он просто устал. Сейчас отдохнем немножко и найдем какую-нибудь дорогу, – она, конечно, ждала, что скажет Лучу.

Дождь почти перестал, серое небо немного посветлело. Где-то далеко от них послышался гул вертолета. Звук приблизился и ушел в сторону.

– Вот и вертолет. Надо было выйти и помахать ему, – обиженно произнес юноша.

Лучу молчал, он думал: «Правильно ли я сделал, что увел всех из бункера? Куда теперь идти? Идти к людям, а где здесь

люди? Один лес на много километров вокруг».

Они снова услышали вертолет. Теперь он прошел почти над ними. Лучу загадал: если вертолет в третий раз пролетит рядом, значит их ищут. Вертолет в третий раз прошел в стороне от них.

«Они, наверное, нашли жетоны в колодце и уже определили, что там нас нет», – подумал он. – «Догнать по следам им вряд ли удастся, полдня шел дождь».

– Лучу, – она тронула его за плечо, – не молчи, скажи, что нам делать? – Венса прижалась спиной к стволу и внимательно оглядела всех.

– Для начала неплохо бы чем-нибудь подкрепиться, – ответил он.

– Подкрепиться? – с недоверием спросил юноша. – Что-то кафе или ресторана здесь не наблюдается.

– Вот это можно есть сырым, – Лучу отклонился назад и сорвал светлый гриб, – попробуйте.

Венса осторожно взяла гриб, надкусила, медленно прожевала и проглотила кусочек.

– С голодухи можно есть, – она передала гриб юноше.

Лучу встал, обошел дерево со всех сторон, нарвал похожих грибов:

– Немножко подкрепимся этим, а дорогой еще что-нибудь раздобудем. Здесь, наверное, и ягоды есть. А железки нам пригодятся и ведро мятое, что мы нашли в развалинах. Неизвестно, сколько по лесу идти придется. И еще, ворчание вся-

кое прошу прекратить и не дуться друг на друга. Вместе мы, может быть, и выживем, разбежимся, пропадем поодиночке. А вертолет нас, пожалуй, искал. Да только не для того, чтобы в ресторан доставить. Если этот умный старик Гуру сказал: «Уходите все», значит там оставаться нам было нельзя.

Наступила тишина. По кронам высоких деревьев прошелся легкий ветерок. Все молчали, сознавая, что Лучу, возможно, и прав, но неизвестность, опять эта неизвестность пугала всех.

– Ты отключил Гуру. Зачем? – спросила Венса.

Лучу тихо ответил:

– Строчки его последнего стихотворения помнишь? Он об этом сам просил. Устал он.

Они отдыхали уже более получаса. Небо разъяснено. Выглянуло солнце. Настроение понемногу улучшилось, и беглецы не спеша двинулись подальше от полигона. Только на третьей сутки, спускаясь с холма, они разглядели вдали полосу воды.

– Вот мы и дома, – устало сказал Лучу. – Наш дом там, – и он долго смотрел туда, где среди глухого леса бежала большая вода.

– Ты умеешь строить дом? – спросила Венса, оглядывая горизонт, где лес уходил сплошным зелено-синим ковром прямо к дальним облакам.

– Я умею жить на реке, – ответил Лучу.

Они, измотанные скитаниями по лесным дебрям, медлен-

но двинулись вниз. Он шел навстречу реке и мысленно повторял его слова: «Мы новое начало. Мы новый смысл».

Остальные шли рядом. Венса робко спросила его:

– Ты веришь в Бога?

Он ответил:

– Мы будем жить так, как будто он есть.

Эпилог

Билли нехотя встал, натянул старый комбинезон и посмотрел в треснувшее зеркало. Лицо требовало ухода. Он долго искал среди разбросанных вещей старую бритву, которую с год назад ему подарила Шилли. Бритва нашлась в сношенном ботинке, видимо, в суматохе набега, она упала туда с полки. Билли поскрябал отросшую за ночь щетину и, глядя на себя в зеркало, подумал:

– Надо бы заказать у мурашей новые ботинки, старые истрепались в хлам.

Он не спеша расставлял вещи на свои места. Верхней еды нигде не было. Он проверил все закоулки, тайные места, заглянул даже в дупло, сделанное когда-то в бревне, и там, кроме старой трухи, ничего не обнаружил.

– Все умыкнули, заразы, – пробормотал он себе под нос, – придется копать, – и, подхватив старую лопату, вышел в огород.

Денек задавался неплохой. Солнце только что открылось из-за леса и потихоньку разогревало его плантацию. В это лето нижняя еда росла быстро, сочная зелень заполнила все огородное пространство.

– Надо бы лес порубить, – подумал он, разглядев между зеленью нижней еды молодую поросль, протянувшуюся от края леса, окаймлявшего огородное поле.

Он выкопал пару клубней, подумал: «На завтрак, наверное, хватит» и вернулся в хибару. Внутри жилье выглядело уже не так страшно, как тогда, когда он проснулся. Правда, еще не все стояло на своих местах, но первые лучи солнца, проникавшие через оконце, веселили глаз. Настроение Билли улучшилось. Он очистил один из клубней, отгрыз от него немного и проглотил сладкую, чуть горьковатую массу. Еда ему понравилась, и он подумал:

– Надо бы второй клубень отнести Шилли.

Билли не был у нее уже целую неделю:

– У Шилли плохой огород, у нее есть две вонючки, которых она пасет и стрижет с них шерсть. Странная эта Шилли, живет с вонючками, но зато может шить и ремонтировать комбинезоны. Он обязательно пойдет к ней сегодня. Ему давно пора бы отремонтировать свой выходной комбинезон.

Билли окончательно спланировал свой сегодняшний день: «Сейчас после завтрака он пойдет к Шилли со вторым клубнем и выходным комбинезоном. По дороге через белый лес он соберет немного верхней еды. Часть еды он подарит Шилли, а часть спрячет в хибаре. Если завтра не придут мураши, у него будет хороший обед».

Шилли сидела во дворе и чесала шерсть. Две вонючки болтались за огородом на лужайке и щипали траву. Сразу за покосившейся калиткой, на почтовой доске стояла сломанная деревянная машина Шилли, на которой она делала нитки. Билли осторожно обошел деревяшку и тихонько подо-

шел к Шилли с боку.

– Сухой погоды, хозяйка, – как можно более ласково обратился он к Шилли.

Шилли сделала вид, что не замечает его, и продолжала трепать комок шерсти. Он заметил, как от волнения бьется пульс у нее на шее.

– Опять, наверное, сердится, – подумал он, – все-таки неделю не виделись.

Билли зашел к ней спереди и положил на траву клубень и горсть красной висючки. Она мельком взглянула на дары и продолжила возиться с шерстью.

– Шилли, это тебе, ты же любишь висючки, – жалобно произнес он, – сегодня немного, но я принесу еще.

Шилли отвернулась в сторону, якобы взглянуть на вонючек, и грустно сказала:

– Деревяшка сломалась, ниток не будет.

Он кивнул головой.

– Я видел, ты заказала ее к обмену.

Она повернулась к нему, подобрала пару висючек, одну попробовала на вкус.

– Уже спелые, можно собирать. Ты опять понесешь их домой? Мураши отберут, – она съела несколько висючек.

– У тебя они тоже были? – Билли оглядел двор. У стены дома в беспорядке валялись какие-то вещи.

– Да, вчера, когда не было дождя, как сегодня. Всю шерсть забрали.

– Ты не починешь мне комбинезон?

– Починю, – ответила она, – у меня немного осталось. А зачем ты висючки спрятал в карман? Сегодня солнце, отберут ведь.

Билли похлопал ладонью по оттопыренному карману и предложил:

– Давай сейчас все и съедим.

Он высыпал остатки висючек в траву, и за пару минут от них не осталось и следа.

– Недавно приходил Пилли, – сказала она, обтирая рот.

Билли насторожился, месяц назад он с Пилли сильно поспорился. Он даже запомнил, как заехал Пилли в глаз и Пилли не стал больше ссориться

– Он принес немного белой веселки, мы попили чуть-чуть, больше он не смог, – она улыбнулась, наверное, вспоминая веселку, – мураши отбирают.

Билли подумал: «Надо бы помириться, только у Пилли одного в округе получается такая веселка из светлых кудряшек».

Солнце выключилось, стал накрапывать мелкий дождь.

– Зря съели всю висючку, – подумал Билли, – мураши уже не придут.

Они вошли в хибару. Ему нравилось бывать у Шилли внутри, она умела делать внутри красиво – везде на бревнах торчали луговые ростки разных оттенков. У себя в доме у Билли так хорошо не получалось.

– Ты пойдешь в воскресенье на площадь? Должны все прийти, – она перечислила всех их ближайших соседей.

– Ты забыла Пилли, – сказал он сердито, – он что, не придет?

– Пилли тоже придет, если мураши не перехватят, – ответила она. – Прошлый раз, помнишь, он без веселки пришел? Скучно было.

– Я этих мурашей очень не люблю, – проворчал Билли, усаживаясь на старый пень у стены, – я их так не люблю, что иногда хочется залезть к ним по дороге, да высоко уж больно, сорваться можно.

– Пилли их тоже очень не любит. Он говорит, что их кто-то за небом насылает на нас, – она почистила клубень и, сидя на лежанке из прошлогодней длинноты, с удовольствием грызла твердую плоть.

Он еще немного посидел у Шилли. Пора было идти к себе. По мокрому лесу ходить было скучно, но зато мурашей совсем не было.

– Ну, я пошел, – сказал он, вставая.

Она оторвалась от клубня и, кивнув ему головой, пробурчала сквозь полный рот сладко-горьковатой массы:

– За комбинезоном приходи после завтра.

Дорогу через лес он очень хорошо знал. К Шилли он заживал чаще, чем к другим, она ему нравилась, хотя эти вонючки не очень. Вот он прошел мимо старого раскидая, который каждую осень становился ярко красным. Обогнул

большую поляну с висючками. Собрать их на дожде ему что-то не захотелось. А вот там, справа за болотиной, он это точно знал, стояло высокое дерево до самого неба – их дорога. Он во время дождя из любопытства иногда подходил к нему. Воняло оно ужасно, хоть нос затыкай. Он из-за этого и стоять-то долго около него не мог. Дождь усилился, и он подумал, что сейчас воняет, наверное, меньше, чем обычно. Он машинально свернул к болотине. Высокое дерево было на месте. Кора на нем почти облупилась.

– Эти заразы и кору-то, наверное, сдирают, – подумал он, осторожно пригнувшись.

Запах чувствовался, но как он и ожидал, не очень сильно. Дерево уходило куда-то вверх за дождь. Старые ветки на нем уже давно были сломаны, от них остались одни небольшие сучки.

– Залезть на него несложно, – подумал он, – но что там дальше на вершине? Мураши могут устроить засаду. Неизвестно, есть ли там дождь? – Он продрался через часток кол веток и остановился, чтобы передохнуть. Земля внизу была еле видна. Ладони его сильно пахли, да и весь комбинезон благоухал этой гадостью, которой мураши замазали дорогу. Билли сидел на толстой ветке под дождем и ждал когда вода, хотя бы чуть-чуть, смоет эту вонь. Он посмотрел вверх, ствол уходил куда-то в дождь и он подумал:

– Стоит ли ему сегодня тащиться туда вверх, когда в хижине никого нет? А вдруг к нему пришел Пилли мириться,

а его там нет. Это нехорошо.

Билли загрустил и уже хотел было вернуться, но ему стало жаль потраченных сил на эту дорогу, и он решился двинуться дальше. Когда ствол стал тоньше, чем бревна его хибары, он разглядел небо. Белая, свисающая сверху бахрома сочилась каплями воды, постепенно набухающими прямо на глазах и падающими вниз дождем. Рядом с тем местом, где ствол упирался в небо, он обнаружил круглый лаз, закрытый пробкой изнутри.

– Вот вы где, мураши, живете, – пробормотал Билли и удобнее закрепился на стволе рядом с норой мурашей.

Воняло здесь очень сильно. Временами от запаха у него кружилась голова и он, чтобы не упасть, как можно крепче держался за ветки и ствол. Отдышавшись, он наломал несколько острых сучков и вбил их в лаз поверх пробки.

– Пусть попробуют вылезут, заразы, – с остервенением шептал он, втискивая острые сучья в зазор между пробкой и лазом.

Здесь, наверху, помимо запаха, его окутала ужасная духота и сырость. Работая с сучьями, Билли измотался и еле держался на стволе. Неожиданно дождь прекратился. Засветило солнце с той стороны, где должен быть вечер. Небо подсохло, последние капли упали вниз и исчезли. Проступили очертания леса. Сквозь кроны деревьев он разглядел и болотину, и вдали свою хибару, которая с этой высоты казалась маленькой желто-коричневой песчинкой на фоне мокрого зеленого

ковра.

Билли в последний раз посмотрел на свою работу, лаз замураван был изрядно, и неторопливо стал спускаться вниз. К себе в хибару он добрался уже, когда солнце погасло.

Последние два солнечных дня мураши не появлялись.

– Разбирают мою затычку, – подумал Билли.

Он за эти дни насобирал много верхней еды. Запрятал ее, замаскировал как мог и целый день возился в огороде, убирая лишний лес. Мураши пришли вечером, когда солнце собиралось выключиться на ночь. Двое из них остановились у лаза в огород и наблюдали за Билли. Они выставили свои острые морды в его сторону и, шевеля усами, застыли на своем посту. Остальные шуршали внутри хибары. Вскоре вся их бригада, держа в жевалах все, что они нашли, двинулась цепочкой в лес. Двое дежурных, дождавшись, пока последний носильщик скрылся за деревьями, развернулись и последовали за остальными.

Билли бросил огород и вернулся в хибару. Обычный после мурашей беспорядок встретил его внутри. Все валялось в разных местах, и только в углу толстый слой зелени от нижней еды был не тронут. Он осторожно разобрал крупные листы и внизу у самого пола нашел горку нетронутых грызулей, которые в это время года были очень вкусны.

– Ага, заразы, вам новая зелёнка от нижней не нравится. Учтем, – и он снова завалил зеленью верхнюю еду.

– Завтра он обязательно пойдет к Шилли, комбинезон, на-

верное, уже готов, – подумал Билли, – по дороге он соберет ей побольше грызулей, а на обратном пути он обязательно, если будет дождь, снова заткнет мурашей. Только надо внизу насобирать острых сучьев, там наверху их с прошлого раза осталось мало.

– Он когда-нибудь победит мурашей? – спросила Венса.

– Не знаю, рассказ еще не закончен, – ответил он.

– Их нельзя победить, – включился в разговор юноша, – их много, а Билли один.

Девчушка вздохнула и как-то легко и радостно продолжила:

– Хорошо, что мы вместе, и у нас нет мурашей, – она поправила огонь в очаге и добавила: – Сегодня надо выспаться, завтра у нас много работы. Надо готовиться к зиме.

28.01.2014 – 06.07.2014.